

Путешествие семьей по Африке — год в пути

Санкт-Петербург

2016

Владимир Снатенков, Елена Снатенкова, Павел Снатенков, Дарья Снатенкова, Александр Снатенков. Путешествие семьей по Африке — год в пути. — СПб: ИПК БИОНТ, 2016. — 464 с.

ISBN 978-5-904681-31-9

ISBN 978-5-904681-31-9

© Снатенков В. А., 2016 г.
Все права защищены.

Предисловие

Африка — прародина человечества. Археологи уже больше столетия находят на континенте многочисленные стоянки древнего человека, а антропологи изучают и спорят по поводу многочисленных африканских находок. На скалах в Калахари, в намибийских пустынях и особенно в Сахаре с середины XX века обнаруживались поразительно художественные наскальные рисунки, сохранившиеся в тысячелетиях благодаря сухому климату. Упрямый французский ученый Анри Лот в 50—60-х годах провел в Сахаре несколько лет и вывез на показ всему миру удивительную выставку наскальной живописи первобытных людей, живших 7, 10, 15 тысяч лет назад. Ученый мир потрясла сенсация. Оказывается, в пору оледенения Европы Сахара была цветущим краем; повсюду люди каменного века охотились на жирафов, носорогов, диких буйволов, антилоп и отразили сцены охоты на скалах мастерскими рисунками. Охотники тогда еще не строили жилищ и укрывались от невзгод в пещерах у общего очага. Рисунки рассказали нам, как жил человек в доисторическую эпоху. С окончанием ледникового периода Сахара потеснила охотников, но, без сомнения, древнейшая цивилизация Египта на Ниле создавалась ее бежавшими от засухи обитателями. Наскальные рисунки и письмена разных эпох теперь найдены на всех обитаемых материках и довольно подробно изучены. К сожалению, в наше время узкой специализации не нашлось ученых, обобщивших все эти рисунки пещер, гротов и скальных стен из разных стран. Еще не создано собрание всех найденных наскальных рисунков и петроглифов земли. По ним можно было бы составить многотомную книгу доисторического человека. Историческая эпоха Африки больше изучена и очень велика, хотя широко не известна массовому читателю. Она открывается египетской цивилизацией. В Средневековье по всему континенту развиваются государства и возникают города. Сведения о них и размышления ученых составляют целые библиотеки. Но сегодня, в пору массового туризма, Африка увлекает нас еще затерянными ландшафтами, уникальным животным миром и несравненным этническим многообразием народов.

Часть Первая

Подготовка путешествия

Владимир

У нас путешествующая семья. В прошлом, работая в школе и занимаясь альпинизмом, я параллельно с преподаванием всегда водил школьников в походы. Лена — моя жена — тоже часто ездила со мной в школьных и взрослых группах. При таком образе жизни родителей дети наши были обречены полюбить путешествия. Они уже были с нами в Индии, Китае, Северной Африке, ходили в походы по России и Европе. Почему бы не отправиться семьей на год в большое путешествие по Африке — самому экзотическому континенту. Как раз на учебный год, вместо учебы в школе. Дети у нас уже такого возраста, когда надо ехать: Паше 14, Даше 12, Саше 9 лет. Они способны по возрасту взять в толк увиденное, а позже их не организовать: станут взрослее и разбегутся. Можно предполагать три основных препятствия для долгого путешествия в далеком крае: нужны деньги, непросто выстроить безопасный маршрут по африканским странам и решить вопрос с учебой детей. Когда окончательно созрело наше намерение ехать, возникло множество других вопросов, но в первую очередь нужно было решить эти, главные.

Идея о большом путешествии возникла за год до старта. Чтобы копить деньги, нужно было ужаться в потребительстве. Мы надеялись на палаточный быт и примус, на дешевый общественный транспорт и по возможности сэкономили деньги для предстоящей

поездки. Тысяча долларов в месяц на семью — предполагаемый расходный бюджет поездки. Двенадцать тысяч долларов в год. Покупают же люди машины за такую цену. Пусть у нас вместо машины будет Африка.

Планировать маршрут — это уже путешествовать. Горы, великие озера и реки, национальные парки с животными и людская многоликость будоражат воображение при просмотре карт и чтении книг: все хочется увидеть. Возможные опасности в пути остужают фантазию — ехать ведь с детьми. Странствовать по третьему миру не всегда просто. Немалая часть мира живет в нищете и около «горячих точек». Путешествиям препятствуют всесильная бюрократия, бандитизм, войны за нефть, уран, алмазы и прочее сырье, вездесущий криминал, вырастающий до главных государственных постов. Все это характерно любому континенту, но в Африке больше всего опасностей такого рода. Телевидение еще рассказывает про львов, крокодилов и змей (популярный экстрим на диване), но мы подозревали, что не животные нападают на людей, а, наоборот, туры к ним в национальные парки могут стоить больших денег.

По мере высиживания вечерами за картами я обводил черными чернилами опасные регионы, где воюют или хозяйничает криминал; также отмечал страны, тяжело доступные визовой бюрократией, в которых можно купить только тур на поводке у гида и запрещено путешествовать самостоятельно. Получалась своеобразная карта, показывающая, что почти вся середина континента не для мирных и финансово скромных намерений туристов. Алжир, Ливия, Нигерия, Чад, ЦАР (Центральноафриканская республика), Конго (Киншаса), Ангола, Сомали перегораживают военными конфликтами, бандитизмом и сложными визами громадные площади материка. Опасны также крупные города гвинейского побережья, Южный Судан, ЮАР с «белым и черным» расизмом. Туры за умопомрачительные цены возможны в любом регионе, но это уже не Африка, а вояж для снобов. И все же большая часть континента посильна для самостоятельных путешествий, если к ним подготовиться и избегать навязчивого сервиса.

Мы помещаем сюда вольно нарисованную карту действительно проделанного нами маршрута, в которой также обозначены страны, нелегкие для путешествий. Нитка маршрута, может быть,

будет интересна тем, кто соберется в Африку (карту смотрите в фотографиях).

Об Африке, несмотря на изобилие книг и фильмов, известно меньше, чем о других континентах. Большинство книг пестрит чудесами и «тайнами», а телевидение пугает заразами. В школе, несмотря на долгое изучение географии, истории и даже страноведения, не выучиваются главные географические названия и совсем не усваиваются сведения о самых многочисленных народах. Сахара нам кажется сплошными песками, изнуряющая путника жарой. Но это не так. В середине Сахары есть три огромных нагорья, каждое из которых тянется почти на тысячу километров, и они высоки, как горы в сибирских Саянах. Зимой на плато и вершинах (Тибести, Ахаггар, Дарфур) величайшей пустыни температура опускается до минус 15 градусов и лежит снег. Ближе к тропикам Эфиопское нагорье поднимается выше Алтая, а изрезанный пропастями массив Сымен (4620 м над уровнем моря) является геологическим чудом. Вулкан Килиманджаро — выше Эльбруса, вершины Кения и Маргарита такие же, как Арарат; Атлас и Драконовы горы тоже высокие; притом хребты Атласа зимой полностью покрыты снегом. В Африке есть беспримерный по величине кратер Нгоронгоро диаметром 22 километра, внутри которого водятся стада диких животных и стаи редких птиц. Разрекламированный японский вулкан Фудзияма не идет ни в какое сравнение с вулканом Карисимби (4507 м), имеющим не менее красивый конус; действующие вулканы горной цепи Вирунга изливают лаву в озеро Киву — одно из прекраснейших в Африке. Это только горы. Река Нил — самая длинная в мире; при этом бассейн верхнего Нила является особой природной зоной, делящейся на два удивительных истока. Конго — по водности вторая река на Земле, разливающаяся по тропическим джунглям. Озеро Виктория — тоже второе по величине в мире, а Танганьика — самое длинное и второе по глубине после Байкала. Буш Калахари, колючая ньяка, бескрайние саванны сменяют горы, пустыни, тропические джунгли. Джунгли Конго и Южной Гвинеи составляют громадный мир, почти не посещаемый путешественниками. Остров Мадагаскар могучей глыбой теснится к материку. Совершенно уникальным явлением надо считать Великий рифтовый разлом, тянущийся шесть тысяч километров по Восточной

Африке и создавший вулканические купола, рельефные горы, а в провалах — глубокие озера и выразительные уступы-грабены. Крупнейшие африканские реки создали великие водопады: Виктория, Ливингстона, Голубого Нила, Стефани, Франца-Иосифа, Стенли, Мерчисона и т. д. Перечисленные не более 30 названий составляют главные ландшафты континента, основу географии материка, замечательные памятники природы. Можем ли мы после окончания школы без труда показать на карте Африки крупнейшие рельефы или хотя бы назвать страны? К сожалению, нет.

Настоящим предисловием я не хочу сказать, что географию нужно изучать только в путешествиях. Но цель путешествия побудила нас с пристрастием смотреть карты, читать книги, собирать практическую информацию. Нам грезились не только горы, леса, пустыни. Очень хотелось увидеть далекие национальные парки с животными, пожить в глухих африканских деревнях. По-родительски мне хотелось, чтобы простой быт с самообслуживанием и долгая дорога по странам стряхнули накипь цивилизации и прибавили самостоятельности нашим детям. Но воспитательные стремления я не очень развивал вслух. В любом случае Африка сама по себе может быть школой жизни для детей.

Мы приступили к организации поездки. Сначала нужно было «обрадовать» бабушку и дедушку замыслом повезти любимых внуков на континент войн, заразы и ядовитых змей. Далее Лена объявила на работе об увольнении. Оказалось, что она незаменимый работник, увольнять ее не хотят и даже могут предоставить отпуск за свой счет на год. Это обстоятельство еще больше ободряло нас. Детей необходимо было определить в школу на экстерн-программу (семейное обучение) с последующей сдачей экзаменов в Санкт-Петербурге. Нам предстояло привиться для Африки и найти хорошее лекарство от малярии на случай болезни. Наконец, сдать квартиру и собрать рюкзаки. Помимо прочей организационной суеты нужно было получить три паспорта. Паше — старшему сыну — исполнилось 14 лет. Значит, нужно получить внутренний паспорт, а на его основе — заграничный. Я загрузил от мысли, что последние пятнадцать лет постоянно работаю на получение паспортов: внутренних, заграничных (нас пять человек в семье). Каждый паспорт — это справки от разных контор, много денег и

еще больше убитого времени. Сколько жизни уходит на рутину и бумажки! Скорее в Африку! Для путешествия, т. е. для полиции и пограничной бюрократии, я набрал на разных языках большое число представляющих нас писем: журналистское удостоверение, рекомендации МИДа, СМИ, Института Африки и т. д. Бюрократия ведь во всем мире священна.

Лишние вещи в пути — помеха. В рюкзак обычно берется коврик (изомат), который вставляется внутри по кругу, спальный мешок, фонарик, туалетные принадлежности по минимуму и кружка, ложка, нож. Нужен также термос, чтобы иметь чай, необходимы одежда для различных ландшафтов, кроссовки (можно туфли) и сандалии. Из общего снаряжения мы взяли двухслойную палатку (первый слой — москитная сетка), легкий примус, кастрюльку, аптечку и сумочку-ремнабор. В долгую поездку нам нужны были некоторые учебники и книги, фотоаппарат и хорошая видеокамера миниатюрного размера. Поскольку дети — все трое — занимаются музыкой, мы взяли с собой гитару. К технике нужны еще шнуры и боксы для зарядки аккумуляторов. Вещей оказалось многовато, но нам хотелось не только одолеть длительное путешествие, но и рассказать фотографиями и фильмами об увиденном. Палатка в тропиках спасает от духоты в отелях, а в деревне в ней можно остановиться на ночлег около любых хижин; примус гарантирует еду. Рюкзаки наши утряслись и составляли у меня в пределах 20 кг, у Лены — около 12. У детей килограммы смешно уложились по количеству их лет: 14, 12, 9. В пользу активного времяпровождения можно сказать еще, что рюкзак сам по себе не только обеспечивает независимость от быта, но также является бодрящим и тренировочным средством.

Даша

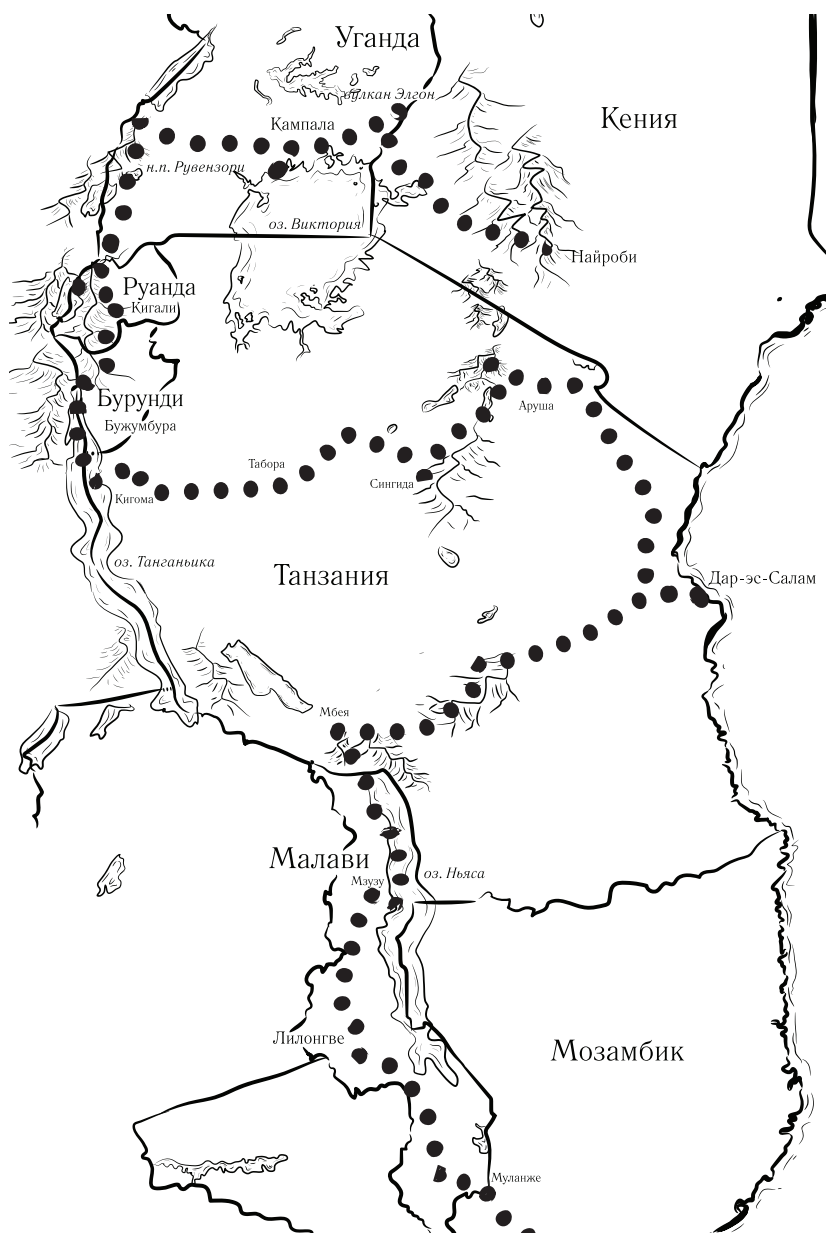
Когда-то у папы была идея поехать вместе в Африку... Сначала мы не соглашались. Через несколько месяцев, когда мама все-таки решилась, мы начали готовиться. Дома было много суеты, постоянно звонил телефон, и все чего-то собирали. Родители писали много писем, ходили в какие-то учреждения, искали жильцов, чтобы сдать дом, и т. д. Одновременно папа готовил поход школьной группы в Италию. Так продолжалось, пока мы не уехали в поход. В Италии

ПОДГОТОВКА ПУТЕШЕСТВИЯ

мы были две недели. Но, к сожалению, мама с нами туда не поехала, ей не дали отпуска. Она каждый вечер, после работы, перебирала, выкидывала, складывала вещи в коробки, так как боялась, что папа приедет и просто выбросит все, что считает ненужным. Вернувшись из похода, папа очень обрадовался, что дом уже пустой! Он не знал, что многие вещи перевезли к бабушке и дедушке. Затем родители дальше готовились к поездке, собирали нужные документы, оформили нас на домашнее обучение и т. д. Ну вот и все, в понедельник мы едем в Африку! Я сама еще не совсем представляю, куда мы едем. Как там будет? Как выглядит эта Африка? Многие думают, что там дико и опасно, но, может, это неправда? Итак, наше путешествие начинается!!!

Нитка нашего маршрута

Кения

Владимир

Найроби — начало путешествия

Восточно-Африканское плоскогорье занимают самые выразительные ландшафты Африки. Сюда в первую очередь можно отправиться в путешествие. Но нужно знать, что, несмотря на στε-нания родственников и друзей, отправляющих нас в последний путь, первооткрывателем здесь уже никто не будет: регион давно оккупирован туризмом. Крупнейший рифтовый разлом Земли сотворил чудеса природы: горы и пропасти, великие озера, всюду встречающиеся вулканы. Этот регион называют Восточной Африкой, в которую входят Кения и Танзания, а также Уганда и малые государства Руанда, Бурунди. Каждую из этих стран называют жемчужиной Африки, и это верно. Найроби — крупнейший город всего региона. Он лучше других городов зазывает туристов и одновременно ужасает их контрастами. В нем так хорошо организована реклама туризма, что многие европейцы летят смотреть Килиманджаро в Кению, а, съездив к вулкану, узнают, что гора все-таки находится в Танзании. Перелеты в Африку всегда дорогие. Как правило, из Европы в Найроби можно найти дешевлеший авиарейс, и мы им воспользовались.

Мне кажется, россиянам всегда интересно узнать, есть ли их собратья в далеких странах, и мы, списавшись предварительно с посольством России в Кении, взяли интервью у посла Российской Федерации. Взять интервью у посла трудно, и, как понимает читатель, даже увидеть посла нелегко. Но нас ожидала удача. Я

скромно написал о себе, что изъездил много стран, участвовал во многих фотовыставках и скоро буду в Кении, притом не один, а всей многодетной семьей. Написал также, что мы надеемся на встречи с россиянами, проживающими на далеком континенте, о чем бы хотели рассказывать доступными нам средствами. Письмо такого рода давало надежду через наше представительство найти в далекой стране соотечественников, а через них побольше узнать об Африке, ведь мы отправляемся в путешествие на год. Посольских работников обыкновенно не любят за их пристрастие к справкам и разного рода запретам, за их отгороженность от простых смертных. «Но в чиновниках ходят тоже люди, а вдруг нам хорошие встретятся», — размышлял я, отправляя электронную почту в страну на экваторе.

Нам повезло! Неожиданно в аэропорту нас встретили работники российского посольства и привезли домой прямо к послу. На столе — румяные пирожки, как будто мы не в Кении, а в России. Для долгого путешествия по Африке дети наши могли казаться маленькими, а с большими рюкзаками мы, наверно, пугали Валерия Евгеньевича своими намерениями, но он отказался от всяких официальных предостережений и организовал нам несколько встреч. Нельзя судить огульно обо всех посольских работниках, бывают исключения. В Африке, как мне кажется, хороших исключений больше, чем в Европе. Оцените шутку Валерия Евгеньевича. Узнав, что у нашей семьи двойное гражданство, он между делом спросил: «Не пробовали в немецком посольстве остановиться?» В посольстве мы узнали, что россиян, а также русскоязычных жителей из республик бывшего СССР проживает в Кении несколько сот человек. Большинство из них — это женщины, вышедшие замуж за африканцев, учившихся в СССР и России. По договорам работают наши врачи, инженеры, преподаватели университетов. В Россию из Кении поступает кофе, ведется другая торговля, и посреднические услуги оказывают россияне-бизнесмены, проживающие в основном в Найроби. Есть немного русских, принимающих туристов из России. Гораздо больше, чем россиян, в Кении африканцев, выучившихся в СССР, — таковых несколько тысяч. Распавшееся десятилетие назад Торгпредство (структура СССР) пока пусто, но на его территории предполагается открыть Российский культурный центр. Вторая наша встреча была с врачами — Владимиром и его женой Ниной.

Они работают в Африке с 1990-х годов; сначала жили в маленьком городке, а сейчас в Найроби. У них три Родины: Украина, Россия и Кения. Лечат они африканцев, и им не предоставляется возможность узко специализироваться, приходится лечить все болезни. Из их рассказа больше всего запомнилось то, что «Африка — полигон для испытаний, не только военных». Испытываются на людях новые лекарства, которые еще не получили лицензий. Где еще их опробовать, как не на самом незащищенном континенте. Больше всего с такими инициативами выступают американские «специалисты», проживающие в немалом количестве в столице.

По Кении мы не путешествовали, хотя уже по дороге из аэропорта встретили жирафов, гуляющих по саванне. Транзитом нам удобно было ехать в Уганду. Это наидешевейший способ добраться до вулкана Элгон на автобусе. Перелет в Найроби и автобус в Уганду — оптимально экономный вариант. О Найроби, где мы гуляли два дня, у нас составилось лучшее представление, чем его описывают в путеводителях. Дурная слава города преувеличена, если сравнить его, например, с Йоханнесбургом. Город как город. Нет, конечно, европейской лощености, но в нем относительно спокойно и много приветливых людей. По окраинам, где сконцентрированы людское горе и нищета, пожалуй, праздношатающегося туриста не встретят приветливо, но таковы все окраины городов третьего мира. Я в Найроби второй раз и был удивлен его преображением; спустя восемь лет здесь стало значительно чище, в том числе в районах, удаленных от центра.

Елена

25.09.2008. Африка началась неожиданно с комфортом. В Найроби нас встретили представители российского посольства, а Валерий Евгеньевич принял на веранде в уютно разбитом саду и угощал нас русскими пирожками и эклерами. Мы расспрашивали о жизни в столице Кении, а дети интересовались животными, находящимися в саду. На территории посольства ползали три большие черепахи и летали попугаи. Орлы здесь часто охотятся на жареное мясо и выбивают тарелки из рук, если человек находится на открытом пространстве. Дети русскоязычных представителей в

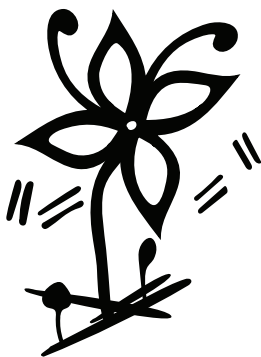
Найроби могут посещать русскую школу при посольстве либо учатся в частных французских или американских школах, где обучение — достаточно дорогое удовольствие (10—20 тыс. долларов в год). На территории посольства работают различные кружки и спортивные секции.

Вечером мы познакомились с врачами, которые с 1994 года живут в этой стране. Русские врачи — профессия, востребованная в Африке, при условии, что медик должен уметь одновременно все: хирург — знать тропические болезни, а терапевт — принимать роды и лечить детей. Наши новые знакомые оказались из Винницы и, судя по всему, неплохо устроились — возвращаться назад не собирались. Здесь родились и подрастают их дети (12 и 14 лет). Нам рассказали, что, не считая частных школ, массовое образование в Кении невысокого уровня. Только недавно была введена бесплатная начальная школа. Но классы насчитывают в некоторых местах до ста человек. Планируется введение обязательного семиклассного обучения. Большая часть населения хорошо владеет бытовым английским языком, и это облегчает общение. Народ дружелюбный и бескорыстный.

Виза в Кению стоила 50 долларов, а транзитная — только 20. Мы долго здесь задерживаться не собирались, поэтому решили брать транзитную. Пограничник же почему-то упорно желал получить с нас больше денег и предоставил разрешение всего на два дня. Пришлось быстрее покинуть Найроби. Переезд на местном микроавтобусе был несложный. Дорога до Уганды хорошая и пролегала отчасти через национальный парк. Погода случилась пасмурная, и ехать было не жарко. В пути дети не переставали удивляться жирафам и зебрам, которых видели из окна. А Саша громко вскрикивал от восторга, обращая на себя внимание остальных пассажиров. Мы спешили вовремя покинуть Кению и успели уехать последним вечерним автобусом. За 10 минут до полуночи мы переехали границу и избежали неприятностей с визой...

Даша

24.09.2008. Ехали целый день на небольшом автобусе. По дороге из окна видели зебр, жирафов, косуль и много других животных. Но как только автобус останавливался, к нам подбегали люди с разными товарами. Среди них было много детей, которые хотели нам все это продать. Они стояли кучей у открытой щелочки окна. Люди выглядели бедно, у многих была грязная или оборванная одежда. Мне такое встречалось уже не раз в Индии и в Китае. Папа купил всего лишь мед, и когда он его открыл, там сверху лежали мертвые пчелы. Папа сказал, что мед натуральный. Мы пересели в другой автобус и доехали до границы с Угандой. Уже давно стемнело, поэтому рассказать, где мы оказались, я не могу.

Уганда

Площадь — 236 тыс. км²

Население — 35 млн чел.

Владимир

Погранпункт

На пограничный пункт Кения — Уганда мы, видимо, запоздали. Сначала не открывали Immigration — пограничники крепко спали, и местные жители долго не могли до них достучаться. Проснувшись, стражи раздали приезжим бланки для заполнения, но вдруг выключился свет. При затянутах облаками небе — ночь, хоть выколи глаза. Кругом бродят приставалы с сомнительными услугами, предлагающие поднести вещи, найти отель, обменять деньги. «Лучшее время, да еще и без света, и лучшее место для сервиса», — думаю так, наверное, не один я. В паспорта поставили отметки, но детей наших смотреть не захотели: главное, чтобы мы заплатили за визы. Виза в Уганду на немецкий паспорт недавно подорожала с 25 до 50 долларов. Проехав 5 километров на автобусе, мы вышли и заночевали в дорогом и душном отеле. Темная ночь и приграничье с навязчивыми людьми заставили нас воздержаться от поиска дешевой гостиницы.

Первая деревня

Деревня с гостиницей называется Бумулимба; она находится недалеко от городка Бусия, и в ней уже нет мародерской атмосферы пограничного пункта. Раскиданная отдельными домиками и

хижинами, она тянется африканскими огородами и садами, которые несколько не похожи на российские не только растениями, но и устройством. Африка потрясает человека, вырвавшегося из цивилизации, своей необычностью. Тихая, спокойная, почти сонная деревушка, а у европейца глаза разбегаются. Потрясает другой мир, совершенно отличающийся от привычного, нашего. Все прежние представления об Африке не соответствуют увиденному и рушатся в первый же день. Вроде ничего особенного не видно, но все необычно. Мы одеваемся хоть и добротно, но как-то серо. Основное население Африки — крестьяне, они ближе к природе, им по нраву яркие наряды. Платья, головные уборы у женщин подобраны со вкусом. Красные почвы, глиняные желто-коричневые строения, густая от солнца зелень, пестрые наряды и полураздетая детвора с блестящими глазами возбуждают интерес. Нас, жителей мегаполиса, разбирает любопытство, как живут люди в африканской деревне. После дождика мы с утра идем осторожно дворами. Останавливаемся у необычных домиков. Двор владельца хижины переходит в следующий без определенной границы. Около хижины устроен амбарчик, за ним сарайчик, между которыми грядки неизвестных растений. На грядках также растут кустарники, отдельные деревья, иногда огромнейших размеров. Есть середина во дворе, вытопанная и подметенная, где на земле или на неотесанных стульчиках собираются в обед и вечерами обитатели. Сюда к вечеру приходят досушие козы и коровы с огромными на диво рогами. Очаг на середине, обложенный камнями, и общая кастрюля, иногда чугунный котелок на огне напоминают дремучее средневековье. Следы цивилизации тоже наблюдаются. Забор к некоторым грядкам преграждает путь скоту колючей проволокой; кое-где валяются пластиковые бутылки, и стоит у двери наполненная водой двухсотлитровая металлическая бочка.

Африканцы удивительно зоркие и замечают нас быстрее, чем мы их. Мы стараемся не вызывать ажиотажа, но деревня уже знает, что идут «мзунгу» (это нелестная характеристика белого мистера, нечто вроде «бледнолицего» в Южной Америке). В этой деревне не гуляют туристы. Скромные жители ждут, пока мы подойдем первыми, к нам не торопятся даже мальчишки. В деревне немногочисленно. Многие ушли работать на поля, в городок; кто-то из детей,

наверное, на занятиях в школе. Не будь в нашей жизни супермаркетов с бананами и манго, мы не узнали бы ни одного растения. Саша у нас самый любопытный. Он пытается пробовать плоды. Мама его одергивает. Тогда он пытается привлечь внимание пасущейся козы: становится на четвереньки и подкрадывается к ней. Коза, которая никогда не видела таких фокусов, удивляется. За нами наблюдает деревня. «Козленок узнает своих», — умозаключаем мы вместе с африканцами. Посмешив окружавших нас мальчишек, мы уже свободней завязываем разговор и подходим ко взрослым. Нам показывают двор. Саша находит самое удивительное. На тлеющих углях лежит паленая голова теленка, очевидно, для того чтобы извлечь из нее позже мозги и прочие съедобные составляющие. Череп первым, конечно, заметил Паша, но вежливо отвернулся от очага. Саша же — парень простой, сразу начал его ковырять палкой. Тогда один из африканских мальчишек достал диковинку из золы, чтобы несведущие люди ее лучше рассмотрели. Мы стали фотографироваться у очага. Фотоаппарата никто не избегал. Программой дня Саша остался довольней всех: козы, собаки, коровы вызывали его восхищение.

Вулкан Элгон

На границе Уганды с Кенией возвышается вулкан Элгон (4321 м), раскидистый, огромный у основания, занимающий территорию не менее 100 километров в диаметре. Почвы здесь плодороднейшие, и, несмотря на тревожную сейсмичность, его обживают люди из-за урожаев. Наверху вулкана несколько четырехтысячных вершин с перекошенной кальдерой, откуда из-за частых дождей стекают реки. Элгон больше похож не на вулкан, а на горы, разрезанные быстрыми потоками. Реки образуют высокие водопады. Дорога на водопады идет серпантинами: наверху горы, внизу пропасти.

В большинстве случаев мы едем на «матату» — маршрутках. В каждом ряду микроавтобуса по три места, но народ пакуется в Африке плотнее, чем в России, и садится на ряд по 5–6 человек. Под ногами лежат мешки, кудахчут связанные куры, а на крыше блеет коза, свесив голову вниз, к окну, и заглядывая в глаза нашему Саше. Саша едва не плачет: жалко козочку. Машина полная, и, кажется,

мы поехали. Но не тут-то было. Водитель объезжает бойкие места города и зазывает других пассажиров. Прибавив 2—3 пассажира еще, мы едем по назначению, по дороге также подбирая желающих подсесть. Тесно, но на головах никто не сидит. Не все стоящие у дороги люди подсаживаются, глядя на набитый автобус. Мы привыкли к «матату» довольно быстро, но первые несколько дней дети хмурились. Не европейский сервис, конечно.

В горах вулкана Элгон приятно бродить по окрестностям. Леса, висящие на склонах, обрываются скалами. Со склонов обозреваются долины, которые начинаются большими водопадами. Ландшафты красивейшие. Среди дикой природы на пологих склонах появляются поля крестьян с кофе, банановые плантации и деревья спелых авокадо. Кое-где на вырубленных участках поставлены хижины. Один из водопадов выкуплен англичанином. Рядом с водопадом устроены кемпинг и стилизованные бунгало. В бунгало дорого, но у нас палатка; мы устраиваемся в кемпинге у чистой речки и сразу в ней купаемся. Работают у англичанина хмурые африканцы: видимо, владелец им плохо платит. Вход к водопаду платный. Чай в кофейне и кофе при кемпинге дороже, чем в европейских барах. Кемпинг как-то сильно контрастирует с окружающей африканской жизнью. Сидят в кафе, попивая колу, несколько блаженных американцев, удивляя obsługy цивилизованным досугом. Путешествующие иностранцы большей частью заезжают сюда по рекомендации путеводителя Lonely Planet. В кемпингах и гостиницах они обмениваются собственными впечатлениями и представляют довольно приятную публику. Но нередко встречаются путешественники вроде наших сегодняшних соседей. Им интересны места, обустроенные только стандартным сервисом. Отсюда их повезут на экскурсию. Затем в Фейсбуке они напишут рассказы об Африке.

Наш младший сын опять пытался познакомиться с домашними животными. Одна собака его чуть не укусила. Африканским детям в голову не придет гладить собачек; видно, что Саша — дитя цивилизованного города. Ребята наши еще не акклиматизировались: спят долго и от дороги быстро устают. Я пошел по деревне с фотоаппаратом. Африканцы фотографироваться не любят. Приходится пользоваться своим излюбленным способом. Фотографирую нагленького мальчишку и показываю ему его портрет. Подходят

еще желающие, кривляются, но я убираю аппарат; мне нужны разряженные красавицы, несущие на голове баки с водой, литров по 20. Меня окружает толпа. Мальчишка просит фото. Я достаю аппарат, фотографирую небольшую группу ребятшек, показываю им снимок на дисплее. Красавицы с водой тоже включаются в толпу. Увеличивая рамку, я снова щелкаю. Скромный мальчик получается хорошо. Показываю всем его портрет. Собравшиеся гулом выражают малышу восхищение. Для хороших фото теперь почти все соглашаются позировать, даже красавицы. Но как раз при позировании кадры получаются наименее удачными. Зачем мне их фотографии, спрашивают они. Я привираю немножко, представляюсь учителем (на самом деле, бывший учитель) и говорю, что хочу своим школьникам показать африканских. На каком языке мы разговариваем? На английском. Английский язык в Уганде — государственный, им владеют многие жители. В глухих деревнях почти всегда найдутся люди, знающие международный язык. Угандийцы говорят на английском не хуже немцев и несравнимо лучше россиян.

Поселки и городок Мбале вблизи вулкана Элгон богаты растительностью. С точки зрения натуральности, здесь растут райские плоды, и европейцы не подозревают, как вкусны могут быть обыкновенные бананы. Бананы, даже африканские, которые вывозятся на мировой рынок, производятся путем нагнетания химии в плоды. Здесь же на плато все выращивается для себя. Воздух в округе теплый и по-горному свежий. Растительность многообразная, густая и поразительно сочная. Тропические дожди порождают реки с водопадами, а зелень на солнце млеет хлорофиллом. Люди тоже кругом приятные и, несмотря на прелесть края, еще не избалованы туризмом. Много встречается школьников, топающих по дорогам к большим селениям. Но на вокзале, среди людской суеты, хочется быть осмотрительным. Настораживают навязчивостью гиды, претендующие кого угодно сопровождать на вулкан, и водители «матату». В Уганде, как и в большинстве африканских стран, большую часть населения составляют крестьяне. Забитые, темные, попадая в город, они плохо в нем ориентируются, а город всегда встречает их мошенниками. Бедных крестьян буквально ловят и сажают в маршрутки, которые собирают народ, чтобы ехать по деревням. Маршруток много, у них жесткая, до драк, конкуренция, и они не выезжают, пока

не наполнятся битком. «Матату» подолгу стоят в парке, а крестьяне терпеливо ждут, пока их наловят во все автобусы и повезут. Мы сели в автобус, в котором «гарантировали» срочную отправку, но срочно в Африке ничего не происходит. Прождав два часа, я пошел в полицию, чтобы стражи порядка помогли мне вернуть деньги за билет. Билеты проданы, а выезжать никто не собирается, не было даже водителя за рулем. Как правило, шофер всегда находится в кабине, постоянно газует и даже стартует, но тут же останавливается — так он попыткой выезда привлекает новых пассажиров. Но в сегодняшнем автобусе ничто не предвещало отъезда. Я сходил в полицию раз, другой, потом подбил нескольких африканцев, и мы пошли в полицейский участок. Полицейскому моя инициатива сильно не понравилась, он зло разговаривал со мной, но пошел в парк. За ним потащилась шпана, готовая подраться не только со мной, но и со всеми остальными пассажирами. В парке выяснилось, что наш автобус вообще сегодня не отправится, а деньги собраны человек с двадцати. Народ возмущался робко, зная, что полицейский, шпана и сборщики денег — одна компания. Полисмен при большом скоплении народа решил шума не создавать, раз уж собралась целая делегация. Он заставил всех купивших билеты пересесть в другой автобус этой же фирмы. Из двух машин составила большая группа, и час спустя все благополучно тронулись в путь. Во время пересадки африканцы рассмеялись на шутку женщины в мой адрес. Женщина сказала примерно следующее: «Хоть один раз мзунгу оказался полезен».

Озеро Виктория и исток Нила

Дороги главных направлений в Уганде ненамного хуже российских, но беда хороших дорог в Африке — аварии. Правила езды многие водители представляют очень условно, и случаются столкновения. Сегодня за день на обочине видели три перевернутых машины.

Из Мбале мы приехали в Джинджу — город, расположенный в особенном месте. Здесь из озера Виктория берет свое начало Белый Нил. «Загадка Нила» — его исток — столетие мучила европейских исследователей. Если посмотреть на подробную карту, то сразу видно, в верховьях река проходит через многие озера. Подняться

по ней трудно: в тропиках она течет через болота, и на ее пути много порогов и водопадов. Водопад Мерчисон большой рекой падает с 40-метрового уступа. Главным препятствием для исследователей Нила были болота Седд — крупнейшие в Африке. Именно из этих болот Белый Нил обогащался илом, а Голубой Нил приносил с эфиопских гор минеральные вещества, питая египетскую цивилизацию. Ныне Нил исследован, и туристы на его порогах, в 10 километрах от Джинджи, упражняются в рафтинге. Мы снова ночевали в отеле-кемпинге еще одного предприимчивого англичанина, который организует рафтинг для героев, покоряющих Нил. Герои были какие-то безликие и, кажется, совсем не замечающие Африку и африканцев. Брекфаст на завтрак, днем — рафтинг и вечером — пиво под шум примитивной музыки на два тона. На порогах тренируются не только европейцы, но и юноши из Джинджи, которые хотят стать инструкторами. Большей частью это ловкие подростки, виртуозно управляющие одноместными байдарками. Вода, падающая с уступов, привлекает сюда прибрежных жителей из деревень на постирушки. Женщины, девочки-подростки, одновременно поглядывая за малышами, намыывают и настирывают в быстром потоке одежду и посуду. Белье расстилается на густой траве для просушки, и поляны пестрят африканскими нарядами. Солнце, быстро поднявшееся к зениту, сушит одежду. К порогам рискованно подходят рыбаки на обыкновенных деревянных лодках, чтобы удить у водоворота рыбу. Здесь же многие мальчишки 10—12 лет, заплыв с верхней воды, проносятся вместе с бурлящим потоком. С азартом и чертовской ловкостью уворачиваются они от выступов камней и глыб. Их мастерство в опасном плавании несравнимо выше, чем у испытывающих себя рафтингом. При этом вряд ли кто-то из пловцов чувствует себя спортсменом.

Город Джинджа вытянут по берегу великого озера. Среди крупных африканских озер Виктория, быть может, самое неприветливое. Пологие берега огромного, как море, водоема затянуты болотами, окружены речными поймами и обширными дельтами множества впадающих речек. Находясь на экваторе, заболоченные изрезанные его окраины плодят малярийную заразу и множество других паразитов, среди которых к коварным относится шистосома. У озера только там выстраиваются городки и деревни, где берега

высокие. Шистосома заводится в стоячей воде и ищет себе жертв для размножения. Мелкая тварь, невидимая глазу, может поселиться в организме и долгое время не давать знать о себе. Лечится она трудно. Вернее сказать, трудно выявляется, а после курса лечения не гарантируется успех. Побережье озера в большинстве мест заслоняется огромными островами или изрезанными заливами, в которых произрастает высокая трава вперемешку с нйикой — непролазными кустарниками, поэтому подступиться к воде не везде возможно. Но есть уютные берега с глубоко уходящей водой, к которым можно подъехать на транспорте. Особенно много таких мест на островах, где берега песчаные или с валунами-глыбами. Там можно купаться. Хорошие места для купания, может быть самые лучшие, находятся на стороне Уганды, на островах Сесе. Целый архипелаг на озере с сотней островов, поросших лесами и имеющих замечательные пляжи, очевидно, мог бы быть национальным парком или зоной отдыха. Но пока район заселен редко и пляжи там пустуют. Попасть на острова можно только через городок Масака. Между островами Сесе ходит паром. Но по великому озеру ходят немногие суда и даже рыбацкие деревни имеют небольшое число лодок. Тучи комаров, опасных малярией, и прочая зараза не собирают людей в большие деревни на побережьях.

Дороги и столица

Из Кении от Момбасы (от Индийского океана) до гор Рувензори в Уганде, почти до середины материка, проложена железная дорога. Африканские железные дороги безнадежно устарели и в основном служат грузоперевозкам. Пассажирские поезда ходят редко, очень медленно и не конкурируют с автобусами, хотя автобусы во многих направлениях из-за плохих дорог тоже небыстрые. К столице тянется асфальтовая дорога, по африканским меркам она выглядит идеальной. Автомобили летят на большой скорости, и сегодня снова видели перевернутый грузовик. Из Джинджи до Кампалы можно проехать за полтора часа, но по два часа нужно добавить на простои во время собирания пассажиров и пробки в Кампале. Как любая столица мира, Кампала — сумасшедший дом. В центре города многолюдно и всюду толкотня, которую с удовольствием

используют воры-карманники. Зазывалы на транспорт и приставалы с прочими услугами в столице особенно активны: их боятся не только туристы, но и приезжие африканские провинциалы. Пожалуй, главная достопримечательность Кампалы — таксопарк, т. е. автовокзал, где сосредоточено не менее тысячи микроавтобусов. От него на забитых дорогах стоят еще тысячи «матату», между которыми мечутся толпы мотоциклистов, велосипедистов, пешеходов. В городе пыль и дым коромыслом — хочется убежать из столицы. Неожиданно подул порывистый ветер и полил как из ведра дождь. Горожане тут же попрятались по магазинам и под навесы. Дождь мгновенно закончился, и по городу потекли реки. Народ тоже побежал по улицам, прыгая через ручьи. Двое ушлых бродяг отслоили от каких-то домиков пару досок, положили их на кирпичи и организовали переход через глубокий поток. Плату за переход они берут мелочью, пирожками, бананами. Тем, кто не платит, отпускают реплики и пинки. В большом городе задерживаться не хочется, да и в нем как будто не в Африке: есть какая-то общая затертость и автомобильное удушье во всех столичных муравейниках.

В Кампале полтора миллиона жителей. Плотнонаселенная страна собирает в столицу много приезжих, и фактически в городе в два раза больше народу. Забитые автодороги — болезнь всех крупных поселений, но здесь же есть несуетливые и ухоженные районы: территория университета, посольский район Кололо, парки. Город имеет две выраженные грани по социальному расслоению. Центр на холмах концентрирует правительственные здания, богатые представительства, банки, элитные культурные учреждения, церкви, католические миссии, а подножие сосредотачивает народную жизнь: здесь живет девять десятых населения города, т. е. подавляющее большинство. Народная жизнь, насколько возможно, управляется обычаями; порядок в центре поддерживается полицией. Бедными кварталами полиция не интересуется. Почти у каждой африканской столицы две физиономии: одну с натяжкой можно назвать цивилизованной, другую — без натяжки нищей. Центр на холмах вершит всю жизнь Уганды. Банки и правительственные учреждения представляют лучшую архитектуру города, как историческую, так и современную. В Кампале находится железнодорожный узел, сюда сходятся асфальтовые дороги, присутствует пищевая, химическая,

металлообрабатывающая промышленность в примитивном виде. В Национальном музее достойна посещения богатая коллекция африканских музыкальных инструментов.

О визах нужно беспокоиться в столице. Но в Руанду и Бурунди визы ставят на границе; танзанийскую, пожалуй, лучше получить в Кигали (Руанда) — в более спокойном, по-нашему предположению, городе. Имея рекомендательное письмо Института Африки, мы обратились за информацией о наших соотечественниках в российское посольство. Нам снова предложили приют. Мы не стали кокетничать, тем более что вечером на их жилой территории планировался волейбол. Все замечательное держится на энтузиастах. В посольстве усилиями нескольких человек сложилась волейбольная команда: настоящая спортивная группа с высоким уровнем, играющая вечерами в волейбол. Мы с Пашей с удовольствием присоединились к игре. После волейбола нам рассказали о русскоязычной жизни в стране. Россиян в Уганде больше сотни, а угандийцев, выучившихся в СССР, более 3,5 тысяч. Подумать только, в маленькой стране так много специалистов с нашим образованием. В СССР бесплатно получали высшее образование миллионы людей из бедных стран. Была ли еще такая страна в мире! Сегодняшняя Россия, подражающая Западу, потеряла производственные мощности, и огромный потенциал, состоящий из подготовленных специалистов в Азии, Африке и Латинской Америке, забыт и никак не используется ею экономически. Богатые страны, в свою очередь, выгодно эксплуатируют Россию как сырьевой придаток, и в этом отношении наша страна сползла к африканским.

Сельские жители, особенно женщины, одеты в большинстве в национальную одежду. В Кампале тоже можно видеть людей разряженных, особенно на рынках. Это не горожане, а приехавшие по делам или за покупками крестьяне. Столица задает ритм жизни страны, несмотря на то что горожане представляют значительное меньшинство. В общем, примерно 80 % населения большинства африканских стран составляют крестьяне. По этой причине в Кампале всюду встречаются базары. Кроме специальных мест, они устраиваются по улицам, на вокзалах, везде, где есть свободные площади. Апельсины, мандарины на крупных рынках продаются огромными мешками. Горы бананов прямо на улице навалены

рядами. Но бананы выглядят необычно: они очень зеленые, большие и лежат гроздьями — метровой высоты каждая. Такой сорт не завозится в Европу. Эти огромные бананы нужно обязательно готовить, и на вкус их невозможно отличить от картошки. Тут же, на рынке, мы пообедали и полагали, что едим картошку с каким-то мясом. Базар с огромными мешками разных товаров, разряженные люди, шум и суeta толчеи — совсем все необычно в столице; нескучно среди неугомонной публики. Но на больших рынках всегда есть охотники невзначай притереться к рюкзаку, сумке и стащить содержимое. Сегодня мы видели драку на почве воровства. У Лены тоже незаметно открыли замок на кармане рюкзака, благо ничего ценного там не было.

Куда поехать в Уганде?

Глаза разбегаются, глядя на карту. Уганда занимает небольшую территорию по африканским меркам, но и не маленькую; она, как Англия по площади. Находится страна в природном отношении в особенном месте. Из Уганды вытекает Нил, в полном великолепии спускаясь водопадами. Ей принадлежит почти половина величайшего озера Виктория с красивыми островами Сесе. В стране поднимаются горы Рувензори и выдающиеся вулканы Вирунга. На разломе между горами в тектонических пропастях расположены огромные озера Альберт, Эдуард, Джордж; также много других озер, рек и вулканов. По всему пограничному периметру государства расположены национальные парки, богатые природными красотами и животным миром. Страна не обустроена дорогами на севере и востоке, но эти глубинки заселены разными народностями и племенами, не избалованными туризмом. Есть куда податься. Мы уже достаточно сориентировались в пути, но времени, несмотря на планируемый год, не так много для необъятного континента. Надо выбирать северо-запад страны или массив Рувензори. Одолевают сомнения: хочется больше увидеть и в то же время не бежать, отмечая лишь пункты пребывания. Между собой мы спорим, удлинять или укорачивать маршруты. В горах Рувензори, конечно, живописнее, а по пути можно заехать к необычным озерам. Едем на юг.

Фотографии в глубинке

Недалеко от городка Форт Портал есть деревня Кабале (не путать с одноименным городком на юго-западе). Отсюда можно самостоятельно сходить пешком часа на четыре на небольшой вулкан и сверху полюбоваться озером в обрывистом кратере. Любая прогулка туристов будет сопровождаться толпой мальчишек. Многие африканцы боятся фотографироваться. Есть такая европейская версия, что с фотографией забирается часть души африканца. Но за плату бедные деревенские жители станут позировать с удовольствием. Очевидно, дело в другом: европейцы в деревне любопытствуют, как в зоопарке, т. е. не очень вежливы и носятся с чувством превосходства. Туристы к тому же нередко склонны выискивать негативные стороны бытия для кадра, чтобы рассказывать всему свету о своих героических похождениях. В Африке существует особенная предвзятость к белому мистеру, от власти которого шли одни несчастья: работорговля, колониализм, современная изощренная зависимость. Африканцы осторожно открываются. Увидев объектив, мальчишки сами интересуются чужестранцем, если он вызывает у них доверие.

Деревни не всегда заселены компактно. Мы идем между далеко разбросанными друг от друга хижинами-тукулями, и за нами тянется вереница детей, которая сперва держится на расстоянии. Моя попытка заговорить не удалась: ребятня разбежалась врассыпную. Через час нас нагнали, кто посмелей, и уже шли рядом, показывая направление к гряде. Наверху открылась панорама. Кратерное озеро с холма похоже на глаз, и мы вместе с местной детворой присели любоваться водной гладью, уходящими к горизонту полями и деревушками. Я предложил африканскому мальчику сфотографировать нас всех вместе. Дети с интересом стали осваивать мой фотоаппарат. Они по очереди фотографировали или фотографировались с нашими детьми и рассматривали кадры. Сначала съемка шла напряженно, с некоторой неуверенностью. Но кнопку нажимать — немудреное дело, а видеть результат забавно и необычно. Обратное все возвращались гурьбой, и никто денег не просил, как зачастую бывает около иностранцев. Ну а если турист торопится и ему хочется запечатлеть свое пребывание на фоне африканцев, тогда нужно платить. Беда от такой любознательности большая: подачки монетами или

конфетами развращают бедно живущих африканцев. И повсюду туристов встречает попрошайничество.

Хостелы

После отелей, посольств, европейского вида кемпингов мы не совсем плавно перешли на ночлеги в народных гостиницах. Во многих городках только они и существуют, рассчитанные в основном на перемещающуюся рыночную публику. Их вид изнутри и снаружи обычно вызывает у туристов брезгливость, но «это с непривычки», утешал я своих. Вскоре мы приспособились устраивать быт неплохо. Выручала палатка: днем можно было оставить вещи в комнате, а ночлег устроить в приглянувшемся уголке на территории хостела. Мужская часть нашей семьи спокойнее воспринимала грязь, а Саша, пожалуй, и не замечал ее. Душ по-африкански — это бочка за шторкой в углу, из которой ковшом самообслуживается клиент гостиницы. Комнату, если мы в ней ночуем, обязательно убираем: протираем пыль, если пол не земляной — моем, сооружаем из всякого барахла подобие стола для уроков. Номер на пятерых обычно стоит около 10 долларов. Степень комфортности становится предметом наших дискуссий.

— В Африке мы или не в Африке? — удивляюсь я претензиям мамы.

— А что, надо, чтобы все было по-свински?

— Не все, но можно ближе к народу...

— Народ в Африке живет по-разному.

— Ну, и мы в посольствах, бывает, ночуем.

И так далее. Иногда скандалим так, что африканцы оборачиваются. Хорошо, что они языка не понимают — смеялись бы над нашими проблемами.

Африканские школьники

В Кабале мы зашли в сельскую школу. Реакция школьников была сначала довольно диковатой: сбежавшиеся дети смотрели на нас, как на инопланетян. Я вырос в деревне, и если бы к нам в школу в годы моего детства пришел африканец, вряд ли бы мы ему удивлялись меньше. Мы видели в детстве африканцев по телевизору.

Африканские дети сельской глубинки также видят европейцев, русских или американцев на экране, притом не в лучших проявлениях, а в виде все сокрушающего Шварценеггера. Телевидение — идеологическое средство, и технический прогресс шагнул даже в плетеную хижину. На африканскую деревню почти всегда придется хоть один телевизор. Одно дело смотреть по телевизору на европейцев, а тут они сами пришли в гости. Меньше замечая взрослых, деревенские школьники с живейшим интересом смотрели на наших светловолосых детей — жителей другого континента. Таковых они видели впервые. Глаза их не могли нам не запомниться. Лица умненькие. Каждое лицо — характер. Этим бы деткам хорошее образование, остальное у них уже есть. Яркое детство на природе, сельский труд, коллективная жизнь многодетной семьи делают их гораздо смысленнее детей нашей благополучной потребительской жизни. Баловни цивилизованного воспитания, скажем в Москве, такой живости в глазах не имеют.

Дети цивилизации

Наши дети нелегко вживаются в простой быт. Паша трудно акклиматизируется и быстро устает; похоже, он пока не в восторге от Африки: много грязи, неудобств, стоит постоянная жара и редко видим диких животных. Наверное, книги, им прочитанные, и Африка в действительности оказались разными. Даша с Сашей до поездки даже абстрактно не воспринимали, куда мы собрались. У Даши перед поездкой сломался электронный трз. Она заявила, что, если его не починят, она в Африку не поедет. Вчера, когда мы ходили в окружении африканских детей, Дашу обсмеяли за то, что она заныла во время прогулки и звала маму. Африканские дети взрослеют рано, и выходка большой занеженной европейской девочки их рассмешила; они передразнивали ее с точнейшей интонацией. Девочки, дразнившие Дашу, были года на три младше ее. Злиться на них нельзя, они бы смеялись еще больше. Саша на днях забыл укрыться, обнял спальник и лежит, мерзнет голяком в палатке. Что сказать: блаженные дети цивилизации. Но дорога лечит от изнеженности. Вчера, отдохнув в гостинице, мы пели песни для себя. Дети наши уже поджарились на солнце, глаза заблестели, как у африканцев.

Я задал им провокационный вопрос: едем домой учиться или продолжаем путешествие? Конечно, путешествие! Наверное, наступил перелом. Неудобства быта перестают вызывать прежнее уныние, в настроении появился мажор, и глаза стали замечать больше. Ребята видят не только зверюшек, но и своих сверстников, сравнивают себя с ними. Интересно, что они там пишут в своих дневниках?

В горах Рувензори

Сегодня весь день добирались на «матату» до массива Рувензори. По пути видели слонов, не обращающих внимания на автодвижение. Они, видимо, поленились пробираться сквозь чащу леса и вышли колонной к дороге. Саша визгом удивления обратил на себя внимание всего автобуса: африканцы снисходительно улыбаются. Жаль, что автобус не остановить. Недалеко от города Касесе есть деревушка Ньякаленджия. Это ворота для восхождения на вершины в горах Рувензори. Все горы до трехтысячной высоты обработаны полями, висящими на крутых склонах, а на полях стоят редкие крестьянские хижины. Хижины отчасти осовременены: крыши на многих жилищах устроены из жести. В остальном домики в деревнях сохранили вид первобытности. Поля обрабатываются мотыгами, а урожай по тропам сносится в деревню в мешках. Эти участки, обработанные путем подсечного земледелия, существуют с древности и представляют своеобразный тип горной агрокультуры. Сажают деревья авокадо; без всякого порядка на склонах выступают банановые стволы, плантациями или полосами высажены кофейные кустарники, между ними кукуруза, сорго, картошка нескольких сортов и даже помидоры. Есть культуры, которые нам, конечно, неизвестны. Все растет вперемешку и с утра до ночи пропалывается крестьянами. Всего культур 30 выращивается. Наделы выверены на склонах по солнцу, и урожайность в горных деревнях высока. Эти крестьянские поля почти не связаны с рынком и по существу являются натуральным хозяйством, кормящим, как правило, отдельную многодетную семью или клан.

В Африке три пятитысячника: вулкан Килиманджаро, гора Кения и пик Маргарита в горах Рувензори. Килиманджаро и Кения — это отдельно стоящие вершины, а Рувензори с многочисленными

скальными башнями представляет горный массив, протянувшийся более чем на 100 километров. На Килиманджаро и Кению идут толпами тысячи восходителей, и от этого кругом притоптанные окрестности. Другое дело — маршрут на пик Маргарита. Тропа идет по тропическим джунглям, затем по хвойному лесу, стланнику и далее по каменистой высотной морене до вечных ледников и рогатой вершины. В горах много эндемичных деревьев, растений, цветов, и это неудивительно. Рувензори находится на большом разломе земной коры; горы разделяют влажные тропики Конго и саванны Восточной Африки. Здесь находится точка резкой перемены влаги, климата, природных поясов. Весь массив объявлен национальным парком и, как все значные места, прихвачен паразитством турфирм. Для посещения национального парка, и особенно для восхождения на главный пик, нужны *regmit* (разрешение), который дорого стоит, оплата гидам, даже если в них нет нужды, барский сервис в виде носильщиков и кормильщиков, а на пути к вершине — платные гостиницы-хижины. Навар с горы в основном получают собственники офисов, организующих восхождения групп, которые, как правило, базируются в столице. Местным жителям от туризма перепадают крохи. Но можно отметить, что на Рувензори все же нет той коммерческой шкурности, которая витает над Килиманджаро, и этим массив приятней более других раскрученных коммерцией вершин. Можно также не делать восхождений на высокие вершины, но за три-четыре походных дня увидеть необыкновенную красоту громадных хребтов и диковинную растительность склонов. Такие походы гораздо дешевле. При наличии опыта лучше тихо до рассвета самому отправиться в горы, чтоб избежать навязчивых гидов.

Вид горы будоражит воображение. Сегодня я даже проснулся без будильника. В пять часов вышел встретить рассвет. Час шел ночью по тропе, проходя мимо хижин. В шесть начало светать. В половине седьмого вдали показалась вершина в снегах. Открылась величественная панорама, показывающая все природные пояса массива: снега, скалы, альпийские луга, бамбуковые дебри, хвойные леса. Хребты удаляются в дымку, их линии переходят в отроги и спускаются к крестьянским полям, нависающим по ущельям. Удивительно, как высоко забираются крестьяне обрабатывать свои поля, а главное, сколько изнурительного труда требует уход

за культурами на склонах. Существует рабовладельческое мнение об африканской лени. Кто же обрабатывает поля по всей Уганде? Туристы совершают подвиги: ходят в трекинги. Здесьние жители каждый день ходят в трекинги, а в промежутках им нужно пахать поле, рыхлить почву, сажать, полоть и собирать урожай. Спускаясь с перевала, я вышел на тропу, ведущую к хижинам. Пожилой крестьянин спросил меня жестом, куда я ходил. Я показал рукой на скальный выступ.

— Beautiful (Красиво)! — сказал он, наверное, от туристов выученное слово. Глаза его чуть улыбались. Этот старик каждый день видит снега Маргариты.

В местах, где организуются трекинги, обязательно устроен кемпинг. В нашем кемпинге сегодня выступал ансамбль. Оплатил выступление коллектива один чудаковатый и толстоватый голландец, путешествующий по Уганде в одиночку. Ансамбль создан по инициативе сельской общины, и девочки танцевали очень живо. Музыканты, в особенности барабанщики, взрослее юных танцоров, они подзадоривали танцы ритмами и пением. После выступления подростки, указав на гитару, попросили спеть и нас. Наши дети увлечены гитарой и любят бардовскую музыку, а также песни из кинофильмов. Они исполнили несколько русских мелодий. Жанры очень разные, но при помощи музыки всегда легче завязывается общение. Песни наших детей тут же начали сопровождаться ритмами барабанщика. Африканцам нет равных в ритмах, и музыка снова оживила деревню. Несколько девочек, шедших по тропе с вязанками тростника, остановились около музыкантов. Женщины, несшие картошку с высокогорного поля, тоже расположились около заборчика. Набежавшая детвора оставила свои игры и стала слушать интернациональный ансамбль. Во время музыкальной паузы младшие детки играли самодельными игрушками: катались на деревянном самокате и бегали с проволочными автомобилями на колесах, вырезанных из банок кока-колы. Нам очень понравилось в этой деревне, где приветливые взрослые и скромные дети. Юноши и подростки все спокойные, без буйства, да и откуда ему взяться: почти все они пришли с полей, где работали с родителями весь день.

Снова дороги

Опять мы трясемся в автобусе. По дороге на Мбарару, проезжая национальный парк Квин, снова наткнулись на слонов. Вообще, вблизи дорог, которые идут около национальных парков, видим зебр, буйволов, различных косуль. Национальные парки в Восточной Африке очень дорогие, и мы решили, что посетим пару выдающихся мест в Танзании. Также надеемся на Намибию, где парки значительно дешевле. После Мбарары наша маршрутка «матату» заглохла. Нужно было пересестись на другой попутный транспорт. Через час мы уже ехали в большом и очень разбитом автобусе. Мест не было, пришлось устроиться на рюкзаках. Рядом сидели две женщины, занимая два места; у одной из них было трое детей: полгода, полтора и три года. Полугодовалый находился на руках, а «старшие» терпеливо стояли несколько часов и ни разу не пикнули. В городок Кабале автобус приехал ночью.

Озеро Буньони и город Кабале

Озеро Буньони называют Африканской Швейцарией. Из Кабале к озеру мы ездили на попутных грузовиках и останавливались на перевалах, откуда открывается прекрасное обозрение. Озеро в горах, острова на воде и лоскутные ухоженные поля — примечательный ландшафт вблизи горной системы Вирунга. В уютном кемпинге не было ни одного туриста. Мы побежали купаться. Усталость от изнурительной жары как рукой сняло. Дети наши визжали, прыгали с трамплина в воду; Паша выкручивал в полете сальто. На обратном пути остановились в деревне, расположенной на перевале, открывающем озеро во всей красе. С перевала пришлось возвращаться на грузовике, груженном дровами. Городок встретил «мзунгу» на дровах смехом, возгласами и улюлюканьем.

В Кабале европейцы приезжают с целью совершить дорогой тур к гориллам. Горилл осталось чуть больше 300, и об этом кругом в Уганде, Руанде и даже Конго кричит реклама. Европейцы, японцы, богатые русские, американцы спешат увидеть вымирающих обезьян и как будто забывают об Африке и африканцах. Каждый, кто попадает в этот далекий край, в первую очередь норовит

сфотографироваться около гориллы. Однодневный тур здесь стоит 600 долларов, и, как выразился один работник национального парка, эти «крэзи» (придурки) платят деньги с удовольствием. Туры к гориллам, дорогой рафтинг по Нилу, квадроциклы и даже прыжки с моста на резиновой веревке около водопада Виктория зовут амбициозных спортсменов на далекий континент. Герои выражают себя в искусственных опасностях, оставаясь непостижимыми для африканского простонародья. Цивилизованный мир и Африка не понимают друг друга. Африканцы не понимают спортсменов, видя их полную неприспособленность к местным условиям, похожую на инвалидность. Турсервис обеспечивает героев дорогим транспортом к обезьянам, суперстерильной едой и изолирующими от Африки комфортабельными отелями. В Уганде невелик поток туристов, но те, кто оказываются в стране, под воздействием рекламного ажиотажа едут к гориллам и разочаровываются. Собираясь в путешествие, нужно сделать выбор: какую Африку смотреть. Два немца, с которыми я сегодня познакомился, сожалели о потерянных деньгах и с возмущением утверждали, что гориллы в лесу из-за потока туристов выглядят менее приспособленными, чем животные зоопарка.

Сегодня в Уганде праздник — День учителя. По главной улице городка Кабале, обходя лужи, марширует парадный музыкальный взвод и звучит оркестр, оглашая округу бодрой мелодией. На улице выстроились старшеклассники и студенты педагогического училища: все в галстуках, в белых рубашках. Шумно и весело кругом. Мы сидим в ресторанчике (по-нашему сказать, в столовой) и уплетаем вкусную картошку, приправленную мясным соусом. С нами за общим столом обедает учительница с сыном. Она нам поясняет, что едим мы не картошку, а бананы. Те самые большие бананы, которые не потребляются в сыром виде и продаются на любом рынке; вкус у них точно картофельный. За обедом я с сочувствием признаюсь, что тоже в прошлом работал в школе, и интересуюсь ее зарплатой. Зарплата ничтожная. Еще более ничтожная, чем у провинциальных российских учителей.

— Отчего ж веселятся учителя, если зарплата маленькая? — спросил я учительницу.

— Зарплата маленькая — это грустно, а сегодня праздник: надо веселиться.

Наверное, этим мажорным оптимизмом африканцы наделены больше нас.

Кисоро — перекресток народов

Из Кабале идут две дороги. Одна ведет в Руанду, другая в Кисоро — поселок, находящийся около границ трех государств: Конго, Уганды, Руанды. Нужно обязательно ехать в Кисоро. Там снова предложат дорогой тур к гориллам, но гораздо интереснее горилл сама дорога по серпантинам с видами на огромные вулканы Вирунга. Вулканы Ньирагонга и Ньямлагира пыхтят дымом и паром. Они находятся на стороне Конго, и ими лучше любоваться из Руанды или специально ехать в Конго, но это дело непростое и недешевое. Вулкан Мухавура (4127 метров) украшает округу крупнейшим конусом и доступен из городка Кисоро. Доступен условно: нужно знать подъезд, найти тропу, если хочется избавиться от гидов, иметь соответствующее снаряжение, да и высота у него нешуточная — подъем займет несколько дней. Вообще, самостоятельным вольным путешествиям всегда находятся изобретенные бизнесом препятствия. Гиды, ссылаясь на опасности, даже если таковых нет, вероломно препятствуют иностранцам в восхождениях на многие вершины и велят ходить только с ними за нескромный гонорар. Национальные парки изобретают свои поборы, часто баснословные, оправдывая их экологической защитой. Реклама турфирм дурачит всех подряд и вместо красот страны увлекает дрогнувшего туриста к раскрученным шоу, с которых получает прибыль. Шоу забавляют, но не показывают страну. Для восхождения мы еще не созрели, но собираемся в дальнейшем посетить склоны вулкана Карисимби со стороны Руанды. Гориллам и без нас не будет скучно: туда направлен основной поток туристов. Окрестности Кисоро, кроме гор, интересны еще тем, что здесь по деревням встречаются разноплеменные жители.

В Кисоро проходит базар по воскресеньям. Сельские жители съезжаются сюда из пограничных районов, и поселок пестрит нарядами. Приграничье населяют многие племена и народности, и на базаре эта пестрота особенно выразительна. Утреннее шествие людей на базар достойно кисти живописца. На головах мешки,

корзины, горшки, кувшины, огромные чаши с фруктами. Координация африканцев для нас непостижима. Можно увидеть женщину, несущую на голове ананас: голова круглая и ананас тоже, но женщина с ловкостью эквилибриста вышагивает по улице и не сильно замечает ноши. Рядом идет ее соседка с тяжелой корзиной на голове, да еще с ребенком, подвязанным на поясе. Они мило беседуют. Почему африканцы хорошо танцуют? Каждый, кто научится легко носить на голове груженую корзину, сможет замечательно танцевать и чувствовать ритм. Монотонный труд на поле также имеет собственные ритмы. Кстати, можно заметить, что у горожан, например жителей Кампалы, которые засиделись в офисах, уже нет той живости и пластики, что у селян. Да и жизненного оптимизма меньше. Однако вернемся на наш базар в Кисоро. Люди идут разряженные. Базар — общественное место, и как попало одеваться не полагается. Мужчины на телегах везут большие грузы: глава семьи должен иметь выручку посolidнее. Ряды кругом быстро заполняются, и ранним утром собирается видимо-невидимо народу. Для небольшого городка такое скопление людей кажется невероятным. Впрочем, со статистикой все вяжется: Уганда — одна из плотнонаселенных стран Африки, и к тому же занимает второе место в мире по рождаемости.

Пигмеи

Из Кисоро по окрестностям мы ездили попутками на бода-бода — так называются легкие мотоциклы. Дети втроем садились к африканцу-мотоциклисту: Саша впереди, затем Даша, и Паша почти висел сзади. Мы с Леной ехали на другом. Вскоре нам встретились первые пигмеи. Пигмеи батва живут на границе государств, и дороги к ним как таковой нет. Есть тропа через деревни к их домикам, и нам пришлось скакать на мотоциклах по кочкам, объезжая вулканические камни. Мотоциклы перегрелись и заглохли, но мы уже около деревни. Тукули пигмеев более приземистые, чем хижины в других деревнях. Можно сказать, что пигмеи живут на земле и пользуются хижинами только как укрытием от непогоды. Хижины совсем маленькие (полтора-два метра в диаметре), как правило, круглой формы и внутри еще расположен очаг для приготовления пищи. Жилища негусто расставлены между деревьев

и заросшими глыбами вулканической лавы так, что сливаются с местным ландшафтом. Около одного тукуля лежала тяжело-больная женщина, прикрытая тряпьем. О медицинской помощи в сельской Африке никто не мечтает, и женщина покорно ждет судьбы. Дети низкорослых обитателей леса не так смелы, как прочие африканцы, но достаточно живые и глазастенькие. Пигмеи еще недавно жили в джунглях, отдельно от своих высоких соседей. Но лес хиреет, вырубается, и на них наступает новая жизнь. Поля бантуязычных рослых африканцев, образовавшиеся около их жилищ, — не их обитель; они, жители леса, деградируют в непривычных условиях. В их раскиданных неаккуратных жилищах из обломков автомобильного старья видна нужда и растерянность — еще большая, чем общеафриканская. Пигмеи, живущие у подножия Вирунга, или бушмены Калахари, как и любые другие «экзотические» племена африканского континента, представляют жалкое зрелище. Эти люди, насильно выбитые из своих первозданных природных мест и старых устоев, не могут найти своей участи в новой жизни ошалелого века глобализации. В угоду прибылям туристская конъюнктура часто преподносит жизнь вымирающих племен в виде сплошной загадочной обрядности с танцами в набедренных повязках. Африканцы якобы довольствуются малым и при этом счастливы. Африканцы радуются малому, может быть, больше нас, но жизнь их намного обездоленней провинциальной российской. Об этом в глянцевах журналах, приглашающих кругом путешествовать, конечно, не пишут.

И все же о танцах. Танцуют ли пигмеи? Танцуют! Африканский континент действительно неиссякаем жизненной энергией. Танцы и песни пигмеев зажигательны. Стопа у низкорослых африканцев велика, как и наша. Этими стопами пигмеи выбивают ритмы, которыми славится Африка. По музыкальности пигмеи завоевали признание всех своих соседей. Они поют и вторят многоголосьем от мала до велика и пластично танцуют: ритмы бьют ногами по земле, руками в ладоши и в барабаны. Иногда выстукивают ритмы палочками по кастрюле и другой посуде. Пластмассовый бочонок для воды тоже может быть барабаном, если в нем вырезать нужного размера дыру, чтобы звук соответствовал определенному тону. Жива еще Африка! Очень выразительны глаза у африканцев — в Европе

столько живых лиц не сыскать фотографу. Но много и грустных глаз, особенно у женщин.

Дорога зовет дальше, но жалко уезжать из Кисоро — уж больно колоритна жизнь затерянного уголка! Граница трех государств собрала здесь много интересного. Какое смешение народностей, вышедших из Конго, Руанды, Бурунди, Танзании и Уганды! Какие разные лица и наряды! Может быть, здесь сердце Африки? Какие кругом природные красоты! Вот перед нами вулканы Вирунга, взлетающие куполами! Удивительная чередка ландшафтов вытянута по большому рифтовому разлому: глубочайший провал озера Танганьики резко поднимается на запад лесными дебрями гор Митумба; глубоководное озеро Киву подпирает высокие вулканы Вирунга, вокруг которых много других живописнейших озер (Буньони, Булера, Мутанда); огромное озеро Эдуард граничит с массивом Рувензори, который снова опускает свой гребень в озеро Альберт. Этот край дает начало величайшим африканским рекам — Конго и Нилу. Необъятные пространства между верховьями реки Конго и горами, поднимающимися от разлома, — настоящие африканские дебри, к тому же проходящие по экватору. Горы и леса на огромных пространствах устраивают природный барьер, разделяющий климат материка на две половины: восточно-африканские саванны здесь переходят в джунгли конголезского бассейна. По этому естественному разделу проходят границы государств; неудивительно, что на этом приграничье проживает разнородное население.

Африканская граница

Мы не поехали смотреть горилл — слишком дорогое удовольствие, и притормозили от рекламы. Да и пора ехать на границу. Нужно собраться с духом. Граница не щадит ротозеев, особенно африканская. Пересечение ее — тревожное дело. Визовой волокитой заботы в посольстве не оканчиваются, а только начинаются. Нужно выехать из одной страны и въехать в другую. С обеих сторон жертву поджидают перевозчики людей, подносильщики вещей, менялы денег, легальные и нелегальные, помощники в заполнении бумаг, проводники по офисам, пограничники — главные взяточники, таможенники — их родные братья, охранники, норовящие украсть. Чтобы

жертва обращалась за помощью и не скупилась в оплате, всем вышеназванным помогают задиристая шпана, воры-карманники и бандиты. По этой приграничной своре нельзя судить о людях, проживающих в стране. Это падальщики, как выразился с отчаяния один из туристов, а пограничный пункт — государство в государстве: некуда жаловаться. Мы подъезжаем на такси к шлагбауму. Таксист к офису ехать отказывается: не разрешено. К нам бежит наперегонки толпа «хелперов» и уже хватает наши рюкзаки из багажника. Я выскакиваю из машины, свирепо закрываю багажник и объявляю таксисту, что за проезд не заплачу. Он понял, открыл шлагбаум и подвез нас к офису Emigration. В офисе нас встречают вежливо и ищут повод вынудить взятку. Жаль, что прощаться со страной приходится на границе: разве мало мы видели кругом открытых и обаятельных людей, которые гораздо реже встречаются в цивилизованном мире. Но шпана, торгоши и чиновники для туриста выступают на первый план.

До свидания, Уганда!

Елена

Ночевали в приграничной гостинице, так как в Кампалу сразу ехать не собирались. Гостиница была недешевая, хотя в ней не было света и душ не работал. Утром пошли прогуляться по деревне. Дома из глины с соломенными крышами. Те же, кто побогаче, строят дома из кирпича и в окна вставляют стекла. Эти люди держатся в стороне. Интереснее было общаться с семьями из тукулей: они радовались, что-то рассказывали и с удовольствием фотографировались. Денег не просили и навязчиво себя не вели. Детишек по деревне бегало много. Лица у них очень серьезные. Они хмурились и смотрели настороженно, с подсказки взрослых начинали улыбаться и здороваться. В одном месте дети становились на колени и говорили: «Хау а ю?» Мы присели к ним, чтобы поздороваться, а Саша тоже встал на коленки и приветствовал их, чем очень насмешил местных.

Мбале — стартовая площадка для посещения водопадов и национального парка горы Элгон. В городе, похоже, туристов бывает мало, к нам никто не приставал, и все ненавязчиво помогали, если мы о чем-нибудь спрашивали. Народ неплохо говорит по-английски,

и я чувствую себя не очень хорошо с моими небольшими знаниями. В гостинице наши дети играли с ребятами. Здесь обучение в школах проводится на английском языке, и 8-летняя девочка говорила лучше Даши...

Я купила местную телефонную карточку для мобильного телефона. Звонок в Европу стоил примерно 40 центов в минуту, а SMS-ка — около 30 центов.

Вопросы гигиены меня очень волнуют. Я очень переживаю за Сашу и ругаю его, чтобы он не забывал мыть руки. Руки моет, но по дороге пытается все пощупать. Комаров пока мало, может быть, не сезон.

27.09.2008. Приехали из Мбале в местечко Сипи-фоллс, где много водопадов. Местность очень приятная, с богатой растительностью. Добирались сюда маршрутками. Водитель автобуса высадил нас напротив одного из водопадов. Подход к нему через гостиницу-кемпинг (Сипи-лодж). Место райское: водопад, речка, пальмы. Красотища! Решили здесь поставить палатку. Нам предложили заплатить 10 долларов с человека. Договорились, что нам от них ничего не нужно, только палатку поставить. Кое-как согласились на 13 долларов за всех.

Отправились гулять в деревню, что в двух километрах от кемпинга. Нас провожали две симпатичные девушки прямо через свои сады. Растет здесь много всего. Из знакомого я узнала только бананы, капусту и помидоры. Сашу угостили кусочком сахарного тростника. Я его очистила, и он всю дорогу жевал местную сладость. В Уганде мы встречаем очень мало туристов, но сюда, видимо, приезжают. С нас везде пытались взять деньги за проход. Володя придумал отговорку, что мы не туристы, а живущие в Кении резиденты, поэтому деньги платить не должны. Ему почему-то верили. Водопадов здесь очень много, мы посмотрели лишь некоторые...

Воду люди набирают в канистры по 5, 10 или 20 литров. Взрослые и дети несут их на головах. Уже пятилетние ходят с такой ношей. Из листьев пальмы сплетают подушечку, кладут ее на голову и сверху ставят канистру. Делают это очень легко и ловко. Саша выглядит совсем ребенком по сравнению с местными детьми. Над ним посмеиваются. Он бежит ко всем животным и пытается их потрогать и погладить. Все думают, что он еще маленький. После

прогулки искупались в речке и поставили палатки недалеко от водопада.

Местная валюта — угандийские шиллинги, в настоящее время их курс примерно 1500 за 1 доллар.

Еда у местных вкусная: они готовят рис, маниоку и еще какую-то белую крупу, похожую на кукурузную, с мясом или бобами и тушат овощи. Если питаться в народных столовых, то порция стоит 1—2 доллара, в ресторане — от 3,5 до 10 долларов. В гостиницах за двухместный номер с чистой постелью и душем берут 10—15 долларов. В комнате над кроватью обязательно висит сетка от комаров. Но комаров здесь сейчас почему-то почти нет.

28.09.2008. Спустились ниже к Нилу, в город Джинджа. Сюда все туристы приезжают на рафтинг по Белому Нилу. Добрались поздно, потому что в Мбале попали на автобус, который совсем не собирался уезжать, пока не наполнится. Сидели в нем три часа. Деньги за билет нам тоже возвращать не хотели. Володя три раза ходил в полицию. Потом подбил местных жителей, и они вместе пошли к полицейскому жаловаться. Нас пересадили в другой автобус и отправили. Я думаю, местные были благодарны Володе, что сдвинулись с места. Приехали в гостиницу, которая была указана в справочнике. Оказалось, типичная европейская тусовка с вечерним баром и громохочущей музыкой. Комнат свободных не было, только койки. Решили ночевать в палатке, т. к. в комнатах очень душно. Ходить искать другое пристанище в темноте не хотелось. Заказали ужин в баре. Нам готовили целый час, потом принесли по одной сваренной картофелине и немного салата. Стоило это все в четыре раза дороже, чем обычно (все для туристов). Утром огляделись, переехали в хорошую дешевую гостиницу для местных с просторной комнатой и даже балконом.

Днем ездили на Нил. Места красивейшие! Пороги Белого Нила называют почему-то водопадами. Европейцы сплавляются здесь на катамаранах и ездят на квадроциклах. Мы просто гуляли. На берегу в нескольких местах окрестные жители купались и стирали вещи. Мы к ним присоединились, чем их очень удивили. Купались и загорали с местными детишками и даже немного подзагорели. На обратном пути встретили музыкантов, они нам долго играли. Володя познакомился с индусами. Один живет в Кампале, другой — в

Конго. Они нас подкинули до города. В городе мы пытались выйти в интернет, но тщетно, флешку доисторический компьютер тоже не видел совсем. Вернулись в гостиницу. Сегодня дети первый раз более-менее полноценно занимались. Володя озабочен тем, что уходит много денег на гостиницы, хотя мы находим достаточно дешевые и берем обычно двухместный номер на пятерых, зато вечерами есть возможность читать и дети могут заниматься.

30.09.2008. В Кампалу приехали достаточно быстро. Автобус был полный, но мы сидели хорошо, и я с Сашей даже занималась немецким языком. Автобусы здесь отправляются по мере заполнения, и лучше садиться в полный, чтобы не ждать отправления долго. Набивают же его до отказа, т. е. вместо троих человек в ряд сажают четверых, а то и пятерых, причем все покорно двигаются, стараясь дать место. Детей берут на руки или они стоят рядышком. Мы платим за пятерых и сидим все в одном ряду.

В Кампале 1,5 миллиона жителей. Город оглушил нас пробками, большим количеством людей, загазованностью и шумом. Помимо машин, крика людей и других звуков работали громкоговорители и колонки, при этом передавали не приятную музыку, а пьесы-боевики. Все улицы наполнены магазинами, базарами и кишат людьми.

Позвонили в российское посольство. Нас приняли очень дружелюбно. Консул Руслан Лукманович рассказал, что из постоянно живущих в Уганде русскоязычных людей в посольстве зарегистрировано всего сорок человек. Выучившихся в Советском Союзе и в России угандийцев — около четырех тысяч. В настоящее время в России учатся более ста человек. Временно работают в Уганде примерно триста-четыреста российских граждан. Чаще всего это врачи и бизнесмены. Везут в Россию из Уганды в основном кофе, из России доставляют пшеницу.

В этот день в посольстве проходил очередной матч по волейболу. Паша с Володей с удовольствием приняли в нем участие.

«У нас есть баня, настоящая русская баня. С вениками плохо только. Ни березы, ни дуба, один эвкалипт», — сказал нам врач российского посольства.

Вечером решили съездить к театру. Взяли с собой Сашу. Согласно нашим данным, по понедельникам у театра проходят музыкальные представления. Ехали на бода-бода — это мотоциклисты-извозчики

с одним пассажирским местом позади водителя, без коляски. Я очень испугалась, когда он понесся, и вцепилась изо всех сил в перекладину. Саша ехал с Володей на другом бода-бода и был счастлив от такого передвижения. Он потом весь вечер ходил и танцевал от радости.

У театра готовился к выступлению ансамбль. Мы нашли интернет-кафе и наконец смогли отправить всем письма. Интернет очень медленный и периодически отключался. В справочнике написано, что где-то есть быстрый, но мы его искать не стали. Во дворе театра собралось много иностранцев и местных. Ансамбль почему-то стал играть европейские хиты, и мы ушли.

Наутро мы отправились осматривать город. У мусульман был как раз Рамадан, к тому же этот день совпал с каким-то государственным праздником, и город показался нам по сравнению со вчерашним днем совсем спокойным. Мусульмане разгуливали в красивых праздничных одеждах. Какой-то адвокат с двумя малышами бесплатно подкинул нас в центр. Его годовалая дочурка спала на переднем сиденье, и он водрузил мне ее прямо на руки. Девчушка была очень симпатичная и пухленькая.

Тучи закрыли небо, и гулять было приятно. В городе очень много индийцев, есть два индуистских храма. Атмосфера там очень доброжелательная. Один мужчина даже стал нам рассказывать о храме и обрадовался, когда узнал, что мы русские. Выйдя снова на улицу, мы почувствовали разницу между индийцами и африканцами. Там, в храме, чувствуешь себя очень хорошо, и чувство настороженности отступает. Нас в принципе никто нигде не обижал, и люди даже часто помогали. Но какая-то внутренняя настороженность не утихает. Впрочем, может, это субъективно. Африканцы достаточно закрыты и близко к себе не подпускают. Только где-нибудь в деревнях люди попроще и, если с ними общаться, быстро открываются. Фотографироваться не любят: очень сердятся. Если попросить разрешения, то могут иногда позволить. Лучше фотографироваться вместе с ними, тогда они охотнее соглашаются. Володя фотографирует дома африканцев или орудия труда, они посмеиваются. Я думаю, они считают это чудачеством...

02.10.2008. После Кампалы поехали на озеро Виктория. Добралась до города Энтеббе. В справочнике нашли информацию о том,

что там интересный зоопарк и ботанический сад. Но ни озеро со стороны этого города, ни местные достопримечательности нас не впечатлили. Зоопарк был дороговат, причем, как потом оказалось, мы могли попасть туда бесплатно, гуляя по берегу.

В горы уезжали из Кампалы. Ждать наполнения автобуса пришлось часа два. Обещали, что доедем быстро, т. к. дорога хорошая. Половина дороги оказалась разбитой, но доехали действительно быстро. На хороших участках автобус неся на высокой скорости. Мне было страшно, так как стемнело и опустился туман. В гостинице встретили африканца, неплохо говорившего по-русски. Он 19 лет жил в России, у него там была своя фирма и, наверное, семья, потому что остались дети.

Утром отправились посмотреть горные озера и вулканы. Вышли в какой-то деревушке, где туристы не появляются, чем вызвали бурную реакцию у местных жителей. Напротив была довольно большая школа. Дети с криками радости вывалили на улицу. Володя договорился с местным имамом, и мы оставили у него рюкзаки. Решили сходить на соседнюю гору. Поднимались через деревни часа четыре. Люди нам удивлялись, пугались, здоровались. В конце концов за нами увязалась толпа человек в тридцать детей. Каждый раз, когда мы доставали фотоаппараты, дети с испуганными лицами разбегались в стороны. Потом маленечко привыкли. Мы дошли доверху, и нам открылось озеро прямо в кратере вулкана. Вдали виднелись еще озера такого же происхождения. Мы фотографировали этот интересный ландшафт, а заодно сняли и местных детей. Потом они с интересом рассматривали свои изображения на экране фотоаппарата. Мы давали им фотографировать, и это им очень нравилось. Народ в этих местах понятливый, дружелюбный, но в деревнях достаточно дикий, пугливый.

Наши дети выглядят не очень приспособленными по сравнению с местными. Пока поднимались, им было тяжело, а местные ребятишки просто гуляли рядом. На обратном пути Даша споткнулась и позвала со слезами в голосе: «Мама!» Детям стало смешно, что такая здоровая девица зовет маму, и они всю дорогу поддразнивали ее. Сашка пристает по дороге ко всем животным и пытается их погладить. В конце концов его с испугу клюнула курица, и он сам испугался, чем очень насмешил окружающих.

Когда спустились, мы поели бананов и выпили чаю. Потом сходили в школу и попросили разрешения сфотографироваться с детьми. Школьники кричали от восторга. Их было много, и всего два учителя да один воспитатель, но ребята слушались.

На микроавтобусе, который вез нас до ущелья в горах Рувензори, мы ехали с курицами, сидящими под сиденьями. К вечеру приехали в ущелье. В деревушке народ веселый. Туристов всего несколько человек. Кемпинг по местным меркам очень хорошо оборудован. Цены еще низкие. Местные организуют трекинги в горы. Ландшафт впечатляет красотой. Здесь свежий горный воздух. Вечером довольно прохладно и нет комаров.

05.10.2008. В кемпинге нам понравилось, и мы остались на пару ночей. Днем ходили гулять по окрестностям. Люди здесь очень милые: много смеются, много поют. Мы поднимались вверх через плантации пальм, бананов, кофе, картошки, кукурузы и других культур. Забрались повыше, чтобы оглядеть окрестности сверху. Шли несколько часов и встретили там девочек из деревни, собирающих дрова. Дорога вниз была очень крутая, даже представить трудно, как они понесут свою поклажу. Во второй половине дня нам повезло увидеть местный танцевально-музыкальный ансамбль девочек-подростков. Они устроили для нас небольшой концерт. Утром следующего дня уехали в Кабале, самый юго-западный город Уганды, что на границе Конго и Руанды. Здесь очень красивые вулканические вершины и много озер. Недалеко от Кабале — озеро Буньони. Эти места называют Швейцарией Африки. Все холмы покрыты ступенчатыми террасами. Место очень живописное. Есть несколько кемпингов, где все очень красиво и удобно устроено. Правда, совсем недешево для Африки: минимум

10 долларов с человека. На озере можно взять лодку и есть оборудованные места для купания. Шистосома здесь не водится.

Проезд из Кабале до озера Буньони на такси стоил около 15 долларов. Расстояние — километров 8–9, и мы пошли пешком. По дороге остановили машину и добрались автостопом бесплатно. На озере нас застал дождь. Теперь дожди идут каждый день. Люди говорят, что начался дождливый сезон. В это время довольно прохладно, но, как только выходит солнце, становится нестерпимо жарко. Озеро все в островах, которые не менее живописны, чем берега. Вода в озере прохладная, и местные ребяташки с удовольствием купаются. Мы попросили разрешения в кемпинге и тоже искупались. Обрато нас подкинули на попутке до перевала, откуда открывался красивый вид на озеро. Рядом была деревня. Мы проголодались и заглянули в местную «харчевню». Нас накормили вкусной жареной картошкой с капустой и помидорами. Хозяйка оказалась очень приветливой и разговорчивой. Она расспрашивала нас о том, как мы едем, рассматривала карту. Позвала своих дочерей, и мы вместе обсуждали наш маршрут. Обрато доехали на грузовике, груженном досками. Ехали прямо на досках. Вслед нам неслись возгласы удивления местных жителей. Наши дети тоже были в восторге от такого переезда. Остановились в гостинице для иностранцев, в общем-то, неплохой, но там целый день не было электричества, а потом отключили воду. Вечером дети учили уроки. В гостинице был очень уютный холл со столиками.

07.10.2008. Вчера добирались с приключениями. Нас подкинул какой-то белый фермер по дороге до своей деревни, что в 7 километрах от озера. Места очень красивые. Мы заехали повыше и любовались окрестностями и озером сверху. Володя побежал фотографировать, а нас окружила толпа местных. Но здесь они оказались не очень дружелюбными. В этой деревне было очень много пьяных. Подростки смеялись и вели себя вызывающе. Люди приставали к нам. Володя договорился с хозяином маленькой столовой, мы оставили у него рюкзаки и решили прогуляться по окрестностям. Володя хотел ночевать здесь, но я отказалась. Потом он и сам заметил, что атмосфера тут неприятная. Пока мы гуляли, за нами неслись, как обычно, ребяташки. Но они не просто смотрели, а как-то не по-хорошему трогали и щипали Сашку. На обратном

пути нас подхватил грузовой джип и довез до самого Кисоро, куда лежал наш путь. В этот день мы очень устали: переезды на попутках, масса впечатлений, солнце, свежий воздух, а в конце дня холодный ветер. Я была рада, что в гостинице оказалась горячая вода. Мы перекусили и попадали спать.

Утром решили не спешить, а осмотреть местные достопримечательности. Договорились с мотоциклистами, которые занимаются извозом. Те отвезли нас на озеро Мутанда. По сведениям из путеводителя, там водятся питоны. Питонов мы, конечно, не встретили, но озеро живописное. Местные женщины раскапывают берег под свои огороды, мальчишки ловят мелкую рыбешку.

Были в деревне у пигмеев. Все жители небольшого рощка. Зрелище довольно печальное: кругом бедность и люди очень заботные. Я читала, что пигмеи — гордый и умный народ, живущий в лесах. Здесь, оторванные от своей среды, они выглядели довольно жалко. У них маленькие глиняные домики. Чтобы туда зайти, даже мне нужно нагнуться. Внутри только очаг и постель из тряпок и листьев. Нам сказали, что они хотят петь и танцевать для нас, и за это мы должны заплатить им около 5 долларов. Они выглядели очень бедно, и мы не стали отказываться.

Пигмеи посадили нас на лавочку на какой-то площадке. Собрались все детки от двух лет и старше. Женщина взяла пустую канистру и стала выстукивать ритм и запевать. Дети подпевали очень дружно и отбивали ритм пятками. Собралось все семейство. Даже бабушка с курительной трубкой вышла поучаствовать в представлении. У детей, даже у маленьких, отличное чувство ритма. Мы снимали концерт на камеру и фотографировали их. Когда концерт закончился, Володя хотел еще раз сфотографировать колоритную старуху, но та строго посмотрела на него и отказалась.

В Кисоро мы возвращались снова на наших двух мотоциклах. На самом деле у каждого мотоцикла всего одно сидячее место для пассажира. Но мы сажались впятером на два: Саша перед водителем, Даша с Пашей — позади него, а мы с Володей — на другом. Местные кричали от удивления нам в вдогонку, белые люди так здесь не ездят. Белых возят в закрытых джипах с темными стеклами. Они почти не ходят по деревне. Их можно встретить в гостинице или, в крайнем случае, в автобусах; по приезде они покупают дорогие

туры. Например, чтобы посетить тех же пигмеев, предлагают тур для группы по 20 долларов с человека.

Паша

Вулкан Элгон не имеет правильной формы. Я и не помню, чтобы мы видели саму вершину. Но зато рельеф изрезан реками и ручьями. Стремительно стекая откуда-то сверху, вода обрывается дюжиной грохочущих водопадов. К этому зрелищу нужно прибавить ядовито-зеленую тропическую растительность.

Шум реки на водопадах Сипи перемешивается с шумом цикад и всяких других невидимых для нас насекомых. Мы разбили палатки у гостиницы предпринимателя-американца, который купил большой участок земли, прихватив заодно один из многочисленных водопадов и огородив все это забором. Место нашего ночлега напоминало идиллию. Наши палатки стояли на аккуратно посаженной траве, рядом с небольшими домиками-тукулями на африканский лад. Территория гостиницы отгораживала туристов от местного населения, которое, на мой взгляд, никак не мешало сказочной обстановке, а, наоборот, очеловечивало ее.

Бросив рюкзаки, мы пошли изучать местность и первым делом отправились к небольшому водопаду, верхняя часть которого вырисовывалась за тропическими деревьями. Со скалы свисали лианы, по которым стекала вода. Для фотографии я поставил Сашу поближе к поливавшей его сверху воде, где он гулял в одних плавках. Эта картинка у меня теперь всегда ассоциируется с «Маугли». Вокруг густая зеленая растительность, Саша держится за лианы, весь мокрый, и весело улыбается под грохот водопада, а мы все сильнее мокнем и мокнем.

Спустившись, мы вышли на тропу, что вела вдоль небольших огородов с маниоккой. Туристов на местном диалекте называют «мзунгу». Это слово обозначает что-то вроде «гринго» в Латинской Америке, хотя происхождение слов разное. Второе произошло от людей в «зеленых мундирах» — конкистадоров, которым аборигены кричали: «Уходите». От этого соединились два слова: *greep* и *go* (гринго). «Мзунгу» же в переводе обозначает «бессмысленно бродячий странник». Но сегодня интонация и смысл этих двух слов

стали почти одинаковым. Оба имеют иронически-насмешливый характер, но употребляются так же часто, как просто устоявшееся название, подлинный смысл которого уже мало кто знает.

Когда мы вышли на асфальтовую дорогу, по которой приехали, навстречу нам шла толпа ребятишек и несколько взрослых с канистрами на головах, наполненными водой. Желтые пластмассовые канистры, литров на 20—30, широко применяются в этой местности. Их употребляют для хранения воды, круп, масла, а при случае используют как барабан.

Папа непрерывно щелкал фотокамерой, запечатлевая местных жителей с желтыми канистрами на головах. Ловкость африканцев, которые непринужденно ставят себе очень нелегкие предметы на голову и будто не работают, а медленно разгуливают по деревне, снова и снова вызывала у него восторг. При каждой оплошности одного из нас он приводил в пример очередного пацана не старше 10 лет, который нес на своей голове какой-нибудь мешок килограммов на двадцать.

Деревня, в которую мы приехали, была совсем маленькой, ее центром служила придорожная столовая. Дома стояли в отдалении, тропы от них вели на засаженные склоны холмов. Эти жилища сделаны из глины, перемешанной с навозом и соломой. Крыша состоит из банановых листьев или той же соломы. Форма у таких тукулей круглая, диаметр — не более 5 метров. В таких деревнях бытовой уровень не столь высок, но вокруг домов часто аккуратно подметено, не валяются разбитые горшки и не висят на стене отжившие свое хозяйственные предметы. Такая аккуратность — хороший пример барахольщикам в русской деревне, где не пройти в дом, не споткнувшись о старую хозяйственную утварь. Обычно африканский крестьянин или пастух использует свою хижину лишь для сна. Вся его жизнь проходит на улице, отсюда столь малые потребности во внутренних пространствах. Нет смысла иметь большой дом. В нем не нужно прятаться от холода, потому что в Африке тепло, а пища варится на костре. Все остальное — лишь мнимые потребности, созданные цивилизацией.

Через банановые поля или террасы мы спускались по тропинкам к неизвестной нам цели. По дороге то и дело попадались дети с желтыми канистрами воды на головах. Мы проходили мимо одиноких

хижин, рядом с которыми сушился кофе. Перед нами то раскрывался, то прятался за банановыми листьями вулканический пейзаж, покрытый тропической растительностью.

На «террасах» рядом с тукулями часто на клеенках, а порой просто на голой земле или асфальте сушится кофе. Количество его столь мало, что я сомневаюсь, приносит ли он какой-либо весомый заработок крестьянам. Вероятнее всего, большая часть употребляется самими крестьянами и не идет на продажу. Более солидное впечатление производят банановые плантации. Может быть, потому что рядовой африканец больше нуждается в бананах, чем в кофе? Бананы, скорее всего, идут на обмен с кукурузной мукой, которая импортируется в виде «программ помощи».

У подножья вулкана Элгон люди не спешат. Быт селян непродуктивен и сведен до крайнего минимума. Есть скромный рынок, на котором можно найти сезонные овощи, фрукты и крупы, но нет рыночных отношений между людьми. Отношения людей не заменены отношениями между товарами. Товаров нет, значит, не нужно потреблять. Африканский крестьянин работает не для того, чтобы купить. Он работает для того, чтобы хватило поесть.

Европейцы не привыкли к прямому общению с аборигенами. Этому в школе не учат; не научиться этому и на улице. У нас в Германии не принято, увидев африканца в яркой национальной одежде, подойти и сказать: «Привет!» Заговорить с посторонним считается неприличным, для этого должна быть важная причина: спросить дорогу или разменять деньги на билет. На этом диалог заканчивается, больше мешать не положено. Но прежде всего европейца пугает неотесанность этих людей и отсутствие признаков цивилизации в поселках. Да, политесу они не обучены. Что может подумать об этих людях мальчик-сноб в переходном возрасте, который учится в одной из престижных школ у себя в городе, которого родители лелеют и обожают, мечтая, чтобы он получил хорошее образование и статус в обществе?

Давайте пофантазируем и перенесем мальчика в дебри Африки, в одну из деревень ее. Первым делом он подумает, как здесь грязно и скверно пахнет. Да, он подумает о комфорте (или о своем дискомфорте). Вляпавшись в очередную лужу, он станет негодовать, что его новые кроссовки поменяли цвет и утратили свежесть. Африканцы,

увидав белого подростка, кинутся толпой посмотреть на пришельца и перепугают его до смерти. Он испугается, что вдруг из кармана его изымут новый телефон. Невольно появятся мысли о плохих африканцах, несмотря на то что на уроке обществоведения он, может даже искренне, защищал равноправие людей. Его стандартный ход мыслей будет примерно таким: почему эти африканцы не сунут руки в карманы штанов, не сделают непринужденный вид и не пройдут мимо, будто не замечая его? Несмотря на свою образованность, он даже не попытается сделать скидку на бытие этих людей, на бедные условия жизни, а тем более на экономические причины. Эти мысли просто вылетят из его головы. Для него африканцы останутся ленивыми и необузданными дикарями. Он не попытается заглянуть в душу этих людей. Он не способен на это, потому что сконцентрирован лишь на себе.

Таковы все в нашем классе, кто меньше, а кто больше. Но дайте нам фору, ведь мы и есть те дети с европейским образованием, которые растут в обществе людей с масками вместо лица, где каждый день преподается мораль индивидуализма, а реклама на больших плакатах учит потреблению с комфортом.

На границу Уганды и Руанды мы добирались автостопом. Остановились в городе рядом с вулканами Вирунга. Они действующие. Когда приехали, вулкан был в облаках. Утром мы пошли на озеро недалеко от города. Оно было похоже на озеро Буньони. В путеводителе было написано, что там водятся змеи, удавы, но, как я и предполагал, там никого не оказалось. Приехали мы туда на бодабода (мотоциклы). С мотоциклистами легко договариваться за небольшие деньги. На обратном пути мы посетили пигмеев. Пигмеи, я думал, выглядят намного меньше. Они показались мне такими же, как все люди, и особенно незаметно, что они мельче, потому что руки и ноги у них такого же размера, как у обычного человека. Но живут они очень худо, хотя их и посещают туристы. Песни поют только за 5 долларов. Было жалко смотреть на них...

Даша

25.09.2008. Утром я проснулась от жары. Сегодня первый день в Уганде, и мы пошли разведать местность. Рядом было село. Там мы увидели первый раз тукули — это африканские домики с соломенной крышей. Около них стояли местные жители, а рядом играли маленькие дети. Мы познакомились со всеми и разговаривали. Вдруг я заметила маленького мальчика. Нам рассказали, что у него умерли папа и мама. Он стоял один, очень грустный, и с ним никто не играл, никто его не держал на руках, как других детей. Мне было его жалко.

После прогулки отправились в город Мбале. Из окна автобуса я наблюдала очень непривычные картины: мужчина несет на голове огромный мешок, который, казалось, весил больше, чем он сам. Большой грузовик, наполненный до краев бананами, на которых сидели люди, промчался мимо. Еще мелькали тукули, базары, дети, рабочие и многое другое.

Мбале оказался обычным африканским городком с шумными улицами и базарами. Остановились в небольшой гостинице, где я познакомилась с одной девочкой. Ей было 9 лет, и она училась уже в 4-м классе. Мы стояли на балконе, и она показывала, что где находится в городе. Вскоре она ушла домой, а я делала уроки.

Водопады Сипи оказались очень разнообразным и ярким краем. Там мы поселились в кемпинге, где останавливаются многие иностранцы. Кемпинг находился в красивом месте: речка с водопадом и ухоженная зеленая поляна. Цена за ночлег в бунгало была высокая, и папа договорился поставить палатку, отказавшись от еды и душа. Поесть можно и в местной лавке, а искупаться в реке. Бросив рюкзаки, мы отправились к водопаду, который находился недалеко от нас. Местность очень интересная, с богатой растительностью, напоминавшей джунгли. Все вокруг было такое ярко-зеленое, непривычное. На обратном пути папа заметил одну маленькую тропу, которая вела круто вверх. Он был уверен, что тропы зря не бывают, и нам пришлось идти. Долго карабкались наверх. Уф! Живности тут тоже оказалось очень много, об этом можно было догадаться по звукам, раздававшимся из зарослей. Мне уже казалось, что мы почти дошли, как вдруг папа объявил, что тропа заросла и идти наверх нет возможности. Вокруг нас был густой кустарник с

колючими ветками и лианы. Мы, конечно, немного поохали, но все же надо было как-то вернуться вниз. Спустились уже нечистыми, а от веток у нас все кололо и щипало. Было очень жарко и очень хотелось прыгнуть в прохладную реку, но до воды мы еще не дошли. Вечером, после купания, мы залезли в палатку и пели песни. Это была наша первая ночь на природе.

27–28.09.2008. Утром мы спокойно купались и загорали, а затем поехали на станцию, наполненную автобусами, людьми, шумом и суматохой. Сегодня доехали до города Джинджа. Там Нил, самая длинная река в мире, берет свое начало. Папа заплатил за проезд, как платят все нормальные люди, и мы сели в автобус. Прошло какое-то время, но мы никуда не двинулись. Папа начал возмущаться — ехать далеко, можем и не успеть до темноты. Он попытался получить деньги обратно, но кассир их не отдавал и уверял, что мы скоро поедem. В каждом автобусе есть водитель и кассир. Водитель делает свою обычную работу, а кассир зазывает людей, собирает деньги, иногда что-то записывает или выдает билеты; рассаживает, уплотняет людей, багаж и закрывает двери машины. Вот такая работа у кассира — с утра до вечера на жаре, но я думаю, что другим, работающим на поле или еще где-нибудь, тоже не легче. Пока автобус стоял, мы учили уроки. Так прождали три часа!!! Было жарко, душно, пыльно, грязно, воняло бензином. Потом папа не выдержал и пошел в полицию. Несколько местных, ждавших с нами, тоже пошли жаловаться. Полицейский пересадил всех в другой автобус, и наконец мы отправились в путь.

Долго гуляли по берегу Нила и любовались его бурными порогами. Течение очень сильное, в некоторых местах видны сильные круговороты. Многие туристы сплавляются здесь на резиновых лодках. На берегу женщины с детьми стирали вещи в тазиках. Они с любопытством наблюдали за нами, продолжая делать свою нелегкую работу.

29.09.2008. Кампала — это столица Уганды. Вечером папа с мамой и Сашей поехали в город, а Паша и я остались учить уроки. Вернувшись из города, Саша, как заведенный, прыгал и радовался.

Ему понравилось, что обратно они ехали на бода-бода — это мотоциклы, которые используются как такси.

30.09.2008. Кампала, как любая столица, — очень шумный и людный город. Мы отправились на базар, где купили арбуз, папайю, бананов, ананасов и других фруктов. Обратно решили доехать на бода-бода. Я первый раз в жизни ездила на мотоцикле. Это было так страшно! Водитель делал такие крутые повороты, и мне казалось, что он сейчас куда-нибудь врежется. В посольстве мама, папа и Паша брали интервью у врача, но это было неинтересно. Мне показалось, что он почти ничего не знает о медицине. Весь остальной день мы учили уроки и отдыхали.

31.09.2008. Сегодня отправились в город, где находится зоопарк. Там нам пришлось подъехать на бода-бода, но в этот раз уже не было так страшно кататься на мотоцикле. Зоопарк находился около озера Виктория. Озеро выглядело как море. Посидев на травке, мы пошли в зоопарк. Достав карточку от посольства, папа сказал, что он резидент, а если резидент, то цена за вход ниже. Мы долго стояли у кассы и удивлялись, как медленно африканцы все делают.

Больше всего мне понравились обезьяны. Мы видели, как совсем маленький детеныш висел на животе у мамы-обезьянки. В зоопарке были львы, зебры, носороги, страусы, шимпанзе, птицы. Видели, как шимпанзе дрались между собою. И еще я играла с обезьянкой! Правда, она сидела за решеткой, так как была, наверное, какая-нибудь особенная, и поэтому не могла мне сделать чего-нибудь плохого. Но все же это было здорово — поиграть с ней. Когда мы вышли из зоопарка и пошли по берегу, то заметили, что в одном месте парк не загорожен. Было немного обидно, так как мы могли зайти и бесплатно, если бы не поленились пройти чуть-чуть по пляжу. Так что не ленитесь спрашивать про дырки!

02.10.2008. Сегодня приехали в горы, которые называются Рувензори. Кемпинг, в котором мы остановились, оказался уютным. Рядом протекала речка, в которой папа и Саша купались.

Оставив вещи, мы полезли в горы. В этих местах туристы не ходят. Когда проходили деревни, африканцы на нас смотрели, как будто мы прилетели с Марса, а когда папа подходил к кому-нибудь, они убегали. В их глазах были ужас и страх, даже у взрослых. Но чем дальше мы уходили, тем больше детей за нами собиралось. Когда

мы поднялись на один из холмов, они все еще были с нами. Дети привыкли к нам и уже не боялись. Они, наоборот, даже стали нас дразнить. Когда они от нас отстали, мы были рады, так как они почти всю дорогу, пока за нами шли, кричали, смеялись, повторяли слова, в общем, хулиганили. Мы пошли по маленькой тропинке, как вдруг услышали крики детей. Через некоторое время послышался топот. Мы думали, что это дети, и шли спокойно дальше. Я обернулась и увидела бычка! Мы испугались, потому что он был совсем рядом. Но бычок боялся нас больше, чем мы его, он повернулся и побежал обратно. После обеда, как всегда, учили уроки до самого вечера.

03.10.2008. Когда я проснулась, папы в палатке не было. Он ушел в пять часов утра, чтобы увидеть самую большую гору, которая называется пик Маргарита. В этот же день мы поехали в городок Кабале и проезжали очень большой национальный парк.

В Кабале мы поселились в отеле и отправились на озеро Буньони. Туда идти восемь километров, мы прошли всего лишь два километра и сели в попутную машину, которую остановили. В ней ехали индийцы. Когда мы приехали на озеро, тут же начался ливень. Мы зашли в кемпинг и сели под крышу. К нам подошел африканец и начал что-то рассказывать. Когда дождь закончился, мы отправились гулять. Через час вернулись в кемпинг спросить насчет лодок, потому что Саша и Паша очень хотели покататься. Но лодку мы не нашли и поэтому спросили, можно ли нам искупаться. Нам разрешили. Это было очень хорошо, потому что там было специальное место для купания с вышкой! Вышка была невысокая, но мы все равно прыгали. Паша делал даже сальто! Это было очень здорово! После купания пошли домой. Проходя мимо одной деревни, мы перекусили у местных жителей в маленьком ресторанчике. Там сидели за столом и разговаривали с женщинами. Нам принесли жареную картошку в мундире с порезанной капустой. Это блюдо оказалось таким вкусным, что мы его съели так быстро, как будто его и не было на тарелке. Перекусив, отправились дальше. Но шли мы, к счастью, недолго. Папа остановил грузовик, и мы полезли в кузов. Там лежали доски с каким-то желтым песком. Держаться надо было крепко, чтобы не улететь. Когда машина проезжала мимо людей, дети кричали и показывали на нас пальцами. А взрослые останавливались и смотрели на нас с удивлением. Надо же, даже

туристы так ездят! После обеда мы делали уроки. Сегодня нам удалось проехать автостопом, как настоящим туристам.

04.10.2008. Собрав рюкзаки, мы направились на станцию и поехали в Кисоро. Автобус был ужасно полный и еле-еле двигался. По дороге кто-нибудь выходил или заходил. Наверх клали большие мешки. Автобус был сильно перегружен, и еще мотор от жаркого солнца перегрелся, поэтому машина больше не заводилась. Сколько водитель ни пробовал, все бесполезно... Все вышли, как вдруг начался дождь. Мы заглянули в хижину, а папа остался ловить машину у дороги. Папа остановил большой автобус. Мест сидячих в нем не было, все занято. Положив рюкзаки на пол между сиденьями, мы сели на них. Автобус был некомфортный, но он хотя бы ехал. Было душно, жарко, и радио ревело как никогда. Так мы путешествовали до города Кисоро.

05.10.2008. Сегодня мы поехали на мотоцикле к озеру. Это озеро было известно тем, что вокруг него жили удавы. Там мы узнали, что удавов можно видеть очень редко, и решили просто погулять и осмотреть местность. Мы очень удивились, как тут могут быть удавы, когда в этом месте везде обработанные поля. На узенькой тропинке встретили людей. Они вспахивали землю какой-то неудобной тяжелой штукой, похожей на лопату, и работают они, наверное, целый день. Когда папа их сфотографировал, мы попробовали этой «лопатой» тоже покопать землю. Это так тяжело! Подняв ее несколько раз, я почувствовала, как у меня начинают болеть руки. Мы, конечно, копали дома огород, но это было не так тяжело.

Осмотрев озеро, мы поехали на мотоциклах к пигмеям. Пигмеи — это маленькие люди. Самые высокие из них примерно 1,5 м ростом. Вообще, пигмеи живут в лесу. Лес для них — защита. Там они охотятся, находят пищу и живут на свободе. Говорят, что, когда лес вырубается, пигмеи часто умирают, так как не привыкли к дорогам, городам, болезням и пр. Пигмеи, к которым мы приехали, жили, конечно, не в лесу, а в крошечных хижинах в деревне. Вход в каждый домик такой маленький, что приходилось даже мне нагибаться. Внутри на полу лежат тряпки, на которых они спят, и места тоже мало. Один из пигмеев сказал нам, что если мы им заплатим, то они будут танцевать и петь. Папа не хотел спорить и заплатил. Мы сели на лавку и смотрели. Мне было их жалко: бедные, маленькие,

грязные, оборванные пигмеи танцуют перед богатыми буржуями... Конечно, долго смотреть на это мы не могли, поэтому через две песенки мы их поблагодарили и, попрощавшись, поехали в гостиницу. В гостинице папе стало нехорошо. Он лег спать. Потом оказалось, что он простыл, когда мы ехали в кузове, так как отдал нам свою пуховку. У него болела голова и был сильный насморк.

Саша

Водопады Сипи

Водопады Сипи — это очень красивое место. Водопад отдавал много влаги, из-за этого нам было очень жарко. Вокруг все ярко зеленело. Очень хотелось искупаться в прохладной воде, но, поскольку вниз не было ни одной тропинки сквозь густо заросшие джунгли, приходилось терпеть жару. Мои представления об Африке были совсем другими. Я думал, что Африка — это континент пустыни и что ничего, кроме Нила, тут нет. Но все оказалось разнообразнее и красивее. На следующий день мы купались в реке у водопада. Паша снимал фильм и даже запечатлел на память, как Даша пищала в воде.

Бода-Бода

В Кампале мы поехали в город, а обратно добирались на бода-бода. И это было здорово и смешно. Бода-бода — это мотоцикл, который развозит народ на заднем сиденье. Это было первый раз в моей жизни, что я ездил на мотоцикле. А он еще делал крутые повороты. На следующий день мы уехали из города, и по дороге я видел слонов и бескрайнее озеро. Мы ехали через горы, и я видел много вулканов и чайные поля.

Чайное поле

Чайное поле очень большое, величиной с гору. Африканцы придумали такую машину, у которой два колеса, барабан и мешок, и она собирает чай.

Озеро Буньони

В озере Буньони мы купались и даже прыгали с мостика и вертели сальто. А папа снимал нас на видео. А потом я хотел сделать сальто и упал больно на спину в воду. Это озеро было не очень большим. Мы видели другой берег и множество маленьких зеленых островков. Берега озера и острова были покрыты разноцветными полями. Эти места называют Угандийской Швейцарией. Назад мы ехали в кузове грузовика. На следующий день мы сложили рюкзаки и поехали к озеру, где снова купались. Потом мы кушали, и там, где мы ели, остались крошки. Рядом сидели вороны и ждали, когда мы уйдем, а потом прилетели и стали все клевать. Когда я писал дневник, пришло много детей. Они стояли вокруг и смотрели, как я пишу. Потом папа поймал машину, и это снова был грузовик.

Руанда

Площадь — 26,3 тыс. км²

Население — 11 млн чел.

Владимир

Визу в Руанду можно получить на границе; для россиян она стоит 60 долларов, для немцев — бесплатно. В последние десятилетия бедные страны, пытающиеся развивать у себя хотя бы туризм, все больше открываются для россиян. В Руанду невелик поток туристов, особенно наших; может быть, поэтому пограничные поборы на наш паспорт остаются высокими. В России появились «буржуа», как выразился попутчик-африканец в автобусе, и примерно 15 % наших граждан хотя бы раз в году выезжают за границу. Для остальных мир, конечно, закрыт, как и прежде. Не только безденежье, но и визы являются препятствием для путешествий. Паспорта — как люди, у них своя иерархия: с «цивилизованными» паспортами отправляются куда хотят, в них даже визы ставят с удовольствием, с российскими легче ездить в бедные страны, а с африканскими о путешествиях и мечтать не надо. Владельцы паспортов богатых стран при этом могут ездить друг к другу, к нам в СНГ и в самые беднейшие государства. А кто им станет отказывать в визах, будет уличен в отсутствии демократии. Россиянину в богатую страну тоже можно поехать, но, как правило, с унижениями, с волокитой и за дорогую плату, так как благонадежность туриста, по меньшей мере, должна гарантироваться турфирмой. К жителям Москвы и Питера почтенные посольства имеют некоторое снисхождение: они тоже

учитывают состоятельность граждан по городам. В бедных странах проще всего с визами, поэтому всем не страдающим по комфорту лучше ехать в Африку.

В Руанде вулканы Вирунга вырастают еще больше по мере продвижения от угандийской границы к городку Рухенгери. В первом же поселке можно было заметить, что люди здесь другие — не столько этнически, сколько характерами: еще более яркие, открытые и выразительные, чем в Уганде. На рыночке, где мы покупали продукты, женщины подробно расспросили, откуда мы, что уже видели в Руанде, и советовали поехать отдыхать на озеро Киву. Мне кажется, они порадовались за нас, что мы путешествуем семьей. Действительно, семьями туристы реже едут в глубинную Африку. К семье как-то проявляется всегда больше уважения, особенно когда дети знакомятся и вместе увлекаются в игры. Взрослые уже не делятся на туристов и аборигенов — они родители. На рынках нам не накидывали цену, как иностранцам. И не возникала обычная дистанция, которая устанавливается между местными жителями бедной страны и туристом.

Новая страна — другие лица. Мы приглядываемся к ним. Жители высоких нагорий и предгорий вулканов почерпнули у природы ее яркие черты. Одновременно с яркостью характеров сразу становится заметна «построенность» людей. В городе много полиции. Полицейские в автомобилях, на мотоциклах и пешим ходом вооружены по-американски. Бельгийская чинность с французским языком и вездесущий контроль, похожий на наш прошлый сталинизм, организуют в стране жесткий порядок после невероятно трагической гражданской войны.

Геноцид в Руанде

Гражданская война в Руанде с 1990 по 1994 год уничтожила около 800 тысяч жителей. Ее чаще называют геноцидом. Этот факт сам по себе должен заставить ужаснуться человечество. Но ничуть не бывало. О нем знают специалисты, политики, которых эта тема касается, и не все журналисты. В массе в любой европейской стране, очень в общем, люди знают о том, что в Африке идет череда племенных войн. Понятно: они дикари, поэтому и дерутся. А по какой

причине и в каких масштабах — газетам хватает своих новостей, без африканских. Другое дело — смерть принцессы Дианы: об этом знают все, и все сочувствуют. Недостатка в статьях о геноциде в Руанде нет, но из них невозможно понять причину трагедии и назвать главных пособников и организаторов бойни. А значит, можно ожидать новых подобных массовых убийств. По разбросанным в интернете пестрым сведениям ни один из читателей не составит себе представления о действительных событиях, потому что в их сокрытии заинтересованы не только руандийские политические кланы и военные верхушки, но и правительства крупнейших держав мира, преследующие потайные цели. Международный трибунал ООН, заседавший в Танзании (Аруша) для суда над виновниками геноцида, истратил к 2000 году 200 миллионов долларов и не установил ясности в событиях. Хроника в виде официальной легенды иногда вспоминается СМИ, но люди в вихре информации особенно и не знают о потрясениях своего века. Что воюют не дикари и убивают в Африке тысячами и миллионами ради доступа к богатейшим недрам (алмазы, платина, золото, нефть, уран, медные руды, минералы и т. д.), убедиться нетрудно. Есть обоснованные статьи ученых. Но кто их сегодня читает, кроме специалистов? Много другой информации — поди поспевай. Информационный мусор СМИ является не последним методом, отвлекающим людей от первых злободневных проблем. Манипулирование мозгами масс — средство идеологии, обеспечивающее успех политиков.

И все же что говорят ученые? Известные африканисты А. М. Васильев и А. А. Потапов сообщают тем немногим, кто интересуется Африкой не только под экзотическим углом зрения:

«Избиение тутси в Руанде началось примерно в 1990 году и достигло пика в 1994 году, превратившись при попустительстве правительства в массовую бойню. В развязанном геноциде, по объективным оценкам, было убито 700—800 тысяч тутси и умеренных хуту...

Около миллиона хуту, как ополченцев, замешанных в геноциде, так и мирных жителей, опасаясь расправы, бежали в соседнюю Демократическую республику Конго (тогда Заир). Отсюда их боевики стали нападать на Руанду. Одновременно они столкнулись с конголезскими этническими тутси, именуемыми здесь баньямуленге,

которые сочувствовали и помогали своим соплеменникам по ту сторону границы. Коррумпированный диктатор Заира Мобуту стал на сторону хуту против тутси. В завязавшийся конфликт были втянуты десятки стран...

В июле 2000 года независимая международная комиссия, действующая под эгидой Организации африканского единства, провела расследование массовых убийств в Руанде. В опубликованном докладе в числе виновников геноцида были названы Совет Безопасности ООН, правительства США, Франции, Бельгии, имевшие возможность предотвратить геноцид и не сделавшие этого.

Совет Безопасности мог своевременно укрепить миротворческий контингент в Руанде, наделить его полномочиями применять силу и обеспечить надлежащим вооружением. Столь необходимое решение было заблокировано тогда делегацией Соединенных Штатов. США и Франция, считают исследователи, знали о подготовки геноцида в Руанде, но заняли пассивную позицию и не предприняли никаких усилий для его предотвращения, хотя имели для этого реальные возможности. Бельгия показала себя далеко не с лучшей стороны, отмечают эксперты. После того как боевики хуту расстреляли десять бельгийских миротворцев, Брюссель отдал распоряжение вывести из этой страны всех своих военнослужащих. Вскоре в одной из руандийских школ, которую должны были охранять бельгийцы, были убиты около 2000 детей».

Убийство жителей в Бесланской школе давно отретпировано империализмом в Африке. «Десятки стран», упоминаемые в статье, — это прежде всего Конго (Заир) и Ангола, богатейшие по запасам сырья. О них продолжают авторы:

«За годы гражданской войны, иностранной интервенции экономика Анголы практически рухнула. За 25 лет войны убито около полумиллиона человек. В крайней нищете, ниже прожиточного минимума, то есть на пределе выживания, находятся сейчас, по крайней мере, три четверти жителей страны. Свыше половины работоспособного населения не имеют работы. В стране 2—3 миллиона беженцев и перемещенных лиц. По подсчетам экспертов, от недоедания и нищеты ежегодно умирает около 200 тысяч человек. Многие плодородные поля заброшены, так как земля наспигована миллионами мин».

И далее:

«...Американские корпорации участвуют в добыче ангольской нефти, экспорт которой идет в основном в США. Предполагается, что ее запасы в Анголе — крупнейшие в Африке. Во время своего визита в Анголу весной 2000 года секретарь США Мадлен Олбрайт позировала перед фотокамерами на буровой платформе компании «Шеврон».

Этот уже старенький материал из книги африканистов несколько не утратил актуальности сегодня. Наоборот, войны между кланами за дележ добычи продолжают с еще большим остервенением. В них под видом защиты «прав человека», «демократии» и прочих декларируемых ценностей также участвуют цивилизаторы — войска НАТО, уничтожающие африканцев. Сегодняшние примеры — это Ливия, а за ней Мали. Или война в Конго, о которой тоже нет постоянного шума в СМИ как о величайшей трагедии на земле. Даже «Википедия», подающая весьма смягченно любые сведения, сообщает нам о Второй конголезской войне (идет с 1998 года по сегодняшний день):

«К 2008 году в результате войны и последующих событий погибло 5,4 миллиона человек...»

Знает ли образованный читатель из Европы, что сегодня гибнут миллионы людей в Африке? Почему мирных жителей убивают в Конго? Не потому, что «дикари» любят подраться, а потому, что Конго — богатейшая страна Африки. Войны, конечно, обременительны всем, но при помощи их можно организовать хаос, нарушить политическую самостоятельность слабой страны, создать марионеточный режим и, делясь с ним, выгодно вывозить сырье для производителей из богатых стран. Бизнес — святое дело. Кланов воюют, а сырье (опять же платина, алмазы, нефть, уран и т. д.) исправно добывается современной западной техникой и вывозится на благо цивилизации. Именно поэтому войска НАТО — войска цивилизованных государств — хозяйничают в беднейших странах. Делят ресурсы в Конго и в других странах, но их не хватает. Такой дележ рано или поздно должен привести к очередной мировой войне. Впрочем, в Африке давно идет мировая война, вынесенная на самый незащищенный континент. Локальные и полномасштабные боевые действия ведутся в десятках стран, и в них участвуют по своему

усмотрению «миротворческие» войска ООН, устанавливающие «демократию», т. е. диктатуру капитала. Только за последние 20 лет на несчастном материке в войнах погибло около 10 миллионов человек. По поводу этой статистики идут ученые споры, но 8 или 10 миллионов смертей — все равно мировая война, а образованный европеец (и россиянин в том числе) в это же время читает в каждой строке газет и журналов амурные сплетни об эстрадных «звездах». Да и подумаешь, велика проблема — 10 миллионов человек для перенаселенной планеты. Такая идеология человеконенавистничества проникает сегодня уже в школы: привыкайте, дети, войны неизбежны. Можно посмотреть сведения о массовых уничтожениях людей в Чаде, Судане, ЦАР (Центрально-Африканской Республике), Нигерии, Камеруне, Сомали, Эфиопии и т. д. — везде ужасающая картина. Но цивилизованный мир ослеп и не видит африканских бед. Эти войны обязательно перешагнут свой континент. Сценарии прошлых мировых войн всегда начинались на окраинах, тем более что для нашего века не существует далеких расстояний. По сегодняшним событиям нельзя не добавить, что война в Украине, где схлестнулись интересы западных, российских и украинских олигархов, еще недавно казалась невероятной. Для империализма возможны самые крайние гнусности. И африканцы в этом смысле, испытывающие наиболее жесткий гнет империалистов, менее наивны, чем просвещенные европейцы.

Чьи это войны? Кто их вдохновители? Почему медиамир не бьет тревогу? Во время геноцида в Руанде, в месяцы наиболее массового уничтожения народностей тутси и хуту, в стране присутствовало всего 15 журналистов под охраной ООН. В эти же месяцы в ЮАР, можно сказать, по соседству, «тусовались» 2500 их собратьев по случаю выборов в президенты Нельсона Манделы. Журналистский ажиотаж призван был рассказать миру о торжестве демократии в стране традиционного расизма (апартеида). Войны кланов и еще в большей мере войны глобализирующегося империализма за перераспределение богатств, как и прочие события, журналистами — оплаченными слугами освещаются в угодном ключе. Поэтому мы читаем каждодневно на сон грядущий не о действительных бедах человечества, а о чем-нибудь второстепенном

и отвлеченном. Весь официальный медиамир отвлекает народы от хищного миропорядка капиталистов.

Может быть, кому-то небезынтересно будет прочесть для аналогии с прошлыми войнами «Десять заповедей хуту», чтобы увидеть, что руандийская война (геноцид) организована не простонародьем, а бизнесменами, военной властью и верховными политиками на программной основе. Националисты, европейские или наши, доморощенные, сегодня имеют примерно такие же программы (или более изощренные), и нередко их представители восседают в парламентах. Нюрнбергский процесс над фашистами стерся в памяти рьяных политиков.

«Десять заповедей хуту» — манифест, опубликованный в декабре 1990 года в газете «Кангура». Газета «Кангура» издавалась с 1990 по 1994 год.

«1. Хуту должны знать, что женщина-тутси, кем бы она ни являлась, служит интересам своей этнической группы. Поэтому предателем является любой хуту, кто делает следующее:

- женится на тутси,
- заводит любовницу-тутси,
- нанимает женщину-тутси в секретари или на другую работу.

2. Все хуту должны знать, что дочери нашего народа гораздо более добросовестны и достойны в роли женщины, жены и матери. Разве они не более прекрасны, более искренни и не являются лучшими секретарями?

3. Женщины хуту, будьте бдительны и приводите в чувство своих мужей, сыновей и братьев.

4. Все хуту должны знать, что все тутси нечестны в бизнесе. Их единственная цель — национальное превосходство. Поэтому предателем является любой хуту, делающий следующее:

- имеющий компаньона-тутси в бизнесе,
- вкладывающий свои или государственные деньги в компанию, которой владеют тутси,
- дающий или берущий в долг у тутси,
- дающий тутси привилегии в бизнесе (выдача лицензии на экспорт, банковского кредита, предоставление участка для строительства, предложение на участие в тендере и т. д.).

5. Стратегические политические, экономические, военные позиции, а также позиции в структурах безопасности должны быть закреплены за хуту.

6. Хуту должны составлять большинство в сфере образования, как среди учеников, так и среди преподавателей.

7. Вооруженные силы Руанды должны состоять исключительно из хуту. Этот урок преподали нам военные действия в 1990 году. Ни один военный не может жениться на тутси.

8. Хуту должны перестать жалеть тутси.

9. Все хуту, кто бы они ни были, должны быть объединены, зависеть друг от друга и заботиться о судьбе своих братьев-хуту.

— хуту в Руанде и за ее пределами должны постоянно искать друзей и союзников по Делу Хуту, начиная со своих братьев-банту,

— они должны постоянно противостоять пропаганде тутси,

— хуту должны быть сильны и бдительны перед лицом своих врагов-тутси.

10. Социальная революция 1959 года, референдум 1961 года и Идеология хуту должны изучаться всеми хуту на всех уровнях. Каждый хуту, участвующий в преследовании своих братьев-хуту — предатель для братьев, которые читали, распространяли и изучали эту идеологию».

Националистические устремления в нищих странах подхватываются цивилизованными государствами для большего их ограбления. Транснациональные компании по добыче сырья, которые якобы дают рабочие места жителям бедных стран, эксплуатируют за ничтожную плату нанятых рабочих и высасывают сырье исключительно для своих прибылей. Горнодобывающая промышленность в любой африканской стране вовсе не маленьких объемов, никак не связана с внутренним рынком. Сырье уходит в развитые промышленные государства для производства товаров, дающих главные прибыли. Доход от рудо — и нефтедобычи африканской страны также обогащает национальную верхушку, которой все равно, будет ли развиваться внутренняя экономика в комплексе. Поэтому горнодобывающая промышленность основывается на передовой технике, а крестьянин на поле работает древней мотыгой. И ни сельскому хозяйству, ни внутренней промышленности, остающимся без финансовых

вливаний, никогда не подняться. Африка — классический прида-ток экономики крупных держав. В этом кроется один из секретов нищеты африканских стран. Войны нищету усугубляют.

Горы Вирунга

Озеро Киву тянется в длину около 100 километров. Оно окаймлено высокими горами. Из поселка Мутура к нему спускается серпантин, сбрасывая по высоте больше 2000 метров. С дороги на протяжении долгого пути по-разному открываются панорамы на водную чашу и извилистые берега. Внизу видны два города, похожих на один — так близко расположены они друг к другу. Гисеньи — это своего рода курорт Руанды; Гома — крупный город Конго, и между ними проходит граница. В Гисеньи дорогие отели, но мы нашли дешевый Guest House при церкви и взяли за правило останавливаться при церковных гостиницах: они дешевле, чище и в них не шумно. В городе немного высотных зданий, может быть, из-за сейсмичности, и над ним довлеет большой ровно обрезанный купол вулкана Ньярагонго (3470 метров). С крыши трехэтажного здания, находящегося в центре, видны широкая улица, множество длинных кирпичных домов, автопарк, огромный щит, призывающий к борьбе против малярии в Руанде, и не меньший щит — реклам кока-колы. Конус горы огромными клубами поднимающегося пара и дыма постоянно притягивает к себе наши взгляды. Мы не привыкли к его неустанной работе, он для нас — нечто необычное, а местные жители, кажется, буйной стихии не замечают. До вулкана меньше 20 километров, но он находится в Конго. В кратере Ньярагонго бурлит самое крупное в мире лавовое озеро. Глубина кратера — около 250 метров при диаметре 2 километра. Лава периодически переполняет чашу и извергается в озеро Киву (крупнейшие извержения 1977, 1982, 2002 гг.). Последнее извержение уничтожило половину строений миллионного города Гома. Особый состав лавы позволяет ей растекаться со скоростью 100 километров в час. В «спокойное» время лавовое озеро на дне кратера почти все время кипит и пылает огнем выходящих газов. На борта кальдеры изредка поднимаются туристы в составе организованных групп. Трудности восхождения на вулкан сегодня сопряжены прежде всего с

дороговизной. Виза в Конго на границе стоит 285 долларов, разрешение на подъем (permit) — тоже недешево, 200 долларов. Находясь под боком у горы, посещение в составе тура (только так и возможно) обойдется не меньше 1000 долларов за три дня. Обычный здешний горожанин в эти же три дня не зарабатывает и 10 долларов. Дешевизна рабочей силы и зверский аппетит турсервиса вместе с ценами на пермиты характеризуют типичный бизнес по-африкански около иностранных туристов. Естественно, что этот бизнес монопольный, освящен всяческими законами и строго контролируется полицией. Ньирагонго — удовольствие не для простых смертных. Лучшие памятники природы и национальные парки принадлежат бизнесу, но по остальной Африке можно путешествовать по обычным ценам.

Самые рельефные ландшафты Африки созданы Великим рифовым разломом, который тянется по всей восточной части континента. Примерно на его середине находится горная цепь Вирунга, образуя борта границ Конго, Уганды и Руанды. Среди вулканов Вирунга крупнейший — Карисимби (4510 метров). Несмотря на высоту, он известен меньше своих активно действующих братьев Ньирагонго и Ньямлагири. Из местечка Мукамура мы поехали на перевал, где расположены маленькие деревушки. Перевал всегда обещает открыть замечательные виды на местность. Добираться нужно было автобусом, а затем в кузовах разных машин. Серпантинные дороги на некоторых склонах выводят к толстым слоям застывшей лавы, заполнившей огромные пространства. Крутые склоны покрыты лесами, а ближе к пологим местам у перевала крестьянами устроены поля, иногда вклинивающиеся в лавовые участки. Рюкзаки и гитару мы оставили на пороге одного закрытого домика, чтоб налегке пойти по тропам между полями. Чужие вещи в таких деревушках не тронут. На склонах, что покруче, нависают кофейные кусты, папайя, бананы, а в пологих местах насажено очень много капусты. Капуста здесь, видимо, особенно хорошо плодится; урожай складывается у дороги в горы кочанов. За нами по тропе собралась ватага детей. Туда и обратно проходили с грузом на голове жители раскиданных по округе домиков. Я остановил мальчугана ростом с Сашу и попросил у него мешок. Африканские дети быстро соображают, у них хорошее чувство юмора, и мальчик с озорной усмешкой передал мешок мне, который я поставил на голову сыну. Саша начал тренироваться

и тем развлекать прохожих. Ему не удалось пройти с мешком и 10 метров. Ведь занимаются же наши дети спортом, ходят в походы и носят рюкзаки, а до африканской сноровки им далеко. Мы вернулись к домику за вещами. Нас не отпускали и просили спеть, выразительно показывая на гитару. Народу собралось порядочно. Можно ли петь русские заунывные песни африканцам? Нужно было вспомнить что-то ритмичное. К мелодии под гитару тут же пристроился барабанщик, скоро уловив ритм на том, что оказалось под руками, а женщины стали подпевать припев, состоявший из двух слов. Крестьяне любой деревни в Африке музыкальны и мелодию схватывают мгновенно. Песня им понравилась, они пританцовывали и смеялись над тем, что быстро освоили чужую музыку. Физический труд не только укрепляет мышцы, но и дает чувство ритма, слух, голос. Европейцы посещают музыкальные школы; у африканцев песни и танцы в крови. После концерта нас с веселым гомоном провожала до дороги вся деревня. Автостопом на попутном джипе мы на скорости доехали до Кигали — столицы Руанды.

Судя по постройкам, Руанда несколько оправилась от войны и выглядит обустроеннее Уганды. В малых городках много кирпичных домов. Но благосостояния все равно не предвидится, и в глаза бросается социальное расслоение. Этим особенно примечательна столица. Центр города с блестящими супермаркетами на вершине холма и ужасающими ценами живет изолированной от простонародья жизнью. Богатому человеку неприлично появляться в нижних кварталах города. На верхушке в основном живут немногие счастливицы, передвигающиеся на джипах. Чем холм выше, тем больше ветерка и меньше комаров и малярии. Социальный статус определяет не только место жительства людей в городе, но даже их естественную защиту от малярии. На холме встречается много европейцев и особенно американцев. Чем они занимаются, нам трудно сказать: все они представители бизнеса. Порядок строго контролируется полицией, и для богатых Кигали — самая безопасная столица в Африке. Приехав в центр города поздно, мы слегка закупились в супермаркете и значительно опустошили кошелек. На следующий день ошибка была исправлена: на народном рынке оказалось возможным купить дешево ананасы, бананы, овощи.

В Кигали мы оформили визу в Танзанию: для европейцев, как и для россиян, виза стоит 50 долларов. Виза в Бурунди ставится на границе на три дня, а затем продлевается в столице. Здесь же в российском посольстве мы попали на встречу, где задолго до события шла подготовка новогоднего праздника. Женщины, вышедшие замуж за африканцев, их смуглые дети, российские специалисты разных профессий, работающие по договорам, посольские работники совместно готовились к зимнему празднику в тропической стране. Праздники, встречи и работу Женского комитета организует жена посла Инна Альбертовна. Это ее альтруистская инициатива, за которую не платят деньги, но она убеждена, что «не потеряет себя», если будет помогать людям. Вот бы у всех послов были такие жены! Здесь на неофициальной встрече за чаем мы познакомились и общались с россиянами, чья жизнь годами и даже десятилетиями связана с Африкой. Присутствовала на встрече семья пилота, работающего по контракту от Казанского вертолетного завода. Летчик рассказал нам, что президента Руанды на вертолете МИ-8 возит по стране тоже российский пилот. В Руанде трудятся также наши геологи, ведущие разведку нефти и газа. Десяток преподавателей и ученых работают в университетах страны. Наши специалисты недорого продают себя и хороши квалификацией, по этой причине их ценят во многих странах, хотя на родине они зачастую не находят работы.

Мы разговорились с одной женщиной. Русская по происхождению, руандийка в настоящее время, после развода с мужем-африканцем осталась надолго в Кигали и воспитывает троих славных смуглых сыновей. Дети ее присутствовали здесь же. Она работает в Минздраве Руанды как медицинский работник. Зарплата ее невелика, поэтому младшие дети учатся в обычной школе, а старший — в гимназии. Открытый, душевный человек, она с энтузиазмом рассказывала о своей работе. Ей нравятся африканцы искренностью и человечностью. В Россию не переезжает по причине отсутствия жилья. Ехать в большой провинциальный город ей боязно: «Детям тяжело там будет». Кроме неустроенности, ее пугает на родине набравший силу русский шовинизм (расизм). Я слышу в Африке такой отзыв не впервые, и тем безрадостней звучит он от соотечественников.

Город Бутаре — интеллектуальная столица Руанды. Здесь построен музей, в котором экспонируется все то, что лучше посмотреть в натуральном виде в деревнях, т. е. хижины, предметы быта и орудия труда. Есть и университет, конкурирующий со столичным. В нем работают несколько российских преподавателей. Мнения преподавателей о студентах и уровне науки сходятся в том, что преподавание слабое, и студенты не имеют базовых познаний обычной школьной программы. Приходится преподавать им все: от элементарных сведений по физике и математике до сложных дисциплин современного вуза. Одни преподаватели отмечают в студентах любопытство, добросовестность и стремление к познаниям; другие, наоборот, считают африканцев туповатыми в науках и не способными познавать абстрактные категории. Тут надо сказать к последнему суждению: сытый голодного не разумеет. Преподаватели, работающие по договорам за границей, получают примерно 1300—1500 долларов в месяц, имеют дешевое жилье и не одну служанку из африканцев. Эти условия, пожалуй, заслоняют им глаза и не позволяют понимать африканцев, выросших и выучившихся на скромные средства или вообще без средств. Большинство студентов, которые учатся в Бутаре, выросли в деревнях или городках, где очень примитивные школы, организованные часто при церквях с опорой не на светскую науку, а на церковную догму. Надо учитывать, что 70 % африканцев вообще не учатся в школе или учатся формально в начальной школе, после которой дети с трудом читают и пишут. Большинство студентов, получивших среднее образование и поступивших в вузы, учились в слабых школах, часто без учебников и у учителей, которым скудно платят. Все ли академические преподаватели, приехавшие из-за границы, могут понимать людей бедной страны? Нужно сначала усвоить факт, что в сельских школах на одного учителя приходится до 70 учеников и дети обучаются на примитивной базе. Дети африканской элиты получают престижное образование в Европе, предварительно посещая дорогие частные школы и репетиторов. Неудивительно, что в африканские университеты основная масса студентов приходит со слабой подготовкой.

Самостоятельно путешествующим людям, проезжающим Бутаре, мы советуем остановиться у Ларисы и Ксении — скромнейших и добрейших преподавателей университета. Их многие в городе знают,

несмотря на то что живут они там недавно. Женщины постеснялись иметь прислугу и отказались от уборщицы, а вот от сторожа нельзя было отказаться. Не потому, что он им очень нужен, а потому, что таков порядок для иностранцев. Назначенный сторож имел обыкновение спать на полу в сторожке, и женщины не смогли его уговорить жить в доме, в свободной комнате. Тогда они купили ему матрас, чем насмешили весь город: во-первых, тем, что сделали дорогой подарок; во-вторых, сторож вроде как должен не спать ночью, а охранять. Еще женщины рассказали, что недавно по местному радио они вдруг услышали свои фамилии. Репортаж шел на английском языке. О них сообщали как о новых приезжих преподавателях, называли их адрес и какой маршруткой ездят в университет. К сообщению был комментарий: «Неужели руандийцы не способны иметь своих преподавателей». Женщины переживали по поводу публичного упрека, но их успокоили студенты. Местным преподавателям университета платят вчетверо меньше, чем иностранным, потому что работу вторых финансируют международные фонды. Могут ли действительно они влиять на африканские зарплаты, их ведь пригласили сюда на работу.

Вчера, гуляя по университетскому парку, мы вышли на площадь, где молодые люди в одиночку или небольшими группами декламировали во весь голос длинные тексты. Можно было подумать, что таков популярный метод обучения в университете. Тексты, однако, читались религиозные. Один из российских преподавателей нам объяснил, что на студенчество большое влияние оказывает церковь: это ее метод, пригодный для проповедей. Участие в церковной деятельности сулит студентам университета более вероятные заработки и карьеру. Адвентисты, баптисты, протестанты, католики, свидетели Иеговы владеют молодыми умами зачастую больше, чем наука и университет.

Дети наши, кажется, втянулись в путешествие. Тесные автобусы, автостоп, толпы зевак, уличные кухни, скромные ночлеги в палатках и простеньких гостиницах подвинули их капризы. Настроение уже бодрее, чем в начале путешествия. Ребята стали больше читать. В автобусах в тесноте они слушают курс английского, читают русские рассказы и учат немецкую грамматику. В гостиницах штудируется математика. Паша успевает читать рассказы по древней истории

и заниматься на гитаре. Даша старательно все выписывает, но не учится на результат, т. е. школярство идет хорошо, а познание не очень. Сашу нужно подгонять: лень родилась раньше него. В любом случае они в Африке больше читают, чем во время учебы в Германии. Лена замечательно вошла в роль домашнего, вернее сказать дорожного, учителя. В дороге, пока я сучусь по организации путешествий, она хорошо дает материал почти по всем предметам. Я веду свои уроки по географии и истории менее добросовестно. Надеюсь прибавить в Танзании, а здесь пока у меня есть отговорка: Уганда, Руанда, Бурунди — сложный узел. Нужно осторожничать, укладываться в график продвижения и изощряться в экономии денег.

Елена

10.10.2008. Утром пересекали границу с Руандой. Здесь народ намного меньше владеет английским, и многие говорят на французском. Руандийская сторона выглядит несколько ухоженнее и богаче Уганды. Продолжается такой же вулканический ландшафт, а озера здесь не хуже озера Буньони.

Переехали сразу от границы до озера Киву. Это местный курорт. В городе все очень аккуратно. Много богатых домов, гостиниц, банков. Нашли хорошее место для ночлега — отель при церкви. Очевидно, его используют как центр обучения, куда съезжаются люди на семинары. Мы сняли комнату где-то на заднем дворе. Здесь было чисто и тихо. Народ приветливый и дружелюбный. Комната стоила на пятерых всего 10 долларов. Затем ходили купаться и гулять на озеро. Раньше здесь плавал корабль, и даже на карте можно увидеть его маршрут. Но, к сожалению, сейчас нет ничего. На городском пляже отдыхало много людей, особенно ребяташек. Мы прошлись немного в сторону и тоже искупались. Собирался дождь. Обратившись в гостиницу мы уже не успевали. Зашли в какое-то кафе на берегу и заказали горячий чай. Кроме нас, здесь никого не было. Мы сидели под крышей веранды у озера и пили горячий чай. Дождь лил как из ведра. Было очень романтично...

Очень вкусно обедали в городской столовой. Повара и персонал в белых одеждах. Готовят гораздо лучше и разнообразнее, чем в Уганде, и следят за чистотой. Полноценный обед стоит не более

2 долларов. В Уганде можно часто увидеть, как прямо на улице что-то готовят. В Руанде это, очевидно, запрещено.

В гостиницах часто используется слабое освещение, а вечерами нам необходимо с детьми заниматься и читать, поэтому я попыталась на рынке купить яркую лампочку. Искали всем рынком, но так и не нашли.

Наш дальнейший путь лежал в сторону столицы — Кигали. Дорога проходила у подножий вулканов. Нас подкинули на попутке на перевал. Оттуда мы поднялись до деревни повыше и решили там прогуляться. Погода была пасмурная, и вид на вулканы не открывался. В этой местности выращивают капусту на продажу. Здесь много огородов, но люди живут довольно бедно. Ребята с малолетства работают вместе со взрослыми. По дороге встречали детей, несущих большие охапки хвороста и мешки с капустой. Володя пытался водрузить такой мешок на голову Саше или Даше, но им удавалось сделать с этой ношей всего нескольких шагов. А еще говорят, что у нас тяжелые рюкзаки! Затем мы немного общались с крестьянами. Они охотно шли на контакт. Некоторые пытались просить денег, но ненавязчиво. Их было жаль. Хозяевам хижины, у которой оставляли рюкзаки, мы отдали наши съестные запасы в виде хлеба, сахара и крупы. Сидевшие там несколько женщин с ликованием и смехом разделили все между собой. Потом нас просили спеть или сыграть на гитаре. Володя стал петь шуточную задорную песню. Народ радостно подхватил, и кто-то даже стал выстукивать ритм на ведре. Было ощущение, что мы попали в большую детскую семью, столько задора, расположения и открытости светилось во всех глазах.

Попуткой уехали до Кигали. В городе были уже затемно. Володя позвонил в российское посольство, и, несмотря на поздний час, нас приняли и поселили.

Еще в дороге Володя немного простудился. Теперь была наша очередь чихать. На следующий день у нас с Дашей поднялась температура, а у Паши с Сашей начался насморк. День провели в борьбе с африканским вирусом ОРЗ. Но к следующему утру всем стало легче, и мы выехали в город. Центр Кигали находится на холме и выглядит очень чинно и скучно. Цены в магазинах выше европейских. Интернет работал первый раз хорошо. Основной город

находится у подножия холма и похож на остальную часть Руанды с маленькими домиками и торговыми лавками. Мы спустились с холма и зашли на народный рынок подальше от центра. Там оказалось все дешево, колоритно и вкусно.

12.10.2008. Нас пригласили на мероприятие в российском посольстве. Здесь раз в месяц устраивается встреча русскоязычных женщин, живущих в Руанде. Нам предложили выступить перед собравшимися. Мы рассказывали о поездке, показывали фотографии и пели. Затем все вместе готовили сувениры к рождественскому базару. Жена посла, очень милая молодая женщина, руководила мероприятием. Принимало участие около 30 человек: это работающие в Африке по контракту или давно живущие здесь люди со своими ребятами. В Кигали немного культурных мероприятий, и россияне с удовольствием приходят на такие встречи. Мы познакомились с некоторыми из них. Судьбы очень разные. Одни живут в достатке, другие должны пробиваться. Их сближает общая культура, темы воспитания и образования детей, положения женщины в Африке.

После встречи мы взяли интервью у Инны Альбертовны. Мне импонировало ее отношение к делу, живость, здоровое желание самореализации. Жены послов обычно не имеют возможности работать. Комитет женщин, возглавляемый ею, проводит культурно-просветительскую работу, поддерживает бедных, организует досуг и возможность обмена опытом, психологическую поддержку русскоязычного населения Руанды. Инне Альбертовне искусно удалось объединить русскоязычных людей в Руанде: постоянно живущих с временно работающими и даже с сотрудниками посольства.

14.10.2008. По рекомендации Института Африки в Москве мы познакомились с очень приятным человеком Михаилом Дмитриевичем, вторым секретарем посольства. Он принял нас без церемоний и поселил на территории резиденции. У него славная жена Ирина и два сына. Наши дети очень подружились со старшим — Мишей. Мы даже устроили футбольный матч. Ирина приготовила нам вкусный ужин, и мы провели вечер в теплой русской компании.

Наутро решили ехать в Бутаре, с тем чтобы потом отправиться в Бурунди. Бутаре считается интеллектуальным центром Руанды. Здесь находится университет. Нам дали телефон преподавателей,

работающих по договору и живущих там уже три года. По приезде мы сразу зашли в Национальный музей Руанды. Экспозиция отстроена по европейским стандартам и считается лучшей в Восточной Африке. Вход для взрослого стоил 6 долларов. Музей нас несколько разочаровал. Экспозиция почти ничего не рассказывала об истории страны, а демонстрировала только современный деревенский быт африканцев. Наверное, для иностранца, который приедет на две недели, чтобы посмотреть озеро, сходить на вулканы или съездить в национальный парк к обезьянам, этот музей будет поучителен. Но мы видели все это в деревнях. Там те же орудия труда, те же хижины, циновки и даже те же танцы, которые нам показывали на современных мониторах. Напрашивался вопрос: стоит ли ехать в страну, чтобы посмотреть ее в музее?

Семья гостеприимных профессоров Елены и Олега жила в 15 минутах ходьбы от музея. Как живут в Африке, в Руанде, белые? Вот мои первые непосредственные впечатления: большой дом с садом, комнаты для прислуги и гувернантки, за садом ухаживает садовник или сторож, который живет в отдельном домике. Слуги — это обязательная принадлежность здешнего интерьера. Существует особый стандарт на аренду дома: нельзя снять маленькую квартиру или комнату — этого вам сделать не дадут. Нельзя снять дом без сторожа. Сторож или садовник не должен спать ночью. Он обязан ходить и сторожить. Дом не должен никогда оставаться пустым: либо жильцы, либо сторож должны находиться дома. Российские девушки-преподаватели делились с нами впечатлениями: в один из первых вечеров пребывания в Африке они были напуганы храпом возле дома. Вышли тихонечко посмотреть. Сторож спал на крыльчке на картонках. Они тщетно пытались отправить его спать в дом. Только один раз, во время дождя, они уговорили его уйти к себе. Потом решили купить ему матрас и очень удивили весь город своим подвижничеством.

Руанда — ныне очень спокойная страна. Правительство пытается во всем навести порядок. Недавно принят закон о бесплатном среднем образовании. Предъявляются требования к гигиене. Людей обучают мыть руки, купаться. В столовых работают в белых халатах и колпаках. Мотоциклисты, развозящие пассажиров, обязательно имеют второй шлем и не вправе сажать больше одного человека.

Обучение в школах происходит на английском и французском языках. Принята программа по переводу обучения на английский язык. Большинство людей все же говорят сейчас на французском. Люди деликатны и ненавязчивы, хотя в определенных местах скапливаются, как и везде, пристава­лы и зеваки. В городах дети посещают школы. Деревня еще сильно отстает.

Мы много расспрашивали Елену и Олега о системе обучения: уровень подготовки довольно низкий. Естественные науки студенты знают плохо. Но многие из них очень старательны, трудолюбивы и обладают прекрасной памятью. Система подготовки в университете достаточно слабая. Например, большой сложностью для наших преподавателей является проведение лабораторных работ, так как многие студенты и работники-руандийцы не видят в них смысла. Но ведь теория без практики слаба. Трудности возникают еще и из-за недостаточного знания английского языка учащимися, особенно на начальных курсах. Кроме того, английский у них скрашен местным диалектом, так что преподавание несколько затруднено.

Олег и Лена любезно предложили нам остаться еще на день и показали университет. Современные низкие здания удачно вписываются в ландшафт лесопарка, на территории которого расположен университет. Мы гуляли по красивому лесу. Здесь растут несколько сортов эвкалипта, хвойные деревья и бамбук.

Из Бутаре Володя решил ехать в Бурунди, чтобы уплыть по озеру Танганьика в Танзанию...

Паша

На границу мы уехали автостопом. Остановились в городе рядом с вулканами Вирунга. Они действующие.

Доброе утро, вулкан открылся. Было хорошо видно кратер и как из него выступает дым. Это был действующий вулкан, находящийся в Конго. Вулканы тянутся цепью.

Побежали

«Бешеной собаке сем верст не крюк» или «Побежали» — так передразнивали мы, «черпахи», папу, когда он стремился

куда-нибудь добраться. А когда мы уговаривали его где-нибудь остаться, он нам твердил, что мы до января не доберемся до Намибии, что мы и так спокойно путешествуем.

Между Угандой и Руандой мне все время хотелось перелезть через забор, так как граница не охранялась. Но мы поставили визу, и она оказалась для наших паспортов бесплатной. Мы сэкономили по 60 долларов на человека и благополучно добрались до озера Киву (Руанда). Это озеро меня разочаровало. Озеро Буньони мне показалось намного красивее. Наверное, здесь показалось неинтересно, потому что пошел дождь и ничего не было видно. Зато люди в Руанде мне понравились больше, чем в Уганде.

Затем с озера мы «бегом» доехали до Кигали автостопом, на джипах, но папа пожелал еще остановиться и посмотреть деревню. В деревне мы пели вместе с африканцами. Я сделал вывод, что большинство из них не слушают, когда играют на гитаре. Им интересно смотреть на «мзунгу» (белого), хотя потом кто-то из детей начинал прислушиваться.

В Кигали мы жили три дня при посольстве и хорошо отдохнули, потому что до этого немного простудились. Потом «побежали» дальше в сторону границы Бурунди. Но «разбежаться» не удалось. Только мы проехали полтора часа, как на нашем пути опять оказались русские, живущие в Руанде. Мы снова там остановились. Виновники оказались профессорами. Они рассказывали нам про университет. Обучение в нем еще слабое, а студенты больше любят рассуждать о божестве. Еще мы сходили в Национальный музей, но ничего нового не увидели, так как все это уже встречали в деревнях.

Даша

06.10.2008. Утром мы добрались до границы. Там мама с папой заполняли какие-то бумажки. А потом один мужчина угостил нас бананами. На автобусе мы поехали к озеру Киву. Оно считается самым красивым озером в Африке. Мы поселились в отеле и пошли гулять. На берегу странно пахло. Мама рассказала мне, что, когда люди заплывают далеко, они вдыхают вредный газ, выделяющийся из вулкана, и тонут. В прибрежном кафе папа заказал нам чай, а мы решили пока искупаться. И купались мы вовремя, потому что, когда

зашли под крышу, начался сильный дождь. Перебежав в кафе, где нас ждал чай, мы сели за стол. Дождь лил как из ведра! Мы ждали долго, пока он прекратится, но он не заканчивался, и нам пришлось идти под дождем в отель. Вот так мы провели первый день в Руанде. Но мне кажется, что все-таки озеро Буньони красивее, хотя озеро Киву считается самым прекрасным в Африке.

08.10.2008. В Кигали. После завтрака мы сели за уроки. Паша, мама и папа ушли в город. К счастью, они скоро вернулись, так как мне было жарко и хотелось спать. Мама чувствовала себя так же. Померив температуру, мама отправила меня спать. Сама она не легла, а что-то делала... После сна мне стало лучше, и мы даже играли в футбол с Мишей. Миша — это сын второго секретаря, и Саша, пока я спала, с ним познакомился и играл. На футболе мама стояла у ворот, как защитник, а я в воротах. После футбола уроки учились уже легче. В общем, мы целый день проболели.

09.10.2008. Сегодня маме было легче, но у нее была слабость и сильный насморк. А я чувствовала себя как огурчик. После завтрака мы учили уроки, и Саша немного играл с Мишей. Потом мы поехали в город. Мы доехали на такси до центра города. Здесь стоял большой универмаг. Папа ворчал, так как не любит цивилизацию, но когда мы оказались на местном базаре, он успокоился. Весь остальной день прошел как обычно, а вечером мы повторяли песни, потому что собирались завтра выступить на собрании русских.

10.10.2008. Проснулись мы рано. Мама чувствовала себя хорошо. Позавтракав, мы повторили песни и пошли в посольство. В помещении было много взрослых и детей. В середине зала стояли столы, а на столах лежали материалы для всяких поделок. Эти поделки они мастерили для рождественского базара, чтобы продать их, а деньги, полученные от продажи, отправить на помощь бедным. Все это организовала жена посла. Она каждый раз придумывает что-нибудь новое. Сегодня делать поделки, в следующий раз будут соревнования или спортивные игры и т. д. Мы тоже помогали готовить подарки. Прошло время, некоторые гости ушли, а оставшиеся убрали столы и сели пить чай. Папа рассказывал о нашем путешествии, а потом мы спели две песенки. После собрания нас

пригласили в гости родители Миши. В шесть часов вечера мы зашли к ним в гости, так как жили рядом, за стенкой.

Саша

По дороге в Руанду мы заметили три больших красивых вулкана и остановились в одной деревне, откуда их было хорошо видно. Из трех вулканов только один дымился. Потом я узнал, что в этом курящемся вулкане находится самое большое лавовое озеро на земле. Мне было интересно, потому что я впервые видел действующий вулкан так близко. Нет, мне было не страшно. Это было просто классно, смешно и здорово! Есть такие люди, которые спускаются в специальных костюмах вглубь кратера и фотографируют лаву. Я бы не пытался так рисковать жизнью там, в кратере. Если на тебя брызнет хоть немного лавы, никакой спецкостюм уже не выручит!

Когда останавливался автобус, то к окнам подходили африканцы и смотрели, как я пишу дневник.

Озеро Киву

На озере Киву мы встретили одного дядю, который вдруг сказал нам: «Акуна-матата» (как в сказке «Король Лев»). В озере Киву мы купались, хотя там, говорят, на поверхности воды собираются газы из вулкана. Мы чувствовали запах газа в воздухе. Но это вовсе не было так страшно, как описано в путеводителе.

Кигали

На следующий день мы поехали в Кигали. Там мы ночевали три ночи при посольстве. В первый же день мы заболели. У нас был насморк и кашель. Когда папа болел, он все время шутил, что у него малярия.

На следующий день я увидел русского мальчика восьми лет, и мы сыграли с ним в футбол. А потом мы вместе смотрели телевизор. На следующее утро я рассказал маме мой сон. Мне снилось, что мы едем по Африке и кругом много змей.

Когда я с Дашей делал уроки, на крышу прибежала маленькая обезьянка. Нам сказали, что она живет на территории дома президента Руанды. Потом мы поехали в Бутаре.

Бурунди

Площадь — 28 тыс. км²

Население — около 9 млн чел.

Владимир

Из Руанды можно направиться в Танзанию, но там долго тянется разбитая дорога, или можно ехать по асфальту в Бурунди — не совсем спокойную страну. В Бурунди периодически вспыхивают конфликты с перестрелками. Стреляют не только из автоматов, но и артиллерией. По слухам и сведениям из бурундийского посольства, находящегося в Руанде, на сегодня в Бужумбуре все спокойно. Мы решились на транзит до столицы, а из нее, стоит только мельком взглянуть на карту, захочется уплыть по великому озеру Танганьика. Это озеро, может быть, самое удивительное в Африке; его нельзя не посмотреть. Для нас это еще одна причина ехать в Бурунди, а уже оттуда по воде отправиться в Танзанию. Танганьика исключительно похожа на Байкал, но отличается характером температуры; озера — как брат с сестрой, живущие на разных континентах. Очень похожие удлинённостью по форме водоемы примерно равны величиной и даже глубиной. Танганьика несколько уступает и является вторым по глубине озером в мире. Так же, как в Байкал, в африканское озеро впадают многие реки, а изливается одна. Ангара выходит из Байкала; из Танганьики вытекает широкая Лукуга. Воды Ангары принимает могучий Енисей; Лукуга ведет свой поток в великую реку Конго. Необычное озеро, надо ехать в Бурунди!

В Руанде на границе нас выпустили чинно, а в Бурунди встретили вымогательствами. Виза в страну стоит 20 долларов. Я подаю стодолларовую бумажку на пятерых, но офицер-пограничник ее

бракует, она 1999 года. На границе Бурунди доллары до 2000 года выпуска ценятся меньше их стоимости. Нахожу бумажку 2003 года — офицер недоволен, долго что-то пишет и намекает, что быстрое оформление стоит денег. В таких случаях лучше всего изобразить блаженное выражение лица европейского туриста, который никуда не торопится и хочет подольше пообщаться на паспортном контроле и на таможне. Моя физиономия, видимо, быстро надоела таможеннику, нас отпустили.

Автобус, на котором мы поехали в Бужумбуру, несколько раз останавливал патруль с автоматами Калашникова. Надо сказать, в Руанде и Бурунди можно нередко увидеть боевые машины (БМП, плавающий танк) и автоматы производства СССР. В деревнях, где периодически останавливался автобус, бросалась в глаза крайняя бедность и разрушенность домиков. Реакция жителей на проезжающих в транспорте была диковатой, особенно когда дорога поднялась в горы. К машинам выскакивали наперерез подростки, гнались, цеплялись за ручки дверей; пассажиров освистывали и провожали улюлюканьем. Нам захотелось засветло добраться в столицу.

Бужумбура — первый город, в котором мы поспешили в российское посольство с корыстной целью: узнать, насколько безопасно в стране, и лучше бы в первую ночь там же переночевать. С ходу мы не нашли гостиницу. Чтобы в сумерках не привлекать к себе внимания, пришлось раскошелиться на такси. Двойной забор нашего посольства ошеломлял величиной и ощетиненностью. Трубы высотой метров семь-восемь с колючей проволокой будто спрашивали нас, надо ли было приезжать в Бурунди. В воротах три двери, открывающиеся и закрывающиеся поочередно. Уяснение наших личностей происходило под видеокамерой. В помещении нас не пригласили сесть. Человек шесть мужчин, работников посольства, изумлялись явлению на ночь соотечественников с рюкзаками. Больше, чем других, они разглядывали маленького Сашу с большим рюкзаком, который некстати прихварывал. Кто-то из начальства долго читал короткий рекомендательный текст МИДа, и все томились молчанием. Пауза длилась и после чтения. «Главный» (по определению Даши) хотел, по всей вероятности, покрутить пальцем у виска, но посольский этикет не позволял ему этого жеста. В конце концов он тяжело выдавил:

— Ну как же вы так?

— Ну, мы хотим по озеру Танганьика на пароме переправиться в Танзанию, — ответил я хоть что-то.

— Вы знаете, что три месяца назад в городе шла пальба из пушек? — начал нас официально воспитывать сотрудник.

— А сейчас?

Становилось смешно и в то же время жалко, что мы сразу не отправились на поиски гостиницы и теряем здесь время. Однако на ночь нас пристроили к неразговорчивому и очень хмурому русскому предпринимателю. На другой день, извинившись за беспокойство, мы ушли от него, поскольку нас боялись выпускать даже за забор дома. Надо было искать отель и узнавать об отправлении парома в Танзанию.

— В посольстве все зависит от «главного», и нам вчера не повезло, — разъяснял я детям, а про себя думал: «У них тоже есть дети, могли бы с нашими поиграть вместе. Скучно, наверное, здесь от изолированности».

С утра в любой столице безопаснее, чем вечером: грабители, активные по ночам, еще спят, вора́м тоже непросто — мало народу. Найдя недорогой и, соответственно, неприглядный отель, мы заселились в него на первый случай. Дети с Леной остались в номере читать и учить уроки, а я направился в порт. Никто не мог сказать, когда будет корабль на Кигому, т. е. в Танзанию. В порту я на авось справлялся, вдруг кто-то говорит по-русски... И такой нашелся! Среди множества строений мне показали комнату, в которой находился джентльмен в костюме.

— Вы говорите по-русски?

— Я ленинградец, — ответил черный как смоль африканец и широко улыбнулся.

Все сразу пошло легче. Мануэль, так звали бывшего студента, учившегося в СССР, выяснил, что судно отправится через несколько дней, и обещал свести нас с капитаном. На радостях я пошел прогуляться по набережной. Около порта на пляже местные мальчишки играли в футбол, а некоторые из них купались вблизи побережья. Пожилой африканец вдруг стал кричать на купающихся, и они во весь дух помчались удирать из воды. Вскоре стало понятно почему: метрах в 100 от берега вынырнул мордастый бегемот и

озирал побережье. Я пошел за нашими детьми, чтобы погулять с ними в порту и, может, покататься на лодке; для нас-то бегемот в диловинку. Мануэль подсказал к тому же, в каких местах в столице «не опасно», по африканским меркам, конечно. Припортовый пляж можно назвать культурным центром города. Утром здесь делают пробежки спортсмены; днем приезжают посмотреть на великое озеро все, у кого есть досуг; вечером количество спортсменов прибывает, и они дружно, командой, с речевками, как у пионеров, делают гимнастику. Подальше от порта, на поле тренируются футболисты.

Вечером в отеле мы готовили на своем примусе борщ и даже угостили им любопытствующую приятную африканскую пару. Среди ночи поднялся гомон новых заселяющихся. Вскоре шум перешел в драку. Затем вдруг стала кричать и ругаться какая-то женщина, очевидно, одна из проституток. Я вышел на крик. Африканцы приняли меня, заросшего бородой, наверное, за араба и спокойно объяснили, что уже никаких проблем нет. Сон наш снова и снова прерывался из-за криков и шума: нужно было менять жилье. В других отелях было очень дорого, и дороговизна держится благодаря нагнетаемому криминалом страху у приезжих. Нечаянно я забрел в гостиницу при церкви, в которой оказалось недорого, тихо и уютно.

В Бурунди, как почти во всех африканских странах, много европейских и американских церковных миссий, которые заполняются людьми по субботам и воскресеньям. На дорогих джипах и мерседесах собирается в престижном храме разодетая публика. В такую церковь не заходят люди низких социальных слоев, и уже этим церковь похожа на богатый клуб. В соседней церкви, что поскромней, поют и танцуют люди среднего достатка. Это заметно по нарядам. Простонародье больше держится своих традиционных верований и в церкви ходит редко. Молитвы соответствуют темпераменту африканца и похожи на веселые песни с танцами. Церкви миссионерской поры канонизировали обновленные ритуалы под психологию жителя тропической полосы и успешно увлекают африканцев в свои религии. Мы посетили в столице два храма.

Примус нас в Бужумбуре выручает. Овощи с картошкой на базарах стоят недорого, мясо — немного больше, чем в Европе; этого достаточно для готовки вкусной еды. Периодически мы едим в забегаловках: простонародная пища, когда она готовится на огне,

всегда вкусная. Но, надо сказать, Африка — не место гурманам и местная кухня не особенно многообразна. На молочные продукты вообще не надо рассчитывать, а сладости заменяются фруктами, которые, кстати сказать, без химикатов. В немногих супермаркетах, где продаются завозные товары, цены умопомрачительные. Наши дети с ностальгией умилились хлопьям, но они стоили 24 доллара за килограмм, и мы пошли на базар покупать ананасы.

Сегодня видели жестокую драку. На улицах встречаются попрошайки с хорошим английским языком, и к рюкзаку на людном базаре сразу же пристраиваются воры, бесцеремонно открывающие замки. Рослый юноша, вроде как проходя мимо, открывает замок и быстро удаляется в сторону; его собрат-карманник пытается пройти с другой стороны и запустить руку в открытый карман, т. е. кража происходит наглее обычной, не исподтишка. Заборы, окаймленные битым стеклом, решетки на окнах многоэтажного дома и печальные глаза женщин говорят о ненормальной окружающей обстановке. Если идти днем по центру города, то жизнь кажется обычной, на улицах даже радуются и смеются люди; они привыкли к такой жизни, как привыкли мы в России с некоторых пор жить при железных дверях. В первые два дня мы встретили троих россиян, живущих в Бужумбуре. С нами они были неприветливы, видимо, общая атмосфера и на них наложила печать подозрительности: мало ли кто мы (хотя кем мы можем быть с тремя детьми). Ночью в Бужумбуре комендантский час, и после восьми вечера столица не для прогулок.

Паром задерживался, и точная дата отправления была неизвестна даже капитану. Мы уже примелькались в городе и обошли его разные уголки. В один из дней, услышав складный бой барабанов, мы решили не спешить в гостиницу, хоть и вечерело. Пошли на звуки, где шло представление. Барабанщики по очереди выходили в круг для танцев. Обычная репетиция на поляне около строительного забора оказалась захватывающей. Около 20 барабанов гудят, как набат колокола, и в то же время держат заразительный ритм. Каждый танцор на своем месте подтанцовывает солисту. Солисты меняют один другого. Прыжки, сальто, танцы очень ловкие, но этого мало: главное, сколько азарта сияет на лице! Один барабанщик нам особенно понравился: коренастый бесноватый танцор с горящими глазами выколачивал сатанинский ритм и одновременно

добродушно улыбался. Он мгновенно переходил от танца к барабану, не выпуская палочек. Хор глубоким грудным пением подбадривал его и подыгрывал пляске. Танцу не было конца, и азарт его возрастал. Африканцы часто поют, играют на инструментах и танцуют одновременно. Их игра не театральная, а естественная, как природа кругом, как Африка. Танцуют африканцы живо, естественно и задорно — так, как играют дети. Увлечшись зрелищем, мы запоздали с возвращением в гостиницу. Ночью в Бужумбуре лучше не прогуливаться и ехать на такси.

Бурунди этнически и даже величиной похожа на Руанду. Народность хуту бантуязычного происхождения, в основном земледельцы, составляет около 84 % населения. Тутси-скотоводы из

хамитоязычной группы занимали часто более привилегированное положение, их около 14 %. Почти 1,5 % жителей — пигмеи батва, часто выполнявшие роль слуг и рабов у первых двух народностей. Территория Бурунди чуть больше Руанды — 27,8 тыс. км²; население — около 9 млн человек. В 50-х годах XIX века, когда тутси стали бороться за независимость страны, Бельгийская администрация не без заднего ума выдвигала вождей из хуту с целью удержания в узде колонии. В послеколониальный период манипулирование националистическими партиями посредством их подкупа в пользу удобного богатым странам курса тоже не способствовало стиранию неприязни между двумя основными народностями. Внутренние распри в стране и мировая политика крупнейших держав в стремлении создавать удобные марионеточные режимы дали убийственные результаты. С 1993 по 2005 год война между хуту и тутси только в Бурунди унесла 300 тысяч жизней; конфликты и военные вспышки продолжаются и сегодня. Еще более страшные столкновения этих народностей произошли не в Бурунди, а в Руанде в 1994 году.

Что думают африканцы сегодня о недавней трагедии? Войну почему-то называют геноцидом, как будто любая другая война таковым не является. Кто на кого хочет свалить вину за унесенные жизни, играя названиями трагедий? Африканцы общую причину войн видят «в политике», которая считается грязным делом, пожалуй, у всех народов. Почему воюют между собой хуту и тутси, спросили мы у Мануэля — нашего нового знакомого. По его мнению, хуту и тутси существовали в древности, а сейчас все давно перемешались браками. Тутси, как пастухи и воины, главенствовали в прошлом над земледельцами. Но какие пастухи в городах? А политику делает прежде всего столица: есть богатые горожане и бедные. С давних пор те, кто становился богаче, женились на тутси или просто причисляли себя к ним. В хуту, как правило, входили все бедные слои населения. Названия народностей больше соответствовали социальной принадлежности людей. Нет давно «чистых» хуту и тутси; все давно бурундийцы, но войну развязали на националистической почве. Так думают большинство людей в стране. Виноваты в развязывании войны националисты, виновата ООН, которая

пишет хорошие декларации, виноваты богатые страны, по умыслу которых одобряются сценарии гражданских войн, чтобы ослабить страну и выкачивать из нее сырье.

Мануэль, можно сказать, дал нам часовое интервью. Прожил он в Питере семь лет. В Танзании, Руанде, Уганде, где ему приходится бывать в качестве эксперта по перевозкам, он ищет тех, кто учился в СССР. С ними ему легче находить общий язык и в деловых отношениях. Советский диплом до сих пор является престижным; его имеют некоторые члены правительства, министры, верховные военные. Учебу в Ленинграде Мануэль считает самой счастливой порой своей жизни; он помнит многих преподавателей и мечтает приехать погостить в «любимый город». В Бурунди всех учившихся в СССР называют русскими; их объединяет Ассоциация бывших студентов. Сейчас у Мануэля четверо детей, они тоже много знают о России.

О пароме стало известно в день отправления. Мы приехали на таможню заблаговременно и, может быть, поспешили. Таможенник при виде иностранцев стал искать возможности для поборов. Но вскоре подошел наш старый знакомый, заговоривший с нами по-русски. «Контролер» тут же успокоился, а Мануэль представил нашу семью капитану и тепло с нами попрощался. Вечером мы вышли в рейс. Какое радостное чувство вызывает движение вперед! Дети бегали по кораблю, большая волна била по борту; к сумеркам ветер успокоился, и багровый закат осветил озеро Танганьика. Великое озеро! К нему, кстати, примыкают границы четырех государств: Бурунди, Танзании, Замбии и Конго. Паромы нерегулярно курсируют между всеми прибрежными портами. Это судна не европейской комфортности, но достаточно прочные.

Елена

16.10.2008. Дорога от границы до столицы Бужумбуры новая и хорошая. Она пролегает через горы, поэтому можно все время любоваться замечательными пейзажами. Но наш микроавтобус летел вверх и вниз по этой гладкой дорожке с такой скоростью, что меня с детьми весьма укачало и было уже не до красот. Народ

в Бурунди одет ярче, чем в соседних государствах, и, кажется, судя по их бурным реакциям на остановках, достаточно дикий.

К вечеру спустились к озеру Танганьика, расположенному у самой столицы. Обычных гостиниц в городе не видно. Те две, которые мы посетили, оказались закрытыми. Одна, очень большая, имела три многоэтажных корпуса. Никто в городе не знал, что она не работает. Мы вошли во двор: все двери и окна открыты, и нет ни одного человека. Все выглядело так, будто люди только что вышли. Три дома стояли пустыми и наводили на меня ужас. Смеркалось. Бурунди известна как беспокойная страна. С семи часов вечера начинается комендантский час. Мы решили обратиться в посольство с просьбой переночевать. Территорию его окружала толстая и высокая бетонная стена с колючей проволокой наверху. Входить нужно было через тройную систему железных дверей. Около получаса мы ожидали, стоя у этих ворот, пока о нас кому-то сообщат и примут. Несмотря на Володиные рекомендательные письма, нас встретили довольно прохладно; сказали, что несколько месяцев назад здесь была большая перестрелка. Но все же вошли в положение и позвонили бизнесмену, живущему в Бужумбуре. Он предоставил нам комнату в своем доме. Правда, общаться с нами он тоже особенно не хотел. Куда мы попали? Все было похоже на какой-то детектив. И сам предприниматель напоминал скрывающегося от преследователей главного героя. Корабль в Танзанию будет, наверное, только через несколько дней, точно никто не знает. Вечером у Саши поднялась температура, болели голова и живот.

17.10.2008. Утром к Саше привезли русского врача из посольства. Он осмотрел его и со спокойным видом заявил, что это тиф — болезнь грязных рук, «ничего страшного», и выписал лекарства. После такого диагноза мне стало не по себе. Но лекарства действительно помогли. Саша принимал их в течение пяти дней. Симптомы прошли уже к следующему вечеру. Половину дня провели у Александра Афанасьевича в доме. Володя бегал менял деньги, искал гостиницу, узнавал насчет корабля в Танзанию. Днем переехали в отель недалеко от порта. Потом ходили к озеру. Здесь гуляет много народу, и целые секции организованно занимаются спортом. Мальчишки удят с лодок-долбленок рыбу и тут же ее жарят. Когда мы подошли к ним, они дружелюбно предложили нам угоститься. Утром Володя

видел двух гиппопотамов в зарослях, но нам не посчастливилось их наблюдать.

Пищи в общественных местах, как в других странах, где мы побывали, здесь почему-то не готовят. На рынке продаются овощи, фрукты, мясо и рыба. В магазине мы увидели европейские продукты по космическим ценам, поэтому заправили наш примус бензином и первый раз сварили еду сами, угостив наших соседей из отеля. До этого проблем с питанием никогда не возникало. В любой деревне, поселке или городе всегда можно было дешево купить свежеприготовленную пищу.

Гостиница находилась недалеко от озера, поэтому вечером в комнатах появились комары. Наше новое пристанище построено и открыто недавно. Еще ремонтируется второй этаж. Но работы сделаны непродуманно. В стенах щели, куда легко проникают комары. Окна с сетками подняты высоко, воздух не вентилируется, поэтому душно. Ночью кто-то громко кричал и дрался. Утром мы решили поискать более тихое место, все-таки жить нам здесь до отправления корабля несколько дней.

И снова нас выручила церковная гостиница. У Володи прямо нюх на такие места! Никакой вывески не было. Большая территория, огороженная забором, и где-то вдалеке аккуратное одноэтажное здание. Проходя мимо, он зашел и стал расспрашивать о возможности переночевать. Здесь было спокойно, опрятно и недорого. В Бужумбуре оказался хороший быстрый интернет, и мы отправили письма друзьям и близким. Ребята немного скучают по школьным приятелям, хотят, чтобы им писали. Но в цивилизованном мире почти не бывает теплых отношений, никто по-настоящему не дружит. Я гляжу на их взаимоотношения в школе, на поверхностность приятельства, и мне жаль собственных детей. Я завидую сама себе, вспоминая свое детство. Как же так, они растут и не знают, что такое близкий друг! Пашка — преданная душа, готов отдать все и жить ради друзей, но снова и снова натывается на окружающий его эгоизм, расстраивается, уходит в себя.

18.10.2008. Бурунди — одна из самых бедных стран мира. Порядок здесь еще не установился. Только за три-четыре месяца до нашего приезда здесь стреляли, летали снаряды. Народ диковатый и грубый. Мало кто учится в школах. Половина населения

официально неграмотна. Существует всего один университет. Городской базар выглядит грязно.

Я ходила в соседнюю церковь во время богослужения. После проповеди народ поднялся, чтобы петь молитвы. Интересно было то, что молитвы каким-то образом перешли в активные танцы. Религия в таких местах заменяет собой всю культурную и интеллектуальную жизнь. Церковь — это место общения, встреч и времяпровождения. Она полностью владеет людьми. Все другие социальные формы далеко отстают в развитии: мало школ, не развита медицина, нет библиотек, кинотеатров, детских садов, высших учебных заведений и т. д. Но церковные общины многочисленны, церкви богато убраны, их миссии имеют во многих городах гостиницы и залы для собраний. Самая уважаемая и доходная работа — тоже при церкви.

Были на озере. Володя договорился с одним местным жителем, и тот повез нас на своей лодке-долбленке покататься. Лодка сама по себе очень неустойчива и тем более не рассчитана на пять человек. Через щели сочилась вода, и лодочник пытался почему-то заткнуть дырки кусочками бумаги. Плавание получилось рискованным: лодка могла каждую секунду перевернуться и зачерпнуть воды, грозя потопить нас и нашу фототехнику. Мы надеялись увидеть бегемотов, но они нам не показались. Зато в водных зарослях сидело огромное количество каких-то невиданных птиц, в том числе пеликанов. Вдали раздавался барабанный бой, и мы причалили. На берегу репетировал ансамбль барабанщиков и танцоров. Ребята очень ловкие, сильные и ритмичные. Зрелище захватывающее. Кроме барабанных ритмов, они выделяли с большим профессионализмом акробатические номера. Я опомнилась от восторга и достала видеокамеру. Но руководитель ансамбля не разрешил снимать. В Бужумбуре нам почти не удавалось фотографировать. Люди реагировали на это болезненно и агрессивно. Чувствовалось, что страна находится на военном положении, и многие настроены воинственно.

Вечером к нам заглянул Мануэль — африканец, который учился в Ленинграде и сейчас работает в порту экспертом по грузовым судам. Он поделился с нами своими впечатлениями о России и о жизни в Бурунди. Мануэль верит, что на его родине наступает порядок и люди уже понимают, что больше не нужно воевать друг с другом и прислушиваться к тем, кто призывает к войне. Он бескорыстно

помог нам отправиться на грузовом судне в Кигому (Танзания). Путешествовать по Бурунди с детьми мы не решились.

Когда отправляется судно в Танзанию, никто точно сказать не мог. Володя каждый день исправно забегал к Мануэлю в бюро и справлялся, есть ли какие-нибудь новости. Наша въездная виза заканчивалась, и один день мы потратили на то, чтобы ее продлить. Нас посылали в разные конторы, где мы писали заявления, фотографировались и делали копии документов, потом, как в России, ждали часов приема, стояли в очереди и не знали, здесь ли надо стоять. Но, как уже научил нас опыт, если цель поставлена, средства отыскиваются сами.

Было приятно, что Мануэль приехал лично проводить нас вечером и посадил на грузовое судно, которое направлялось в Танзанию.

Даша

16.10.2008. Ночь в отеле была странная: жарко, душно, в коридоре кричали, дрались, плакали и т. д. Утром папа с мамой ушли куда-то, а мы делали уроки. Прошло четыре часа, как вдруг пришла мама и сказала, что срочно надо собрать рюкзаки. Мы переселились в церковный отель. Он был такой чистый! В нем мы пробыли три дня. Мы гуляли около озера Танганьика. На берегу лежал мусор, а рыбаки ловили и жарили рыбу. На песке команды играли в футбол. Когда мы шли обратно, то видели поле, на котором много людей делали гимнастику, а посередине стоял тренер и командовал.

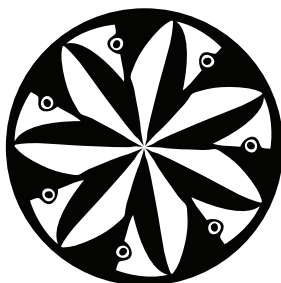
17.10.2008. Сегодня вечером мы опять пошли гулять. Просто папа видел бегемота, и Саша никак не мог успокоиться. К Сашиному счастью, лодка нашлась. Это был ужас!!! Лодка была дырявая, и вода все время затекала в щели, папа вертелся и фотографировал, мы раскачивались на волнах, и казалось, что еще чуть-чуть — и перевернемся вместе с лодкой и африканцем, который нас вез. Ну вот так мы плывем, вдруг вода зачерпнулась, мы так испугались!!! У нас была вся техника с собой! Мы видели пеликанов и много других птиц. Но, к сожалению, бегемота не нашли. Вышли мы совсем на другом берегу, потому что услышали стук барабанов. Там был ансамбль барабанщиков, а один плясал в

середине. Но как они двигались! Почти все прыгали ногами вверх, многие проделывали сальто и другие номера. Это было интересно! К сожалению, темнело, и в городе начинался комендантский час, поэтому нам надо было спешить обратно в гостиницу.

18.10.2008. Мы хотели быстрее уплыть на грузовом корабле в Танзанию, но его еще не было. Тогда мы сходили на базар, погуляли, а потом учили уроки. Папа познакомился с африканцем, который работает в порту. Он учился в России и хорошо говорит по-русски. Он нам помог найти корабль в Танзанию, а потом сообщил, когда тот придет. Завтра мы уедем из Бурунди!!! Бурунди как страна мне не понравилась. Люди в столице напуганные, а в деревнях мы не были. Еще недавно тут была война. Очень часто два племени между собой воюют, поэтому здесь почти все время хаос и разбирательства.

19.10.2008. В порт нам надо было прийти в 4 часа вечера. Мы специально приехали пораньше. Мама с папой заполняли какие-то бумаги. Саша и я пошли к озеру, которое называется Танганьика. У берега Саша строил домики, а я с ним вспоминала друзей, дом и Гамбург, так как мы уже немного соскучились. Потом пришли африканские мальчики. Первые два Сашиних домика они сломали, а к третьему пристроили комнатку. Подошли еще дети. Они начали просить сначала карандаши, а потом деньги. Тогда мы просто ушли, а то бы они от нас не отстали. Когда появился капитан корабля, мы взяли рюкзаки и пошли на корабль. Ровно в 5 часов отчалили. Мы стояли на борту и смотрели на природу. Когда корабль вышел из залива, поднялись большие волны, и мы каждый раз, когда шла волна, немного подпрыгивали. Сначала на корабле очень сильно качало, но потом мы привыкли. Начало смеркаться. Закат был такой красивый!!! Мы стояли до самой темноты. Потом мама нас позвала перекусить. Мы ели хлеб с яйцом и пили чай с лимоном. Это была вся еда, что у нас осталась. Покушав, я пошла на борт и долго стояла там. Я вспоминала все хорошее, случившееся в этом году. Незаметно подошла мама. Она мне рассказывала о Бразилии, как они с папой плыли по Амазонке. После Саша и я сидели на скамейке возле каюты капитана и наблюдали за его работой. Мы разговаривали про все, что было и есть. Потом нам захотелось спать. На корабле есть такая комната, где все едят.

Скамейки, на которых сидят за столом, прикреплены к полу и очень узкие. Спросив разрешения у капитана, мы легли спать на этих скамеечках. Я долго не могла заснуть, потому что было очень жарко. Еще ночью была очень высокая волна, так что нас сильно качало туда-сюда.

Танзания

Площадь — 945 тыс. км²

Население — 44 млн чел.

Сельские жители составляют 80 %

Владимир

Танзания занимает наиболее завидное географическое положение в Африке. Находясь около экватора, она охватывает удивительные по красоте ландшафты и памятники природы. Вся ее восточная часть омывается водами Индийского океана. Самые великие африканские озера Ньяса, Танганьика, Виктория граничат по другим сторонам страны. Обширные плоскогорья заняты лесными долинами, колючей ньякой, саванной с выразительными акациями и баобабам, высокими плато. Нагорье Гигантских кратеров, где находится крупнейшая кальдера вулкана Нгоронгоро (в диаметре до 22 км), охватывает национальный парк, в котором пасутся неисчислимые стада зебр, антилоп, водится много жирафов, слонов, страусов, бегемотов, носорогов, львов и другой дичи. В Танзании же находится белоснежная высочайшая вершина Африки — Килиманджаро. Крупные острова Занзибар, Пемба, Мафия, расположенные недалеко от побережья страны, опоясаны коралловыми рифами, на подводные чудеса которых съезжаются посмотреть водолазы всего мира. В стране проживает около 120 народностей. На острове Занзибар с древности селились арабы, персы, индийцы, китайцы, смешиваясь с коренным африканским населением. Народы банту — самые многочисленные в Африке, нилотские, кушитские, бушменские племена перемешались с азиатами-переселенцами. Переплетение арабской и африканских культур создало самый распространенный

в тропической Африке язык — суахили. На нем говорят около 60 миллионов человек. Древние города Килва, Занзибар, Момбаса, построенные африканцами, азиатами и европейцами, сохранились до наших дней. При всем многообразии народностей и культур Танзании характерно сложившееся единство, где соседствуют древность, средневековые и наш быстро бегущий век. Здесь самая уникальная в Африке природа и удивительный животный мир.

Виза в Танзанию в Москве или в африканских столицах получается легко после заполнения анкет с приложением фото и стоит 50 евро — как для европейцев, так и для россиян. Самолетом гораздо дешевле лететь в Кению (Найроби), а оттуда на автобусе ехать в Арушу. В Руанде (Кигали) мы получили танзанийскую визу за один день.

Кигома

Из Бужумбуры — столицы Бурунди — ходят несколько грузовых кораблей по озеру Танганьика. На одном из них мы отчалили в Танзанию, в порт Кигома. В Кигому корабль прибыл утром. Сфотографировавшись с капитаном, мы сошли на берег провинциальной Танзании. У нас проверили паспорта и сертификаты прививок. Желтая лихорадка — наиболее опасная тропическая зараза, и прививка от нее контролируется на границе. Тетушка в нарядном головном уборе, похожая на продавщицу в сельском магазине, без официальных посмотрела медицинские карточки прямо на причале. Отметки в паспорта быстро оформили в маленькой конторке, и можно было начинать знакомство с городом. На скромном пограничном пункте не шустрили плуты, не было навязчивости, и мы сразу ощутили новую атмосферу более спокойной страны, четвертой по счету в нашем путешествии.

Кигома — тихий приятный городок. Его центр застроен кирпичными малоэтажными домиками, и на улицах нет толчеи. В нем много ресторанчиков, предлагающих мелкую рыбу, зажаренную с овощами и кашей. Любая забегаловка или столовая здесь называется рестораном и однообразное меню рассчитано на местных жителей. Нам эта еда вполне понравилась. Она не хуже тунца из европейского ресторана, заправленного консервантами.

На противоположной стороне от города по заливу озера есть рыбацкая деревня с огромными, как корабли, лодками. На берегу, подальше от лодок, глинисто-красная земля тщательно подметена, и на ней рассыпана рыбка-малек для просушки. Поляны с рыбой тянутся по всей деревне, сменяя одна другую. После просушки мелочь заматывается в кучу и собирается в мешки. Ее продают на всех африканских базарах. Сушеный, как солома, малек может долго храниться при любой жаре. Из этой дешевой рыбной массы варятся соусы и приправы, которые потребляет простонародье, спасаясь от авитаминоза. После обеда причал оживает. Готовятся лодки, сети, лампы для подсвечивания снастей, проверяются и заправляются топливом моторы. Экипажи по три-четыре человека отправляются на рыбалку. Нам интересно. Может, тоже напроситься в какую-нибудь лодку? Когда мы заявили о своем желании поучаствовать в рыбалке, над нами посмеялись: экая блажь у богатых бездельников. Любый турист по меркам простонародья — скучающий богач. Но кто-то сообразил спросить, сколько мы заплатим. Поторговавшись и сбив цену раз в 10, остановились на 2 долларах с человека. Туризм здесь не пробил еще дорогу; непонятно стремление путешествовать, но цену лучше заломить. Вдруг иностранец раскошелится. Мы поплыли с рыбаками на лодках и долго любовались озером с живописными берегами. Огромные прибрежные камни, густо-зеленые акации и саванный кустарник сопровождали нас длительное время. Рыбаки не собирались бросать якорь. Куда же мы несемся на моторной лодке, не взяв с собой одежду? Увидев красивый пляж, мы попросились выйти. Хорошо, что вышли. Мы не поняли рыбаков: они уплывали на ночную рыбалку, и нам пришлось бы дрогнуть в лодке всю ночь. Пляж нам понравился. На другой день мы отдыхали здесь снова.

Африканские поезда

После двухдневного курорта из Кигомы мы отправились на поезде в Табору — древнее арабское поселение в глубине материка. Африканские поезда очень разные. Их сеть на континенте довольно обширная, но они в большей мере не пассажирские, а грузовые. Железные дороги в странах третьего мира были

построены в колониальные времена не столько для внутренних потребностей, сколько для вывоза сырья в богатые страны. Сегодня пассажирские вагоны не соответствуют даже сервису столетней давности. В Египте и Марокко поезда неплохие, но далее встречаются все больше музейные экспонаты. Дороги всех направлений небезопасны из-за ветхого состояния. В Мавритании, например, курсирует самый длинный в мире поезд (полтора километра — вагонов не пересчитать). Он вывозит руду из Сахары к морскому порту Нуадибу, а обратно идет порожняком. В нем один пассажирский вагон с единственной длинной лавкой. Пассажиры, наряженные в маврские костюмы, сидят или спят обычно на полу, на циновках. Состав идет около 700 километров и останавливается в деревнях там, где его попросят. В одной деревне машинист остановил полсотни вагонов, чтобы пообедать. Он подозвал мальчишек, которые несли живых кур на продажу, велел им их распотрошить и оципать, чтобы приготовить обед из свежего мяса. Мать мальчишек разожгла костерок на полустанке и не спеша приготовила суп. Машинист вкусно пообедал, подал сигнал рукой пассажирам на посадку, и колеса заскрежетали по рельсам, присыпанным песком Сахары.

О своем давнем мавританском путешествии на поезде я рассказал детям, для того чтобы они были готовы ко всяким неожиданностям. Мы с трудом купили билеты до Таборы, хотя лучше было бы доехать до Додомы, откуда начинаются сносные автодороги. Ехать в спальном вагоне второго класса — это немалый комфорт в Африке. Расписание удобное. Поезд выезжает в 5 часов вечера, а приезжает в 7 утра. В действительности ехать пришлось сутки, и поезд отправился очень поздно. Сначала мы уснули на вокзале, затем доспали в вагоне и приехали в Табору ночью следующего дня. На посадке оказалось, как в известном сатирическом рассказе, «два девярых вагона», и пассажиров уже в пути среди глубокой ночи перемещали по составу с огромными поклажами. Во время езды мы видели, как ловили и били воров. Днем проплывали поля с полустанками, на которых собирались местные крестьяне. Совершенно нестерильная придорожная еда не принесла нам неприятностей, но мы уже не знали, поездом или автобусом лучше ездить. Автобусы не во всех случаях могут быть альтернативой из-за разбитых дорог глубинки. В общем, как выразилась Даша, «И то, и другое плохо».

Пунктуальность поезда особенно впечатлила наших полунемецких детей. Впечатлила и многоликая публика, собирающаяся к отъезду. В Танзании больше сотни народностей, живущих собственными традициями. Разные люди, одежды, повадки. Народ прибывал и рассаживался на перрон, на рельсы, на траву, где придется, ужинал, веселился, наряжался. Удивительно было и то, что многие подъезжали из деревень на авось, после того как поезд должен был отправиться по расписанию. А вдруг бы он стартовал без опоздания? Любителям этнографии можно здесь с месяц встречать и провожать поезда, зазря никуда не ездить и собрать удивительные типажки в коллекцию. Мне здесь тоже удалось некоторые фотографии.

Про окрестности Кигомы обычно упоминается факт, что в 10 километрах от нее произошла знаменитая встреча европейских исследователей Африки Давида Ливингстона и Генри Стенли. Если бы они встретились там сегодня, то больших изменений в жизни людей не обнаружили бы. Так можно сказать про деревни. В самой же Кигоме, как и в других африканских городах, полно пылящих на выезде машин и много пластикового мусора.

Из Таборы в Нзегу

В Таборе ночью, спешно найдя гостиницу, мы взялись ставить палатки во дворе. Но работники отеля решительно нас отговаривали, уверяя, что это опасно. Пришлось ночевать в комнате и поставить в ней палатки, чтоб не кусали москиты. Для свежести открыли окна, и из-за тесноты помещения конструкцию установили на кроватях, сдвинув их вместе. Табора — старая цитадель арабского проникновения в Африку — нам не показалась опасной, когда мы познакомились с ней на другой день. Арабов в городе немало и сегодня, они шустрые торговцы. Здесь большое число мечетей. Чернокожих африканцев тоже много. Но арабы, ловкие в торговле, чаще занимают более высокое социальное положение.

Ньика — это особенная растительность Африки, в которой преобладает непролазный кустарник с огромными колючками. В эти колючки не лезут даже слоны и носороги. Но вместе с кустарниками растут акация, неведомые нам крупные деревья, многие пальмы и часто встречающиеся богатыри-баобабы. В сухое время,

чтобы уменьшить постоянный натиск насекомых и змей, крестьяне поджигают траву, вместе с которой горят и леса. Это не главная причина пожаров. По всей Африке с древности существует подсечное земледелие с вырубкой, поджогом и выкорчевыванием леса. Погорелые стволы деревьев и кустарников встречаются на пути повсюду. Мы едем на автобусе по разбитой дороге из Таборы в Нзегу, чтобы добраться до асфальта. Скорость 20 км/час. Пыль, которая сочится из всех щелей салона, из окон и дверного проема, на котором отсутствует дверь, покрыла всех таким слоем, что мы с африканцами одного серо-красного цвета, характерного местной почве. Ехать в полдень утомительно и очень жарко. Вдруг раздался выстрел — разорвало колесо на ухабине. Разорвало шину так художественно, что ее нельзя не сфотографировать. Африканцы посмеиваются надо мной: «Это не у вас в Европе, африканские дороги тяжелы». Я соглашаюсь с собеседником, а сам думаю: «У нас в России есть дороги и похуже». Пока чинили колесо, я сфотографировал несколько домиков и их обитателей, которые охотно позировали. Несмотря на рядом проходящую дорогу, в домиках нет совершенно ничего от цивилизации, а котел и пара железных мисок, очевидно, приобретались в прошлом веке. Во дворах на нескольких камнях устраивается очаг, где готовится сима — блюдо из кукурузы. Манго здесь единственный фрукт, которым можно пополнять запас витаминов. Зато какие манго! После починки колеса мы добрались до Нзеге, откуда по асфальту доехали до Сингиды.

Сингида

Сингида — примечательный городок. Его особенностью является необыкновенный ландшафт. На довольно рельефной местности выступают повсюду скалы, громаднейшие глыбы, валуны, иногда кучи глыб, живописно рассыпанные каким-то геологическим взрывом. На выровненных участках расположены основные улицы городка, которые могут заворачивать на скальные стены. Манерные ресторанчики, окрашенные в белые, голубые, зеленые тона, устроены иногда на фоне гранитных плит или в их огромных расщелинах. Школа, развернутая к просторной поляне, украшается позади гладкими каменными башнями величиной с девятиэтажное

здание. Около нагроможденных глыб школьники играют в прятки. Вот где простор детям на переменах! Город со скал открывается как на ладони. По улицам его растет особый вид акаций, расцветающих красными цветами по всей кроне. Если бы не проржавевшие жестяные крыши (обычное состояние всех африканских поселений), портящие обозрение окрестностей, то Сингида могла бы смело войти в разряд охраняемых объектов ЮНЕСКО.

Африканское такси

Из Сингиды в столицу — на Додому проложен хороший асфальт, но нам надо ехать на север, к знаменитым национальным паркам. Дорогу в 200 километров пришлось одолевать два дня. В 10 километрах от Сингиды находится еще более необычная местность из гранитных нагромождений. Из трещин глыб выбиваются кактусы и редкие деревья, корни которых длинно ползут по скалам. Мы долго ходили по удивительному плато и вернулись к одинокой мечети, где оставили рюкзаки. Мулла тем временем по телефону нашел нам «такси», на котором можно поехать до поселка Катеш. Дорога, похожая на гребенку в лучших местах, переходила в каменные кочки, разбросанные по местности. Головы наши покрылись пылью. Паша хлопал грязными длинными ресницами, и мы его в шутку просили не пылить. Хуже пыли угнетала вонь от бензина в салоне. Стекло с одной стороны было разбито, с другой не закрывалось. На ходу постоянно открывалась дверка, водитель вел машину плохо и постоянно спрашивал, хорошо ли он едет. Ехать долго, мы ему льстили и проклинали муллу за такси. Впрочем, можно ли ездить по Африке всегда с комфортом? В Катеш приехали поздно ночью, где и переночевали. В отеле устроились спать не в номере, а в палатке на прилегающей территории.

Такси нас измучило. Лена возмущалась. Я отшучивался фразой из Корана, специально заготовленной к поездке: «Кто оставил дом в поисках знаний, тот идет по пути Божьему» (перевод Крачковского). Паше изречение даже понравилось. Дети сейчас живее все воспринимают и, кажется, научились играть с африканскими школьниками. Саша подходит к любой компании малышей и молча начинает строить из камней и палочек тукули, корабли, горы с

дорогами, т. е. все, что видит в поездке. Наш молчаливый старший сын вдруг разговорился на английском языке со сверстниками. Подростки обычно уходят куда-нибудь от нас, и у Паши с ними легче всего устанавливаются дружеские отношения. Даша стесняется своих сверстников, играет больше в Сашиной компании. Нам незаметно, как они налаживают контакт без языка, но через 10—15 минут дети уже кучкой играют вместе и что-то лопочут короткими английскими фразами.

Из большого и довольно интересного поселка Катеш мы пешком пошли на гору Хананг (3417 м). Это четвертая по высоте гора в Танзании. Подняться за день на вершину, наверное, возможно, но для этого нужно рано подъехать к ее подножию и знать тропу. Нам хотелось выспаться и сделать хорошую прогулку, чтоб скрасить его утомительный двухдневный переезд по бездорожью. В деревнях крестьяне рукой показывали нам выход на тропу. По тропе спустились подростки, чаще всего девочки, несущие на голове дрова. Каждая ноша весила до 20 килограммов. Местные жители собирают не только сушняк, но и вырубает повсюду еще сохранившиеся леса. На подсушенных дровах вся сельская Африка готовит еду на кострах. Уничтожение лесов носит катастрофический характер на всех пространствах, не объявленных национальными парками. Плутая по многочисленным тропам, мы уперлись в сплошную стену стелящегося бамбука и повернули обратно вниз.

Через два дня, когда мы покинули Катеш, нам снова пришлось трястись по долгой разбитой дороге. В известной сказке принц на балу спрашивал Золушку, устала ли она в дороге, и Золушка ему отвечала, что она в дороге отдохнула. Уморившись в автобусе и поселившись в гостинице, кто-нибудь из нас обязательно спрашивал, отдохнули ли мы в дороге. С деревни Минжингу начинается асфальт, цивилизация и навязчивый турсервис. Здесь узел дорог на самые известные африканские национальные парки: Тарангире, Маньяра, Нгоронгоро, Серенгети, Аруша, Килиманджаро. Турфирмы на этих дорогах ставят капканы на туристов: заманивают их рекламой, подсылают за комиссионную доплату приставал-хелперов с честным выражением лица, организуют вместе с отелями прессинг на туры за умопомрачительные деньги. Цены кругом бессовестнейшие.

Национальные парки

Африка больше всего уникальна своим животным царством; национальные парки Танзании действительно неповторимы, и, как говорится, спрос рождает предложение. В день за сафари в самом скромном случае нужно заплатить 100—150 долларов. Цены на ночлег в отелях около парков превышают здравые мерки. Питание туристов тоже очень хитро организовано: местные жители с дешевыми кухнями и фруктами от туристов отогнаны, и обед в ресторане стоит дороже европейского. В Африке вроде все дешево? Это расхожее мнение составляется из того, что основная масса местного населения умудряется существовать на 50, в лучшем случае на 100 долларов в месяц. Кучка богатых африканских собственников эксплуатирует за нищенскую плату поваров, мойщиков, уборщиков и прочую обслугу, на ком держится весь труд в отелях, ресторанах и национальных парках. Местным жителям от туризма ничего не перепадает, поэтому они недружелюбно встречают страждущих паломников. Куда же девается огромная прибыль при копеечных оплатах работников? Наживается на туризме очень узкая кучка людей, которая фактически присвоила национальные парки. Она же диктует монопольные цены кругом. Но формально все выглядит прилично: деньги якобы идут на защиту животных, и вроде как национальные парки защищены государством. От мудреного устройства бизнеса атмосфера вокруг туризма мародерская. Местное население этой атмосферой, как правило, развращено. Туристы восхищаются животным миром и стараются закрыть глаза на мир человеческий. Один из немцев, дискутировавших в гостиничном ресторанчике, заклеил туризм как язву мира. Мы эту язву почувствовали сразу, как только попали на перекресток большой туринадустрии. Ну, вообразите: если семьей в пять человек посетить парк, то нужно в самом дешевом случае потерять 500 долларов (!), не считая гостиницы и питания. Выход один: шустрить, т.е. соревноваться в мошенничестве с плутами, вращающимися вокруг заповедника. Конечно, можно оставить затею и животных не смотреть, но ведь уже за тридевять земель добрались.

Вдоль асфальтовой дороги нередко располагаются гостиницы для кочующих торговцев. Мы заселились в такую гостиницу за

8 долларов на пятерых, а утром стали добираться до национального парка Тарангире. В самом парке построены только помпезные бунгало. Наша задача была в том, чтобы найти по возможности дешевую машину или присоединиться к любой группе и разделить на всех оплату за тур. Машины, на которых возят туристов по парку, выглядят манерно. В восьмиместном кабриолете с зонтами восседает чопорная пара западных пенсионеров, оплатив поездку за себя и за прочие свободные места. Эти нам не подходят. Во второй машине студенческая молодежь набивается поплотнее, и к ним уже не поместиться. Но вот на побитом автобусике подъехал сотрудник парка и остановился около офиса. Я ищу у него подсказку, где можно найти тур подешевле. Он оглядел нашу семью и предложил свой автобус; ему как раз нужно было ехать в парк. Цена нас очень устроила: по 10 долларов с человека, младшему — бесплатно. Наш младшенький выглядел, очевидно, для африканцев лапушкой, и его почти всегда не обилечивали. В других парках мы его не показывали на кассах, а на контроле при въезде объявляли четырехлетним, прикрывая длинные ноги платком и сажая так, чтобы только голова торчала. Трюк удавался. Тарангире нам очень понравился.

Животные не подпускают к себе близко человека, но на транспорте они людей почти не воспринимают, и машина подъезжает к слонам, бегемотам, жирафам совсем близко. С десятиметрового расстояния можно разглядывать зверей и наблюдать за их поведением. Парки примечательны не только большим количеством животных, но и замечательными ландшафтами. В Тарангире с высокого крутого берега видна волнами уходящая саванна. К ней примыкает в долинах лес с баобабами. А у реки, подпирающей высокий берег, можно наблюдать в обеденный зной за большими стадами зебр, буйволов и антилоп, между которыми степенно выходят жирафы, слоны и юркие длинноногие страусы.

Первый раз библейский рай животных я увидел в национальном парке Нгоронгоро 12 лет назад. Меня поразила картина торжественного движения на водопой антилоп гну вместе с зебрами. Не меньше удивила сцена, где два ленивых льва, очевидно, плотно позавтракав, не обращали внимания на подхихивших к водоему антилоп, находившихся от хищников метрах в четырехстах. Конечно, хотелось теперь побывать в этом парке семьей. Огромная вулканическая

кальдера диаметром 22 километра имеет в себе все природные красоты. Пресное озеро поит животных и собирает огромные стаи птиц, среди которых больше всего фламинго. От озера отступает солончак, переходящий в большое, заросшее камышом болото с бегемотами и носорогами. Чуть выше по дну древнего вулкана стелется ярко-желтая саванна (в сезон дождей — зеленая). Стада зебр, антилоп и буйволов достигают здесь десятков тысяч. По склону кальдеры поднимаются леса, прячущие хищников и пернатых. Около леса пасутся слоны, не замечая других животных. Большинство копытных кочуют в течение года из Серенгети в Нгоронгоро, и это, по сути дела, один общий национальный парк, из которого сделали два, чтобы вдвойне раскошелить туристов. О природе и животных этого края замечательно написал чех Бернардат Гржимек; он прожил здесь большую часть жизни и сделал все зависящее от него для сохранения заповедника. Деяниями энтузиастов воспользовались предприимчивые люди, и сегодня цены на вход, за машину и придуманные пермиты фантастические. Нгоронгоро — самый дорогой заповедник.

Туристы в основном прибывают в городок Карату, и их тут же штурмуют предложениями фирмы и хелперы. Остановившись в худшем из отельчиков, мы объявили приставам, что улетаем послезавтра и у нас осталось ровно 200 евро. Только за эти деньги возможно поехать завтра в Нгоронгоро. Молодые люди, которые крутятся возле туристов, вечером привели к нам таких же бедных норвежцев, и мы коллективом на все места машины «за бесплатно», т. е. за 200 евро на семью, увидели Нгоронгоро.

На въезде в заповедник случился инцидент: Саша вздумал кормить бананами обезьян, привыкших к нахальным атакам на туристов. Обезьяны подняли драку и начали его гонять. Саша с визгом пустился в бегство. Меня рядом не было, мама еле поймала сына, иначе б мартышки его покусали. Теперь можно было ехать в парк: его еще буйволы не бодали. Дашу в этом же парке сокол клюнул в губу. Мы посмотрели разные сборища животных и остановились на обед около большого озера с возлежащими бегемотами. Туристы на этом привале меняются каждый день, и соколы приноровились неожиданно нападать на их обеды, рассчитывая на внезапность. Сокол атаковал Дашу, когда она подносила

помидор ко рту. «В большой семье не щелкай клювом» — пригодилась поговорка. В Нгоронгоро запомнилась драматическая встреча хищника с копытной скотинкой. Можно сказать, это была психологическая борьба. На выжженной от солнца поляне оказались гиена и антилопа гну. Гну только названием антилопа; она очень быстрый и разворотливый буйвол с сильной шеей, широко поставленными рогами и резвыми копытами. Идя навстречу друг другу, они остановились на расстоянии 20 шагов. Гиена похожа на волка, только с очень вытянутым туловищем и оскаленными зубами. Ни собака, ни волк не имеют такой зловещей внешности, и ее не зря не трогают львы. Животные остановились и, глядя друг другу в глаза, застыли. Машина наша проехала мимо, но соперники не удостоили нас вниманием. Противостояние длилось долго. Мы напряглись в ожидании схватки. Но гиена не выдержала, а может еще не пришло время обедать, и, развернувшись, пошла прочь. Антилопа подождала, чтоб застраховать себя от коварства недруга, и, помахивая рогатой головой, тоже отправилась восвояси.

Власть туринадустрии

Там, где нет туризма, африканская жизнь естественней, а люди проще и лучше. Находясь же во власти туринадустрии, приходится постоянно держать ухо востро. От навязчивого сервиса трудно отмахнуться, поскольку им оккупированы самые красивые природные памятники и культурные достопримечательности. Мы взяли компромиссный маршрут по местам, где нет засилья туристов, и, наоборот, где много животных, а следовательно, и нашего брата. Не только в национальных парках и ресторанах присутствует постоянный сервисный нажим. В хостелах худшей фигурой является

менеджер; он вежливо улыбается и вкрадчиво спрашивает, сколько мы выселяемся.

— В десять утра.

— Надо раньше или доплатить, — вежливо информирует торгаш.

Если его послать к чертям, то можно выселяться в 12 часов, и вопросов не возникнет. Но хочется ли на каждом шагу бодаться. И невозможно не защищаться. Без раздражения на всю эту навязчивую свору трудно реагировать. Она в первую очередь оставляет у нас представление о людях страны.

Рестораны от столовых легко отличить, хотя те и другие называются в Африке ресторанами. Где туристов много, там точно нет столовых. Чем завтрак в простеньком кафе отличается от завтрака в ресторане? Тем, что в последнем все дороже, а приготовлено на такой же печи, как в забегаловке, или еще хуже — разогрето в микроволновке. Посуда, скатерти, салфетки, поклоны официанта и долгое ожидание еды — главные достоинства дорогих заведений. В народной забегаловке можно видеть, что взять и насколько пища свежа. Среди множества едален, где все устроено простенько, к завтраку есть чай с молоком, и к нему чапати, блины, лепешки или пирожки, только что приготовленные на огне. Сегодня с утра я поленился идти далеко и сел в ресторанчике при гостинице писать дневник, чтобы заодно и перекусить. Попросил чай и чапати. Через 20 минут подошел официант, долго здоровался (упражнялся в английском), достал блокнот, еще дольше записывал про чай и попросил расписаться на листе заказа. Я прошу принести заказ побыстрее. Официант еще раз просит расписаться. Расписаться — значит, за чай посчитают вместе с проживанием и обязательно обманут в цене: иностранец же в ресторане. Я ничего не подписываю, официант раскланивается и на это. Прошу его снова принести чай с бубликом. Чай и чапати поочередно подавались в четыре захода при большом количестве фарфора и в течение 40 минут. Благо я был занят дневником и не торопился. Не понимаю, за что люди любят рестораны: за поклоны, за возможность дать чаевые, за дорогую посуду и скатерти? Как не вспомнить Высоцкого:

В кабаках зеленый штоф и белые салфетки,

Рай для нищих и шутов, мне ж — как птице в клетке.

Свежесть утра бодрила, и я писал долго. За столом напротив сидела иностранная парочка, которая заказывала завтрак, расписывалась в листе официанта, долго ждала еды и тщательно пережевывала пищу, правильно ковыряясь ножом и вилкой в таком же, как у меня, чапати. Вчера я этих же иностранцев видел в забегаловке, когда они без церемоний уплетали за обе щеки вкусный обед. Откуда такое перевоплощение? О столовых нужно добавить, что в них всегда есть вода, чтобы помыть руки, и для перекуса хватит 15 минут; поклонами и разговорами никто не досаждают.

Кстати, о путешествующих иностранцах. Иностранцев, в отличие от россиян, путешествует по Африке много. Россиян можно видеть около знаменитых водопадов, дорогих национальных парков, раскрученной коммерческим туризмом вершины Килиманджаро, и они совсем не встречаются на незамысленных маршрутах. Путеводители по Африке на русском языке не написаны, а интернетная информация в основном банальна. Немногие путешествующие одиночки и автостопщики являются исключением из правила. К ним же надо отнести очень редкие экспедиции российских африканистов. Основной слой путешествующих иностранцев малооригинален и волочится по турам. Однако тех, кто живо интересуется африканскими странами, бывает в глубинке, знает местные языки, тоже можно встретить. От основной массы посещающих Африку они составляют, может быть, два-три процента. О них можно сказать, что они хорошо знают страны далекого континента. Эти люди, как правило, интереснее основного бургерского слоя своей страны. Путеводители на русском языке, претендующие на эксклюзивную информацию, все как один списаны с европейских и рассчитаны на публику, интересующуюся не столько Африкой, сколько отельно-ресторанными удовольствиями. На английском языке Lonely Planet дает практическую информацию для всех путешествующих с рюкзаками и при всех его недостатках остается лучшим. На русский язык его не спешат переводить, потому что большинство россиян, попадающих в Африку, пока только подражают буржуйским манерам западных богачей.

На озере Маньяра

Программа нашего путешествия идет не вяло, но сборы и бытовая суэта занимают много времени. Глядя, как долго мы укладываем рюкзаки, я разразился скандалом... Бытовая неприспособленность в детях нередко смущает родителей дома, а в палаточных условиях она катастрофична. В ней нельзя не заметить эгоизма. Разве это не потребительство: поехать в необычное путешествие и не уметь себя как надо, обслуживать. Мы говорили о целях путешествия и о том, что у нас не получается; впервые за полтора месяца я сказал детям, какими бы хотелось их видеть после путешествия. Мне кажется, африканская жизнестойкость, неприхотливость, бытовая ловкость, соединенные с хорошим образованием, являются некой золотой серединой для подростков. Скандал лучше всего заглаживается дорогой. Мы отправились пешком из деревни Мто ва Мбу на озеро Маньяра — в известнейший национальный парк. Граница парка занимает одну сторону озера, а нам, следовательно, можно было подойти с другой: нельзя же заставить фламинго сидеть на озере только на территории парка. Дорога долгая — через лес, саванну, луг и содовый солончак, кругом красота. Фламинго на воде видимо-невидимо. Вода мелкая, но под илом птицы находят себе корм, и их скопище поражает воображение. Кругом все розовое. Чем гуще скопление птиц, тем розовее водоем. Обратного края озера не видно, и нет конца птичьим стаям. На берегу пасется стадо антилоп гну и вперемешку с ними буйволы и зебры. Буйволы наблюдают за нашим путешествием и выстраиваются рогами на нас. Тут надо не оплошать. Не нужно идти на стадо, нельзя от него бежать — тот же закон, как при встрече с медведем. Стадо защищается нападением и может поднять на рога или затоптать. Но если не делать лишних движений, можно на дистанции спокойно идти мимо. Мы издали любовались озером и шли поближе к птицам. Вдруг нас нагнали люди в странной форме и закрыли нам дорогу. Видимо, не одни мы такие умные, пробующие бесплатный выход на природу. Нетрудно было догадаться, что перед нами местная мафия, стригущая с непослушных туристов деньги. Не подчинившись форменным людям и пообещав на обратном пути зайти в полицию, мы любовались птицами, а нас караулили сомнительного вида охранники. Вернувшись

в деревню с охраной, я достал удостоверение журналиста и, как Остап Бендер, уверенно потребовал паспорта охранников, которые вымогали у нас деньги. Охрана ушла в офис, обещая привести полицию, а мы сели в отправляющийся автобус и уехали. То ли автобус вовремя уехал, то ли охранники решили с нами не связываться, но дороги наши разошлись благополучно.

В деревне масаев

Проехав километров 30, мы вышли из автобуса у деревни масаев. На склоне живописно возвышался лес с баобабами. Люди в деревне ходят в цветных одеждах, с кучей украшений на руках, ногах, шее и особенно в продырявленных ушах. Находясь на трассе, по которой возят туристов в национальные парки, они иногда у дороги раскидывают свои поделки, чтобы продать их туристам в качестве сувениров. А тут туристы сами к ним идут. Женщины окружают нас у хижины, предлагают украшения. К чему нам сувениры, у нас долгая дорога, но в рюкзаках есть продукты, которыми можно поделиться. Завязывается разговор, в основном на языке жестов. Меня больше, чем украшения на шее, интересуют масайские сандалии, практически изготовленные из брошенных автошин. В таких сандалиях часто ходят африканские пастухи и в колючей Масайской степи, и в горах Эфиопии.

Масаи — очень распространенная народность в Кении и Танзании. О них написаны тома литературы, и их популярность среди туристов позволяет им околачиваться около отелей и фотографироваться не менее чем по 5 долларов за кадр. Масаи, ушедшие к туристам, резко отличаются от своих соплеменников, живущих в глуши и добывающих пропитание скотоводством. У первых двойная жизнь: они пасут коз, а в свободное время выезжают во всей красе к фотографам. Многие из них продают сувениры или даже танцуют на заказ в ресторанах. Скотоводы же, удаленные от дорог, сторонятся туристов. Скот масаев кочует вместе с общиной, а скромные накопления в виде украшений люди носят на шее, ногах и руках, вплетают в короткие волосы и вешают на уши. Уши их часто во многих местах продырявлены, и каждая дырочка — это место для сережек. Большие серьги, часто замысловатого исполнения,

вешаются на мочки ушей, и дырки в них бывают впечатляющих размеров. Не надо думать, что украшения драгоценные; они из дешевого завозного бисера, но исполнены со вкусом и в своих традициях. Наряд вождей, дырявые уши и высокий рост, кочевая вольность, украшенная копьем, впечатлила первых европейских путешественников. Их рассказы, а затем и книги сделали племена популярными у любителей экзотики. В литературе всегда пишут, что каждый масаи убивал льва и только после этого мог считаться мужчиной и жениться. Пожалуй, столько львов не было в Африке, но на коз мог позариться хищник. Кочевники защищали свои стада, и каждое племя имело своего смелого Геракла, которого окружали легенды. Увлекаясь экзотикой, нельзя не вспомнить, что в Танзании около 120 народностей, и масаи — не самая крупная из них. Также можно неожиданно увидеть их представителей с мобильным телефоном последней марки, надевающих традиционный костюм только для туристов. Для них же скотоводы за деньги и от души, совмещая приятное с полезным, танцуют. Танцы рослых мужчин с копьями состоят в основном из высоких прыжков, демонстрирующих силу и ловкость людей, живущих на просторах саванн. Известно, что многие россияне имеют прививку от оспы на предплечье, сделанную в детстве, со следами трех надрезов. Похожую племенную пометку носят и нарядные жители Танзании. Один из них, указав на мою руку, спросил, не масаи ли я. Конечно, масаи, разве мы не кочевники, если отправились на год в путешествие? Африканцы посмеиваются над моей шуткой.

Дороги пошли замечательные, и мы собрались ехать автостопом. Французская пожилая чета, приехавшая погостить к сыну, работающему в Танзании, и посмотреть страну, подхватила нас на джипе.

— Что случилось? — был их первый вопрос.

— Все хорошо. Едем на попутках.

В Аруше мы остановились у знакомых нашего знакомого. Семья, в которую нас привезли, была необычной. Глава ее — англичанин Том, его жена Лариса — русская, живущая в Танзании с 1980 года, и их скромная дочь Нина, говорящая на суахили и английском, живут в загородном доме англо-африканского стиля. К моему удивлению, гостем в семье оказался Евгений Калашников, директор Российского центра науки и культуры из Дар-эс-Салама, к которому у нас было

письмо. А к радости наших детей, начинающих гитаристов, здесь присутствовал также профессиональный русский гитарист Павел, живущий в Германии. Федор, организующий концерты Павла, москвич полуафриканского происхождения, представился с иронией «темным африканцем». Ужин в интернациональной компании удался на славу. На десерт звучала гитара. Дети были заворожены музыкой и радовались цивилизации, без которой несколько одичали. Уснули мы блаженным сном.

Загородный дом восхитил всех. Он расположен в настоящем лесу, из которого утром прибежали обезьяны с длинными белыми хвостами. Во дворе пасется домашняя скотинка: овечки, гуси, утки, куры. Кошки и собаки — не злые, держат на дистанции только обезьян. Дом добротный, но в нем все просто и удобно для жилья; у него нет забора, какие любят ставить наши дачные куркули. В гостиную часто собираются гости, и многие вещи, которые они видят, сделаны руками хозяина. Даже электричество поступает от самодельного генератора, который установил на речушке Том.

Национальный парк Аруша (около вулкана Меру — 4567 м) известен больше из-за соседства с вершиной Килиманджаро. Это еще одно замечательное место, где обитает немало животных. Мы вновь любовались слонами, жирафами, буйволами, антилопами, зебрами... Жирафы, может быть, самые необычные существа в животном царстве. Африканский слон не выглядит огромным по сравнению с жирафом. Спина добродушного гиганта повыше, чем у слона, а к ней еще примыкает массивная снизу и очень длинная шея. Медлительное и мирное животное в порывистые минуты очень непредсказуемо; большая масса и сильные копыта держат всех хищников на расстоянии. Смешные уши, любопытствующий взгляд с пятиметровой высоты и плавная походка животного на ходулях заставляли верещать нашего Сашу. Но сейчас мы подъехали к жирафам на удивление близко, и они, можно сказать, заглядывали к нам в машину. Все замороженно наблюдали за животными, а жирафы, окинув нас скептическим взглядом, продолжили объедание листы с высоких деревьев. Меру — это не только вулкан; вокруг него образовались кальдеры и кратерные озера, в которых водится много животных и птиц. К озерам подходят на водопой стада

антилоп, ориксов, зебр и жирафов, последние пьют воду в смешной позе, расставив передние ноги широко в стороны.

Национальный парк Аруша был для нас подарком Евгения. Кроме того, мы могли ехать на джипе в Дар-эс-Салам, «если нам не будет тесно на заднем сиденье». Тесно? После «матату» и «такси» без стекол? Дорога из Аруши проходит недалеко от знаменитой вершины Килиманджаро (5895 м), сияющей сползающими с макушки ледниками. Вулкан, находящийся почти на самом экваторе, останавливает проезжающих. Жаркий экватор и ледники со снегом — удивительное сочетание, поражающее людей. Странники прилетают сюда со всех концов мира. Прибывающие собираются в Аруше — туристской столице страны. Гора превратила малоизвестный городок в центр туристической индустрии. Наивных туристов, надеющихся увидеть девственную Африку, хватает в объятия изощренная коммерция. Гидов на Килиманджаро искать не надо, они сами всех находят: от посредников нет отбоя. Стягающая атмосфера разочаровывает посетителей. Разочаровывает не только паломническими толпами на вершину, но и развращенностью местного населения около туризма. Трагедия Килиманджаро в том, что она самая высокая в Африке. Ее монументальный купол долго сопровождает нас по асфальтовому шоссе, ведущему в Дар-эс-Салам.

Чуть более примечательное для туристов место обязательно обрастает сувенирными магазинами. Длинные ряды собирают поделки и безделушки, от микроскопических до гигантских. Богатые отели в городах имеют специальных менеджеров, которые скупают лучшие изделия и продают мастерство провинциальных ремесленников очень дорого. Драгоценный металл, камень, благородное дерево, кожа, ценная кость, панцири животных, ветки, листья и стволы экзотических растений — все идет на сувениры. Иногда из этих материалов выделяется замысловатая и богатая мебель. Находятся охотники, транспортирующие эту мебель на кораблях в Москву или Санкт-Петербург. Российских покупателей и коллекционеров на больших африканских рынках торговцы зазывают в первую очередь. В местах больших туристических сборищ в Африке (например, археологический город Зимбабве, водопад Виктория, город Моши около Килиманджаро) сувенирные ряды тянутся километры. Здесь можно встретить экспонаты слона или

жирафа в натуральную величину, купить сумку из крокодильей или удавой кожи, приобрести огромную маску колдуна, закрывающую стену квартиры. Большие и маленькие изделия в основном угоджают вкусу туриста. Иноземец покупает их не столько для себя, сколько для близких и знакомых с целью удостоверить всех в своем заморском пребывании. Еще менее ценными выглядят картины. Они пишутся людьми без школы и с еще большим угодничеством. Умилительные пейзажи, надуманные жанровые сценки и эротика составляют главные мотивы художеств; у африканцев же нет других забот, кроме выставленных на картинках для туристов. Сувенирные ряды выступают в Аруше по дороге около Килиманджаро и при въезде в Дар-эс-Салам. Несомненно, в этих бесконечно длинных рядах можно обнаружить и предметы художественно незаурядные. Да только как же их отыскать в такой каше? И, кроме того, отыскав, куда их девать? Купить для того, чтоб они собирали пыль дома? Можно ли украсить жизнь случайно купленными предметами, пусть даже высокохудожественными? Кстати, в домах африканцев мы как-то не видели сувениров. Мещанский рай рассчитан, конечно, на туристов.

Город Моши — родной брат Аруши; в нем также витает атмосфера коммерции из-за еще большей близости к Килиманджаро. От Моши до Дар-эс-Салама ехать более 500 километров, но по хорошему шоссе. Евгений периодически останавливает машину, и мы с ним бесполезно машем фотоаппаратами в сторону понравившихся пейзажей. Солнце, находящееся в зените, и испаряющаяся дымка гарантируют плохую съемку. Дети наши учат свои школьные дисциплины, совмещая приятную езду на джипе с полезными, по мнению родителей, уроками.

— А что это они у вас постоянно читают? — спросил Евгений.

— Уроки учат, — сообщает Лена.

Евгений притормозил от удивления.

— А нельзя ли заставить моих детей учить уроки, когда домой приедем?

— Нельзя. У наших условие: Африка может быть только вместе с уроками.

— И мы в Африке, но в командировке. Моим условия не поставить, — посетовал Евгений.

Почти в темноте мы въехали в Дом дружбы — российское представительство в Танзании.

РЦНК

Во многих странах мира существуют российские центры науки и культуры (РЦНК). В Африке такие центры есть в Египте, Марокко, Тунисе, Замбии, Конго, Эфиопии, Танзании, ЮАР. Объединяет эти Дома дружбы отдельная структура, своего рода мини-министерство при МИДе. Этим ведомством долгое время руководила космонавт Валентина Николаевна Терешкова, благодаря усилиям которой многие здания сохранились и пережили лихолетье 1990-х годов. Сегодняшнее ведомство «Россотрудничество» существует с 1925 года под разными названиями и связано с участием в его деятельности многих выдающихся имен. С. Вавилов, А. Эйнштейн, В. Маяковский, М. Шолохов, Э. Хемингуэй, Р. Тагор, С. Прокофьев, Г. Уланова, А. Баталов, Ю. Гагарин, В. Терешкова содействовали взаимопроникновению культур народов СССР и зарубежных стран. В центрах преподается русский язык, работают различные клубы, выступают российские деятели и творческие коллективы, знакомя зарубежную публику с культурой России. По своей должности я посещал в путешествиях многие представительства и даже выставлялся с фотографиями российских просторов. Представьте: в Танзании, на экваторе, и... фотографии русской зимы — африканцы восхищаются. В 2000-м году здесь же я познакомился с директором центра Рифатом Кадыровичем Патеевым. Бывает так, что человек красит место. Хороший администратор, суахилист, уважаемый в российской науке, Рифат Кадырович перевел на суахили сказки Пушкина, пьесы Гоголя и Чехова и организовал их постановку танзанийскими театрами. Два года назад он уехал в Москву, подготовив себе достойную смену. По его благословению и с письмом «Россотрудничества» мы встретили в Дар-эс-Саламе радушный прием. Россиян и граждан СНГ проживает в Танзании несколько сот человек; большая часть из них — женщины, приехавшие с мужьями после их учебы в СССР. Геологи, золотодобытчики, врачи, торговцы-бизнесмены, африканцы с русскими женами и симпатичными

детьми заходят в РЦНК по традиционным пятницам, собирающим русскоговорящую публику.

«Ревизор» Н. В. Гоголя, переведенный на суахили Р. К. Патеевым и поставленный на сцене, был с восторгом принят африканской публикой. Проблемы коррупции и чиновничьего произвола во всех странах схожи. Но танзанийцы знакомиться с Россией начали издавна. Немецкий ученый Карл Фельтен, один из первых знатоков суахили в Европе, издал книгу «Путешествие суахильцев», которая вполне может быть интересна россиянам. В конце XIX века по России, Средней Азии и Кавказу путешествовал африканец Селим ибн Абакари. Он оставил на родном ему суахили рассказ о путешествии по окраинам Российской империи (Поволжье, Сибирь, Алтай, Казахстан), а также побывал в Москве, Петербурге, Варшаве и Берлине, вернувшись на родину, в Занзибар. Рассказ в жанре старинной суахилийской словесности — сафари, т. е. повесть о странствиях по свету — представляет нам образованного и наблюдательного человека, который упоминает о реформах Петра Великого в России, о нашествии наполеоновских французов на Москву. Он ярко описывает, как встретили его на Волге: «Прибыли мы в Самару, перепугались жители, разбежались и стар, и млад... А в других местах иные при виде меня падали ниц...» Сильное впечатление на африканца произвели петербургские белые ночи, снежные бураны в степях, сибирская баня и водка — «чай, который горит огнем». Селим Абакари сравнивает русских с европейцами и не всегда лестно отзываясь о нашем брате. Материалы об африканцах, писавших о России, можно почитать в новом многотомнике солидного издания «Россия и Африка».

Россия и Африка: взаимосвязи

Находясь в Российском культурном центре в Танзании, в самый раз вспомнить немного о российско-африканских взаимосвязях, историю которых открывают российские купцы, ходившие за три моря. Афанасий Никитин, возвращаясь из Индии, останавливался в районе Африканского Рога в 1471 году. В XVI веке в Африке побывали многие купцы и паломники. «Арапы» служили привратниками у царя Алексея Михайловича. Петр Великий на верфях в

голландской Ост-Индийской компании в Амстердаме познакомился с моряками и офицерами, хорошо знавшими Капскую колонию. 900 голландских моряков были приглашены на русскую службу, многие из которых были прежде на мысе Доброй Надежды. Петр I покровительствовал талантливому Абраму Ганнибалу, прадеду Пушкина, которого ребенком привезли из Абиссинии константинопольские работоторговцы. Во время реформ Петра в России замыслили и готовили плавание вокруг Африки, но после смерти царя плавание не состоялось. Позже многие морские офицеры проходили стажировку на британских кораблях и ходили в Кейптаун; среди них Крузенштерн и Лисянский, возглавившие впоследствии первое российское кругосветное плавание. Российский музыкант Герасим Лебедев, организовавший первый европейский театр в Индии, давал концерты в Кейптауне, в котором он надолго задерживался по дороге в Индию. В 70—80-х годах XVIII века на Мадагаскаре обосновалась группа ссыльных россиян, бежавших из Большерецкого острога на Камчатке. В XIX веке Кейптаун часто встречал российские корабли. Первый корабль россиян привел в Кейптаун лейтенант Головнин, написавший замечательную книгу «Пребывание на мысе Доброй Надежды». Про Африку написаны художественные книги; среди них интересно прочесть «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова и «Цусиму» А. Новикова-Прибоя. 12 тысяч российских моряков, идя навстречу своей гибели во время русско-японской войны, высадились на Мадагаскаре, вернее, на островке Нуси-Бе около Мадагаскара. Там они провели больше двух месяцев. Зная, что их посылают на верную смерть, моряки кутили. Печальная история Цусимы, как и позорная война, связаны с переходом самой большой эскадры у берегов Африки. Стоянку на острове Нуси-Бе до сих пор называют «Бухта русских».

В конце XIX века у России с Абиссинией завязываются дипломатические отношения, которые продлятся долго. Европа заканчивала колониальный дележ Африки. В Эфиопии (Абиссинии) в это время был выдающийся правитель Менелик II, который искал европейского союзника, чтобы страна не оказалась проглоченной Англией, претендующей на колониальный захват. России такой союзник в черной Африке, находящейся на стратегическом пути — на выходе из Красного моря, был очень нужен. Это был кратчайший путь из

Европы на Дальний Восток. Две самые крупные в мире империи (Англии с колониями принадлежала четверть, России — шестая часть суши) в разных частях света сталкивались в захватах колоний, и российская верхушка с удовольствием досаждала английской, помогая сопротивляться Эфиопии, в то время как английские солдаты подпирали российские границы в Центральной Азии. Из-за этого России также сильно симпатизировали буры, насмерть сопротивляющиеся англичанам. Кроме политических стремлений России и Эфиопии, сближению содействовала схожесть религий: в Эфиопии сохранялось древнее православие, перешедшее от Византии. Политические и идеологические предпосылки подвигли терского казака Николая Ашинова высадиться на берегу Красного моря с отрядом в 150 человек и основать «Московскую станицу» к северу от современного Джибути. Казакам говорили, что и пращур Пушкина оттуда. Станицу после ее основания обстреляли французы, которым тоже нравилось это стратегическое место, и казаки ушли. Но за Ашиновым потянулись другие: казаки-паломники, авантюристы, несколько художников, а вскоре и дипломатические представители. В Адис-Абебу и Хараре прибыли врачи от российского Красного Креста. Столичный госпиталь, в котором ныне работают более 50 российских медицинских работников, имеет историческую связь с XIX века. В 1895 году в Петербург прибыли эфиопские посланники от Менелика II. С 1898 года между странами установились постоянные дипломатические отношения. По Абиссинии раньше западных исследователей прошли А. В. Елисеев, П. М. Власов (книга «Казаки Абиссинии»), Л. К. Артамонов, но особенно много разъезжал Александр Ксаверьевич Булатович, который долгое время был другом выдающегося Менелика. Художник Евгений Сенигов, много лет живший в Эфиопии, оставил много картин африканской жизни. В Африке есть только две страны, которые избежали европейской колонизации, — это Либерия и Эфиопия. Эфиопия выиграла несколько сражений в борьбе с европейцами. Это была заслуга Менелика — стратега и дальновидного политика. Россия своей заинтересованностью на стратегическом пути невольно содействовала эфиопскому сопротивлению колонизации.

В противостоянии Англии россияне сочувствовали и помогали издалека бурам и Оранжевой республике. В 1890 году в Трансвааль

поехали русские горные инженеры с целью обмена опытом горно-рудного дела. В это же время сюда поехали эмигранты. С 1880 до 1914 года из России в ЮАР (Южно-Африканский Союз) переселились около 40 тысяч человек, в основном евреи, бежавшие от шовинистских погромов. Евреи, даже бежавшие, сохраняли связь с Россией и помогали обустроиваться позже всем эмигрантам-россиянам. Эмиграция стала связующим звеном Трансвааля с Россией. Во время англо-бурской войны из России прибыли около 200 добровольцев, которые сражались на стороне буров. Е. Я. Максимов стал бурским генералом. Илья Эренбург даже писал «бородатому президенту Крюгеру». Англо-бурская война привлекла широкое внимание российской общественности к Африке. До революции в России вышло около 500 книг, посвященных народам Африки. Гумилев, Бальмонт, Немирович-Данченко писали яркие стихи и рассказы, которые знакомили россиян с далекими землями. В России также переводились труды европейских ученых Э. Реклю, Ф. Гельвальда, Ф. Ратцеля. В 1912 году был издан сборник «Сказки африканских народов». Первыми россиянами, работавшими во внутренних областях Восточной Африки, были ученые-зоологи В. А. Догель и И. И. Соколов; их добросовестные дневники интересны и сегодняшнему путешественнику.

В советское время Коминтерн проявил большой интерес к Африке, и прежде всего к Южно-Африканскому Союзу, в котором складывался рабочий класс. СССР, отказавшийся от претензий на колониальные захваты и объявивший о праве наций на самоопределение, вызвал симпатии угнетенных стран и народов, в том числе африканских. Ленинская интернациональная политика воспринималась с воодушевлением простонародьем зависимых от капитала стран. Лишь с 1930-х годов, когда сталинизм окончательно укрепился в СССР, Коминтерн изменил свою политику. Сталинские репрессии коснулись и деятелей Коминтерна, и некоторых африканистов. Новым в послереволюционной России и в СССР было создание научных центров и учреждений, начавших фундаментальное изучение Африки и африканских языков. Выдающаяся роль в становлении советской африканистики принадлежит Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехину. В 1960 году, в «год Африки», когда получили независимость 17 африканских стран, в СССР на

базе существовавших прежде учреждений науки и образования был создан Институт Африки. В нем организована работа историков, этнографов, международников, философов, языковедов, культурологов, правоведов. В 1963 году Институтом был выпущен справочник-энциклопедия «Африка», который впоследствии переиздавался. Советские ученые совместно с сотрудниками африканских вузов провели сотни экспедиций в африканских странах и обогатили мировую африканистику. Африканские студенты и аспиранты, учившиеся в разных городах СССР, и преподаватели африканистики из года в год проводили семинары, конференции, конгрессы.

Нельзя упомянуть без сожаления, что стоящая ныне на коленах наука не имеет средств для изучения огромного континента. Российские экспедиции являются лишь делом энтузиастов, носят эпизодический характер и всецело зависят от зарубежных грантов и спонсорских подачек. Ученые-африканисты на целую эпоху, начиная с перестройки, оказались не у дел. При мизерных зарплатах, отсутствии дотаций люди науки не имеют возможности увидеть Африку, чтобы, объединив теоретические познания с путешествиями, объективно рассказать с точки зрения профессионалов о великом континенте, на котором проживает седьмая часть человечества, т. е. миллиард человек. Правда, некоторые сегодняшние «экспедиции ученых» носят смешной характер: верхушка научного учреждения соберет под «проект» кучу денег и съездит в банальный и дорогостоящий тур с последующей помпезной фотовыставкой где-нибудь в питерской Кунсткамере. При всеобщей мафиозности экономики и бизнеса титулованным умным людям сам бог велел пускаться в богатые путешествия. Их рассказы об Африке столь же банальны, как и экспедиции.

Дар-эс-Салам

С виду Дар-эс-Салам довольно приятный город, но в нем не дремлют грабители. Если вечером прогуляться по набережной до рыбного базара, то велика вероятность натолкнуться на бандитов. О случае грабежа среди белого дня нам рассказала пострадавшая, у которой отняли сумочку и украшения. Грабят как приезжих

туристов, так и африканцев, если есть что взять. Женщины в столице украшения надевают только для торжеств в охраняемых местах. Дар-эс-Салам, как и любая столица, контрастен, но в сравнении с другими крупными африканскими городами считается спокойным; во всех людных местах днем можно прогуливаться. В центре города есть несколько интернет-кафе, но интернет, конечно же, медленный. Нам понадобилась флеш-карта, мы купили ее в солидном на вид магазине, и она тут же сломалась. Беда компьютеров в кафе еще в том, что своей техникой там лучше не пользоваться, так как велика вероятность заразить ее вирусом. Я отчасти попортил свой фотоаппарат таким образом. Супермаркетов в классическом смысле, где можно закупиться по-европейски, нет во всей столице, не говоря уже о провинциальных городах. Нужно добавить, что официально столицей Танзании является город Додома, находящийся в середине страны. Но все министерства, главные учреждения, посольства и правительство расположены в Даре. В культурном отношении (театры и университеты) и некультурном (нищета, криминал и мошенники) Дар-эс-Салам — тоже столица. Пляжи около города, как и набережная, где собираются экзотического вида лодки и корабли, повсюду грязные. Если отъехать на народном микроавтобусе 10 километров на юг, можно найти места почище. Севернее города тоже есть пляжи, но отдыхающие обычно останавливаются на территории частных гостиниц и отелей, заплатив недорого за пребывание: там спокойней и «не украдут вещи». Дар-эс-Салам располагается не столь далеко от замечательных коралловых островов Занзибар, Пемба, Мафия. Специальные катера доставляют пассажиров на Занзибар, но стоят они недешево — 35 долларов. Иностранцам не продают билеты третьего класса (около 8 долларов), но их можно купить, попросив местных жителей. Третий класс, понятно, некомфортабелен и густо набит народом.

На Занзибаре хорошие пляжи. В одноименном острову городке собраны дома и храмы разных народов и эпох. Ему принадлежит особая историческая роль. Главный торговый пункт арабов в средневековье, остров собирал африканцев, торговых индийцев, персов, арабов, которые строили на свой лад дома и храмы. Арабов было больше всего, они до сих пор здесь в большинстве. Многогласная и многоликая публика, проживающая временно и постоянно, за века

выстроила город с крепостной стеной. Из смеси языков на острове зародился суахили; он распространился до тропических дебрей Конго и стал самым крупным языком в Африке южнее Сахары. В порту Занзибара несколько лет назад я встретил наших моряков, работающих на грузоперевозках. Как земляка, меня встретили тепло, для ночлега нашли свободную каюту на корабле. Вечером мы собирались на палубе судна с гитарой. Следовали рассказы. Российские и украинские моряки нанимаются целыми экипажами на корабли под чужим флагом, чаще всего под греческим. Как специалисты морского дела они ценятся и работают на разных судах во многих портах мира.

В Африке приветствие всегда длинное, и таков же ответ. С нами здороваются по-разному: джамбо, хабари, карибу, мзури и т. д. Мы стараемся быть деликатными и отвечаем на приветствие в традиционном стиле. Но однажды я попал впросак. У нас дома многие годы не работает телевизор, вернее, есть ящик с видео, но смотрим только выбранные фильмы. Американских боевиков мы не знаем, голливудских звезд — тем более, и когда нам говорили: «Чак Норрис», мы принимали это имя за приветствие на местном языке и, конечно, отвечали тем же, обогатив приветствие новым словом. В Российском культурном центре нас удивило, что многие сотрудники говорят на суахили, и мы поинтересовались, что значит «Чак Норрис». Знаток суахили на наш вопрос ответил не сразу... Оказывается, с бородой я, по мнению африканцев, сильно похож на какого-то киноактера Чака Норриса. Вот так пассаж!

Дар-эс-Салам оказался для нас базовой точкой отдыха. Мы хорошо отдохнули от дорог, выезжая за город на пляжи, дописали дневники, подучили уроки и спланировали дальнейший маршрут. Билеты на выезд из большого города были куплены заранее. Это оказалось напрасным. Наш автобус, неполный, как и другие, не спешил с отправкой. Далее пассажиров ожидал спектакль с купленными билетами. Автобус выезжает из города и через 30 километров ломается. Нас пересаживают на другой транспорт этой же компании. Историю о пересадке мы слышали раньше от тех, кто ездил по сервису на водопад Виктория. Автобус же на самом деле не ломается. Из нескольких неполных салонов за городом собирают один переполненный и выгодно везут пассажиров по назначению. Неудобство

для купивших билеты в том, что на вокзале и пересадке теряется несколько часов времени. Разумеется, время прибытия, названное при покупке билета, является привокзальной сказкой для пассажиров. Из Дар-эс-Салама в Мбею и дальше по Замбии проходит хорошая дорога, где автобусы несутся с максимальной скоростью. Водители дальних рейсов спешат приехать в пункт назначения до захода солнца. Ночью по Танзании, как и по некоторым другим странам, ездить запрещено. Ночь — для разбойников. Хорошая дорога — не всегда благо. Многие африканские водители не знают правил и соблюдают лишь левостороннее движение, унаследованное с колониального времени. Аварии случаются нередко. Прекрасные панорамы открываются на пути из Морогоро до Иринги; здесь же находится национальный парк Микуми, который можно посмотреть дешевле других. На дорогу постоянно выступают баобабы, а слоны, зебры и жирафы встречаются и за территорией парка. Страна постоянно сменяющихся ландшафтов поглощает основной поток туристов на севере. Туристы выдыхаются около Серенгети и Килиманджаро и не доезжают до южных хребтов и саванн. Автобус петляет серпантинами в горах Удзунгва, и снова меня терзают сомнения, надо ли здесь спешить. Леса и саванны не перестают поражать многообразием флоры. И какие баобабы!

В Иринге — своеобразном городке, в котором по-хорошему надо бы остановиться, — мы пересели на автобус до Мбеи. На другой день из Мбеи пошли на перевал по дороге в сторону городка Чунья. Это самый высокий дорожный перевал Танзании с панорамой окрестности, и здесь растут хвойные леса, как у нас в Карелии. Гуляя по такому лесу, забываешь, что находишься в Африке. Но, зайдя в школу, мы окунулись в африканскую реальность. 150 учеников из неблизких мест обучают только два учителя. Элитная школа в Дар-эс-Саламе, где каждому ученику обучение стоит 1000 долларов в месяц, и сельская школа, которую можно назвать сараем, отражают социальное расслоение народа в стране. Красивая страна, но много бедности, как, собственно, во всей Африке.

Мбея — тот городок, из которого можно отправиться в малоизвестную Танзанию. Там, где плохие дороги, можно не жаловаться на вездесущий туризм. Берега юга Танганьики и востока Ньясы встретят европейца прошлыми веками. Мы помышляли побраться до

озера Руква, крупнейшего водоема, малопосещаемого туристами, но поддались другой идее: вместо главной трассы по Замбии ехать в Малави. Про окрестности Мбеи можно добавить, что в городке Чунья долгое время жили российские золотодобытчики. Места здесь болотистые и безотрадные. Несколько человек из старателей жестоко болели малярией. Я посещал их домики в 2000 году. Интересно, какие причины остановили их затею? Около Мбеи есть кратерные озера, которые более интересны, чем кратерные впадины в Уганде. Но мало ли еще удивительных мест! Здесь есть пещеры и водопады. Около поселка Мбози можно посмотреть метеорит. Горная дорога из Мбеи до Тукуйи — тоже одна из красивейших.

А вот и граница...

Елена

21.10.2008. Кигома. Вчера приплыли в Танзанию. Весь вечерний закат мы провели на носу корабля. Закат всегда впечатляет, а нас, плывущих на корабле, он завораживал и навевал романтическое настроение. На душе у всех было легко и радостно и от слияния с природой, и оттого, что, несмотря на трудности, нам удалось проехать Бурунди и найти корабль. Это первый наш с детьми «гидростоп». Ночевали в общей комнате грузового судна на лавках, в спальниках. Корабль ночью сильно качало, видно, волна была высокая. Спалось, как в колыбели.

Танзания встретила нас ярким теплым утром. Город Кигома показался мне очень приятным. В отличие от Бурунди, люди деликатны и не дики, особенно не пристают и не лезут. Мы расслабились, вздохнули свободнее. В Бужумбуре мы, конечно, гуляли по городу, но часто чувствовали себя неуютно.

Мы прошлись по улицам, за 1 доллар починили Саше сандалии, купили фруктов и искупались в озере. Во второй половине дня устремились в соседнюю рыбацкую деревушку. Она выглядела очень симпатично. Прогулялись по ней, а Сашка даже успел искупаться с мальчишками, пока Володя спорил с местным чиновником, можно ли здесь фотографировать ландшафты. Приграничье как-никак! На воде стояло множество лодок. Рыбаки отправлялись на ночь ставить сети, и Володя договорился, чтобы они взяли нас с собой.

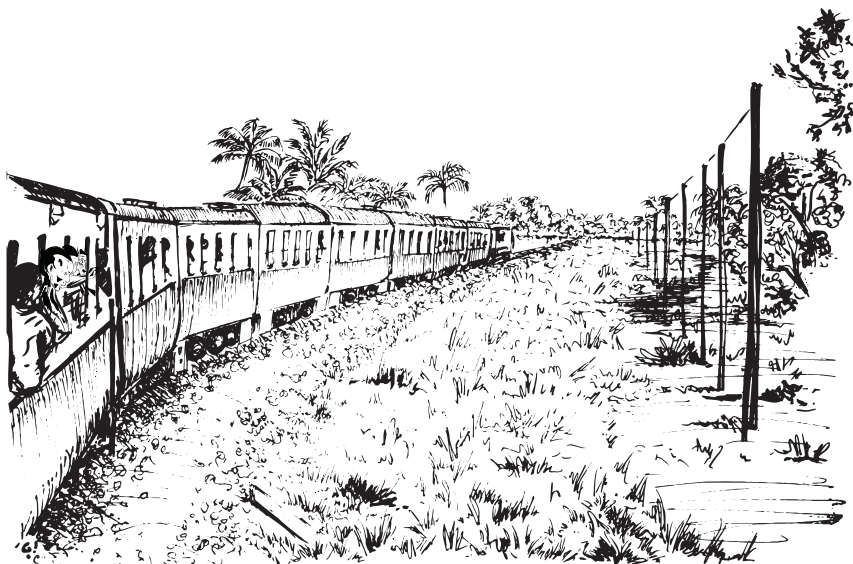
Нам удивлялись, потому что рыбачить заплывали на всю ночь. Нас посадили на лодки. И снова мы плывем по Танганьике и любимся великолепным закатом, только теперь в моторной лодке. Рыбаки показали нам живописную бухту с песком, и мы решили высадиться в этом месте. Берега озера в этих местах каменистые, и вдруг среди скал в маленькой бухте лежит чистый мелкий песок. Настоящий пляж. Здесь мы, конечно же, повстречали белых. Две семьи, немцы и французы, с детьми проводили время в этом сказочном месте. Мы уплыли километров на восемь от города, и, когда накупались и решили возвращаться, солнце уже совсем садилось. В сторону города надо было идти по скалистому берегу. Поселений поблизости не было. Проезжую дорогу мы нашли не сразу. Зато по пути неожиданно повстречали зебр, а на пляже играли с обезьянами. На подходе к городу мы вышли на дорогу и сели на маршрутку. День удался!

Следующим утром решили снова поискать тот самый пляж: уж очень нам место приглянулось. Расспросили местных. Доехали до какой-то деревни. До пляжа было еще около 1,5 километра. Пришли и расположились около пальм на песке. Дети были счастливы. Мы снова купались и кормили диких обезьян. Несколько кокосовых пальм прельстили наших ребят. И хотя орехи висели довольно высоко, ловкий Паша добыл их. На вечер у нас куплены билеты на поезд.

24.10.2008. Из Кигомы вглубь страны решили ехать поездом. Оказалось, поезд ходит раз в неделю. Билетов на ближайший рейс на следующий день нам продавать не хотели, места были только в общем вагоне. Володя узнавал насчет автобуса и еще несколько раз заходил в кассу вокзала. После третьего или четвертого захода билеты почему-то появились.

Поезд из Кигомы подали вместо 5 часов вечера в 12 часов ночи. Мы сидели вместе со всеми на вокзале на рюкзаках и в ожидании состава читали, учились, слушали музыку, наблюдали за людьми. Никто не знал, когда поезд приедет. По радио тоже ничего не объявляли. Около 22.00 вдруг сообщили, что, мол, скоро будет. Вообще, время здесь — условное понятие, и нужно настроиться на философский лад. Садись в автобус и знаешь, что когда-нибудь ты будешь на месте. Народ на вокзал прибывал с 3 до 10 часов вечера.

Очевидно, многим известно, что время отправления приблизительное, и люди спокойно подтягиваются на станцию ближе к вечеру.

Поезд должен был прибывать в Таборе около 5 часов утра. Ехать всего 350 километров. Я подумала, что за 5 часов такое расстояние на поезде можно запросто преодолеть. Но Володя сказал: «Спите спокойно», — и закрыл наше купе на защелку. Мы ехали во втором классе. Одно купе — шесть спальных мест и вместо привычного для нас столика — умывальник. Я рассудила, что, может быть, это логично: в Африке много грязи и пыли. Но наш умывальник, хотя и имел воду, был забит так, что руки мы ходили мыть в туалет.

Народ в основном ездит в сидячем третьем классе, и эти вагоны забиты, как полный автобус. В тамбуре нашего вагона тоже плотно сидели люди. В 10 часов утра к нам постучал проводник и спросил билеты. Мы еще крепко спали. Поинтересовались временем нашего прибытия. Нам ответили, что еще часов шесть-семь езды. В Таборе мы высадились только в шесть вечера. В пути Володя все время вытаскивал свою «пушку» и фотографировал местное население на всех станциях. Фотографировать из окна, лежа на верхней полке, не

привлекая внимания, было особенно удобно. Обычно люди пугаются большого фотоаппарата.

В Таборе мы устроились в гостинице, а утром отправились дальше на автобусе в Сингиду. Дорога была никудышная, и неудивительно, что в один прекрасный момент шина автобуса разлетелась на мелкие кусочки. Такого я еще не видела! Володя даже сфотографировал это зрелище. На удивление, колесо заменили за 15 минут. Для Африки супербыстро!

Прекрасная Сингида — так этот город назван в путеводителе для путешественников. Место действительно интересное. Город раскинулся между гранитных скал, которые составляют часть городского пейзажа. На них можно забраться и полюбоваться на город сверху. На юге и севере города находятся два небольших соленых озера.

После прогулки по окрестностям Володя решил ехать дальше до горы Хананг. Автобуса в этот день не было, и он попросил таксиста отвезти нас на 10 км от города, с тем чтобы там поймать машину в нужном нам направлении. Таксист довез нас до ближайшего местечка и оставил у мечети. Место оказалось еще интереснее, чем сама Сингида, и выглядело сказочно! Гранитные розоватые скалы здесь были выше, и этот ландшафт простирался до самого горизонта. Местные жители добывают гранит для строительства. При помощи огня и сверления они откалывают большие глыбы и потом вручную молотками дробят их до нужной величины. Мы видели, как несколько мальчишек в возрасте 14—16 лет занимались этим трудоемким делом. Для наших детей было откровением, что их сверстники должны целый день сидеть в карьерах и размельчать молотками большие куски гранита.

Вечером уехали в Катеш. О, что это была за дорога! Асфальта нет совсем. Я вспомнила чью-то фразу: «В России нет дорог, а есть направления». Пыль стояла столбом, мы прыгали на кочках и передвигались со скоростью 20 километров в час. В половине десятого вечера мы все-таки добрались, поседевшие от пыли, в Катеш. Водитель довез нас до богатой местной гостиницы. К счастью, она стоила всего 15 долларов за номер, и там оказалась даже горячая вода.

Следующий день был днем отдыха. Мы гуляли по приятной деревушке, отстирывались от пыли, догоняли школьную программу,

сварили себе вкусные щи и даже сыграли с местными мальчишками в футбол. Володя предложил завтра сходить на гору Хананг. Это четвертая по высоте вершина в Танзании.

30.10.2008. Утром следующего дня поднялся сильный ветер, который не прекращался два дня, и небо заволокло тучами. Места и люди здесь очень приятные. Но окрестности сверху мы так и не увидели. Из-за пасмурной погоды видимость была плохая, а лес поднимался высоко по склону.

Решили трогаться дальше в сторону национальных парков. По мере продвижения вглубь страны ландшафт становился сухим, а земля и все живое — желто-коричневым. Деревня Минджингу у национального парка Тарангире показалась мне какой-то грязной и пыльной. Несмотря на обилие туристов, посещающих национальный парк, местным жителям не удалось разбогатеть, видно, деньги уходят по каким-то другим каналам.

Ближайший кемпинг стоил баснословные 10 долларов с человека. Мы нашли местный гестхаус, который стоил 4 доллара за комнату. В этих местах напряженно с водой. Все выжжено солнцем. Люди хранят воду в цистернах и пользуются ею очень экономно, что при обилии в этих местах грязи и пыли не совсем удобно. Хозяин гостиницы, молодой парень, каждый раз, наливая воду в ведро, закрывал кран на специальный замок. Я все думала, от нас или от воров?

Утром Володя где-то нашел микроавтобус, на котором мы отправились на поиски животных Тарангире-парка. Нам удалось увидеть множество слонов, антилоп, несколько жирафов и издалека посмотреть на льва. Интересен и ландшафт этого национального парка. Он расположен в Масайской степи, для которой характерна холмистая местность с болотами в низинах. На территории парка выделяется ряд крупных холмов. Мы зашли на территорию одной роскошной гостиницы на холме, чтобы полюбоваться пейзажем. Домики с соломенными крышами имели все удобства, даже телевизионную антенну. Ресторан с большой террасой возвышался над всем парком, а внизу протекала речка, к которой все зверье собирается на водопой. Вот так сиди, пей чай и любуйся... Даже бассейн построили там, наверху. А в ресторане табличку повесили: «Берегите воду, она нужна животным». Что-то циничное было в этой надписи.

Мы вернулись в свой гестхаус и рано утром уехали в деревню Карату, которая расположена у биосферного заповедника Нгоронгоро.

...Нгоронгоро — огромный кратер диаметром около 22 километров. Нгоронгоро и Серенгети — два известнейших национальных парка в Африке. Именем Серенгети в Германии назван парк с завезенными животными. Кратер уникален тем, что в нем образовалась своеобразная среда обитания для многих видов животных, которые мигрируют из Серенгети и обратно. Меньше чем за 200 долларов с человека в заповедник проникнуть невозможно. Цена складывается из 50 долларов за вход, около 150 долларов налога за проезд на машине (пешком нельзя) + гид. Местные жители массово предлагают свои услуги. Атмосфера в деревне коммерчески-навязчивая. Володя сказал одному из приставал, что мы готовы за всю семью заплатить всего 200 евро, и пусть он ищет попутчиков, с которыми мы разделили бы стоимость машины, чтобы ему это тоже было выгодно. Мы особенно не рассчитывали на успех, но этот вариант удался. На следующий день к нам присоединились несколько норвежцев. Детей очень радовало то, что мы едем на джипе, в котором открывался верхний люк, и можно было смотреть через крышу и даже вылезать и сидеть на ней. Перед въездом в парк бегали обезьяны. Мы вышли из машины посмотреть и сфотографировать их. Наш любознательный Сашка подходил все ближе, пытаясь покормить животных, пока одна обезьяна не стала прыгать на него и пытаться укусить. Сашка со страху побежал, обезьяны инстинктивно ринулись за ним. Он бегал вокруг нас все быстрее и кричал. Я пыталась его поймать и остановить, чтобы обезьяны тоже остановились, но Сашка был неуловим. Наконец он сам добежал до меня, уткнулся и стал кричать. Обезьяны тут же отстали.

Всего парка мы, конечно, увидеть не могли, так как он слишком велик. Но основной кратер Нгоронгоро мы осмотрели сверху и катались по нему внутри. Количество животных, их большие стада и стаи птиц, скопившиеся в одном месте, производят впечатление какого-то райского места. Где-то у дороги, между прочим, сидит лев и тяжело дышит, то ли от жары, то ли от большого куска съеденной пищи. Совершив большой круг, мы остановились перекусить под баобабом. Водитель предупредил нас, что соколы и другие птицы могут выхватывать еду. Птицы пикировали прямо на нас и пытались

вырвать кусок из рук. Я боялась. Мальчишки с азартом кормили птиц. А один «финист — ясный сокол» подлетел к Даше и клюнул прямо в губы, когда она ела помидор. Теперь я шучу, что суженый у Даши в Африке... После перекуса двинулись дальше. Машина, не отъехав и ста метров, повернула, и здесь, лежа у дороги, нас приветствовала львица. Не хотелось продумывать что было бы, если бы она решила все-таки дойти до нас.

31.10.2008 К вечеру спустились к деревне Мто ва Мбу (в переводе: «комариная река, поток»), что у озера Маньяра, и заночевали. Часть озера относится к заповеднику, а со стороны этой деревни парк на карте не обозначен, и нам показалось, что идти до него недалеко. Утром мы решили увидеть озеро. Дорожка бежала через деревеньку и несколько раз пересекалась речушкой. За небольшим лесом открывался вид на озеро. Оно маячило впереди, как фата-моргана. Из-за раскаленного воздуха было почти невозможно определить, далеко ли еще до берега. Приблизившись, мы разглядели розовые пятна — это были стаи фламинго. Рядом паслись стада буйволов, косуль и других животных.

По дороге нас догнали какие-то африканцы и пытались объяснить, что нам нужен гид. Мы сказали, что и без гида не заблудимся, ведь уже пришли. Тогда они пытались нас не пустить дальше, но мы потребовали у них документы, дающие им право нам что-то запрещать. Документов у них не было, а объяснить толком они ничего не могли. Мы поспешили к озеру, чтобы успеть полюбоваться на эту красоту, пока нас действительно не развернули обратно.

Фламинго — очень пугливые птицы, и, как только мы приблизились к берегу, они ушли вглубь. Все озеро вдруг вспыхнуло розовым цветом и заколыхалось, насколько хватало взгляда, все было в птицах. Возвращаясь, мы невольно сошли с тропы и затопали прямо через поле к лесу. Очевидно, это была территория буйволов, потому что они вдруг повернулись все к нам, сбились в кучу и стали медленно двигаться в нашу сторону. Мы поспешили ретироваться.

На обратном пути нас встретили все те же люди. Они нашли англоговорящего коллегу, который принес нам расценки на услуги их сервиса. 10 долларов они брали за то, что к ним обращаешься, 10 долларов — за то, что они предоставляют гида, 3,5 доллара — налог за проход через лес, 3 доллара — за поле. Потом предлагался

дорогой обед и велосипеды. В общем, навязчивый сервис. Человек объяснил нам, что, приехав в эту деревню, мы должны обратиться в информационное бюро этой коммуны, и если хотим здесь остановиться, то оплатить вышеозначенные налоги. Откуда мы должны были об этом узнать, он объяснить нам не смог. Вот так всегда: хорошая страна, приятные люди, но там, где начинается бизнес, не остается места человечности. Мы сказали, что оставаться в их деревне с навязчивым сервисом не желаем, и поспешили в Арушу.

По дороге нам представилась возможность познакомиться с масаями. Мы просто вышли из автобуса у деревни, которую проезжали. Было очень жарко, и, пока Володя бегал фотографировать, мы устроились в тени под баобабом. Володя всегда очень легко переносит жару. Мне даже иногда кажется, что ему зной доставляет физическое удовольствие. Пять литров воды, запасенных в дорогу, исчезли очень быстро. Горячее солнце и горячий ветер высушивали нас молниеносно. Масаи обрадовались нашему появлению, так как надеялись продать нам свои украшения. Сашка построил под баобабом из палочек тукуль и даже выложил из камней масаи с копьем. Надо сказать, он всегда творчески проводит свое свободное время. Высокие масаи, увешанные украшениями, были очень колоритны, но деревня находилась недалеко от туристического места, поэтому откуда-то тут же появился англоговорящий масаи-менеджер и стал с нами о чем-то торговаться. Мы отправились дальше в Арушу. Вышли на дорогу и махнули рукой. Проезжавшие мимо на джипе французы, увидев белых детей, остановились и спросили, не случилось ли с нами что-нибудь. Они и подкинули нас до Аруши.

01.11.2008. Аруша — крупный туристический центр со множеством гостиниц. Сюда прилетают самолетами. Отсюда организуются туры по всей стране. Нам дали телефон живущей здесь русской женщины, которая не отказалась нас принять.

Лариса живет в своем доме с мужем-англичанином Томасом, 14-летней дочерью и мамой. В Африке они с 1980-х. Дом в пригороде совершенно сказочный. Томас строил его по своему проекту. Большой участок земли в джунглях с речкой. Дом сделан из местного вулканического камня. Остов дома — деревянный. Дерево никак не обработано. Изнутри крыша выложена пальмовыми листьями, поэтому в доме стоит приятный свежий запах. Первый

этаж каменный и прохладный, на втором пол деревянный. На речушке установлена миниатюрная электростанция, которая снабжает дом бесплатным электричеством. Из кухни есть выход на большую деревянную террасу, нависающую над речкой и окруженную деревьями, на которых живут дикие белые обезьяны. В саду банановые пальмы и разные интересные растения. Где-то живут кролики, утки, куры. В доме четыре собаки и шесть кошек. Он очень гармонично сливается с природой. Все окна и двери открыты, и животные передвигаются беспрепятственно, так что их не замечаешь. Живут же люди!

Сегодня мы никуда не поехали. Разве можно уехать из райского места так сразу!

06.11.2008. В Аруше нам посчастливилось принять участие в местном культурном мероприятии. В Танзанию с гастролями, организованными Российским культурным центром, приехал российский гитарист Павел Хлоповский, проживающий, по иронии судьбы, тоже в Германии. Он остановился в доме Ларисы, и мы вместе с Ларисой и ее семьей отправились на его концерт. Такое выступление — большое событие для города. Павел — профессиональный гитарист. Вот так вдруг мы оказались в эпицентре культурной жизни города Аруша. Даже не верилось, что мы в Африке.

Из Аруши вместе с Павлом и директором Российского центра науки и культуры Евгением Анатольевичем мы направились в Дар-эс-Салам. Город находится на побережье. Влажность воздуха от этого необычайно высока, и в городе очень жарко. От долгого пребывания в такой атмосфере голова идет кругом и перестает соображать. Нам повезло: Центр оснащен кондиционерами. Здесь мы решили подвести итоги, напечатать дневники, перебрать фотографии и исправить неполадки с фотоаппаратом.

07.11.2008. РЦНК в Дар-эс-Саламе очень активно работает. Здесь преподают русский, английский, немецкий и суахили. Проходят тренировки по каратэ и балету, занимаются местные музыканты и танцоры. Устраиваются концерты, театральные представления и различные мероприятия. Во многом такая оживленная

работа держится на энтузиазме Евгения Анатольевича и его супруги, которые стараются, на мой взгляд, от всей души.

В Дар-эс-Саламе, по официальным данным, проживает около трех миллионов человек, по неофициальным — четыре-пять миллионов. Загруженность транспортом достаточно высока, и в центре часто возникают пробки. Дар-эс-Салам находится на побережье океана, но купаться лучше где-нибудь за городом или на островах. Канализационные стоки выбрасывают отходы прямо в залив. И хотя сама набережная выглядит привлекательно, запах на побережье стоит не всегда приятный. Проезд в центре на такси стоит 2—3 доллара, дальше до окраин — 3—5 долларов. В городе есть большой рыбный рынок, где можно приобрести свежие дары моря. Рынок очень народный и колоритный. Но за несколько кварталов до него можно почувствовать запах гниющих рыбных отходов. Другой центральный рынок — Кариакомаркет — занимает несколько кварталов в центре города. Там можно найти все. Цены здесь несколько ниже, чем в магазинах. Продукты в столице недешевы. Например, помидоры стоят около 1 доллара за килограмм, десяток яиц — 2 доллара, сахар — около 1,2 доллара, ананасы (очень вкусные) — 2—3 доллара за штуку и т. д. В городе неплохое интернет-кафе (Хадери плац). Люди здесь очень приветливы и с готовностью помогают.

11.11.2008. В Дар-эс-Саламе мы пробыли целую неделю. В городе жарко и очень много комаров. Но мы жили в прекрасной двухкомнатной квартире с кондиционером. В Российском культурном центре останавливаются студенты, ученые, артисты, приезжающие на работу или практику в Танзанию. Здесь мы подвели итоги значительной части нашего путешествия и даже отдохнули несколько дней на прекрасных танзанийских пляжах с белым мелким песком и невероятно теплой водой, +36°C. Местные музыканты, занимающиеся при центре, дали несколько увлекательных уроков игры на барабанах нашим детям.

Познакомилась с очень приятной женщиной Ольгой. Учитывая уже слышанные от других рассказы о трудностях семейной жизни с африканцами и наблюдая Ольгино душевное спокойствие, я стала расспрашивать ее. Муж учился в российской провинции на врача, где познакомился с Ольгой и женился на ней. С самого начала они договорились, что уедут жить в Танзанию. Старший мальчик родился

еще в России. Через три года муж закончил учебу, и семья переехала в Дар-эс-Салам. Здесь родился второй ребенок. Ольга уже неплохо владеет суахили. Дома с мужем они часто говорят по-русски. Муж работает врачом в больнице и пользуется, несмотря на молодость, уважением. Его ценят как специалиста из России. Сейчас за счет государственных средств он обучается в аспирантуре. Ольга рожала в обычной городской больнице. Я этому удивляюсь. Оказывается, больницы в Дар-эс-Саламе очень аккуратные. Есть медицинская страховка. Доплачивали только немного за отдельную палату, потому что Ольга не хотела лежать с большим количеством женщин в одной комнате. Кесарево сечение стоило дорого, около 300 долларов (в частных клиниках — раза в три дороже). Ольга с мужем хорошо понимают друг друга, и в семье у них царит согласие. Дети учатся, вопреки всем представлениям белых об африканском образовании, в государственной школе на английском языке. В Танзании есть два типа школ: в одних преподавание ведется на родном суахили, в других — на английском языке; чтобы попасть в англоязычные школы, дети сдают, по-моему, несложный экзамен на первоначальные знания английского языка. Платное же обучение в частных школах обходится родителям от 7 до 20 тысяч долларов в год. Муж Ольги оканчивал государственную школу и убежден, что его дети получают такое же хорошее образование. Сейчас он известный врач. Живет семья с матерью мужа. Тоже интересно. Пожилой человек из совершенно другой культурной среды со своими понятиями и представлениями. Как к этому приспособиться и ужиться вместе? Оказывается, мать мужа много лет была замужем за шведом и хорошо знакома с европейской культурой. Сын ее до 7-го класса жил в деревне и учился в обычной деревенской школе. Потом мать забрала его в Дар-эс-Салам и отдала в школу с обучением на английском. После он был направлен через Российский культурный центр на учебу в Россию. Сейчас Ольга работает при этом Центре. Здесь же занимаются в кружках ее дети. Они чисто говорят по-русски. Дома бабушка обучила их суахили так, что, попадая в деревню к родственникам, они чувствуют себя там своими, дружат с деревенскими ребятами и любят ездить туда.

14.11.2008. Из Дар-эс-Салама через Мбею наша дорога лежала в Малави. Район Мбеи весь покрыт хвойными и эвкалиптовыми

леса. Я первый раз здесь видела дома, построенные не из глины, а деревянные. Недалеко, судя по карте, находится кратерное озеро. Но никто из местных не смог почему-то указать нам туда дорогу.

Паша

Мы уплыли на грузовом судне в Кигому (Танзания), откуда хотели на поезде добраться до Додоми. Но поезд шел только через два дня, так что мы гуляли по городу и потом уехали в рыбацкую деревню. Рыбаки ловят в основном мелкую рыбешку и сушат ее в больших количествах прямо на земле. Рыбу ловят сетями на больших моторных лодках. Лодки сильно качаются, но воду не зачерпывают, потому что борта очень высокие. Мы хотели попробовать поплавать на таких лодках. Нас взял один рыбак, а другие стали на него кричать, что он упускает шанс получить с белых деньги. Рыбаки показали нам красивый пляж, на котором мы решили высадиться. Там был чистый песок. В других местах берег скалистый. Это место было очень красивое, с ярко-зеленой растительностью. На пляже нас посетили дикие обезьяны. Они всегда приходят, если достаешь еду. По дороге обратно мы встретили пасущихся зебр. Они очень пугливые. Выяснилось, что мы приплыли на пляж в 8 километрах от города, а машин нигде не было. В город мы вернулись, когда уже стемнело.

Поезд из Кигомы отходил в 5 часов вечера. Но стоп: мы находимся в Африке. Поезд ушел в 12 часов ночи. От пунктуальности здесь нас отучили. Ехали мы во втором спальном классе. Рельсы, как и дороги, в Танзании не совсем хорошие. Когда поезд разгоняется, он начинает прыгать и качаться туда-сюда. Мы должны были приехать рано утром, но прибыли в 6 часов вечера.

В этой части Танзании оказались нехорошие дороги, и мы плелись со скоростью 20 км в час на север, так как там были национальные парки. Но все-таки мы ехали быстрее, чем я ожидал. В Бурунди нас напугали, что мы вообще никуда из Кигомы не уедем и что гостиницы очень дорогие. У взрослых есть привычка морочить голову другим и себе.

Деревня у национального парка возле озера Маньяра

Я проснулся, когда папа уже сходил в город погулять. Мы начали собирать наши рюкзаки. Всегда, когда я собираю палатку, папа говорит, что я копуша, а когда Саша плохо собирает рюкзак, мама высыпает потом все вещи на пол, смотрит на них недовольно, и Саше приходится опять его собирать. Папа против такого действия, он говорит, что надо «поколотить», и все дела пойдут сами. Из-за Сашиного рюкзака в этот раз получился скандал. Потом он перешел в спор. Спор шел обо всех нас, и темы были такие: почему Паша всегда ходит хмурый, почему Саша ленивый, а Даша ничем не интересуется. Папа предложил прекратить поездку, потому что, по его мнению, в ней нет смысла, если наши человеческие качества не улучшаются. Потом он спрашивал мои предложения, но я не смог ничего сказать. Мне и говорить нечего. Я думаю, разговор не поменял ничего.

Потом мы позавтракали чапати (жареные лепешки) с чаем и направились на озеро Маньяра. Мы шли в сторону озера по небольшой дороге. Слева и справа были посажены банановые пальмы и другие плодовые деревья. Мы видели красные бананы. Такой сорт растет только в этой местности. Бананы и вправду красные, когда созревают, но мне не удалось их попробовать.

Поля мелкого земледелия сменились болотистой растительностью, камышом, а потом диким лесом. На окраине леса висели ульи для диких пчел, которые повесили люди. Это полые внутри бревна, они висят часто на эвкалиптах, и пчелы сами туда собираются. Но мед здесь, мне кажется, не очень приятный. У него горьковатый привкус, наверное, из-за здешней растительности. Когда мы шли по лесу, то встретили белого туриста с гидом на велосипедах.

За лесом открылось большое поле. Слева и справа паслись стада диких животных, а горизонт впереди — розовый. Это был берег озера, усыпанный розовыми фламинго. Из-за прогретого воздуха розовая краска переливалась, смешиваясь с ландшафтом на горизонте. Так бы мы и шли дальше по выжженному солнцем желтому полю, но нас догнали двое мужчин в зеленой форме, и, когда я увидел третьего на велосипеде, мне стало ясно, что нам сейчас будут навязывать гида. Так и случилось. Нас спасло то, что

мужчины не имели при себе никаких документов. Мы отговорились, что не знаем, кто они такие, и они на некоторое время оставили нас в покое. Формы фламинго вырисовывались все четче. Стада буйволов поглядывали на нас с боязнью. Если стадо чем-нибудь напугать, например резким движением, то они могут побежать и затоптать копытами.

Мы дошли до берега, который во время дождей находится под водой, но сейчас здесь было сухо. Когда мы приблизились к воде, фламинго стали медленно уходить вглубь озера. Эта птица очень пугливая. Папа фотографировал и уже пошел с мамой назад, а мы с Сашей еще смотрели на этих красивых птиц. Когда мы двигались обратно, буйволы собрались в кучу и, не шевелясь, смотрели на нас. Вдруг Саша побежал догонять родителей. Я попытался остановить его, но он не послушался. В этот момент у меня в голове завертелись неприятные мысли. И вправду, что может прийти этим животным в голову? Саша догнал родителей, а буйволы сделали уже пару шагов в нашу сторону и остановились. Папа тоже не с восторгом глядел на это зрелище. Когда опасность была позади, к нам подкатили снова гиды со своими расценками на услуги. Но мы снова отказались. Они шли за нами до самой деревни в надежде, что когда мы придем, то заплатим. Озеро Маньяра с одной стороны является платным национальным парком. Это мы знали и туда не поехали. Гиды же были из какой-то незнакомой организации.

Мы пришли в деревню и поскорее решили уехать оттуда. На автобусе добрались до масайской деревни. Там гуляли и фотографировали. В этой местности растет много баобабов.

Аруша

На дороге нас подхватили французы на джипе и довезли прямо до города Аруши. Там мы вкусно поели и первый раз выпили свежевыжатого сока манго. Потом мы позвонили одной русской женщине, у которой можно было переночевать. Оказалось, что она живет за городом. Туда мы доехали на микроавтобусе. Муж у нее англичанин. У них есть дочь, которая понимает по-русски, но говорит по-английски. Они живут в большом доме, который сами построили. Крыша изнутри выложена банановыми листьями, но сверху она

железная. Очень уютный дом. Большой балкон выходит на речку, которая течет через лес с бурной тропической растительностью. Из этой чистой речки они берут воду и поставили на ней маленькую электростанцию для себя...

На следующий день мы ничего не делали, кроме уроков и вкусного завтрака, обеда и ужина. Вечером меня пригласили в ночной клуб, где был концерт приезжего гитариста Павла Хлоповского из Германии, который тоже остановился у этих людей. Но я отказался, потому что не знал, как поздно это закончится. Зато на следующий день мы поехали на концерт Павла, и многие вещи, которые он играл, были интересны. А утром нас возили в национальный парк Аруша. Здесь мне понравилось намного больше, чем в Нгоронгоро.

Сашу из машины больше не выпускали, чтобы его не укусила обезьяна, как у входа в национальный парк Нгоронгоро. Там, остановившись, чтобы купить билеты, мы увидели, что на улице дурачились обезьяны. Когда Саша их заметил, он был в восторге, как дикарь из племени мумба-юмба, и завопил нечеловеческим голосом. Папа дал ему бананов. Ох уж этот папа! Обезьяны начали кидаться на Сашу, а он бросился бежать (то, чего ни в коем случае нельзя делать). Саша кричит, а мама пытается его поймать. Мама умудрилась выловить Сашу, и он горько заплакал...

Вулкан Меру

Сначала мы поехали на небольшой кратер. Он выглядел интереснее, чем Нгоронгоро сверху. У него кальдера намного красивее, и в кратере бурная растительность с болотом. Внутри пасутся бизоны. Вообще-то, там должны были быть носороги, но мы их не видели. К сожалению, в кратер проезда нет. Когда мы ехали, то на дороге сидели бабуины. Они разбегались от машины и громко ругались, то есть визжали. У озер мы видели пеликанов и других птиц, но только в бинокль. Смешно было наблюдать за бодро бегающими дикими кабанчиками. С озер был виден кратер Меру. Мне очень хотелось туда поехать и заглянуть внутрь, но у нас не хватило времени, и мы поехали на концерт.

Даша

Кигома

19.10.2008. Утром папа разбудил нас. Капитан ждал, когда начнется рабочий день, чтобы войти в порт. Собрались быстро, но корабль уже подходил к причалу. Мы приехали в Танзанию! Очень скоро поселились в гостинице и пошли искать лодку, чтобы добраться до рыбацкой деревни. Лодку, к сожалению, мы не нашли. Зато искупались в озере Танганьика! Это было очень здорово! Вода мне показалась прохладной и мягкой, как в бассейне. А еще мы ели сахарный тростник!!! Это лучше всякой конфеты. Им можно даже зубы чистить...

Возвратившись в город, мы попали на вокзал. Первый раз я видела африканскую железную дорогу. На поезде передвигаться все-таки легче, чем по бездорожью в переполненном автобусе. Мы пошли за билетами, но места были заранее выкуплены. Однако папа всегда находит выход из трудного положения.

После обеда снова отправились в рыбацкую деревню. Когда мы туда приехали, дети кричали и бежали к нам. Везде возле домишек сушилась на солнышке выложенная мелкая рыбка. Издали она занятно сверкала на фоне коричневатой почвы. Мы бродили по деревне вдоль берега и с любопытством рассматривали местность. Потом к нам пристал какой-то африканец, он хотел проверить наши паспорта. Папа долго с ним объяснялся, Саша даже успел искупаться в озере, и наконец мы отправились дальше. На берегу мы нашли лодку и договорились с рыбаками. И я уже не боялась на ней плыть, как в прошлый раз. Лодка была намного больше и с мотором. Ехать по плещущимся волнам было интересно и здорово, как на корабле! Рыбаки, взявшие нас, отправлялись на ночную рыбалку. Куда точно они ехали и где нам придется высадиться, мы не знали. Но вдруг мы увидели песчаный пляж среди каменистых скал. Он так неожиданно открылся между однотонным зеленым ландшафтом побережья, что нам захотелось рассмотреть это необычное место. Больше всего привлекали белый песок, прозрачная вода и пальмы. Вскоре мы причалили и, довольные, побежали купаться. Но, к сожалению, долго оставаться мы не могли. Нам надо было еще как-то

вернуться в город. Путь был таким долгим, что даже не верилось, что мы вернемся обратно до наступления темноты. К счастью, папа очень хорошо ориентируется, и, выбрав самый короткий путь через кусты, поля, без троп, мы заторопились. Скоро стемнело, а дороги, где ходят машины, еще не было видно. Папа прибавлял темп ходьбы, так что я немного спотыкалась. Еще мне было страшно, что из кустов выскочит змея, тем более что папа нас предупредил смотреть под ноги. Наконец мы вышли к дороге. Машин пока не было видно, и мы двинулись вдоль нее. Микроавтобус подхватил нас и довез до вокзала. Он был, правда, очень полный, но для африканцев это обычно. Закупив немного продуктов на базарчике, мы пошли в гостиницу. Так закончился наш первый день в Танзании.

20.10.2008. После завтрака мы отправились на пляж, который нам вчера так понравился. Там было очень здорово! Мы купались, играли, а Саша с Пашей прыгали с большого камня в воду... Еще мы кормили обезьян. Их было очень много!!! Обезьяны боялись нас и, схватив кусок или шкурку банана, убегали. Нам было очень весело. Разглядев на высоких пальмах кокосы, мы уговорили Пашу залезть наверх. Когда он забрался, мы ему кидали нож (он был, конечно, закрыт), но долго не могли попасть. Паша поймал нож и отрезал кокос. Кокос упал на землю. Тут прибежали мама с папой и начали Пашу фотографировать: он довольно красиво смотрелся на дереве. Раскрыв кокос, мы выпили жидкость, но, так как он был еще не спелый, кушать его мы не могли. Когда жидкость в кокосе застывает, образуется мякоть, которая потом совсем твердеет. Вот как растет кокос.

На пляже целый день оставаться мы не могли — в 5 часов вечера отправлялся наш поезд. Мы очень не хотели возвращаться; здесь было так хорошо, тепло, красиво и приятно. Но делать нечего: билеты были уже куплены. Мы вышли на дорогу и, остановив машину, доехали до города. Перекусив, отправились на платформу, откуда впускали на перрон. Народу было много. Мы сели в уголок на рюкзаки и ждали. Здесь познакомились со швейцарцами, которые немного говорили на немецком. Мы их угостили сахарным тростником, потому что они еще такого не пробовали. Скоро нас пустили на перрон. На одной из скамеек мы устроились учить уроки. Уже прошел час, но поезда не было. Так мы сидели, пока

совсем не стемнело. Саша и Паша очень хотели спать. Они легли на рюкзаки и заснули. Мама и я слушали мп3. Папа сидел и дремал. Уже начали комарики покусывать, но поезда все еще не было. Так мы прождали до 11 часов ночи!!! И вот наконец-то поезд пришел. Все люди, находившиеся в поезде, вышли, а нас не пустили! Поезд уехал. Саша с Пашей опять заснули. И ровно через час поезд приехал опять. Народу было так много, что даже не верилось, что все поместятся внутрь. Наверное, африканцы знали, что поезд приедет на 6 часов позже, поэтому многие пришли совсем недавно. Мама сказала, что мы могли спокойно остаться еще на пляже, но этого никто из нас не предполагал. Когда мы наконец-то зашли в наше купе, все были рады, хотя койки были грязные и пыльные. Но мы так устали, что нам это не мешало. Мы легли в спальники и заснули.

Мы очень хотели повидать больше животных, и нам предстояло посетить четыре национальных парка (Тарангире, Нгоронгоро, Маньяра, Аруша). Это меня больше всего радовало. Люди в Танзании хорошие и доброжелательные. Еще мы много купались в озерах, ходили по деревням и знакомились с местным населением. Вообще, в Танзании оказалось много интересного.

Но сейчас поезд мчит нас к заповедным паркам, где нас ждет много удивительного.

Национальные парки Танзании — Тарангире

Тарангире был нашим первым национальным парком. Папа нашел какой-то микроавтобус. Договорившись с водителем, мы на следующее утро поехали в парк. Все очень радовались тому, что увидят животных. И их там оказалось много: зебры, антилопы, гиены, обезьяны, львы и другие. Это было увлекательно, но жаль, что они находились на довольно большом расстоянии от нас и разглядеть их получше не получалось.

В каждом парке есть дорогая гостиница, откуда просматриваются хорошие виды. Заехав в одну, мы пошли по дорожке. Гостиница построена на горке так, что внизу видно водопой. Там потихоньку собирались разные животные. Но они находились тоже очень далеко, и мы их приближали фотоаппаратом или камерой, чтобы разглядеть. Я невольно вспомнила мультфильм «Король Лев». Как все

похоже, даже рельефы скал и долина с водопоем, все показалось знакомым... В парке мы пробыли почти целый день. Все немного устали, но главное, что мы посмотрели животных!!!

Нгоронгоро

Этот парк мне понравился больше всех. Нас возили на настоящем джипе-сафари, на котором приезжают самые настоящие «мзунгу» (белые туристы). На входе, когда папа ходил за билетами, Саша и я вылезли из машины, обнаружив стаю обезьян! Мы как раз перекусили бананами, и Саша стал кидать им шкурки. Когда они закончились, обезьяны подбежали к нему. От страха и неожиданности он быстро побежал. Так он носился от них по кругу, пока выскочившая из машины мама его не поймала. Она обхватила его руками, и он как-то непривычно затрясся. Я думала, что он смеется, а потом поняла, что плачет! Он так испугался! Обезьяны отстали от Саши и пошли ко мне. Вдруг самая большая оказалась у моих ног. Она положила лапку на мою ногу. Я попыталась отодвинуться, но обезьяна ничуть не смутилась и начала меня царапать. Я очень боялась, но знала, что убежать нельзя. К счастью, нас позвал папа садиться в машину. И я медленно, не отворачиваясь от зверя, попятилась к джипу. Но это было еще не все. В машине пришлось маскироваться для контрольного пункта, потому что билеты были очень дорогие. Я должна была изображать девятилетнюю девочку, а длинноногого Сашу посадили между сидений, накрыли платочком, чтобы он преобразился в трехлетнего малыша.

Нгоронгоро — это большой кратер (22 километра), в котором образовался солончак и поселились животные. Животных внутри оказалось очень много. Первый раз мы видели близко (без клетки) льва. Он мог одним прыжком достать машину и что-нибудь сделать. Но не делал, а лежал с вытянутым языком и тяжело дышал. Мне стало его жалко. Но, как я потом выяснила, он всего-навсего обжегся. Потом мы видели совсем близко львицу.

После обеда мы остановились на озере поесть. На берегу валялись черепа буйволов. А в озере мы увидели торчащие спины бегемотов. Они издавали смешные и странные звуки. Мы увлеклись зрелищем и спокойно сидели, жуя перекус. Вдруг раздался то ли

крик, то ли писк птицы. Это были соколы. Они резко подлетали и одним махом вырывали еду из наших рук. Я ела чапати (лепешку), как вдруг в мою руку кто-то впился... Лепешка исчезла. Тогда я взяла помидор и специально наклонилась. Когда я в очередной раз поднесла его ко рту, подлетел сокол и клюнул меня в губы. Конечно, я ничего не поняла и испугалась, но помидор остался у меня в руках. Мама стояла рядом и смеялась: «Вот так поцеловал тебя сокол, даже губа красная». Пока мама разговаривала, она доела свою лепешку и опустила руку. А сокол впился в нее и улетел без ничего. Потом папа стал кидать птицам крошки, которые они подхватывали на лету. Мы еще немного полюбовались огромным количеством бегемотов. Но нам нужно было возвращаться, потому что солнце уже садилось.

Озеро Маньяра

Мы решили без рюкзаков прогуляться до озера Маньяра, потому что с одной стороны это национальный парк, а с другой — просто озеро. Идти туда где-то пять километров. Когда мы шли через маленькую деревню недалеко от озера, то встретили иностранца на велосипеде с гидом. Мы подумали, что нам тоже, наверное, нужен гид, но пошли дальше. Впереди уже маячило озеро, как вдруг папа увидел, что за нами ехали на велосипеде два африканца, одетые в зеленую форму. Скоро они догнали нас. Они разговаривали с папой и пытались отправить нас назад. Пока они разбирались, мы прибавили шагу и старались как можно быстрее дойти до цели.

Поняв, что с папой разговаривать бесполезно, представители в зеленой форме теперь пытались остановить маму. Нам обратно-то идти не хочется! Впереди видны уже стаи фламинго! Но мама тоже не обратила на них внимания и шла вперед. Вскоре они от нас отстали. Это было хорошо. Мы добрались до озера, но, к сожалению, к самому краю подойти не смогли. Там земля была мягкая и проваливалась. Фламинго было очень-очень много. Если смотреть прямо далеко, то до горизонта видно только розовый с белым пух. Но это оказалась очень пугливая птица, и розовая даль начала понемногу от нас отдаляться. Однако долго оставаться мы не могли, так как еще сегодня хотели уехать в Арушу. На обратном пути недалеко от озера мы заметили стадо буйволов. Они приподнялись и, сучившись,

смотрели в нашу сторону. Мы немного испугались, потому что они могли пойти на нас, но, сделав небольшой круг, обошли настороженных животных. На обратной дороге опять появились эти люди в зеленом. Они привели с собой еще одного работника. Тот дал маме бумагу, где стояли цены за тур, гида, обед и т. д. Они требовали за все это заплатить. Мы, конечно, платить не собирались. А они только ругались, почему мы не зашли к ним в бюро. Если признаться, мы и не знали, что в этом городе есть такая организация. Это нигде не написано. Шли мы долго и даже устали. Было очень жарко. Еще у нас закончилась вода, и я поняла, как трудно без воды! Воду мы купили, когда пришли, и выпили за раз 2,5 литра. Мы сидели на рюкзаках и ждали, что будет. Папа все спорил и грозил полицией. Наконец африканец не выдержал и ушел куда-то. А мы тем временем сели в микроавтобус и поехали в Арушу. Это было очень удачно, так как эти разбирательства противные и ненужные.

Аруша

Аруша — большой туристический город. Здесь мы остановились у одной русской женщины и жили у нее два дня. Дом был большой, крыша сделана из банановых листьев. Нас поселили на последнем этаже, как раз под этой крышей. Мимо этого дома течет небольшая речка, на которой хозяева оборудовали собственную электростанцию. В саду оказалось много разных цветов, был построен курятник и паслись гуси. В доме также проживает немалое количество кошек, черепак и собак. А на ветвях деревьев, свисающих возле балкона, сидят мохнатые обезьяны с длинными хвостами. Они обитают на высоте и никак не мешают людям. Кроме нас, в доме были еще гости: русский гитарист Павел и директор Культурного центра Евгений Анатольевич. Вечером все отправились на концерт Павла. После каждого концерта этот гитарист меняет струны. Он решил их отдать нам, хотя они были еще совсем новые.

На следующий день мы отправились с Евгением Анатольевичем в национальный парк Аруша. Парк нам понравился: там богатая растительность, но животных мы видели не очень много. Зато могли наблюдать за моими любимыми обезьянами и жирафами. Обезьяны-бабуины сидели стаями и ели, а когда медленно подъезжала

машина, они разбегались с криками. Жирафы паслись у выхода и стояли всего в метре от нас. Они такие красивые, особенно красивы большие добрые глаза!

На следующий день мы поехали в столицу Дар-эс-Салам. Джип Евгения Анатольевича очень комфортный, не то что африканский автобус. Было жарко, но мы все равно делали уроки. У меня от жары голова так расплавилась, что я по математике разделяла людей на коробки!

В Культурном центре мы пробыли шесть дней. Ходили на рыбный рынок, где продавалось очень много необычных рыб, и я в первый раз видела разноцветных раков всех оттенков, какие только бывают. Они очень яркие. В Культурном центре один африканец обучал нас разным ритмам на барабанах. Это было интересно, но у Паши получалось лучше всех. Еще здесь организовывался какой-то праздник. На вечере мы познакомились с русскоязычными детьми, которые пришли с родителями. В середине зала стоял стол, и на нем было много сладостей. Мы рассказывали о нашей поездке, папа показывал фотографии. Нам было немного скучно слушать разговоры, и мы ушли в сад. Там мы играли с другими детьми в пятнашки и в прятки. Было весело, и уходить совсем не хотелось...

На следующий день мы ездили на пляж и купались в Индийском океане, но мне это место не понравилось. Океан был такой же температуры, как воздух, и купаться было жарко.

Саша

Национальный парк Нгоронгоро

Когда мы стояли перед кассой у входа, одна обезьянка залезла в машину и сразу выскочила, потому что я хотел показать ее и позвал маму. Тогда я вылез и увидел еще больше обезьян. Я решил покормить их шкурками от бананов, хотя было сказано этого не делать. Бананы были вкусные, и я уплетал их сам, а шкурки отдавал зверям. Тут им показалось мало, что я им только шкурки даю, и они начали скалить зубы. Это выглядело сначала смешно, и я стал их поддразнивать. А они не на шутку рассердились и стали прыгать на меня. Я

испугался, увидев их острые зубы, и как стал улепетывать от них по кругу! Примерно пять кругов я, наверное, пробежал по всей стоянке. Тут мама стала звать меня, но я не обращал внимания. Тогда она подбежала и остановила меня. В следующую секунду мне казалось, что обезьяны сзади искушают меня своими отточенными страшными зубами. Но, к моему большому изумлению, они тоже остановились и, поняв, что я в догонялки больше не буду играть, спокойно разбредлись. Этот случай так потряс меня, что запомнился навсегда.

В национальном парке я видел гиппопотамов, зебр, страусов и сокола. Мы могли смотреть на зверей сверху, потому что крыша машины открывалась. Это был знаменитый сафари, о котором мечтают так много европейцев. Мы видели львов и пантеру, которая лежала за поворотом недалеко от места нашей остановки на обед. Там мы хотели отдохнуть и поесть.

На следующий день мы пошли на озеро Маньяра. Потом пришли, по-моему, полицейские и сказали, что мы не имеем права здесь ходить, потому что это рядом с национальным парком и здесь пасутся бизоны, зебры и другие животные. Бизоны, мне кажется, очень страшные животные. Они похожи на черных буйволов и могут легко затоптать человека. Озеро выглядело розово-белым от тысяч фламинго.

Аруша

В Аруше мы поселились у знакомых в доме, где жили шесть кошек и четыре собаки. Мне здесь очень понравилось жить. Во дворе паслись еще куры, гуси и обезьяны. Эти люди построили себе на реке маленькую электрическую станцию, и дома у них бесплатное электричество. Мы жили у них два дня и очень вкусно ели.

Потом мы поехали в Дар-эс-Салам. По дороге в машине было ужасно жарко, так что мы были все мокрые. Мне стало так душно и тяжело, что лучше было просто уснуть. Так я и сделал. И когда я проснулся, то увидел из окна великую картину: высокая золотая сухая трава и чуть далее — зеленые заросли; посреди этой равнины возвышался громадный широкий вулкан Килиманджаро, весь покрытый зарослями и только на верхушке серый и снежный.

Дар-эс-Салам

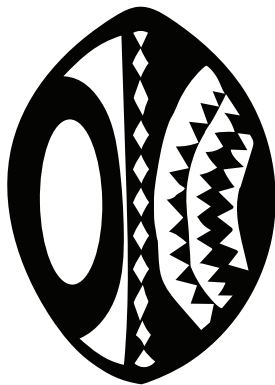
На побережье сильно воняло. Дядя, который нас привез, поселил нас в квартире, где мы жили целую неделю. С нашими знакомыми мы ездили на чистый пляж, который был далеко за городом, там не сбрасывали городские отходы в море.

Потом мы поехали в Мбею, по дороге купались два раза в озере и ехали автостопом. Пока, Дар-эс-Салам.

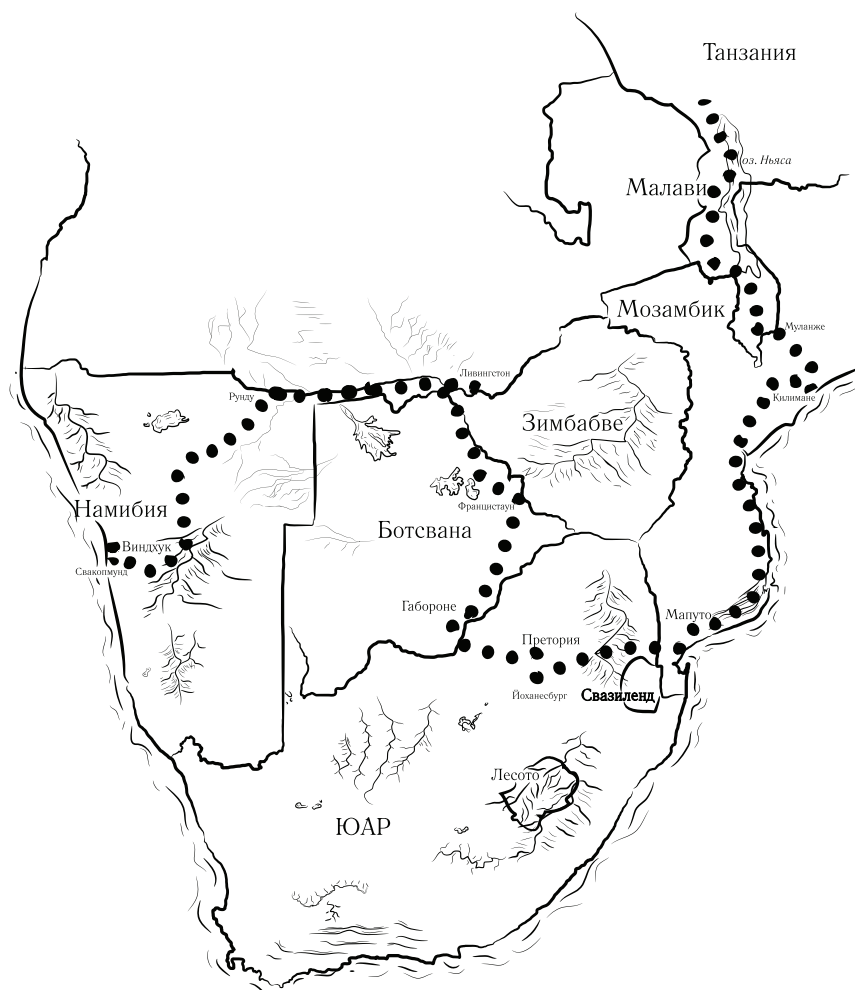
Мбея

Я нашел настоящую африканскую игрушку. Это было колесико, которое железкой и резинкой приделано к палке. Потом я его потерял.

В Танзании мне очень запомнились национальные парки с большим количеством животных и разнообразие растений и ландшафтов. Здесь я видел и джунгли, и саванну, и лес.

Нитка нашего маршрута

Часть Вторая

Малави

Площадь — 118, 5 тыс. км²

Население — 16 млн чел.

Входит в десятку беднейших стран мира

Владимир

Из Танзании на юг уходят две большие дороги: в Замбию и в Малави. Из Мбеи (Танзания) большинство туристов отправляются на водопад Виктория. Ехать нужно 1700 километров. Притягательная сила гигантского водопада так велика, что люди соглашаются трястись в автобусах сутками, чтоб увидеть чудо. Дорога эта, протянувшаяся через всю Замбию, довольно однообразная, и лучше бы лететь самолетом. Но перелеты между африканскими странами намного дороже европейских, путешествующие же с рюкзаками люди в основном небогаты. Все они стремятся ехать наземным транспортом. Мы поехали по менее туристской дороге — в Малави, надеясь часть пути плыть на паромах и увидеть красоту озера Ньяса. К тому же по замбийской трассе я ездил прежде. В сравнении с Танзанией Малави совсем забыта, о ней никогда не сообщается в новостях, и мало кто наугад может назвать хотя бы ее столицу. Но для путешествия эта страна очень интересна. Она вытянута по высоким хребтам, по великому озеру, а на юге ее пограничный клин упирается в лесную пойму реки Замбези. С севера на юг на протяжении 1000 километров сменяются разные природные зоны. Виза

в Малави для россиян стоит 50 долларов и ставится на границе; с немецкими паспортами въезд безвизовый. До городка Каронга и от него до нужной нам деревушки мы пробирались автостопом в кузовах различных машин. В городке с большим трудом удалось обменять деньги.

Деревни

Единственный отельчик в деревне оказался недешевым и довольно грязным, но пляж на его территории выглядел лучше и был почти бесплатным. С берега открывалась темно-синяя даль озера. Между гостиницей и рыбацкой деревушкой забора не существовало, и наши палатки практически стояли на виду у деревни. Процесс установки палаток привлекает местную детвору. Они внимательно смотрят на то, как вырастают на дугах цветные домики, и особенно изучающе приглядываются к нашим детям. Наши ребята идут купаться вместе с африканскими, а мы с Леной отправляемся добывать пищу. В сельской лавке почти ничего съедобного не было, и оставалось только вступать в натуральный обмен. Я попросил двух девочек лет 12 принести манго и дал им банку сгущенки, купленную еще в Танзании. Через час они вернулись с песнями и хохотом, поставив перед нами наполненную до краев корзину. Выращенные на тропическом солнце фрукты благоухали медовыми запахами: значит, сезон урожая. Настоящие дары природы. Можно сказать, что европейцы, закупающиеся в супермаркетах, не знают настоящего вкуса манго. Пластмассовые овощи и фрукты, потребляемые круглогодично, не имеют ничего общего с выращенными на тропическом солнце и без химических удобрений. Девочки разделили манго на две кучки и объяснили, что одна кучка *today*, а другая *tomorrow*, т. е. по степени зрелости. На базарах продавцы обычно тоже спрашивают, на сегодняшнее или завтрашнее потребление нужны фрукты. Мы перешли на манговую диету. На ужин нас пригласили в семью, где угощали рисом. К рису мы делимся своими запасами из рюкзаков. Даже рисовая каша в этих местах не в изобилии. Чаще всего местные жители едят кашу, похожую на манку, которая изготавливается из кукурузы или сорго. И, конечно, манго.

Мальчишки периодически длинной бамбуковой палкой сшибают плоды и ими завтракают, обедают, ужинают.

Питаются африканцы в деревне, можно сказать, святым духом: утром чай с вареным тестом (тесто идет, как правило, с мелкой рыбкой и называется симой), днем мы не видели, чтобы они что-то ели, вечером — снова сима. Те, кто побогаче, на ужин едят рис с рыбой, иногда — с мясом. Сима и манго, иногда бананы или маниока, реже кукуруза — вот и вся еда. И взрослые, и дети не жалуются на голод. Они проводят все дни у озера или на поле и выглядят здоровыми и сильными. И, конечно, не знают наших проблем ожирения. Вот куда лучше всего убежать от цивилизации для санаторного лечения: грести на лодке, работать мотыгой, загореть на солнце, попостничать и вернуться в офис счастливым.

Купаться приятно с 7 до 10 утра. Подростки периодически уплывают на пирогах-долбленках ставить или перебирать сети, женщины и девочки стирают, начищают песком алюминиевую посуду, купают грудных детей. С 11 часов наступает сильная жара, и все прячутся в тень под густую крону манговых деревьев. Под этими деревьями мужчины чинят и чистят рыболовные снасти. В самую жару жизнь кругом замирает.

Вечером рыбаки снова ставят сети. Улов на Ньясе (по-другому озеро называется Малави) не всегда велик, но крупная рыба есть. Она очень вкусная и стоит дороговато. Мелочи вылавливается много: ее сушат и едят, как семечки. Без суеты течет жизнь в рыбацкой деревне; вечером кто-нибудь поет. Люди здесь скромные и открытые. Наши дети радуются жизни. Сегодня в куче с африканской ребятней они долго купались, брызгались, ныряли под большую волну, крутили на песке и воде сальто. Паша после купания уходит играть с местными футболистами. Саша с Дашей строят на песке домики, собирая местную малышню. Зря пугают детей Африкой: можно подумать, в Питере или Москве намного безопаснее.

С утра ходил в горы, которые соседствуют с побережьем. Плато Ньика — крупнейшее нагорье Малави, и здесь организован национальный парк. Сверху прекрасная панорама: в одну сторону — ущелье с рекой и парком, в противоположную — берег озера с деревьями. Долины к озеру засеваются разными культурами; больше всего выращивается маниоки и сорго. На полях в

одинокости нередко располагаются великаны-баобабы, самые удивительные деревья на земле. По весне они гуще обрастают кроной и расцветают белыми цветами величиной с ладонь. Весна по другую сторону экватора наступает тогда, когда у нас в России осень. Купание в озере и манговая диета, видимо, идут на пользу. Есть в жару совсем не хочется; я бегал по лесу и по пустырям несколько часов и не чувствовал усталости. Климат, воздух и вся природа континента как-то особенно воздействуют на выносливость организма: не зря в олимпийские чемпионы очень часто попадают выходцы из тропической Африки. По возвращении в кемпинг дети заметили, что я стал «совсем как африканец: похудевший, прижаренный, со впалыми щеками и блеском в глазах». Правда, местные жители, в отличие от нас, туристов, крепки и поджары оттого, что работают на полях и машут веслом.

Нам нравятся люди в деревне. На побережье туристов не заносит вообще, потому что здесь нет «аккомодейшн» (удобств). Нет коммерческого туризма, нет городской суеты, нет политических потрясений и военных драк, и люди как люди. Мы уже в третьей рыбацкой деревне, и везде приветливые, учтивые, открытые и совсем ненавязчивые селяне.

Озеро тянется почти через всю страну — 580 километров, т. е. столько же, сколько Байкал. Им оканчивается величайший на Земле рифтовый разлом, образовавший многие африканские озера: Альберта, Эдуарда, Киву, Танганьика. Раз в неделю по Ньясе ходит старое грузопассажирское судно. Нам повезло с расписанием: отдохнув несколько дней в рыбацкой деревне, мы как раз угодили на корабль, и теперь берег Малави плывет перед нами картинами. Высокие горы, поросшие лесом, уходят в небо. Деревушки, от которых нет дорог, живут оторванной от всего мира жизнью: кругом натуральное отшельничество. Пароходик тащится медленно. Он становится на якорь у каждого поселения и спускает на воду два моторных бота. На них отвозят на берег и привозят на судно пассажиров. На жарком солнце посудина нагревается. Африканские суда на крупных озерах полностью металлические и куплены в давние времена; металл, несмотря на постоянное перекрашивание, дает ржавчину. Однако их курсирование более-менее постоянно, и, конечно, на каждый рейс набивается много народу. На якорных

остановках пассажиры любуются зрелищем, как ловкие подростки прыгают с корабля в воду и снова поднимаются на борт по лестнице. Жара и нас принуждает к купанию. Освежившись и высохнув, мы усаживаемся за карту и гадаем, что лучше посмотреть в Малави. Приходит Даша и сообщает, что одной женщине плохо, она лежит в умывальне, и ее окружили женщины. Через полчаса узнаем, что молодая африканка родила ребенка. Новорожденную малютку тут же закутанную принесли на нижнюю палубу, где находилось скопление пассажиров второго класса. Еще один человек появился на свете!

Города

Как только мы приплыли в порт Нката Бей, впечатление от солнечной и умиротворенной Малави сразу угасло. В городе много народу, шныряют нищие и мошенники, предлагая все виды услуг. Отели стоят дорого, и иностранцы, отдыхающие в них, в основном расслабляются, т. е. курят какую-то табачную дрянь, которая, очевидно, завозится в порт. Такое развлечение — тоже одна из разновидностей туризма. Это ж надо, так далеко тащиться за удовольствиями. Воистину охота пуще неволи.

Из Нката Бей до Лилонгве — столицы страны — около 500 километров, значит, ехать почти сутки. Двигаться нам пришлось на нескольких автобусах, которые ломались в дороге; нужно было вынужденно пересаживаться. Ночью в окно нашего автобуса запустили большим камнем. Осколки разлетелись по салону, поплакал ребенок, который сидел напротив, но водитель даже не остановился, и публика недолго обсуждала случай. Дело, видимо, привычное: страна одна из беднейших, ночью хозяйничают шпана и бандиты. Если в Танзании власти не справляются с криминалом, то для видимости действия хотя бы налагают запреты на ночные рейсы. В Малави и в такой видимости никто не нуждается. А пассажирам — как повезет. В Лилонгве в гостиницу нам посоветовали ехать только на такси; разбойников после сумерек полиция не беспокоит. В путеводителе Lonely Planet сообщается, что если идти по улице мимо полицейского участка, то на расположенном рядом мосту часто грабят иностранцев, которые следуют на рынок или в центр

города. Мы трижды, правда днем, прошлись по этому мостику, и, как выразился Саша, «нам не повезло, даже ни разу не ограбили». Но столица дышит криминалом. Лилонгве по остроте ситуаций сравним с Бужумбурой: в нем много бедноты, здесь большой слой бродяг, который промышляет разбоем и прозябает в грязных лачугах. И все же по африканским меркам Малави — не та страна, где очень опасно: это не Конго, не ЮАР, не ЦАР или Сомали.

Обмен денег — немалая задача в поездке. Что брать с собой: валюту, кредитную карточку или тревел-чек? На обменах в лучшем случае потеряется 10 %. Но в том-то и дело, что можно потерять гораздо больше. Тревел-чеки уберегут от воровства, однако их, кроме как в столице, нигде не поменять, а обещанные при их покупке потери окажутся гораздо большими. На кредитную карту тоже велик процент где-нибудь в Малави. Носить большую сумму в карманах и менять деньги в обменниках небезопасно. Из опыта путешествий по местам, о которых не пишут в глянцевах журналах, вероятность откровенного ограбления можно предполагать не более чем на 5 процентов. Выбор сдать банковским или народным грабителям — дело вкуса. Я лично возил с собой немалую сумму в долларах и евро, и как-то все обходилось. Мафия и криминал банкам не мешают. Наоборот, они способствуют тому, чтобы население и приезжающие гости из страха перед первыми платили вторым. Кроме всего, менялы часто норовят подsunуть фальшивую монету; в банке могут выдать доллары давних лет, которыми можно пользоваться в Европе и Америке, но их стоимость в Африке значительно ниже, чем у свежих купюр. Почти каждая африканская страна имела денежные обвалы, и в ходу остаются старые купюры с нулями, какие были у нас перед развалом СССР. Этими нулями даже в банках обманывают туристов. В Лилонгве нам в банке пытались обменять стодолларовую купюру и рассчитать, как за один доллар. В квитанции указаны только местные квачи с нулями. Мы посмеялись: по-немецки квач означает «чепуха». К слову сказать, наши российские обвалы 1990-х годов — не оригинальное явление. Отработанная техника наживы олигархов за счет своего народа намного раньше опробована во многих африканских странах.

Город Блантайр — второй по величине и по количеству мошенников не уступает Лилонгве. Малави имеет контрастное свойство:

насколько неприятно пребывать в крупных городах, настолько провинция привлекательна людьми и природой. Главная трасса страны замечательна серпантинами, открывающими виды на просторные долины. Из Блантайра можно ехать на озера, также к большому водопаду на реке Шире, в окрестные горы или на южные курорты Ньясы. Чем дальше мы продвигались на юг, тем больше удивлялись перевоплощению страны. Мотыжное земледелие, характерное северу на юге сменилось образцовыми чайными плантациями, на которых работают трактора, а сборщики чая одеты в спецодежду. Плантаций много, долгие километры они сопровождают проезжающих по главной трассе. Современные технологии и благоприятная природная среда позволяют снимать с полей богатые урожаи. Малави — вторая страна по производству чая в Африке. Казалось бы, такое индустриальное производство на огромных площадях должно вывести страну из крайней бедности. Но никакой перспективы развития из этого не предвидится, и государство, кроме нищеты, вечно утопает в долгах. Куда же деваются прибыли с плантаций? Ведь они огромны, особенно если учесть, что рабочая сила в беднейшей стране очень дешевая, а за ней еще стоит армия безработных, готовая к эксплуатации на любых условиях. Почему эти плантации не способствуют общему развитию экономики страны? Чайные поля подчинены монопольным компаниям богатых стран (ЮАР, Англии и др.) по принципу «вывозить сахар, чтобы ввозить конфеты». Банановые республики, согласно империалистическому разделению труда (Малави — табачно-чайная), являются придатком транснациональных компаний (ТНК). Вудро Вильсон, ушедший в историю президент США, столетие назад на этот счет умозаключил: «Страной владеет и над ней властвует тот капитал, который в нее вложен». Или в переводе на русский язык: «Кто платит, тот и музыку заказывает». Сборщики чая обогащают плантаторов, но живут бедно. Западные идеологи рассказывают всему миру, что ТНК дают рабочие места местным жителям. Барыши за счет дешевейшей рабочей силы и эксплуатацию людей за гроши как-то надо оправдывать. Экономическая зависимость бедных стран от богатых — по сути дела то же, что колониализм, только в более завуалированной форме. И ни одной зависимой от чужих капиталов стране еще не удалось вырваться из нищеты.

О подчинении бедных стран богатыми, о высасывании сырья из третьего мира, об удушающей экономической зависимости и закабалении этих стран долгами, о банановых республиках, порабощенных крупнейшими державами, есть выдающаяся книга под названием «Вскрытые вены Латинской Америки», написанная Эдуардо Галеано. Книга переведена на основные языки мира. Она о другом континенте, но еще в большей мере приложима к Африке, где живет самое бедствующее население. Эта работа — одна из лучших в мировой социологии за последние 50 лет. Она же открывает глаза на современный миропорядок каждому, кто противится господствующему идеологическому угару. Путешествующему по Азии, Африке и Латинской Америке человеку в самую пору прочесть эту проникновенную книгу. Она о зависимых странах, где проживает большая часть населения Земли. И это большинство нищенствует.

Гора Муландже

На юго-востоке Малави выступает в небо гранитная башня. Она имеет более чем километровый обрыв с каньонами, по которым текут большие ручьи. Вершина ее не столь высокая, всего 3000 метров (пик Сапитва), но скалистый вид и крутые формы впечатляют. Скалы над лесными чащами и чайными плантациями манят наверх, откуда, несомненно, открываются замечательные панорамы. Прибыв на автобусе к нужной деревушке, мы, не опомнившись, сели в кузов джипа, который арендовали путешествующие французы, чтобы доехать до кемпинга. Люди с рюкзаками стараются солидарно делить цену на нанятый автомобиль. Кемпинг был без света, но с горячей водой, греющейся от солнечной батареи. В нем есть даже бунгало. Нам в палатках дешевле, да уже и привычней. Дети ставили палатки, Лена перебирала продукты, а я тут же поспешил за водой для ужина, потому что было поздно. И вдруг наткнулся на змею. Она шарахнулась от меня с шумом и уползла в кусты. Это первая встретившаяся змея в нашем путешествии. И какая! Длиной больше метра, толстенная, с ромбовидной большой головой и резво извивающаяся. Надо всех своих предупредить, чтоб ходили только с фонариками. Гады никогда не нападают сами, но

лучше держаться от них подальше. Ужин наш проходил под какофонию лягушек, птиц и сверчков.

Утром было блаженное купание в проточном озере, наполняющем гранитную чашу. А после завтрака пошли в горы. На трекинг нас повел гид в пластмассовых тапочках, без которого мы не имели права подниматься вверх. Плата за гида оказалась недорогой, и можно было не искать варианта обходных троп для собственного маршрута. Гиду деньги платятся вперед, поэтому он уже через час стал намекать, что подъем крутой, а дорога утомительная. Мы предложили ему не ходить с нами, я, мол, тоже профессиональный гид, только сейчас без группы, и он от нас с удовольствием отстал. Мы пошли вверх сами. Навстречу иногда выходили люди, груженные досками. Было непонятно, почему они несут их с горы. Если в горах что-то строят, то доски могут нести снизу вверх. Не могут же в отсталой африканской стране поставить на скальном плато дерево-перерабатывающий завод. На башню мы поднялись за четыре часа и увидели печальную картину: между скал на несколько километров торчали обгоревшие пеньки, а остатки леса действительно перерабатывали на доски и сносили вниз вручную. Жалко погоревшие леса, которые поджигают по всей Африке, жалко работаю, за копейки выполняющих трудную работу, и трекинг наш кажется циничным развлечением, когда навстречу идут нагруженные и утомленные люди. Погоревшие леса напомнили мне путешествие по Хабаровскому краю: российские пожары уничтожают лесные массивы не меньше африканских.

Дороги, дороги...

Нас снова мчит миниавтобус от заброшенной деревушки к южной окраине озера Ньяса. Пассажиры набиваются в салон плотно, и вместе с ними катаются домашние животные. Крестьяне часто везут с собой одну-две курицы, и птицы с перевязанными ногами лежат у пассажиров под ногами. С одной курицей селянин едет в далекую деревню в гости к родственнику — это подарок к обеду, а другой он рассчитается с водителем за проезд. На нашем маршруте куры часто были расходной монетой у местного населения. Иногда на поводке в автобус заходит коза, путешествующая с хозяйкой. Дети наши не

сразу привыкли к блеющим животным. Транспорт движется сотни километров, и козы в открытые окна с крыши автобуса жалуются пассажирам на плохую дорогу. На остановке в деревне Саша, забыв про рюкзак, выскакивает из салона к поразившей его картине. На багажнике велосипеда везут брыкающегося огромного поросенка. Визжат оба, наш сын и поросенок: один от неудобства перевозки, другой — от удивления. Велосипеды иногда соперничают с автомобилями количеством размещенных на них грузов. Велосипедист может везти несколько мешков древесного угля, который продается повсюду вблизи дорог. Бананы также огромными связками привязываются на руль, раму, багажник, и мастер-эквилибрист мчится вниз по асфальтовому серпантину, обгоняя автомобиль. Все, что перевозится на машинах, скромный крестьянин, живущий вблизи дороги, перевозит на хрупком двухколесном транспорте: голь на выдумки хитра. Пешеходы на дорогах тоже напрасно не прогуливаются. Но голове статной женщины взгромождена огромная вязанка дров. Дрова нужны для очага, чтобы готовить ужин. Девочки 10—12 лет несут на голове воду, тяжелые корзины собранного урожая, и шествие людей с грузом является классическим образом Африки. Встречному человеку люди с ношей улыбнутся и поздороваются.

К Новому году нам обязательно надо быть в Намибии. Еще в Лилонгве мы размышляли: ехать наикратчайшей дорогой через Замбию или другим путем — в Мозамбик, а оттуда, соответственно, через ЮАР и Ботсвану. Мы с Пашей придерживались более рискованного варианта, т. е. предлагали длинный путь. Кроме того, мне казалось, что мы могли бы путешествовать скромнее, чтобы вкушать побольше африканской жизни. Барствовать в бедных странах совсем постыдно: отчего бы нам не ночевать чаще в деревнях, среди хижин? Наверное, мне хотелось путешествием форсировать развитие самостоятельности в наших детях, которые растут в городе и весь день пропадают в школе. В общем, я раздражался на их бытовую неприспособленность и лишние, в угоду комфорту, вещи в рюкзаках. Скандалил. Это был наш кризис. После «бури в стакане воды» — так охарактеризовал скандал Паша — мы решились ехать долгой дорогой через Мозамбик. Если уж не ночлеги по деревням, то пусть будет длиннее маршрут: дорога лечит.

Граница

От поселка Муланже до границы недалеко. Здешнее приграничье не пользуется хорошей славой; бывают случаи ограбления туристов. Шпана навязчиво старается здороваться, чтобы легче залезть в карман; менялы трясут перед носом пачками денег вперемешку с фальшивыми купюрами. Толпа трется около рюкзаков, приглядывая, где что плохо лежит. Народный транспорт умышленно не допускается к кордону, и последние 5 километров нужно ехать на такси. Таксисты в сговоре с мошенниками, которые на велотакси подвозят немногих иностранцев последние 500 метров. Полкилометра нетрудно пройти, но кто ж скажет, как далеко до цели. А цели не видать: пограничный пункт в бедной стране — это разбросанная деревня с сарайчиками.

Когда мы доехали до велотаксистов, они вприпрыжку сбежались к нашей машине и стали протягивать руки к привязанным рюкзакам, чтобы грузить их на багажники. Я вышел из такси, со зла отшвырнул двоих самых прытких приставал, и толпа, не ожидавшая резкости от иностранца, отскочила от машины. Сев в кабину снова и пригрозив таксисту, я велел ему ехать к иммиграционной полиции. Таксист, нарушив правила парковки, подвез нас прямо к двери службы, и мы благополучно прошли контроль. Пограничникам нет дела, что творится у них под носом. Очевидно, с ними или их начальством приграничная свора мошенников делится добычей. Надо признать, что весь этот криминал — жулики второго порядка. Повыше их на социальной лестнице те, кого турист не увидит. Они вершат миропорядок, а нищета плодит воров и разбойников. Созидающий слой народа тоже обязательно повстречается в путешествии. Страна — это, наверное, и те и другие. Жулики, к сожалению, в глаза лезут чаще. После прохождения границы неприятные впечатления быстро стираются.

Елена

15.11.2008. На границе Малави пытались обменять остатки танзанийских денег на малавийские, но никто не мог внятно сообщить нам курс. Наконец кто-то буркнул что-то типа 1:10. Мы обменяли, но, как выяснилось потом, все-таки с большой потерей. На границе всегда возникают проблемы, потому что много желающих поживиться за счет проезжающих.

Время здесь сейчас самое жаркое. Как нам объяснили, дожди начнутся только в январе и продолжатся до мая, но их будет немного. В июле температура опускается до 17—18 градусов Цельсия, и это самое холодное время года. А теперь стоит сильная жара. Даже ночью, если спать на улице, потеешь, как в сауне.

На машине мы добрались до местечка Каронга. Автобус в этом направлении почему-то не ходит. Наш дальнейший маршрут лежит вдоль озера Ньяса, или Малави, как его здесь называют. Прохладная вода спасает нас от жары, из нее не хочется выходить. Мы заночевали в Каронга, а затем переместились в маленькую рыбацкую деревню прямо на берегу озера, где решили немного задержаться. Туристов в этих местах совсем не бывает. Ночевали прямо у воды, познакомились и подружились с местными жителями, а наши дети много играли и купались со здешними ребятами. Паша с Сашей учили их акробатическим трюкам в воде. Теперь сальто крутит все младшее поколение деревни. Саша строил на берегу домики-тукули из палочек, и малыши с удовольствием ему помогали, приносили строительный материал. А мы с Дашей прогулялись по берегу и хотели поискать что-нибудь к ужину, потому что из продуктов у нас оставались только сгущенка и печенье. Местный ресторанчик оказался дороговат, но по дороге нас окликнула деревенская женщина и неожиданно позвала к себе на ужин. Я спросила на всякий случай, сколько это стоит, но она ответила, что это угощение, только у нее есть один рис. Мы очень обрадовались возможности пообщаться. Вечером взяли с собой наши припасы и отправились в гости. Женщина постелила на берегу озера циновку и принесла рис и чай. В приятной компании с ней и ее двумя малышами мы ужинали. На закате нас обдувал свежий ветерок.

16.11.2008. Люди понравились мне своей открытостью и чувством собственного достоинства. Утром женщина снова позвала

нас на завтрак и приготовила маниоку и чай. Маниока похожа на сладкий картофель. В благодарность мы оставили нашей новой знакомой еще сгущенки и лука. А когда уезжали, подарили немного вещей ей и детям. Наши переполненные рюкзаки постепенно худеют. Все, что до отъезда казалось необходимым в дороге, понемногу теряет свою ценность. Оказывается, совершенно не нужно иметь лишние футболки: двух достаточно, то же и с бельем. Ни у кого нет, и тебе не нужно — это только лишний вес в рюкзаках.

Люди в этой местности деликатны и доброжелательны. Они излучают доброту. Ведут себя ненавязчиво и всегда готовы помочь. Несмотря на бедность, денег не просят и рады любому общению. Искренне благодарят за интерес к стране и фотографируются с радостью.

Мы переехали в деревню недалеко от поселка Млове, из которой идет корабль. Здесь нас тоже встретили очень радушно. Обучение в школе ведется на английском языке, поэтому многие, даже те, кто не учился в ней, слегка владеют иностранным языком. Сейчас здесь созрел урожай манго. Люди очень радуются этому. Они едят фрукты сами и угощают ими нас. Многие подходили к нам и говорили: «Берите, ешьте, мы не продаем, манго много, хватит на всех». Для самых бедных это единственный источник питания. «Вы любите симу? Сима — это вкусно»! Сима — это чаще всего кукурузная мука, из которой варят клейкую кашу и едят с овощами, мясом и рыбой. Мы тоже решили попробовать симу, но, к сожалению, не привыкли есть ее с детства, поэтому она показалась нам невкусной. Я решила спросить в магазине хлеб, но в такой маленькой деревне его не оказалось, пришлось довольствоваться магазинным печеньем.

Сегодня воскресенье, а завтра рано утром мы плывем на корабле дальше по озеру. Володя ушел бегать по холмам. Саша с Пашей уехали кататься и рыбачить с мальчишками на лодках. Мы с Дашей прогулялись до другого магазина. Вскипятили два термоса чая и накупались в озере. К обеду уселись в тени большого мангового дерева делать уроки и писать дневники. Африканцы периодически подходят к нам и с интересом расспрашивают, но общество свое не навязывают и идут дальше. Один дедуля, знавший немного о России, долго удивлялся: «Как вас сюда занесло?»

Это же так далеко! И вам в самом деле интересно в Малави?» Мужчины, отдыхающие под этим же деревом, периодически угощают нас свежими манго.

17.11.2008. Утром на рассвете погрузились на корабль. Он близко к берегу не подошел. На воду были спущены две шлюпки, которые забирали народ с берега. Садились все спокойно, не толкаясь и помогая друг другу. На корабле три класса. Первый находится на верхней палубе. Там есть и каюты, и ресторан, и бар. Но людей всего, наверное, человек десять. Второй — внизу, но под крышей, с мягкими сидениями и столиками. Третий — на открытой нижней палубе, где закреплены железные лавки. Здесь народу видимо-невидимо, и жизнь кипит. Дети играют, женщины везут товары на рынок, мужчины грузят диковинную рыбу в мешках с водой, а мальчишки на каждой остановке прыгают прямо с палубы в воду, чтобы освежиться. Ехать часов шесть — восемь. Мы купили билеты в третий класс, но бесцеремонно перебрались во второй. Билетер хоть и сделал замечание, но никого не прогонял.

Берега у озера холмистые. В бухтах расположились маленькие деревеньки. Корабль делает в пути несколько остановок и на

шлюпках отвозит людей на берег и забирает новых пассажиров. Местные мальчишки кружатся на своих долбленках вокруг судна во время стоянки и пытаются продать рыбку или манго. На корабле

повстречали двух европейцев, которые почти всю дорогу почему-то спали на лавках. У них мы обменяли часть денег, наши были уже на исходе. Наш путеводитель по восточной части Африки Lonely Planet как раз заканчивается на Малави, а европейцы, по иронии судьбы, едут с таким же справочником, только по южной части Африки, нам навстречу. Мы обменялись книгами.

Обед на корабле тоже интересен. Кто-то везет с собой свою еду. В ресторане наверху можно заказать порции мяса или рыбы с гарниром за хорошие деньги. А внизу днем открылась точка раздачи за малую цену риса или симы с капустой и мясом. Мы как-то пропустили этот момент, и, когда хватились, оставалась только сима. Володя попросил у какой-то женщины, везущей большую корзину помидоров на рынок, продать нам пару килограммов. Мы их помыли и сделали отличный салат с луком и растительным маслом. Несколько вареных яиц, картошка, хлеб, и можно плыть дальше.

Вдруг прибегает Даша и возбужденно шепчет мне на ухо: «Мама, рядом с туалетом в душевой лежит женщина. Ей, наверное, плохо. Другие женщины обступили ее». Душевая вся обита грязным ржавым железом, и из кранов постоянно льется вода. На палубе, как и повсюду, очень жарко, и у воды постоянно толпятся женщины. Я соображаю: пойти помочь, но там свои — они наверняка смогут это сделать лучше меня. Через полчаса женщину приводят, стелют ей под столом и укладывают полежать. Ее спутница держит на руках новорожденного. Другие женщины достают какие-то свои куски материи и оборачивают ребенка. У нас легкий шок от этого события. Даша непременно хочет увидеть малыша. Ей показывают и намекают чем-нибудь одарить его. Но что она имеет? Денег у нее нет. А вот большое тяжелое душевое полотенце, казавшееся поначалу очень необходимым, которое она долго берегла от строгих глаз папы и аккуратно носила в рюкзаке, — это подойдет. Женщины радостно аплодируют ей. И рюкзак будет легче носить. Так незаметно, не жалея и радуясь, расстаемся мы с ненужными привычками цивилизации.

23.11.2008. Столица Лилонгве встретила нас недружелюбно. По дороге многократно ломался транспорт. Бывает же такое в один день! В город приехали поздно ночью. Как всякая столица, Лилонгве дорог и грязен. Здесь много приставал и нищих. В путеводителе есть

строгое предупреждение, что иностранцев здесь грабят и днем. Мы остановились всего на день, чтобы снять в банке денег, заглянуть в интернет и отдышаться с дороги. А дальше нас ждали горы. Детей оставили в гостинице, а сами сходили в город.

Юг Малави на границе с Мозамбиком — это горы высотой до 3000 метров. Ландшафт рельефный и красочный. Склоны покрыты чайными плантациями. Здесь есть национальный парк и несколько туристических кемпингов-гостиниц. В национальный парк вход недорог, всего 0,8 долларов с человека. Из деревни Муланже можно заехать в горы. Мы остановились в кемпинге возле горной реки. Вода в ней достаточно холодная, и камни образовали глубокие бассейны; купаться там — одно удовольствие. Малави встретила и проводила нас плодами манго. Мы угощали мальчишек нашей рисовой кашей со сгущенкой, а они в благодарность носили нам свежие манго. Местность от Муланже до границы показалась нам еще интереснее. Стоило, наверное, и здесь задержаться, но Володя спешил в Мозамбик.

Даша

13.11.2008. Сегодня мы въезжаем в Малави. Я до этого не знала и не слышала, что есть такая страна. На границе папу при обмене денег обманули на 30 долларов. Но когда мы это заметили, было уже поздно. Кроме того, атмосфера была не очень приятная: какие-то люди чего-то хотели, продавали, мешали и неприятно, притворно улыбались. Мы долго искали, где остановиться, и приехали в какой-то кемпинг. Но там было неудобно и дорого. Папа решил искать другое место. Мне было досадно, злило то, что во многих местах написана одна цена, но называют другую, что нас уже обманули и что мы никак не можем найти подходящее место для ночлега. Но вскоре все устроилось, и мы радостно побежали купаться на озеро Ньяса, или Малави, как его называют. Днем было очень жарко. В этой стране первый раз за время путешествия я почувствовала настоящую жару. Я не умею терпеть жару, и, может, оттого меня поначалу все немного раздражало. Но, окунувшись в прохладную воду этого красивого озера, я пришла в себя, и все грустные мысли исчезли, снова стало хорошо и радостно.

14.11.2008. Сегодня должны были добраться до столицы Лилонгве. Но на автобусе мы доехали до какой-то деревушки, где и остановились. До темноты мы купались в озере и играли с африканскими детьми. Гуляли по деревне и знакомились с местными жителями. Одна женщина пригласила нас на ужин. Она сварила нам рис и чай, а мы подарили ей сгущенку и лук. Больше припасов у нас не оказалось. Двое малышей сидели возле хозяйки и с любопытством поглядывали на нас. Еще мы целый день ели манго — они такие вкусные! По всему берегу растут огромные деревья с манго. Возле одного из них мы поставили палатки и, пользуясь огромной тенью, расположились под его ветвями.

15.11.2008. Встали мы рано, потому что долго спать было невозможно. Солнце пекло очень, очень сильно. Женщина сварила нам на завтрак картошку и позвала нас снова.

Машины поймали быстро и доехали до поселка, из которого через день уходил корабль по озеру. Здесь мы решили ждать. Паша познакомился с одним мальчиком, и они вместе с ним и Сашей поехали кататься на лодке.

16.11.2008. Весь день мы делали уроки и купались. За эти два дня мы так наелись манго! И, конечно, ночевали на берегу озера под манговым деревом.

17.11.2008. Проснулись мы в 4 часа утра. Вещи собрали с вечера. На берегу уже стояли ожидающие корабль африканцы. Когда он приплыл, с него спустили две небольшие лодки, которые направились к берегу забирать пассажиров.

Мы устроились во втором классе и пошли осматривать корабль. В первом классе были каюты и ресторан. Я хотела спать и быстро уснула, но так же быстро проснулась от невыносимой жары. На остановке папа, Саша и Паша стали купаться. Я сначала боялась, но потом прыгнула в воду с корабля прямо в одежде. Это было так здорово и прохладно! Все смотрели и улыбались. Еще я познакомилась с разными людьми. На следующей остановке мы снова купались, даже мама стала прыгать в воду. А я уже не боялась и прыгала прямо с лесенки корабля. На пристани папа купил манго, а я пошла выжать одежду. Когда я вошла в душевую, там было много женщин, и одна лежала неподвижно на полу. Я подумала, что что-то случилось, может быть, она упала... Я услышала какой-то странный крик и стоны, но рассмотреть ничего не могла. Меня попросили выйти, и, не выжав одежду, я ушла. Все это было как-то странно. Может, случилось что-то страшное?

После обеда я встретила женщину, с которой уже раньше познакомилась. На руках у нее был младенец. Я не знала, откуда он взялся. А та, которая лежала в душе, теперь отдыхала у нас под столом, так как лечь было больше негде. Потом пришла мама и сказала, что женщина, которая лежит под столом, родила ребенка. Мне не верилось, что она родила в грязной душе, где обшарпанные стены и ржавые трубы. Неужели это правда? Я села к ней поближе. Лицо у нее было усталое. Потом ее подруга положила мне на колени ребенка. Он был маленький, хрупкий, с нежной кожей и такой сладкий!!! Я еще никогда не держала только что родившегося человечка на руках. Какое крохотное создание! А какой он легкий, как кукла! Но когда он начал зевать, я не могла более спокойно смотреть на это ангельское создание и передала его обратно.

Мне вдруг стало так жалко эту женщину за ее усталый вид, за бедность и условия, в которых она живет, рождает и растит детей. И этот безвыходный круг нищеты, которого я никогда до этого не ощущала, вдруг представился мне во всей ясности. Стало грустно и обидно, что все так несправедливо, что одни живут ущемленно, а другие не знают, куда деваться от излишеств. Я пыталась понять необычную ситуацию — уж очень это поразило меня... Но кто-то дотронулся до моей руки, и я обернулась. Вокруг меня стояли женщины. Они просили денег для ребенка, но я сказала, что денег у меня нет. На что они дружно рассмеялись. Тогда я вспомнила о моем большом махровом полотенце, которое так мешало в рюкзаке. Я вытащила его и отдала женщине, которая все еще лежала под столом. Другие заметили это, очень обрадовались и даже стали хлопать в ладоши. На корабле оказалось много хороших, добрых людей, и здесь было приятно находиться. Но когда мы вышли на берег, нам попадалось много грубых, неприятных приставал. Гостиницы были все дорогие. Мы оставили рюкзаки и пошли, чтобы поменять деньги и перекусить. По дороге мы снова встретили этих женщин. Ребенка с ними уже не было, и та, что три часа назад родила, несла теперь огромный таз на голове!

18.11.2008. Утром после купания мы направились в Лилонгве. Дорога была долгая. Сначала мы ехали на автобусе, который через час поломался. Починить его не получилось. Потом мы пересели на другой. Я ехала рядом с дядей, у которого на руках сидела маленькая обезьянка. Ее звали Майк, и ей было всего шесть месяцев. Мне было очень забавно и весело наблюдать за ней. Когда стемнело и я закончила учить уроки, мы с мамой стали слушать музыку на mp3. Вдруг послышался звук разбившегося стекла. Все очень испугались. Автобус стал притормаживать. Я сначала подумала, что это обезьянка что-то разбила, но потом поняла, что кто-то кинул в окно с дороги большой камень. Мама сказала мне, что она очень испугалась, когда автобус стал притормаживать, потому что это могли быть бандиты! Вскоре все успокоились, только мужчинам на тех местах было не очень хорошо сидеть. Весь пол был усыпан осколками. В Лилонгве мы приехали поздно вечером. Мама боялась ходить по ночному неизвестному городу. Найдя гостиницу в справочнике, мы сели

в такси и поехали. Вокруг были грязные, неприятные улицы и ни одного человека!

23.11.2008. Утром мама с папой ушли надолго. Мы уже успели собрать вещи и даже мамин рюкзак запаковали. Потом они вернулись и сказали, что город бандитский, продукты дорогие, а русского посольства в этой стране нет. После завтрака мы занимались уроками, а потом собрались сходить на рынок за продуктами. Мы читали, что перед рынком есть мост, на котором грабят. Саша очень хотел, чтобы нас пограбили. Он уже представлял, как у него будут отнимать рюкзак. Сам он будет кричать: «Папа!» Папа будет отпихивать грабителей, а я буду пищать. Мама быстро перейдет мост и будет нас ждать... К счастью, ничего этого не произошло, и мы благополучно добрались домой с продуктами. Потом мы еще немного делали уроки. Вечером не было света, зато горела свеча.

24.11.2008. Утром мы уехали в сторону границы Малави с Мозамбиком и остановились в национальном парке в горах, перед границей. Солнце уже садилось, и горы были красиво освещены. В поселке мы встретили говорящего по-немецки европейца. С ним мы поехали в кемпинг, где заночевали.

25.11.2008. Утром мама сварила рисовую кашу. А потом мы пошли посмотреть кемпинг и округу. Между больших камней протекала горная речка, и вода была холодная. Искупавшись, мы хотели еще остаться, но папа сказал, что надо успеть сходить на гору. В национальном парке нам обязательно нужно было брать гида. Когда мы поднялись повыше, то заметили, что бедный гид еле тянется за нами. Тогда папа предложил ему идти обратно и оставить нас одних. Он очень обрадовался и ушел. Подниматься было нелегко. Солнце пекло сильно-сильно. Навстречу по тропе шли рабочие с большими досками на голове. И при виде их тяжести думалось, что нам все-таки легче. Добравшись до верха, мы стали спускаться. Спуск казался легче, но жара была невыносимой. По дороге мама так устала, что больше не могла идти. Тогда папа взял ее на спину и понес вниз. После обеда мы снова купались в речном бассейне и отдыхали.

Когда я вышла из палатки, прибежал Саша и сказал, что он что-то нашел. Потом мы сидели на большом дереве, на которое забрались по лесенке. Оттуда было далеко видно горы и речку, впадающую

в бассейн. На обратной стороне мы заметили такое же дерево и, перебравшись через речку, залезли в зеленый домик. Этот домик оказался еще выше предыдущего. Площадка была большая, так что можно было вытянуться и даже спать здесь. Мы сидели, свесив ноги, и болтали. Падать оттуда было бы высоко. К тому же внизу были кругом колючки и камни. Нас позвали. Тут наверху нам было так хорошо, приятно, что уходить совсем не хотелось... Потом мы долго купались. Паша с Сашей прыгали с больших камней в речку. Они хотели и меня заставить нырять, но я быстро зашла в воду. Но когда я стала вылезать, они сталкивали меня обратно, так что я никак не могла выйти на берег. Меня это разозлило, а они все смеялись и смеялись. К счастью, вступился папа и вытянул меня из воды. Наевшись манго, мы поехали к границе.

Саша

Мы заехали в Малави в поселок, как мне показалось, на океане. На самом деле это оказалось огромное озеро Ньяса, или просто озеро Малави. Оно такое большое, что его можно даже найти на карте. Здесь росли манговые деревья. Плоды были очень сочные, и я ел их без счета, а потом у меня болел живот. Но все равно было вкусно. Манго я сбивал длинной палкой, и тяжелые спелые фрукты падали мне на голову и в руки. Вы не можете даже представить, какая стояла жара!

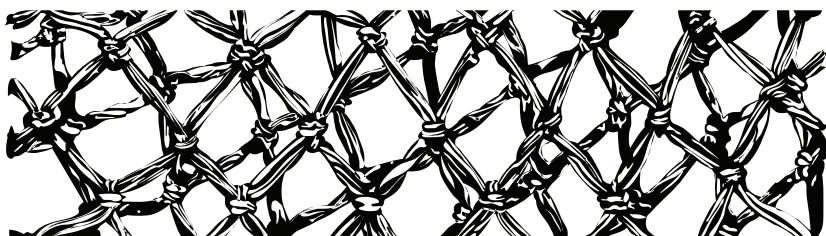
Мы все время прыгали в воду, чтобы немного охладиться и чтобы не болела голова. В озере водились рыбки всех цветов. А когда папа вечером вернулся с известием, что здесь водятся водяные кобры, мы не сильно испугались, потому что в деревне все купались и никого еще змеи не кусали. На озере мы жили три дня. Вода была прозрачной, на дне не было ни одной водоросли, а только белые камни и мягкий песок. Противоположный берег даже в ясную погоду невозможно было разглядеть, так он был далеко, хотя мы стояли в узкой части озера.

Через три дня мы поехали на корабле в Нката Бей, там был большой рынок. Мы пришли в 5 утра в маленькую гавань и ждали. Как это часто случается, корабль запаздывал. В воде под утренним светом плавали красивые рыбки, которых мне очень хотелось

поймать руками. Наконец за нами подъехала лодка. На нее битком уложили мешки с мукой, зерном, фасолью и разные мелочи. А мы сели сверху. Когда мы плыли на корабле, на остановках к нам подъезжали лодки, с которых почти бесплатно продавали манго. Я вырезал из ветки маленькую лодку-долбленку, но она мне очень не понравилась, так она неискусно сделана. Но лучше таким маленьким неострым ножом, как я думаю, сделать уже невозможно.

В Нката Бей мы ночевали один день и поехали в столицу Лилонгве. В Лилонгве мы купили продуктов и уехали в национальный парк, где оставались несколько дней. Здесь мы ходили в горы, купались в горной речке, и папа сделал хорошие фотографии. Потом мы поехали в Мозамбик.

Мозамбик

Площадь — 802 тыс. км²

Население — 20 млн чел.

В прошлом социалистическая страна

Владимир

Мозамбик — седьмая страна нашего путешествия в Африке. На границе контроль проходит спокойно, нет пристающих хелперов и никто не уделяет проезжающим особого внимания, которое испытывают на себе туристы в бедных странах. К иностранцам равное отношение, как и к африканцам, и это ощущалось впервые за наше долгое путешествие. Чтобы уехать в ближайшее поселение, мы по привычке, наработанной на автовокзалах, начали торговаться, но нам дали понять, что цена за транспорт небольшая и торг неуместен. В заброшенном городке можно было вечером гулять, не вызывая всеобщего внимания зевак. Мозамбик — недавно расставшаяся с социализмом страна, и психология людей здесь пока еще не торгашеская. Даже в беднейших слоях населения заметно больше достоинства, чем в жителях тех государств, где установился феодально-капиталистический уклад.

В наше время часто сравнивают менталитеты людей в странах. Мне кажется, принципиально в мире существуют три типа психологии людей. Первый тип — люди так называемых цивилизованных государств. Второй — люди социалистических стран. Третий тип представляет большинство планеты — люди бедных стран (Африка, почти вся Азия и Латинская Америка). Иначе сказать, психология людей, как и их жизнь, укладывается в капиталистические,

социалистические или феодальные рамки и, разумеется, в рамки не абсолютные.

Социалистическая система вроде рухнула, и капиталисты уверяют мир, что навсегда, но социализм снова вызревает сегодня как сопротивление звереющему империализму; повсюду возрастает рабочее движение. Например, в Германии жители ГДР и ФРГ до сих пор отличаются, несмотря на то что после объединения народилось и выросло целое поколение. В России давно уже капитализм, но советское, или совковское (как хорошее или плохое), также еще выступает в наших людях. В странах третьего мира печать социалистических или капиталистических основ государства тоже можно заметить. Кубинцы, мозамбикцы и даже китайцы (последние давно погрузившиеся в капитализм под флагом социализма), имеют в восприятии и поведении много общего с россиянами. Хочу заметить, что здесь я несколько не идеализирую рухнувшую социалистическую систему. Были обобществлены средства производства, но не хватило малого — демократического устройства управления, из-за чего социализм перекосило в сталинизм и партократию, так же как капитализм — в фашизм. Что касается демократии при капитализме, она действительно существует, но предназначена для капиталистов. Демократия всегда ограничена строем; она может быть рабовладельческой или буржуазной. Как известно, демос — это народ, и капиталисты в правовом отношении здесь подразумевают себя. А наемные рабочие — это рабы, и к демократии они не имеют никакого отношения. Но об этом капиталисты своим наемным рабам не считают нужным рассказывать. С рабами в богатых странах приходится считаться больше, поскольку они лучше организованы. Как бы то ни было, нельзя отрицать влияние социализма на многие страны и его противостояние капитализму. Россиянин, путешествующий по Африке, сразу заметит, в каких странах, даже ненадолго, утверждался социально-политический строй, похожий на наш бывший. Мозамбик, Ангола, Конго (Браззавиль), Бенин, Мали, Гвинея сделали в прошлом поворот менее радикальный, чем, скажем, Куба, но печать социализма в них тоже выразительна.

Португальская колония

В стране, широко открывающейся Индийскому океану, проживает около 20 миллионов человек. Население принадлежит в основном к языковой семье банту (зулусы 30 %, макуа 20 %, сена 9 %, ломбе 7 %, машона 6,5 %, тсва 6 %, шуабо 5,7 % и около десятка мелких народностей). Общий язык общения — португальский. Исторически здесь развилось межплеменное государство Момотапа (культура Зимбабве), которое имело взаимосвязи с купцами Индии, Китая, Ирана, арабских халифатов и Индонезии. Европейцы с этих берегов вывозили рабов во все части света. Из европейцев здесь закрепились португальцы, которые с 1752 года образовали колонию. От колониальной зависимости Мозамбик освободился в 1975 году, гораздо позже своих африканских соседей. В российской истории мы часто подчеркиваем мрачную полосу монголо-татарского ига, длившуюся почти 250 лет. Каждая африканская страна испытала более жестокое иго колониализма от Европы, которому предшествовала работорговля. После колониализма самостоятельное развитие любого африканского государства можно считать условным. Бедные страны, будучи сырьевым придатком метрополий, ничего не производили. В пользу колонизаторов иногда распространяется мнение, что они построили дороги, театры, церкви, дома губернаторам и их свите. Это верно. Транспорт нужен был для вывоза сырья, а театры и дома — для административных дельцов, эксплуатирующих континент. В ходе национально-освободительных и гражданских войн дороги были сильно порушены, а дома перешли к новым администрациям, через которые крупные державы по сей день стремятся удерживать экономическое закабаление. В освободительное движение всегда вмешивались сильные государства или противоборствующие блоки социалистического и капиталистического лагерей.

Как большинство африканских государств, Мозамбик в последнюю эпоху сотрясали войны:

1964—1974 годы — война за независимость;

1976—1992 — гражданская война.

Национально-освободительное движение в стране возглавляла с начала 1960-х годов партия ФРЕЛИМО, ориентирующаяся на

социализм. Государство социалистической направленности под носом реакционных ЮАР и Родезии (времена апартеида) волновало весь капиталистический мир. На деньги ЮАР и США была создана и поддержана партия РЕНАМО, выдвигавшая частнособственнические программы. Войска стран апартеида, а изнутри контрполитика РЕНАМО вновь стали сотрясать страну и разорять хозяйство.

Природные зоны

В географическом отношении в Мозамбике можно выделить три основные зоны. На севере, где совсем нет асфальтовых дорог, поднимаются длинные горные отроги Восточноафриканского плоскогорья (Мозамбикское плато), примыкающие к озеру Ньяса. На запад уходят клином пространства, окружающие реку Замбези. Южную часть занимает одноименная стране огромная низменность, весьма заболоченная во многих местах. Отдельной природной зоной можно считать побережье Тихого океана, которое тянется 3000 километров. Ко всему, страну разрезают, стремясь к океану, около 25 полноводных рек, среди которых Замбези, дающая электроэнергию многим странам, извилистая Лимпопо и широкая Савэ. Озеро Малави, водохранилище на Замбези (ГЭС Кабора Басса) и Индийский океан богато обеспечивают Мозамбик водными ресурсами.

Север страны

Почти в каждой стране условно существуют две столицы, которые соперничают между собой в экономике и еще чаще в области культуры. В Мозамбике три подобных больших города — Нампула, Бейра и Мапуту. Нампула — исторический центр и собрание достопримечательностей прошлых эпох. Бейра — большой порт и экономически влиятельный по африканским меркам город. А Мапуту — сегодняшняя столица, в которой, на первый взгляд, не бросаются в глаза контрасты и порядок жестко контролируется полицией. Во всех этих городах отели государственные; они очень дорогие, как в Европе, и дают значительные доходы в государственную казну. Про африканские города следует помнить, что на 70%, а то и 80% их

окружает сельское население. Кругом базары с деревенскими торговцами, и многие жители, даже в столице, еще недавние выходцы из мелких поселков. Бензин в Мозамбике сравнительно дешевый. При дорогих отелях и дешевом общественном транспорте путешествовать без претензий все же возможно. За пределами городов можно ночевать в палатках, а в столице лучше не задерживаться.

От приграничного поселка Муландже мы поехали в городок Келимане. По асфальту, а затем по бездорожью надо было трястись больше 300 километров. Двигаться пришлось в кузовах на разном транспорте и довольно медленно. Но на ночь глядя нам повезло, удалось пересест в кузов джипа. Автомобиль помчался быстро. Надеяться на скорое перемещение в бедных странах почти невозможно. В крупных городах пробки, как в Москве, а в глубинке — бездорожье. Наш джип через час езды начал чихать и вдруг «взорвался». Полетели искры из капота, пассажиры выскочили из двойной кабины и кузова и с удивлением наблюдали, как дымит машина. Дым рассеялся не сразу, но водитель тут же начал копать с полomкой. Хорошо, что у нас при себе были фонари-налобники. Ночь страшно темная, ничего не видно. С ремонтом возились долго. Затем со скрипом поехали до ближайшей деревни, чтобы чинить мотор обстоятельно.

Продвигаясь на юг, я жалел, что мы не поехали в Нампулу, а оттуда в старинный городок-остров Мозамбик. Оба города должны быть примечательными. Но всего не объять. Нам после этой страны через ЮАР и Ботсвану нужно двигаться в Намибию и быть там к определенному сроку. Из Мозамбика ближе всего до Мадагаскара. От континента остров удален всего на 400 километров; до Коморских островов еще ближе. Но, глядя на карту, не надо обольщаться дешевой переправой. Судоходного соединения здесь нет, а билеты на самолет стоят больших денег. Такова монополистская особенность африканских сообщений. Перелеты в соседнюю страну из столицы в столицу могут стоить от 600 до 1000 евро. Главными и совсем недешевыми авиалиниями африканского материка на Мадагаскар являются перелеты из Найроби и Йоханнесбурга. На Коморских островах к тому же находится база НАТО, и, может быть, поэтому столь затруднена связь материка с архипелагом. И Коморы, и Мадагаскар уникальны в природном отношении; многие

путешественники фантазировали попасть туда дешевым способом из Мозамбика.

Поселки

Одноименная стране низменность делает ландшафт однообразным, особенно если двигаться по основной дороге. Мы едем в кузовах грузовых машин, в набитых микроавтобусах, иногда пересаживаемся в комфортный джип или в огромный, на 70 мест, автобус. На остановках в деревнях продаются вкусные фрукты и овощи. В одних деревнях благоухают ароматами бананы, в других — манго, третьи предлагают на дороге кукурузу или печеную картошку, где что выращивается. Внутренний рынок в стране не развит из-за того, что покупательная способность населения ничтожна. Везти продукты в город для крестьянина дорого, там и без него продавцов много, а у себя не продать — здесь все крестьяне. Покупатели — разве только те, кто едет по дороге.

Поселки, которые мы проезжаем, собирают пассажиров на базарчиках. Там мы иногда меняем транспорт. В стране проходит выборная компания, и на многих зданиях пестрят красные плакаты. Политические партии зовут народ на выборы. Рынки, мимо которых идет трасса, заполнены дешевыми китайскими товарами. Продаются яркие ткани, резиновые тапочки, пластмассовые кастрюли, тазы, мыло, нарезанное длинными шпалами, охапки одежды и устаревшая электроника. Все, что Китай не распродал два десятилетия назад, сегодня продается в Африке. Часто видим играющих детей с самодельными игрушками. Поделки африканцы мастерят из жестяных баночек кока-колы. Было желание даже купить хотя бы один такой самокат, чтобы показать его в Германии или в России. Интересно, с точки зрения теоретиков развивающего обучения, какие игрушки полезнее детям — электронно-компьютерные с визжащими звуками или самодельные машинки из подручного материала? Проезжающим дети продают в мешочках орехи кешью. Ну и, конечно, не обошлось без путешествующих коз. В одном микроавтобусе с нами ехали сразу пять животных, связанных в охапку. На кочках они жалобно блеяли. Если удавалось ехать просторней, например на мешках с рисом в кузове джипа, тогда мы читали. Школьники наши

приноровились учить уроки и в трясущемся транспорте. В одном городке на высоких хвойных деревьях видели висящих вниз головой огромных летучих мышей. Мордами они больше похожи на собак.

Мост через Замбези

Река Замбези — четвертая по величине в Африке. Она берет начало на границе Анголы, Конго и Замбии, течет по краю Намибии, Ботсваны, снова по Замбии, затем по Зимбабве и Мозамбику, пересекая почти весь континент в южной части. На реке находится знаменитый водопад Виктория, а также много других водопадов. На ней построены один за другим два огромных водохранилища с электростанциями. В Мозамбике Замбези течет по равнине и разветвляется на рукава дельтой вблизи Индийского океана. Реку открыл для европейцев и обследовал Давид Ливингстон, в записках которого есть красочные описания. На русский язык его книги переведены давно. Через Замбези в наиболее узком месте строится мост двухкилометровой длины. Пока мост не достроен, транспорт переправляется паромом. Ждать паром долго. Чтобы посмотреть реку, мы забрались на «ногу» нового моста, откуда лучше фотографировать ее плавно бегущую воду. А спустившись, поели очень вкусной свежей рыбы, которую продают местные рыбаки строителям и проезжающим. Когда переправились на пароме на другую сторону реки, один из водителей посоветовал нам недорогую гостиницу. Пока он нас подвозил до деревушки, завязался разговор. Оказывается, у него брат учится в России, и мы для него, стало быть, земляки. Через час он привез к нам в гостиницу «русского доктора», женщину, которая уже 20 лет работает в Мозамбике. Мы познакомились.

На другой день Нина Николаевна Бондаренко пригласила нас к себе в рабочий кабинет. Около реки построен жилой городок для строителей моста, и в нем есть кабинет врача. В городке живут специалисты из Европы, но большинство рабочих — мозамбикцы. Жилищные условия для всех аккуратные, и даже бассейн есть на территории. Дети наши, устав от жары, побежали купаться в бассейн, а мы с Леной, наверное, мешая работать, расспрашивали Нину о ее жизни, о работе и о стране. Нина Николаевна часто сталкивается с

малярией и тут же собрала нам к сезону дождей аптечку. Эта аптечка, нужно сказать, нам в будущем по-настоящему пригодилась.

— 20 лет в Африке! Неужели ничего не пишете?

— Пытаюсь, — скромно кивнула Нина Николаевна.

Она рассказала о своей длительной командировке на большой стройке. Муж у нее тоже врач и также давно работает в Нампуле, в родильном доме. Независимо от их специализации, к ним обращаются люди со всеми болезнями. Врачей не хватает, медицина дорогая, испытывается дефицит хороших лекарств. Но обращаются люди, и часто приходится оказывать помощь бесплатно. Бывают и курьезные истории. Например, у больного жар от малярии, но он долго не идет к доктору, потому что местный лекарь-колдун не советует обращаться к докторам. Колдун убедил больного, совершив чудо: он всякий раз доставал из головы пациента пустую бутылку от кока-колы. Фокус лекарю удавался, но болезнь вылечить он не мог. Больной, имея работу на стройке, заплатил немалые деньги фокуснику, и все же ухудшающееся состояние заставило его обратиться к врачу. С крестьян, которые лечатся у колдуна, за неимением у них денег берется плата курами, зерновыми, а то и козой. Можно бы посмеяться над простонародными африканскими суевериями, но россияне, нередко с высшим образованием, также большими толпами ходят к шаманам, целителям, экстрасенсам или ясновидящим. Еще Нина рассказала нам о катастрофических разливах реки.

В сезоны дождей Замбези сильно разливается и затопляет прилегающие к ней низменности на десятки километров. После разливов надолго сохраняются болота, заливные озера, которые по краям зарастают двух-трехметровым тропическим камышом. Здесь рай всем земноводным, и лягушки, а также птицы без умолку оглашают окрестности. Рыбаки на лодках ловят в таких местах много рыбы, но это занятие небезопасное. В топях плодятся тучи комаров, и велика вероятность заболеть малярией. Лягушки здесь всех размеров, и змеи ими питаются тоже всех видов. Низовья Замбези — одно из немногих мест, где опасны крокодилы и ежегодно пропадают десятки людей. На открытых реках вблизи больших поселков их обычно отстреливают. Но в глухих деревушках рыбаки, у которых нет ружья, иногда пропадают, их невеликие лодки в буйных зарослях — не всегда надежное укрытие.

Во всех африканских странах работают наши врачи. «Если доктор русский — это хороший доктор», — говорил нам инженер мебельной мастерской, переехавший из ЮАР в Мозамбик. Убегая от нищенских зарплат, высококвалифицированные специалисты всех наших свободных республик устраиваются на работу по договору где угодно. Наши специалисты поехали не только в Германию, Канаду, США, Израиль, их можно неожиданно встретить в любой далекой стране мира.

Малярия и прививки

Никто из нашей семьи пока не заболел малярией. Но, находясь около Замбези, хочется сказать об усталости от кровососущих. Мелкая тварь вроде досаждают нам не сильно, но с методичным постоянством. Хочется посидеть на траве, полюбоваться красивым местом, а не расслабиться. Постоянно что-то жужжит, пищит, летает, изредка покусывает. Нужно все время отмахиваться. Каждый укус обычно долгоиграющий, и, кажется, чем меньше мошка, тем чесоточней ее жало. Во время сна нас спасают палатки с сетками, а местные жители в хижинах терпят укусы и по ночам. Даже в обустроенных дорогим туризмом райских уголках природы кровососы заставляют отдыхающих прятаться под москитными сетками или мерзнуть под кондиционерами. Укусы вызывают чесотку, а расчесанные места покрываются язвами. Мошки и комары являются разносчиками малярии и желтой лихорадки. Чем застойнее водоемы и жарче климат, тем больше вероятность болезней. Мелкая тварь тропиков является самым большим природным изнурением человека, и в Африке выработался выносливый тип людей с некоторым иммунитетом к укусам и болезням.

Прививка от желтой лихорадки в тропических районах обязательна, а малярия в худшем случае лечится. Хорошо бы запастись не любыми таблетками, а китайскими, на натуральной основе, которые универсальны и не страшны последствиями (например, Cotexin-901), но мы их достать не смогли. Врачи обычно рекомендуют принимать различные препараты для профилактики малярии. Эти рекомендации по меньшей мере странны. Если в одной и той же местности существует несколько типов малярии, от какого из

них тогда спастись? Кроме того, эта профилактика — сама по себе не безобидная процедура, она бьет по печени и ослабляет весь организм. Также, назначенные таблетки не гарантируют полной защиты от малярии, даже если врач случайно выдал препарат на нужную ее разновидность. По-моему, лучше лечиться по факту, когда установлен тип малярии, и не мучить себя профилактиками. Этому правилу следует большинство опытных путешественников. Есть еще одно дополнительное средство. Давид Ливингстон в своих дневниках рассказывает, что те из африканцев его экспедиции, которые находились в движении, малярию переносили успешно, а охранники, которые оставались на судне и находились на палубе без движения, тяжело страдали от болезни или умирали. Значит, большое значение для сопротивления болезни играет иммунитет организма, который всегда выше, если держать тело в тонусе. В любом случае полезнее давать физическую нагрузку организму (кросс, тренировка, поход с рюкзаком), чтобы чувствовать себя бодрее. Еще, мне кажется, иммунитет африканцев выше нашего не только потому, что их организм как-то особенно приспособился к местным суровым условиям. Работающий в поле крестьянин, да к тому же не перебедающий, в принципе превосходит здоровьем не только туриста, но и того обитателя африканской столицы, который живет в неге и, соответственно, равен европейцу по хилости.

Берег Индийского океана

В национальных парках мы раскошеливались в Танзании, а в Мозамбике экономим и проезжаем мимо заповедника Горонгоза, который тянется прямо от трассы. Дорого нам, наверно, еще придется платить: впереди острова Базаруто, на которые нужно добираться, и столичный город. Наугад из Маковане отправляемся на пляжи Санта Коройна. И вот снова Индийский океан!

Дорогие бунгало на берегу не про нас, а в деревне доброжелательная тетюшка сдает уютный, по нашим сильно поскромневшим за путешествие меркам, бамбуковый домик. Внутри домика мы, как обычно, ставим свои палатки, чтобы ночью не бодрили комары, и сразу бежим на берег купаться. Рыбак тащит большую рыбину. Паша с ним фотографируется и заодно торгуется. Вернувшись в

домик, дружно варим уху и снова идем на пляж. Солнце, веет прохладой океан, настроение у нас приподнятое! Мелкие крабы недалеко от волны собираются большими кучами и тут же разбегаются при появлении людей или собак. Около 20 рыбаков тащат длинную сеть, и к ним устремляются женщины с корзинами. На камнях мальчишки потрошат глазастых кальмаров. К берегу причаливает огромная лодка из Средних веков. На ней по центру установлена мачта. А на мачту поднимается через блок огромный шест с привязанным по всей его длине парусом. Лодки доу, на которых еще арабы ходили по всему Индийскому океану, используются повсюду в Африке и сегодня. Они сродни фелюгам на Средиземноморье, которые встречаются у египтян в нетуристских районах. Можно ли на доу доплыть до островов Базаруто? Нам неопределенно сказали, что можно, но об этом лучше узнавать рано утром.

Песчаные косы и берега Мозамбика тянутся бесконечно. Не надо думать, что здесь не найти европейского комфорта: отели в стране на любые замашки — только плати. Есть пляжи в лагунах и заливах с тихой волной, есть на ветрах открытого океана. Отели и hostels часто содержат бизнесмены, переселившиеся в Мозамбик из ЮАР или Зимбабве, где сегодня для них на родине беспокойно. Прекрасные пляжи тянутся на мысе Барра, в Прайя де Макути, в Лангоше, Тофу, Мома, Лурно, Уимби — по многим берегам. Мы решили отправиться на архипелаг Базаруто, о котором знали понаслышке. Манила сама его удаленность от берегов материка. Архипелаг уникален растительностью, кораллами, и здорово бы сделать морской переход на парусном судне на любой из островов. Рано утром мы собрались с рюкзаками на авось и после недолгих разговоров зашли на борт внушительного парусника. Такие лодки могут много дней находиться в отрыве от земли. На корме ставится ящик с песком, на котором жгут костер для приготовления пищи. Дрова, продукты, грузы в мешках, сети и экипаж — все умещается. Чем тяжелее загружена доу, тем устойчивее она на волнах. Грузное судно находится на песке, и его не сдвинуть никакими усилиями. Но к бортам ее медленно подбирается прилив. Когда лодку закачало, матросы подняли по мачте парус на бревне длиной около 12 метров. Лодка порывами, цепляя дном песок, вышла на волну. Наш экипаж состоял из десятка африканских матросов, нескольких женщин,

возвращающихся на остров, и нашей семьи. После часовой качки многие улеглись спать. Ветер свежий, но палит беспощадное солнце. Доу может продвигаться медленно или быстро, в зависимости от того, как повезет с ветром. Сегодня ветер нам в лицо. Два атлетически сложенных матроса время от времени меняют положение паруса. Доу наклоняется в одну или в другую сторону, выписывая зигзаги под большим углом. Из-за встречного ветра парусник продвигался к цели весь день. Океан играл волной, и к вечеру мы были утомлены так же, как и матросы.

Острова Базаруто

Архипелаг Базаруто — природный рай на земле. Рай объявлен национальным парком. В парке пять огромных островов с первозданными пляжами. К нашему удивлению, на острове оказался аэродром, который можно заметить только при приземлении самолета. Отели здесь рассчитаны на миллионеров: можно постоять в номере за 1000 долларов в сутки. Дешевейший номер стоит 250 долларов с персоны за ночь. Интересно и то, что национальный парк запрещает кемпинговаться туристам самостоятельно. Два дельца купили в собственность по куску земли на острове, построили отели и, очевидно, договорились с правительством о монопольном праве на туризм. На острове в основном снимают стресс бизнесмены из ЮАР. Трудно найти лучшие пляжи, притом непривычно для них безопасные. Небольшой самолет из Йоханнесбурга приземляется здесь трижды в день.

Кроме самолета, сюда из Виланкулы ходят быстроходные катера, тоже за очень высокую цену. Мы попали на золотой остров из маленькой деревушки, где рыбаки, очевидно, не знали, сколько платят иностранцы. Примерно 50 километров пути по океану стоили нам 12 долларов на семью. На такие же деньги хотелось найти ночлег у местных жителей. Цена за вход в национальный парк по меркам африканского туризма относительно небольшая — 8 долларов со взрослого и полцены детям. Но национальный парк запрещает (вряд ли законно, а даже если такой откровенный закон состряпан, то он в любом случае антинароден) местным жителям

принимать у себя туристов. С нами получалось неладно: больших денег для отеля мы не имели, и отправить с острова нельзя — не было попутной оказии. С нас потребовали письменное объяснение. Ну, это уж слишком: у меня виза на путешествие. Уплатив за национальный парк, мы двинулись как будто бы в отель и завернули в сторону хижин. Дама-чиновник нашу авантюру заподозрила. Ночью полиция подняла нас из палаток: не положено туристам так неприлично ночевать на острове. Мы поблагодарили людей в форме за заботу и поставили палатки около офиса парка.

В 5 часов утра я пошел с фотоаппаратом на барханы встречать рассвет. Вернулся к девяти. Лена с ребятами уже собрали палатки и завтракали под кроной какого-то дерева. Все та же официальная дама переживала за наше непрезентабельное присутствие на острове белых богачей. Она хотела, чтобы мы покинули остров поутру, наняв за свой счет бот. Я предложил ей вернуть деньги за парк, но она передумала. Деньги всегда можно прикарманить, тем более с таких безотчетных клиентов. Не объясняясь, мы ушли изучать окрестности удивительного острова. Кругом разбегались великолепные дюны, которые круто уходили в океан. Между дюнами находятся озера, поросшие густыми кустарниками и мягкой, как подушка, травой. От побережья, кроме пляжей, далеко в морскую синеву уходят отдельные белые косы песка. Днем при отливе на берегу вырастают новые дюны, а образовавшиеся впадины кишат морской живностью: крабами, креветками, удивительными ракушками, которые собирают немногие местные жители. Мы взбирались на дюны, выходили на песчаную косу, купались. Дети собирали крабов и прыгали в воду с борта лодки; несколько африканских мальчиков составили им компанию. К вечеру на большую землю загружался новый парусник. Нас взяли на борт так же недорого. Едва лодка отошла от берега, начал нарастать ветер. Мачта закрипела, парус разрывало ветром, лодку все сильнее и сильнее кидало на волнах. Сначала Лена, а затем и ребята легли вниз, чтобы меньше тошнило. Вода иногда перехлестывала края бортов, но матросы не сильно волновались. По ветреной погоде судно достигло большой земли за 2,5 часа. Штормовая волна впечатлила детей очень сильно. Песню «Люди сухопутья», которую они поют, мы теперь применяли к себе уже с некоторой ироничной окраской.

В Санта Каройна можно было задержаться еще на день. Хорошо, что на Базаруто удалось попасть не с парадного входа. Проезжая на другой день мимо Виланкулы, мы увидели туристов, которые нам не чета: солидной телесной комплекции господа на джипах, с озирающимися на африканцев физиономиями, ехали отдыхать на золотые пляжи. Номера машин указывали на их юарское происхождение.

В кемпинге

Путешествие всегда дарит новизну впечатлений. Перемена мест исключает рутину обычной жизни и обостряет восприятие, можно сказать, лечит от душевной лени. Но мы едем уже так долго, что устали от избытка впечатлений. Нам бы отдохнуть.

В городке Машише хороший и недорогой кемпинг на берегу залива. С нами рядом стоят палатками туристы из Зимбабве. Зимбабве испытывает кризис, однако те, кто побогаче, ездят на джипах отдыхать в Мозамбик, а заодно и закупать продукты. Все, кого мы встречали, проезжающие туристы и жители Зимбабве, говорили, что путешествовать по стране можно, но трудно с питанием: продукты очень дорогие. Нельзя путешествовать лишь там, где распространяется холера. Холера распространяется потому, что не проводится элементарной профилактики: деньги тратятся на политические драки и разворачиваются. Кризису из всех внешних щелей помогают богатые страны. Они проплачивают продвижение удобных (марионеточных) партий и их лидеров, но скупаются в средствах для борьбы с холерой. Эпидемия прорывается вместе с людьми через границы. Во многих местах Мозамбика, Ботсваны, Намибии, Замбии организованы эпидемические станции. Пассажиров высаживают из автобусов и проводят по хлористым тряпкам, а колеса транспорта обрызгивают обеззараживающей жидкостью. После долгой езды наши дети с удовольствием разминались и заодно топтались на дезинфицирующих тряпках. За поездку они, наверное, получают хороший медицинский курс по борьбе с антисанитарией. Я поинтересовался у новых знакомых, едут ли туристы на водопад Виктория со стороны Зимбабве. Да, едут. Против холеры там предприняты

все меры: туристы, отправляющиеся на водопад, приносят большой доход, и водопад охраняется, как святыня.

В этом же кемпинге остановилась французская семья с двумя детьми, путешествующая на джипе. На своей машине они пересекали континент. Когда их дети узнали, что мы передвигаемся на местных автобусах вместе с африканцами, они позавидовали нашим. Они устали от изолированности и предлагали родителям ехать дальше на автобусах или автостопом. В этот момент у них была великолепная возможность поменяться с нами ролями: мы уже изрядно устали от неустроенности. Но вслух я не стал шутить. Впрочем, для европейца путешествие по Африке на своем автомобиле — дело непростое. Нужно беспокоиться об охране машины, много платить при пересечении каждой границы и иметь особый документ *Carnet de Passages*, позволяющий европейским машинам ездить в африканских странах.

В прошлом у нас тоже был такой подвиг. Мы вдвоем с Леной ехали полгода через азиатский континент на дешевенькой машине и сделали вывод, что путешествовать с рюкзаками во всех отношениях лучше. В крайнем случае, можно брать машину в прокат на отдельные участки. Путешествующие по полгода, а то и по году европейцы в Африке встречаются нечасто. Их вероятнее встретить в Юго-Восточной Азии или в Индии, где дешевле и безопаснее передвижение. Бросив домашние хлопоты и работу, они наслаждаются свободой до тех пор, пока не кончатся деньги. Никто из них после Азии, Африки или Латинской Америки уже не поедет путешествовать в богатые страны, где условностей и чопорности больше, чем в бедных.

Утром на пляже тепло, солнечно, и одновременно волнуется океан. Волны накатываются, висают, как в замедленной съемке, и сокрушаются глухим ударом. Их накат далеко разбегается по берегу пеной. Пожалуй, наши ребята еще такой волны не видели. Купаться опасно. Они заплывают дальше и дальше, подныривают под падающие волны и возвращаются на берег ошалелыми. За большие волны уходит только Паша. Даша резонно осторожничает, а Сашу уже помотало в водовороте и поцарапало по дну носом. Теперь он лучше внемлет моим предостережениям. Азарт захватывает мальчишек, они бегают к океану часто и за два дня приловчились к волнам.

Знают ли африканцы о России?

Во многих африканских странах белых обобщенно называют англичанами — по языку или американцами — по вездесущности. Когда я говорил, что мы русские, это вызывало более теплое отношение к нам. У африканцев отношение к русским противоречивое: оно лучше к СССР и хуже к современной России с окраинными войнами, о которых известно из каждодневных новостей. Африканцы, даже в заброшенных деревнях, знают, что СССР воевал с Германией во Второй мировой войне и противостоял американскому империализму во второй половине XX века. Они большей частью симпатизируют стране, которая строила у них социальные учреждения и дала нескольким миллионам человек из бедных стран качественное бесплатное образование. Также знают, что Россия на протяжении 20 лет воюет у себя или на своих бывших окраинах. Мало кто думает в Африке, что российское государство в этих войнах занимает безобидную позицию. Им известно, что мы не производящая страна, а сырьевой придаток (нефтегазовый) сильных держав. Из всего этого Россия видится им страной с имперскими замашками и экономикой, где превалирует волчий капитализм и все «кидают» друг друга. Африканцы в основном правильно оценивают российские недуги. На далеком континенте знают, что в России велико социальное расслоение и что у нас большая часть людей живет в бедности. К обычным россиянам они относятся с сочувствием. Все африканцы знают Абрамовича, купившего английский футбольный клуб, также знают, что наши богачи ездят на охоту в национальные парки, увлекаясь и королевской охотой, и горькой водкой. Африканцы наслышаны, что в Москве и Санкт-Петербурге много расистов. В одной семье, где мы гостили, показали в теленовостях катастрофу с российской подводной лодкой. Хозяин спросил меня: «Почему в России постоянно тонут подводные лодки?» Нас часто спрашивали про Чечню и войну с Грузией, и почему наши народы еще недавно жили мирно. Уже после нашего возвращения из путешествия меня спросили в Петербурге на одном интервью, знают ли африканцы о существовании России. Мы нередко думаем о жителях бедных стран, особенно об африканцах, как о дикарях.

Мнимое превосходство, исходящее от наших снобов, в том числе и от СМИ, всего лишь выдает надменность российских буржуа.

Река Лимпопо

Из Машише в Шаи-Шаи и дальше в Мапуто дорога уже достаточно комфортная. На трассе встречается больше дорогих машин. Мозамбикская низменность на юге образует много заболоченных речушек. Сразу после Шаи-Шаи проезжаем реку Лимпопо. Как не вспомнить здесь Корнея Чуковского! Действительно, по реке вверх по течению на огромных пространствах располагаются национальные парки, где как раз и водятся жирафы, слоны, носороги и те бегемотики, которых лечил доктор Айболит. Эти парки охватывают приграничье трех стран: Мозамбика, ЮАР, Зимбабве. Сафари к животным здесь дорогостоящие. Лучше всего на сафари ехать в Намибию, в национальный парк Этоша. Он очень богат животными и, пожалуй, самый дешевый для посещения. Намибия у нас впереди, и мы не очень сожалеем, что не задерживаемся на реке Лимпопо. «Лимпопо, Лимпопо...» — это, может быть, лучшая повесть, открывающая мир Африки для малышей. И названия на всю жизнь запоминаются.

Мапуто и африканские столицы

Как полагается, в любом большом городе досаждают автомобильные пробки. В Мапуто надо было заехать до обеда, чтобы посетить российское посольство. Там мы показали рекомендательные письма, вкратце рассказали о пройденных странах, и к нам прониклись уважением. Трое детей с рюкзаками умиляли пожилого человека. Он нам сочувствовал. Цены на гостиницы в столице были так дороги, что я не считал зазорным спекулировать многодетностью нашей семьи. Работник посольства куда-то вышел, затем при нас с кем-то поговорил по телефону по-португальски и сразил нас наповал своим ответом. В посольстве нас оставить для ночлега нельзя, но нам оплатят два номера в каком-то городском отеле. Мы распisались за услугу и пошли заселяться. Я чувствовал себя пройдохой и одновременно гордился этим нехорошим качеством. В отеле мы

попросили не два номера, а один, но на два дня. Работнику было все равно: оплачено. Хочется к этому добавить, что всегда, когда нашим детям в Африке сочувствовали, я про себя думал: вот пойдут они на следующий год в школу, будут там сидеть, искривлять позвоночник по шесть-семь уроков в день — уже одно это ужасно. Кроме того, в поездке они больше играют с детьми, успевают учить уроки и, между прочим, прочли уже больше книг, чем читали в нормальный учебный год. Путешествие — это же какая яркая часть жизни! А нам сочувствуют. Парадоксальны человеческие предрассудки.

На город у нас было почти два дня и для любой африканской столицы этого более чем достаточно. Мапуто спокойнее, чем многие африканские столицы, но местные полицейские здесь с таким же выражением лица, как и московские. Иностранцу лучше от них держаться подальше, как сторонятся гастарбайтеры в Москве глаза вымогателей в погонах. В Африке около 30 миллионных городов. Каир — вечное поселение со времен фараонов, входит в число первых городов мира по численности. В нем проживают 18 миллионов человек. Более 10 миллионов насчитывают Киншаса и Лагос; более 5 миллионов в Йоханнесбурге, Хартуме, Луанде. Велики Касабланка, Абиджан, Александрия, Кано, Кейптаун, Дурбан, Найроби, Гиза, Аддис-Абеба. В половине африканских столиц более миллиона жителей. Все без исключения крупные агломерации континента славятся контрастами, больше в сторону криминала, нищеты, грязи. Есть много городов с особенно дурной славой. К ним принадлежат Йоханнесбург, Киншаса, Лагос, Найроби, Аккра, Абиджан, Нджамена, Могадишо, Банги, Бужумбура — здесь человека с рюкзаком не оставят без внимания; местные жители также не чувствуют себя в безопасности. Все эти города принадлежат государствам, где идут войны или парламентские драки за власть и блага. О красоте, достопримечательностях или безопасности африканских столиц можно говорить в относительном смысле. Впрочем, можно сдуреть от депрессий и в европейской столице. В Мапуте есть железнодорожный вокзал, построенный по проекту знаменитого Эйфеля, католический храм, мечеть, грандиозное торговое представительство Китая... Нельзя не обратить внимания на общую обшарпанность зданий, характерную крупным городам третьего мира. Я не поклонник урбанизации, но во время

прогулок по незнакомому городу мне иногда приходит бредовая мысль: вот если бы военные бюджеты всех стран мира использовать на строительство храмов, парков и жилья — как бы красиво жили люди!

Паша, кажется, входит во вкус географических познаний. Спросил сегодня, почему мы не едем в Йоханнесбург через Свазиленд, это же по пути. На самом деле не по пути, если нужно проходить пограничный контроль. Кроме того, в криминальной ЮАР лишняя граница не доставит удовольствия. Мы купили билет на дешевую маршрутку и напрямую отправились из Мапуто в Йоханнесбург.

Р. S. Ко времени издания книги, т. е. через шесть лет после нашей Африки, Паша по окончании школы отправился на полтора года (очень дешево, чтобы не сказать на копейки) в путешествие по Латинской Америке. И благополучно вернулся опытным путешественником.

Елена

Приехали в Мозамбик. За въезд на границе, кроме стоимости визы, берут дополнительно 3 доллара с человека. Мозамбик удивил меня спокойствием. Никто к нам больше не подходил, не торговался, не предлагал товары. Люди разговаривают с достоинством, не унижаясь, и только если к ним обратишься. От границы мы поймали какой-то джип, который бесплатно подвез нас до первой деревушки. С ними же мы и договорились ехать недорого дальше. Чувствовалось влияние социализма. Люди не пытались заработать на всем и несмотря ни на что.

28.11.2008. Мы снова на побережье Индийского океана. Здесь белый песок, пальмы с кокосами и спелые манго. Проехали половину Мозамбика с севера на юг от границы Малави. По дороге встретили много африканцев, выучившихся в СССР. В Мозамбике транспорта мало, и мы передвигались чаще на грузовиках, которые везут и грузы, и людей. Сейчас здесь стоит большая жара, поэтому ехать в открытой машине даже приятнее, чем в жарком автобусе. Страна удивила абсолютным отсутствием расизма. Люди не болеют национализмом, имеют чувство собственного достоинства и здоровое восприятие себя и окружающих. Не обращают на себя внимание

глупым «Хау а ю?» Здесь тоже когда-то была война. Но к белым нет особого отношения. Люди одинаково уважают себя и нас, в большинстве искренние и честные, помогают бескорыстно, не ожидая денежных подачек. Это приятно, так как не приходится торговаться. Цены вывешены повсюду. Присутствует ощущение внутреннего комфорта. Бандитизма нет. Говорят в основном на португальском, но легко переходят на простой английский. В городке Кая мы неожиданно познакомились с главным инженером, работающим на строительстве моста через реку Замбези, которую мы переезжали. Он подкинул нас до гостиницы. Оказалось, что он учился на Кубе и хорошо знает и любит Россию: «Я люблю русских, я научился у них уважать себя. Мы не рабы, а такие же люди». Через него мы познакомились с приятной женщиной-врачом, работающей на этой же стройке. Нина Николаевна Бондаренко работает в Африке уже 20 лет. Работала в Анголе, а теперь уже давно живет с мужем в Мозамбике. У нее неунывающий характер. Она много работала, помогала и помогает людям. Даже с коррупцией в Мозамбике ей удастся успешно бороться. Нина Николаевна напоила нас чаем с печеньем, проинструктировала по вопросам малярии и выдала нам в дорогу на всякий случай лекарства и воду.

В национальный парк Горонгоса, который лежал на нашем пути, мы заезжать не стали, потому что в Танзании мы повидали массу животных. Двинулись прямо на берег океана. Цены на гостиницы в Мозамбике относительно высоки. Самые простые пристанища без особых удобств, с ведерком воды вместо душа, стоят от 15 долларов, а те, что с удобствами, — уже от 30 долларов. Переезды тоже подорожали. Передвижение на короткое расстояние в часе езды стоит около 4–5 долларов. Продукты вроде недороги, но вода, например, 1 доллар за литр. Мы стараемся готовить сами, когда стоим, но, когда двигаемся, едим то, что продают местные жители. Готовят вкусно, едят в основном картошку, рис или кукурузную кашу с овощами и мясом. Однообразие пищи мы стараемся разбавить борщами и супами, которые варим сами. Молочных продуктов здесь нет нигде. Но зато есть сгущенка, которая нам уже немного надоела. «Долгоиграющее» молоко совсем несъедобно, и дети соскучились по молочному.

01.12.2008. Первый день зимы, т. е. здесь лета, так как мы находимся в Южном полушарии. Сегодня снова очень жарко. Мыдвигаемся в сторону Мапуто. Осталось около 500 километров, но машин очень мало. Мы сидим уже полтора часа в тени под соломенной крышей у дороги и ждем попутки. Володя торчит на солнцепеке и пытается остановить что-нибудь, едущее в нашем направлении.

С побережья океана мы решили сплавать на архипелаг Базаруто. В путеводителе особой информации о нем не было, кроме того, что это национальный парк и туда ходят дорогие моторные и более дешевые парусные лодки из Вилонкуло. Мы остановились в соседней рыбацкой деревне Инхасоро. В южной части Мозамбика мы впервые почувствовали дыхание ЮАР, словно переехали границу и попали в страну с другими законами и отношениями. Юаровцы скупили все побережье под свои частные дома, кемпинги и гостиницы, а деревня рыбаков вынуждена была отодвинуться вглубь. Во втором ряду, через улицу, стоят жилища местных жителей среднего сословия. Здесь мы снимали дом у семейства работника транспортной полиции. Дом добротный, в несколько комнат: пол каменный, стены сделаны из соломы, туго связанной пучками, крыша тоже соломенная. В нем не жарко. Его только отстроили, но еще не провели электричество и не заселились. Нашему желанию пожить у них сначала удивились, но потом очень гостеприимно приняли. Протянули свет, принесли какую-то мебель. Детишки прибежали вечерами послушать, как мы поем, а утром носили нам свежие манго. Люди в деревне угрюмые и неприветливые. Слишком велик контраст простых рыбацких домиков и вилл с бассейнами и заборами для наезжающих сюда раз в год собственников.

Володя договорился с парусной лодкой, которая шла на один из островов архипелага Базаруто. В 7 часов утра мы погрузились на фелюгу (здесь они называются доу), где уже сидели человек 12 местных с мешками и пожитками. Плыть надо было 50 километров. При хорошем ветре это расстояние можно пройти за 2–3 часа. Попутного ветра не было, и мы плыли целый день. Моряки поставили на корме ящик с песком, принесли дрова, развели, на удивление нам, прямо в лодке костер и сварили сначала маниоку, а затем рис с овощами. Угощали и нас. Посудина была небольшая, груза много. Всю дорогу сидели на мешках с кукурузной мукой и

рисом. Мы забирались в тень паруса и дремали. Морячки попались не очень деликатные, и плыть было не совсем уютно.

К половине шестого вечера причалили в райском месте. Белые песчаные дюны, изумрудное море, редкие невиданные птицы, пальмы. Местные приглашали нас к себе ночевать. Но сначала мы должны заплатить за вход в национальный парк, который стоит около 8 долларов с персоны. А ночевать мы почему-то обязаны только в гостинице, где самый дешевый номер стоит 250 долларов с человека. На территории острова устраивать кемпинг запрещено, а местные не имеют права приютить нас у себя в доме. Интересные законы. Что же нам делать? Вернуться сегодня же назад все равно невозможно. С длинными разговорами и скандалом нам позволили поставить палатку рядом с домом администрации парка. Мы спасены! А дня нам хватит, чтобы пройтись по острову. Утром наблюдали маленькие самолеты и белые двухмоторные лодки «Тойота», курсирующие на остров и обратно к матерiku. Поинтересовались у местных, кто же отдыхает в этих «дешевых» гостиницах и откуда летят эти миниатюрные самолетики. Оказалось, все туристы из ЮАР. Остров, устроенный для богатых, отлично охраняется Мозамбикским государством. А мы, простые рюкзачники, посмели приехать полюбоваться на их райский уголок! Гостиницы находятся в нескольких километрах от деревни, чтобы не смущать отдыхающих нищетой. Островитяне заняты обслуживанием и охраной местности для тех, кого они не видят и кто прилетает на самолетах.

Здесь растут низкие пальмы с кокосами, которые можно достать рукой. Такой сорт пальм встречается только в Мозамбике. Сюда приезжают нырять с аквалангами и рыбачить. Остров покрыт белыми дюнами и мягким пушистым кустарником. Местные африканцы живут очень бедно. На отмелях во время отлива собирают моллюсков; очевидно, это их основная пища. Все, что доставляется сюда с большой земли, стоит дорого. В деревне жители дики и пугливы. Несколько женщин при виде Володи с криками ужаса убежали в свои домишки, но, увидев наших детей, успокоились. Мы гуляли по белым дюнам, напоминающим манную кашу. Любовались морским и островным пейзажем, птицами, огромными ракушками на побережье, купались, варили суп, а вечером отплыли в обратную

сторону. Ветер был попутный, и нас домчало за 2,5 часа. Правда, штормило. Волна нас пугала, она поднималась выше лодки. Легкие признаки морской болезни давали о себе знать. Команда на фелюге попалась очень приятная. Мы подружились с четырьмя моряками, пели с ними песни, угощали печеньем, а на закате, счастливые и просоленные, причалили к большой земле. Ночевали у наших знакомых в их соломенном доме.

03.12.2008. Из Инхасоро доехали только до Машише, потому что долго не было попутных машин. Приехали около 7 часов вечера. Володя побежал искать место пристанища. А мы стояли с рюкзаками. К нам подошла семья потомственных португальцев, они спросили, не нужна ли нам помощь. Ближе к Южной Африке все больше ощущается солидарность белых. Я сказала, что у нас все в порядке, но, может быть, они смогут подсказать нам недорогой отель или кемпинг. Они сразу сообразили и показали нам прекрасный кемпинг совсем недалеко, на берегу океана. В северной части Мозамбика мы успели отвыкнуть от цивилизованных душей с горячей водой и чистых туалетов. Работник кемпинга, которого мы просили назначить невысокую цену, вдруг сказал: «Платите, сколько можете». И этим нас тоже удивил. Вечерняя прохлада на побережье была наградой за горячий день.

Из Машише Володя хотел обязательно заехать в Шаи-Шаи, потому что там протекает река Лимпопо. Утром мы посчитали наши финансы и решили, что надо бы еще снять денег. Начиная с Танзании у нас заканчивались наличные запасы, и мы стали пользоваться кредитной карточкой. Это оказалось не так удобно, как обмен, например, долларов на местную валюту. Автоматы, выдающие деньги по кредитке, есть только в больших городах, но и там только некоторые из них принимают заграничные карточки. Кроме того, многие банки готовы выдавать только маленькие суммы, в пределах 20 долларов местными деньгами. В Машише было несколько банков и банковских автоматов, но почему-то возле каждого стояли большие очереди. Денег мы получить так и не смогли. В одном автомате деньги просто закончились, в другом тоже почему-то не получилось, а третий внятно написал, что кредита у них для нас нет. Видимо, эти банки были не подключены к общей платежной системе. Поменять оставшиеся у нас евро тоже оказалось непросто: пришлось побегать.

К 11 часам мы все же собрались уезжать. Последнее время у нас вошло в привычку ложиться рано, все равно электричество слабое или его нет совсем, и комары без сетки кусают, так что вечером спокойно с книжкой не посидишь. Зато встаем мы с рассветом, в шесть или полседьмого. Утром с первыми лучами солнца становится очень светло, жарко, и поднимается шум. Птицы, люди, гомон. Спать уже невозможно, зато мы используем весь световой день.

Из Машише ехали на микроавтобусе. Водитель был очень похож на бандита, уже побывавшего в тюрьме. Я особо не волновалась, так как в Мозамбике люди мне очень нравились. Но на подъезде к Шаи-Шаи мы обратили внимание на то, что водитель и сборщик денег ведут себя не по-человечески по отношению к пассажирам. Высадили двух женщин раньше времени. У другой чуть не отобрали рюкзак, потому что она, видимо, не заплатила, сколько они требовали. Кто-то из мимо проходящих уже на остановке добавил денег, и женщину отпустили. Мы про себя подумали: «Новые мозамбикцы, будущие капиталисты». Когда мы приехали в город, они стали с нас требовать на 8 долларов больше, чем мы с ними договаривались, и не отдавали нам рюкзаки. Сумма небольшая, но столько нагло-сти! В чем-то это напоминало Россию. Володя позвал полицию, те поняли, что водитель неправильно требовал деньги, но нам помогать не собирались. Очевидно, ждали подачки от него или от нас. Получился интересный опыт контакта с властью. Полицейский сказал нам примерно следующее: «Для вас деньги небольшие, а если завести дело, то ждать надо долго, не создавайте проблему».

Здесь, ближе к ЮАР, люди живут богаче и цивилизованнее. Но основная масса народа не выглядит счастливой. Нас снова стали предупреждать люди: «Осторожно! Следите за своими вещами!» Дух соседства с ЮАР витает в воздухе. Черные смотрят на белых как на богатых и готовы им прислуживать. Шаи-Шаи находится на побережье океана. Где-то должен быть кемпинг. Наудачу повстречали двух мужчин, отца и сына, которые подкинули нас на своей машине до места. По дороге познакомились. Новые знакомые тоже из ЮАР. Живут уже 10 лет в Мозамбике. Миссионеры. У них несколько деревообрабатывающих мастерских, дом на берегу океана. В одной мастерской мы побывали. Здесь делают качественную мебель и оборудование для дома. Наши дети с интересом смотрели, как

распиливают и шлифуют доски на больших машинах. Я заметила, что на мануфактуре строго соблюдаются правила техники безопасности. А к вечеру приходят женщины и дети из деревни за опилками для очагов. Отец рассказывал, что население живет здесь очень бедно, и они помогают людям, чем могут.

Кемпинг на побережье. На много километров растянулся нетронутый пляж с белым песком. Людей не видно. Здесь нет бухты, и волны высоки. Из ЮАР сюда приезжают туристы рыбачить и кататься на высокой волне. Хозяин кемпинга оказался очень приятным человеком. Он куда-то вез своих детей и торопился. Но успел рассказать нам, что знает молодую девушку Ольгу, которая работает менеджером в ЮАР. Замужем она за богатым немцем, а бизнес у них такой: они устраивают охоту на диких животных для русских миллионеров. Мы посмеялись и сказали, что мы совсем не миллионеры. Ответ нам понравился: «У вас нет денег, но вы богаты: у вас есть сердце и вы видите мир». К радости детей, мы задержались на побережье еще на день, и они могли купаться в высоких волнах Индийского океана.

До столицы нам осталось каких-нибудь 5–6 часов езды. Дороги здесь лучше, чем на севере страны, и мы даже умудряемся читать и заниматься в автобусе. Саша почти освоил программу по математике за 4-й класс и прочитал всю свою толстую немецкую книгу. В книге собраны статьи лауреатов Нобелевской премии на разные темы для детей. Мы их бурно обсуждали. Кроме того, он прочитал сказки Толстого, начал Дашину хрестоматию за 6-й класс, хотя она немного тяжеловата для него. А еще у него стало получаться вести дневник на русском языке. После трех лет обучения в немецкой школе Саше поначалу было легче писать на немецком. Даша осилила алгебру за 6-й класс, заканчивает грамматику по английскому языку для 6-го класса и выучила все формы неправильных глаголов. Она прочитала свою русскую хрестоматию и (с неохотой) перешла к древней истории. Сейчас одолевает Сашину книгу на немецком языке. Паша прошел историю Древнего Египта, Рима и Греции. Заканчивает английскую грамматику для 9-го и 10-го классов и читает довольно сложную книгу на английском. Мы с ним занимаемся немецким языком, который Паше всегда тяжеловато давался.

В кемпинге к нам все время подходили какие-то люди и предлагали купить у них продукты, фрукты или выполнить для нас какую-нибудь работу. Ранее в Мозамбике мы такого не встречали. Утром, после завтрака, подошел мальчик и предложил помыть посуду. Конечно, он хотел немного заработать. Но я сказала: «Смотри, у меня уже есть два мальчика, как ты, и они помогут посуду». Он меня понял и заулыбался. Потом мы видели, как он мыл посуду двум нашим соседям-мужчинам, а они сидели недалеко в креслах и смотрели на океан со скучающим видом.

09.12.2008. В Мапуто мы задержались всего на две ночи, но город посмотреть успели. Он выглядит небогато, но очень цивилизно. Центр застроен многоэтажками, есть очень спокойные спальные кварталы и центры с магазинами и местами отдыха. У города две набережные: с одной стороны океан, с другой — река, впадающая в него. Мы гуляли с детьми по улицам. В центре они названы именами Ленина, Карла Маркса, Хо Ши Мина и т. д. Смотрели на город сверху. Если подняться на холм, то далеко видно океан и порт на реке. Заборы, как во всем Мозамбике, невысоки, и люди повсюду безбоязненно гуляют с детьми. На главной площади расположен оригинальный культурный центр. Здесь проводятся выставки и концерты, есть уютное кафе.

Паша

Мозамбик — очень бедная страна. Так говорят, но я этого не заметил. Только в магазине очень дорогие продукты. Когда мы ехали на машине, нам сначала показалось, что они ничего не выращивают. Из-за того, что машина сломалась, мы остановились в небольшом городке. Было достаточно поздно. Мы пошли поест и потратили на булочку с чаем 8 долларов. Здесь рестораны и гостиницы по цене такие же, как в Европе, при этом они сильно уступают по качеству. Мы переночевали не в отеле, а в палатке при отеле, и нам это обошлось бесплатно. В других странах так ни за что бы не получилось. На следующий день, когда мы ехали в город Келимане, видели большие поля. Если посмотреть на карту, то эта местность обозначена болотом, но в Африке болота выглядят несколько по-другому. В Келимане мы ночевали относительно недорого. Нам посоветовали

останавливаться приватно, у людей. Я себе не представлял, как это делается. Хоть Келимане и находится на море, мы решили ехать в сторону архипелага, который лежит южнее.

В первый день мы доехали до реки Замбези. Это четвертая по величине река Африки. На берегу мы поели вкусной жареной рыбы и отправились на пароме на другую сторону. Мост здесь еще только строился, причем неплохой. Были видны все стадии постройки моста. Купаться в реке не обязательно. В ней водятся крокодилы, но их не было видно. Крокодил может плыть очень долго без воздуха под водой. На пароме мы встретили инженера, который отвечал за постройку моста. Он учился на Кубе и был когда-то в СССР. Он подбросил нас на машине до ближайшего городка. По дороге он нам рассказал, что знает русскую женщину, которая работает здесь врачом. Папа сказал ему, что мы хотели бы поговорить с ней. Но он ответил, что она сейчас где-то работает. Вечером эта женщина все же приехала к нам, и мы договорились встретиться утром. Нина Николаевна проживает сейчас в строительном городке и лечит строителей моста. Мы зашли к ней в кабинет, и она показывала нам фотки и рассказывала о жизни в Мозамбике. Ее муж тоже работает врачом, но в другом городе. В Африке они уже 20 лет и сначала работали в Анголе. Попали они туда почти нечаянно: нужны были врачи, и они подошли для этого. В общем-то, они не собирались ехать, но заполнили анкету, и, когда уже забыли, пришел положительный ответ. Тогда и решили отправиться. Но потом им понравилось, и они остались работать в Мозамбике. Так и живут здесь. Еще она рассказывала, как ей не хотели выплачивать 13-ю зарплату и как она с этим боролась. Потом мы поели и поехали дальше в сторону архипелага.

Через два дня езды мы добрались до деревни, из которой можно плыть на архипелаг Базаруто. После многодневного пути мама устала, и у нее болела голова, поэтому мы остановились в дорогом отеле с кондиционером. Правда, без папиного ворчания нельзя было обойтись. Утром папа с мамой пошли и нашли частный дом из соломы. Его только что построили, но там не было мебели. Хозяйка разрешила нам поселиться там за небольшую плату. Мне дом больше понравился, чем гостиница с кондиционером. Следующий день мы отдыхали, купались и делали уроки. Пока мы купались,

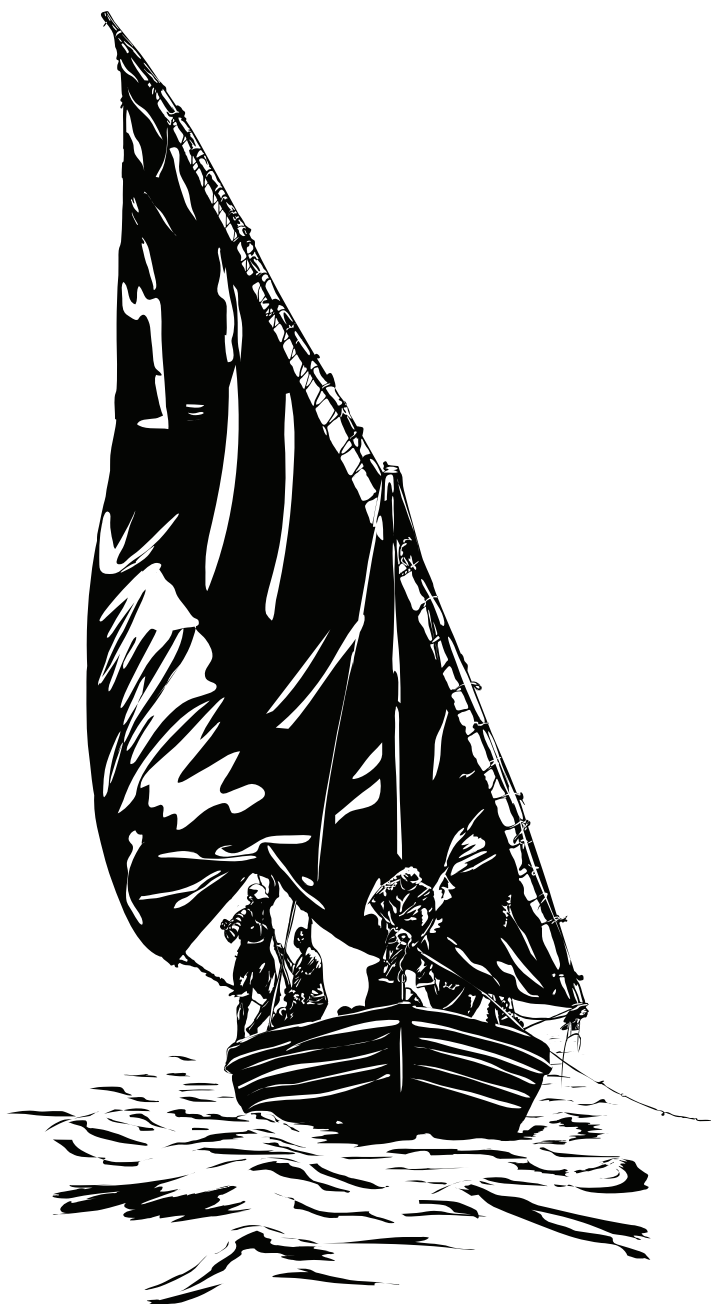
откуда-то приплыла фелюга. Папа пошел что-то спрашивать. Вернувшись назад, он сказал, что договорился на следующий день с утра плыть на архипелаг Базаруто.

Архипелаг Базаруто

Я вышел из палатки, и петух пропел второй раз. Было 6 часов утра. В семь мы должны были плыть на фелюге. Я начал собираться, пора было завтракать. Мы относительно медленно поели и сложили рюкзаки. Оставалось еще 20 минут, и, кажется, мы опаздывали. Когда вышли на пляж, фелюга больше не стояла на прежнем месте. По папиному мнению, наша фелюга ушла, так как вдаль в сторону островов плыли две лодки. Но я подумал, что наша еще здесь, просто сейчас был прилив, и она находилась не у самого берега. Когда мы подошли туда, люди уже отталкивались палками от берега и собирались поднять парус. Народу в лодке было много (так же, как и в автобусах), и лодка стояла в воде очень низко. А ведь еще мы должны были сесть туда. Больше всего об этом переживала мама. Когда мы сели, лодка все же не утонула. Фелюга вроде бы отплывала, но моряки все чего-то ждали. Минут через 15 они снова начали отталкиваться палками, и, казалось, мы уже поплыли... Но не тут-то было. Подошла еще одна фелюга, и из нашей лодки туда стали пересаживать часть пассажиров и перекидывать мешки с солью. В Африке часто такое встречается или даже всегда. Когда автобус после часового ожидания наберет пассажиров и набьет их туда поплотнее, чтобы не зря кататься, то он едет сначала заправляться. Так было и с лодкой. И все-таки мы отчалили. Очень долго, около получаса, отплывали от берега. За это время мы удалились всего на полкилометра. Лодка была небольшая, около 10 метров. Впереди стояла мачта длиной около 3 метров. Парус был треугольный. Он крепился к косой палке двумя концами. Руль такой же, как на моторной лодке. Позже мы поплыли чуть быстрее, но все равно против ветра. Делать было нечего, и я достал гитару. Реакция была такая: женщины ничего не сказали, а мужики начали горланить какие-то песни. Один пел 20 минут, пока не устал и не заснул. Нормально, по нотам мне позаниматься не удалось. На полпути мы увидели пловцов с масками. Они, как выяснилось потом, ставили

сети. Поблизости ни одной лодки не было, а расстояние между островом и континентом около 50 километров. Очень долго мы подплывали к острову и виляли против ветра туда-сюда. Прибыли мы уже вечером и плыли 10 часов.

Острова эти — национальный парк. Папа с мамой пошли договариваться насчет ночлега. Мы с Сашей побежали играть с местными ребятами в волейбол. Мама вышла из домика и сказала, что это не отель и не кемпинг, там нужно только заплатить за национальный парк. Отель здесь самый дешевый стоит 250 долларов, и местным нельзя брать к себе туристов. Папа поэтому поругался с тетей, которой он платил за вход в национальный парк. Она сказала, что мы можем поставить у того домика палатку, но должны написать объяснительную. Папа всегда готов задушить всех бюрократов, и его реакцию можно было предвидеть. Мы пошли искать ночлег. Местный учитель показал нам место в школе и попросил не говорить, что это он показал. Мы легли спать в палатке. В 11 часов ночи нас нашли охранники из парка и настояли на том, чтобы мы собрали вещи. Они привезли нас на джипах к тому же домику и заставили все же написать объяснительную на английском. Я наляпал что-то на листочке, и они немного успокоились, даже не прочитав записку. Мы легли спать, и нас уже никто не будил. Утром ребята-бюрократы, беспокоясь, что мы еще раз поставим палатку, настаивали на том, чтобы мы утром же уплыли. Но нам спешить было некуда (кроме папы, который спешит в Намибию ;-)). Мы спокойно собирались и уже на пляже позавтракали. Договорившись с парусником на 3 часа дня, мы пошли гулять по острову. Остров длиной примерно 25 километров, а шириной всего 5. Сначала мы шли через сухой кустарник. Одиноко между кустов прятались тукули, и люди, даже не подозревая о нас, вели свой древний образ жизни. Рядом с тукулем тлел небольшой костер. Рядом сидели привязанные к дереву козы, и во дворе или в кустарнике бегали куры и петухи. Неподалеку от дворика была насыпана гора ракушек от морских улиток, которых здесь варят. От кучи воняло дохлой рыбой. Хозяйка дома чистила кастрюли от нагара. Когда мы вышли из кустарника, перед нами открылось поле с болотной растительностью. Очевидно, здесь где-то было озеро, потому что за полем виднелись дюны сплошного песка. Растительность была похожа на мягкий мох, но походила больше на

траву. Где-то виднелось что-то вроде камышей. Было очень приятно ходить по живому настилу. Уж как-то я давно не ходил по мягкой траве! Коршун летал, ища какого-то хомячка, а над коршуном летел самолетик, на котором юаровские буржуи прибывают отдыхать в злачное место. Тут я увидел, что за нами бегут неугомонные бюрократы, чтобы всего лишь, как выяснилось потом, предупредить нас, что фотографировать можно, но не для коммерческих целей. Эти назойливые секьюрити всегда надоедают и портят настроение.

Но вот мы дошли до песчаных дюн. Они произошли из молодой породы земли и поэтому были очень белые. Когда заходишь на них, нужно щурить глаза, чтобы не слепило. Невозможно определить расстояния, потому что дюны отражают свет и не видно тени. Поражает ландшафтный контраст. Сначала большие участки дюн, ничем не отличающиеся от пустыни, потом поле с болотной темно-зеленой растительностью, а затем море. Но не просто море, а с водой лазурного цвета, резко сменяющейся от светло-голубого и зеленого до темно-синего. Далеко в море из-за отмели снова виден песок, потому что сейчас отлив. Мы поднялись еще выше, и по обе стороны острова стало видно море. Когда мы спускались, песок скользил, был похож на манную кашу и казался вовсе не горячим. Из-за жары у меня пересохло горло, и по возвращении на пляж я выпил несколько кружек чая. Пошел охладиться в воду, но остыть удалось, только когда я вышел, и ветер обдувал стекающие с меня капли. Вода в океане совсем горячая, так что при сорокоградусной жаре она не кажется прохладной. Отплыть получилось только в четыре вечера, потому что был отлив, и лодка стояла на отмели совсем рядом с берегом. Хозяин лодки хотел взять деньги за провоз вперед. Скорее всего, он не хотел, чтобы капитан фелюги знал, сколько хозяин заработает. Они уговаривали папу, называли матросов и капитана плохими людьми, которым они не доверяют, и настаивали на выплате за проезд сейчас. Папа отказался. На самом деле матросы оказались добрыми людьми. В этот раз ветер дул попутный, поэтому мы мгновенно отплыли от берега. Шли мы не медленнее моторной лодки. Мы хотели сварить рис, потому что настроились на долгое плавание, но забыли взять достаточно пресной воды. Хотели сделать чай, но матросы убедили нас, что мы за два часа доберемся. На парусной лодке есть так называемая

кухня. Это что-то вроде песочницы, на которой жгут костер и варят еду. Когда мы вышли подальше в море, поднялась сильная волна, и Саша всегда испуганно кричал, когда волна чуть захлестывала лодку. Но моряки только посмеивались и отвечали, что это нормально. На самом деле рулевой ловко поворачивал и ставил лодку так, чтобы мы плыли с волной, а потом выруливал в прежнее положение по ветру. Для такого маленького судна это, можно сказать, был шторм. Я принялся читать, но вскоре меня начало укачивать, и я повалился на бок на мешок с песком. Маме и Даше уже давно было тошно. Я лежал и наблюдал за штормом и за тем, как мы быстро приближались к берегу. Вскоре мы врезались в песчаный берег и начали выгружать вещи. Даша совсем заснула от качки. Мы попрощались и заплатили «нехорошим людям», с которыми успели подружиться. Вернулись на прежнее место к нашему соломенному домику. Так мы успели доехать даже до захода солнца, всего за два часа. Вечером, когда мы с Сашей и Дашей ходили на рынок, то встретили мальчишку, с которым купались в море, и он помог нам найти нужные продукты.

Дальше нам надо было ехать на юг в сторону столицы Мозамбика, Мапуту. Дорога туда шла недалеко от побережья Индийского океана. Поздно вечером мы добрались до относительно большого города. Сколько мы путешествовали, почти во всех странах необходимо всегда быстро уходить с автовокзала. Десятки человек собираются вокруг туристов и по десять раз предлагают свой сервис. Обязательно предложат такси. А зеваки, отирающиеся вокруг, пытаются проводить к какой-нибудь гостинице. Мы были удивлены, когда в большом городе к нам никто не подошел. Мы поставили рюкзаки неподалеку от вокзала, папа пошел искать гостинцу, правда, принес потом только булочки под мышкой. Пока мы ждали, к нам подошли португалцы. Они подсказали нам кемпинг, где можно недорого переночевать, и пригласили к себе, если мы не сможем сторговаться. Португалцев в Мозамбике можно встретить везде. Они прижились здесь и смешались с местным населением. А гостиницы здесь хоть и дорогие, но всегда можно что-нибудь найти подешевле. В кемпинге нам сказали, чтобы мы платили, сколько можем. Кемпинг был очень комфортабельный, но со стороны моря за чем-то огорожен забором.

Утром у меня заболел живот и прошел только к обеду. Сегодня мы доехали до города Шай-Шай. С водителем мы договорились на

800 местных метикал. Но когда мы приехали, он требовал с нас уже 1000. Не открывал дверь, чтобы мы не могли вытащить рюкзаки, и дрался. Потом пришла полиция, и мы поехали в участок выяснять отношения. Разговор длился бы еще долго, но папа махнул рукой и отдал эти 200 метикал.

В Шаи-Шаи мы хотели остановиться в кемпинге возле океана. Спросили об этом одного белого мозамбикца. Оказалось, что этот кемпинг находится в 10 километрах от города. На всякий случай мы спросили, не едет ли он в ту сторону. Пришлось ему взять нас в машину. По дороге он еще хотел заехать куда-то по работе. У ворот сидела толпа мозамбикцев и чего-то ждала. Я подумал сначала, что там выдают деньги. Но потом раздался звук моторной пилы, и вкусно пахло деревом. Во дворе лежали доски, одни были еще не обработаны, с корой, другие — уже обрезаны и отшлифованы, готовы на продажу. На мануфактуре работали африканцы. Сначала они распиливали бревна нужного размера. Бревна клали на пол и ставили пилу горизонтально. Пила была на рельсах. Людям, ожидавшим за воротами, разрешали взять опилки. Эта маленькая фабрика была для Африки, на мой взгляд, достаточно продвинутая. Все орудия труда были электрические, и соблюдались правила техники безопасности в работе. Потом нам показали в бюро на компьютере фотографии дома, семьи, кошечек и собачек, что характерно для цивилизованного человека. Эта семья из ЮАР живет в Мозамбике уже 10 лет.

За городом в сторону океана ландшафт сменился плотным темно-зеленым кустарником, похожим на чай. Заборы домов тоже были из этого кустарника, а дальше маячила вода. Уже отсюда волны имели впечатляющий своей громадностью вид. Побережье поднималось круто вверх. Мы подъехали серпантином к океану и оказались в кемпинге. Мужчина, который нас вез, рассказал владельцу кемпинга, тоже юаровцу, о нас, и тот взял нас за половину цены. Океан находился в ста метрах от нашей стоянки, но даже здесь можно было прислушиваться к шуму волн. Мы не слушали, а сразу побежали на берег. Волны высотой около трех метров здесь очень впечатляют и внушают страх, но глаз не оторвать. Мы плескались на берегу. Если не сопротивляться, то запросто затянет под воду. Папа зашел дальше. Один раз я увидел, как его схватила и закрутила

волна, и он скоро выскочил на берег. Наутро волны немного утихли, их высота была только с человеческий рост. Мы долго ждали папу, чтобы купаться, так как он запретил нам идти без него. Мне было интересно прыгать на волнах.

Искупавшись, мы отправились в Мапуто. Из кемпинга нужно выбраться на главную дорогу, которая шла через город. Сашка вдруг как-то разболтался, и мы не могли остановить его. Тогда мы поручили молодому человеку нести гитару. Он шел позади нас в 150 метрах и стонал. Маршрутка, которая нас везла в город, как всегда, на половине пути поломалась. Это ужасно надоело, но входило в наш «нормальный» ездовой день. Разорвало очередное колесо. Перегруженный автобус давно ездит на стертых шинах на скорости 100 км в час. Даже от маленького камушка тонкие шины лопаются.

Мапуто

Российское посольство находится в Мапуто на главной улице имени Ленина. Мы поселились в неплохой гостинице, где хорошо отдохнули. Я наконец-то пил молоко, по которому давно скучал. Но манной каши здесь все равно не было.

На следующий день мы гуляли по городу. В центре недалеко от церкви мы заходили в культурный центр. Там репетировала африканская рок-группа. Раньше я думал, что это только европейцы глуховатые и громко включают музыку, но в поездке убедился, что от этого страдает весь мир. Церковь стояла совсем близко за перекрестком. Было видно, что она не очень давно построена. Если бы не крест на крыше, то вообще трудно догадаться, что это церковь. Потом мы поднимались наверх, чтобы осмотреть город. Вернулись, когда уже стемнело.

Даша

Сегодня мы покидаем Малави и выезжаем в Мозамбик. Это седьмая страна на нашем пути. На границе мы остановили машину и доехали до ближайшего города. Закупив продукты и договорившись с тем же водителем, мы направились в сторону океана. Ехать туда было около трехсот километров. Все шло нормально, пока не лопнуло колесо. Его заменили. Через некоторое время вдруг чувствуем горелый запах. Водитель выходит из машины, открывает крышку, где находится мотор, и оттуда вырывается огонь. Водитель отскакивает на несколько метров от машины. Мама вытолкнула Пашу, а меня потащила на несколько метров из машины. Мама испугалась, потому что мог быть взрыв. Скоро все столпились вокруг машины, прикидывая, как ее починить. Это могло быть что угодно, так как не работали приборы, контролирующие скорость, масло и воду. А для мотора не было воды. Африканцы тоже не могли понять, что произошло. Папа сказал, что можно уже тут оставаться ночевать, но там, где мы остановились, не было ничего, только пара каких-то домиков. К счастью, машину починили, и мы доехали до ближайшего городка Келимане. Гостиницы оказались дорогими. Папа договорился с одним португальцем, и мы поставили палатку прямо на стоянке автомобилей у частного отеля. Это была наша первая ночь в Мозамбике!

23.11.2008. Из Келимане мы поехали вдоль Индийского океана. Днем мы много передвигались, переезжая из города в город, останавливались на ночлег. Так продолжалось несколько дней. Правда, мы все равно успевали посмотреть окрестности и искупаться. Затем мы достигли городка, который находится на реке Замбези. Оказалось, в реке купаться нельзя, потому что там водятся крокодилы. Через реку строился большой мост. Когда мы переправлялись на пароме, то встретили мужчину, который учился на Кубе. Он привез нас в город, в гостиницу, и рассказал, что здесь живет врач Нина Николаевна. Но было уже поздно. Мы стали готовиться ко сну. Поставили палатки, искупались. И тут приехала сама Нина Николаевна. Она пригласила нас на следующий день к себе.

24.11.2008. Утром наш знакомый отвез нас к Нине Николаевне в медпункт. Там мы разговаривали и смотрели фотографии. Она дала нам с собой таблетки от малярии и воду. Потом мы сидели у

нее дома и пили чай с печеньем, а затем купались в бассейне для строителей. В ресторане для рабочих мы заказали обед. Пока папа с мамой разговаривали с новой знакомой, мы с Сашей успели сыграть в шашки, шахматы и бильярд. Нина Николаевна живет уже 20 лет в Африке и много лет проработала в больнице.

27.11.2008. Мама с папой нашли дом в Инхасоро, в котором мы могли остановиться. Дом принадлежал одной семье. Он был сделан из соломы. Поставив рюкзаки, мы пошли на берег океана. Был очень большой отлив, и мы строили домики и башни. Пришел мальчик. Он сначала смотрел, а потом начал с нами строить. Папа с мамой гуляли. Когда они вернулись, то сказали, что рыбаки как раз вытаскивают сети, и мы можем пойти посмотреть. Рыбаки были далеко, и мы всю дорогу бежали. Но потом вдруг увидели крабов и стали их собирать в Сашину футболку. Скоро их было так много, что они уже оттуда выпрыгивали. В общем, увлеклись. Когда мы дошли, рыбаков уже не было. А когда возвратились, наши вещи кто-то забрал. Мы так испугались! Тогда я пошла к дому и увидела на веранде все вещи. Потом мы сидели и наблюдали за крабами, которых положили в кастрюлю. А мальчик лег и незаметно уснул. Мы отпустили крабов и пошли купаться. Тут папа позвал нас. Дома нас ругали за то, что мы слишком долго были на пляже. Мы с Пашей сходили на базар за продуктами, а потом я с папиной помощью варила суп. Весь вечер нам пришлось делать уроки.

28.11.2008. Сегодня снова купались и строили дом. Мальчик тоже был с нами. В самую жару мы сидели под крышей в тени и делали уроки. После полудня опять купались. Отлива не было. Мы прыгали на волнах. Когда накатывала самая большая, то мы подскакивали, высоко поджав ноги. Получалось, как будто мы скользим по волне.

На острове Базаруто

30.11.2008. Когда я проснулась, все сидели на пляже, а папа встал в 5 часов утра и пошел фотографировать. Саша сооружал крепость на песке. Потом Паша и я присоединились к нему и построили большой город, окруженный большой стеной. Город мы называли Вавилоном, потому что еще в Месопотамии был такой город. Его

стены были похожи на наши, а между стеной и городом мы оставили место для посева хлеба, если будет голод. К сожалению, город мы не закончили и пошли собирать рюкзаки. Затем сварили и съели супчик. Вскоре мы были уже в дороге к дюнам. Стало жарко, но, к счастью, на небе образовались тучки. Мы хотели подняться на дюну, чтобы увидеть вторую сторону острова. Лезть наверх было очень трудно: сыпался горячий и мягкий песок, так что я все проваливалась и скользила назад, а в ботинки его набивалось столько, что пяткам становилось больно. Песок был почти белого цвета. От него впереди все блестело и только внизу виднелось немного кустарника. От этого и глазам делалось больно. Наверху мы увидели другой берег острова, а море — синее-синее. Спустились быстро. Песок под ногами тек и выглядел, как льющаяся манная каша, как заметил Паша. Мы шли по тропинке, а вокруг росли странная трава и коричневые колосья. Нам пришлось немного пробираться через кусты. Папа шел впереди. Вдруг женщина, увидавшая папу, идущего через кусты, выскочила и побежала от дома. Папа попытался сказать им, что мы семья и ничего им не сделаем плохого. Когда мы с мамой тоже вышли из кустов, мальчик побежал к своей маме и, взяв за руку, повел ее к дому. Мы подумали, что раз они так убегают, то, наверное, их тут обижают.

Искупавшись в море, мы выпили четыре кастрюли чая! Лодка должна была vyplыть в три часа, но отчалили мы только в четыре. Мы ждали отправления под пальмой в тени. А Саша с Пашей ловили крабов. Ветер был прекрасный, он дул нам прямо в парус. На фелюге плыли только мы и моряки. Волна была такая сильная, что несколько раз заливалась в лодку, мне показалось, что чуть не прихлопнула, и очень скоро нас укачало. Доплыли мы быстро. Нас всех, кроме папы, моряки снесли на руках на берег, потому что лодка не могла причалить к берегу из-за шторма.

01.12.2008. Утром мы поехали в городок Машише. Добирались целый день. В городе нам люди помогли найти кемпинг.

02.12.2008. Сегодня ходили по городу и пытались поменять деньги, а потом поехали в Шаи-Шаи. По дороге познакомились с одним мужчиной. Он повез нас в свою мастерскую. Там было очень шумно. Рабочие делали из дерева доски и потом мебель. Еще они строят деревянные дома. Все это показалось мне очень

интересным. К сожалению, нам надо было ехать дальше. Дядя привез нас в кемпинг. Уже издалека мы заметили большие волны. Побросав вещи, мы пошли купаться. Таких волн я еще в жизни не видела. Они были чуть ли не четыре метра высотой! Зайти поплавать мы не могли. Мы прыгали на берегу через волны. Но и тут было опасно. Волна била настолько сильно, что я падала на песок и меня немного несло в море! Папа все время смотрел за нами. Потом он сам пошел в воду. И один раз волна была такая большая, что папу тоже закружило в воде. После этого он больше не ходил купаться. Мне ужасно понравилось!!!

03.12.2008. Утром мы снова купались. Даже мама. Волны были уже не такие огромные. Но папа сказал, что нам нужно спешить в Мапуто (столица).

04.12.2008. После завтрака мы учились, пока родители ходили в город по делам. Потом мама показывала нам большой центр магазинов в Мапуто, где мы купили немного сладостей ко Дню Святого Николая (немецкий праздник). А потом мы купили очень вкусное мороженое и гуляли по городу. В гостинице был бесплатный интернет. Когда мы вернулись с прогулки, то долго звонили знакомым и бабушке через интернет по скайпу, так что мне показалось, что люди на нас уже странно посматривали.

Саша

После реки Замбези мы поехали в рыбацкую деревню на море, где жили три дня. На четвертый день мы поплыли на Базаруто на фелюге. Мы плыли целых восемь часов. Там мы ходили по песчаным барханам, очень много купались. Барханы выглядели как манная каша, о которой мечтает Паша. Мы с Пашей катались по ним, потом ловили крабов и даже хотели их сварить, но не знали как. Так и не сварили и уехали. Дул хороший ветер, так что мы плыли на фелюге всего 2,5 часа, и нас очень качало и тошнило, зато были большие волны. Мы их боялись, но матросы не принимали это за шторм. Ветер дул прямо в паруса, и мне казалось, что лодку зальет волнами.

На следующий день мы поехали в Шаи-Шаи и купались там на высоких волнах. Потом мы поехали в Мапуто и, прожив в гостинице два дня, отправились в Йоханнесбург.

ЮАР (транзитом)

Площадь — 1220 тыс. км²

Население — 52 млн чел.

Самая индустриальная страна в Африке

Владимир

Южно-Африканская республика (ЮАР) не была в наших путешествующих планах. Но нам необходимо пробираться из Мапуту (Мозамбик) в Намибию, т. е. через ЮАР и Ботсвану. Самолет из Мозамбика в Ботсвану стоит в лучшем случае 400 долларов; на семью из пятерых это две тысячи. На автобусе до Габороне ехать почти 1000 километров, но нужно обязательно останавливаться в Йоханнесбурге. А это уже путешествие по ЮАР. Между Преторией и Йоханнесбургом пять лет назад построили православный храм. Мы имели рекомендацию от замечательного и близкого нам человека к настоятелю церкви. Но за отсутствием связи и по незнанию дня прибытия не смогли его вовремя предупредить о своем приезде. Отец Иоанн (довольно молодой человек) собирался с семьей уезжать завтра в отпуск, а сегодня, заселив нас в квартиру, пригласил еще на ужин в ресторанчик, чтобы заодно и познакомиться. За ужином я благодарил его за возможность отмыться, постираться, выспаться и рассмешил гостеприимную семью тем, что мы в ЮАР проездом. В оправдание можно было сказать, что это вторая поездка по стране, а сейчас нас ждет Ботсвана.

В 2000 году на машине, взятой в прокат, мы с приятелем проехали около 3000 километров из Йоханнесбурга в Кейптаун. Природа ЮАР уникальна, но нас больше потрясла расовая враждебность в стране. В Африке много недугов, но в ЮАР особенно

разнузданный бандитизм, притом с расистской окраской. Путешествовал я не впервые по Африке, но худшего не видел. На улицах днем с огнем не встретить белокожих людей. Они появляются только там, где стоит охрана автоматчиков, или мчатся в автомобилях с тонированными окнами. Машина заезжает на территорию супермаркета за бетонный забор, и белый мистер, чувствуя себя в безопасности, совершает нужные ему покупки. Домой он едет, направляя внимание на перекрестках, и на всякий случай кладет в ближний карман 10 долларов. Дежурная сумма нужна как откуп от разбойников; дорожке встанет разбитое стекло, если преступников не уважить. Дома хозяина встречает охрана, и он въезжает во двор с забором под электронапряжением. Прогулки для него возможны только на охраняемых территориях. Пляжи, курорты, места отдыха, а также офисы представляют собой охраняемые резервации с вооруженной до зубов полицией. К обыкновенной заправке приставлены два-три автоматчика в касках и бронежилетах. Традицией богачей стали отпуска где угодно, но только не у себя дома. Состоятельные люди ЮАР любят путешествовать на автомобилях или охотиться в Намибии, Ботсване, Мозамбике, а то и дальше. Жизнь в золотой клетке для белых, которые почти все были богатыми, меняется сегодня не в их пользу. Обогащаются теперь и некоторые черные. Апартеид сменился торжеством демократии, и даже избираются темнокожие президенты, но криминал по-прежнему, если не больше, торжествует, к тому же сохраняется пропасть социального напряжения. Идеологи «демократического» режима (в их составе и белые, и черные) переводят гнев социального напряжения в народе на расистскую почву: лучше пусть черные ненавидят белых (или наоборот), чем бедные увидят причину своих бед в эксплуатации богатыми. Расизм не унимается, он жестоко взаимный, хотя его волна откатилась с темнокожих на светлокожих. Белое население покидает страну и значительно уменьшается. Но от криминала страдают все, независимо от цвета кожи. Удивительное дело, об этом не вопиют журналисты не только своей страны, но и других демократических стран. Намеки бывают, но нешумные. Наоборот, журналы рекламируют пляжи и на все лады заывают путешествовать. И турист по наивности раз — и оказывается в ЮАР. Те, кто хотят посмотреть страну не только на охраняемых пляжах,

очень удивляются. Ожидали увидеть цивилизованное государство, а тут столько ненависти и нищеты. Да что там туристы, ведь немало людей туда иммигрировали. Русскоязычных, например, в ЮАР недавно было более 5 тысяч человек.

Визу для первой поездки в ЮАР я получал в Берлине по российскому паспорту. С нашим паспортом хлопотать визы в богатые страны всегда унизительно. ЮАР, наверное, тоже мнит себя богатым государством и любит бюрократические козни. Я собрал десяток справок, написал кучу разъяснительных писем по-английски и на купленные заранее билеты (это обязательное условие) получил визу, но документы до меня по почте из Берлина в Гамбург не дошли. Что делать? Пропадают билеты, нужно было что-то предпринять... За день до вылета я показал удивленному консулу новый паспорт, и ему ничего не оставалось, как вежливо наклеить в него визу. Утерянный паспорт нашелся на почте ровно через три дня после отправления самолета по моему билету. Но все же со второй визой во втором паспорте я вылетел в Йоханнесбург вовремя. До сих пор у меня осталось подозрение, что это была посольская шутка. На этот раз мы въезжали в страну с немецкими паспортами, и все было солидно, а также бесплатно. Страны, наверное, дружат между собой.

Из Мапуту (Мозамбик) в Йоханнесбург курсируют комфортабельные автобусы, и цена на них, соответственно, дорогая. Простонародье ездит вдвое дешевле на микроавтобусах, которые не сказать, чтобы особенно неудобные. Ну, нет телевизора, так это же благо: не показывают мордобои и выспаться можно. Наш автобусик катил мимо национального парка Крюгера, и пассажиры восхищались красотой ландшафтов, ухоженностью дорог и нежаркой погодой. Горы и поля сменились небольшими городками. Далее плотность населения увеличивается. Йоханнесбург, Претория и окрестные пригороды составляют более чем десятиmillionную агломерацию. Задолго до станции прибытия начинаются пробки. Небоскребы на горизонте и трущобы по обочинам сверхскоростной трассы приглашают лицезреть контрасты крупнейшего города. Йоханнесбург, выросший на золотой лихорадке с мрачными традициями апартеида, наваливается нищетой и криминалом на въезжающих. Около светофоров огромные официальные дорожные надписи осведомляют всех находящихся в автомобильном потоке

о том, что тот или иной перекресток является местом повышенной опасности в смысле возможности ограбления бандитами. Грабят на перекрестках с надписями, как правило, белых. Власти не охраняют, а пишут предостерегающие таблички и заодно подсказывают бандитам, в каких местах лучше грабить. Очевидно, в этом тоже отражается торжество народившейся демократии, при которой полиция легко расправляется с демонстрациями рабочих, но не может побороть бандитов.

Подъезжая к суетливому огромному автовокзалу, женщины стали прикрывать и прятать нас и особенно наших детей от глаз шныряющей шпаны. Мы были единственными бледнолицыми в салоне, и нас защищали чернокожие африканцы. Гнилая политика, развязывающая криминалу руки и разжигающая любой вид национализма, далеко не всех лишает рассудка. Большинство людей в любой стране остаются интернационалистами, если не сознательно, то по чувству. Но сознанием, как известно, манипулируют. Многие белые до сих пор считают, что при апартеиде было меньше криминала. Меньше для белых, но это не значит, что он не касался угнетенной народной массы, которую представляет большинство чернокожих африканцев. Белый или черный расизм по своей сути одинаковы, но форма его сегодня укладывается в рамки мировой псевдемократии и позволяет империализму, прежде всего американскому, проводить свою политику для богатых черных в рамках интересов мировых воротил. Социальный конфликт развивается не только между нищими и собственниками, но и внутри богатого слоя, поделившись по историческому противоречию между белыми завоевателями и коренным черным населением. В крайней бедности, превышающей даже африканские мерки, живет большая часть людей в стране. Нищета плодила и будет плодить криминал. Нищета сама по себе — криминал власти по отношению к народу, собственников — к неимущим.

Государство, как известно, всегда борется с криминалом, но в действительности оно чаще с ним дружит. Бандиты нужны правительству как дополнительный рычаг силового давления на народ там, где не срабатывает узаконенное давление. На криминал списываются политические убийства государственной верхушки и все прочие оплошности неаккуратной политики, которые нельзя утаить

от народа. Если бандиты зазнаются, правительство ставит их на место вооруженной до зубов полицией и напоминает, кто в доме хозяин. Криминал во многих государствах — это дополнительный институт управления народом или поддержания страха в народе, своего рода министерство с чиновниками, но только вне закона. Мафия существует благодаря тому, что она делится своими прибылями с верхушкой госаппарата, а террористы используются для внешнеполитических провокаций и против протестных выступлений людей. В ЮАР бандитизм на руку всем воротилам транспортных компаний и гостиничных комплексов: благодаря криминалу можно немало увеличивать цены на услуги.

Далее из Йоханнесбурга в Габороне (Ботсвана) мы не отважились ехать в микроавтобусе и втридорога взяли билеты на фирменный автобус. На фирменные автобусы бандиты не нападают, несмотря на то что люди в них ездят без охраны. В салоне все было чинно: кондиционер, телевизор (одурачивающий сервис) и надрессированно улыбающийся кондуктор, а также солидные пассажиры. Билеты мы заказывали по телефону, а деньги за них у нас сняли по кредитной карточке. Все цивилизованно, но дорого, как все у монополистов. Почему бандиты нападают на народные автобусы и грабят их пассажиров, но не трогают фирменных клиентов, которые побогаче? Владельцы крупных компаний сидят так высоко и располагают такими деньгами, что бандиты, какими бы неуловимыми они ни слыли, господ безнаказанно коснуться не могут.

В VIP-автобусе меня не оставляла мысль, почему одна из самых криминальных стран мира, большая половина населения которой живет в глубочайшей нищете, умеет успешно презентировать себя как процветающая республика? Этим вопросом задаются здесь многие туристы. Наверное, потому что ЮАР — индустриальная страна, и денежки на рекламу туризма для благополучных граждан из других государств имеются. Реклама с особенно изощренным мастерством умеет проникать в человеческие мозги. Но вероятнее всего, имидж ЮАР держится на высоте из-за долгой дружбы с США, независимо от сменяющихся режимов (апартеид или демократия). При помощи США и ЮАР во всей южной Африке (Мозамбик, Зимбабве, Замбия, Ботсвана, Намибия, Ангола) создавались противоборствующие национально-освободительному движению

и самостоятельному развитию государств политические партии, развязывающие гражданские войны на протяжении более чем полувека. Партии ФРЕЛИМО, например, противопоставлялась РЕНАМО, партии МПЛА противопоставлялась УНИТА и т. д. и т. п. История этой «дружбы», т. е. история массового уничтожения африканцев, еще не написана, а ее многочисленные факты трактуются в основном фальшиво. Государство, перманентно страдающее расизмом, используется США — главным империалистом мира — как клин в Африку, такой же клин, каковым является израильское государство в арабский мир.

То, что происходит сегодня в Украине и вокруг нее, давно отработано империалистами на всех африканских странах. Жертвы на далеком континенте были гораздо большими, но война в Украине, как и в Югославии, показывает Европе, что империализму уже тесно в Африке или в других странах третьего мира, и под носом нависает угроза третьей мировой. Жители Европы в этой связи стали больше замечать войны на других континентах. Все эти войны спланированы и увязаны в один общий ком негодяйской политики олигархов, будь они украинские, российские, американские, европейские или африканские. Идеологи государств, чтобы спрятать истинные цели войны, проповедуют патриотизм, на котором верховные маньяки сталкивают между собой народы. Обыватель часто твердит, что он политикой не интересуется. Зато политики интересуются им. Он и электорат для фальшивых выборов, и обремененный налогоплательщик, и, в первую очередь, объект эксплуатации, наемный раб, которого можно выкинуть при ненужности как безработного. Люди смущаются войной в основном платонически. Но это может происходить до тех пор, пока события не коснутся шкуры каждого. Не замечать африканских войн сегодня (как и во всех прочих далеких странах) значит дожидаться их у себя дома: за послушное, добропорядочное мещанское молчание человечество уже поплатилось мировыми войнами.

Елена

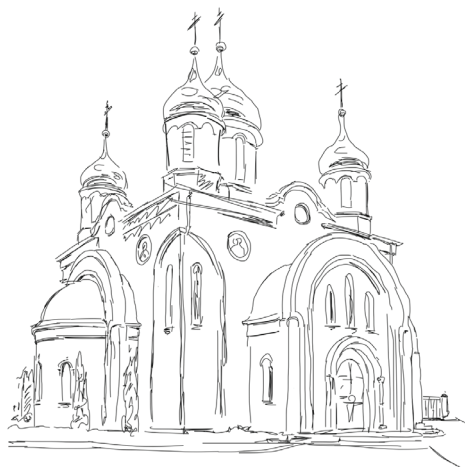
Рано утром решили ехать в ЮАР, в Йоханнесбург. Туда из Мапуту возят пассажиров несколько автобусных фирм. Когда мы узнавали, как добраться, нам подсказали, где формируются маршрутки, цена на проезд которых в два-три раза меньше, чем у фирменных автобусов. Этот транспорт отправляется по мере заполнения. Ждать нужно не более часа. У маршрутки есть прицеп для багажа. В общем, по сравнению с нашим африканским автостопом на грузовиках и машинах с курами и козами ехали в этот раз с комфортом. Кажется, с этого места всерьез началась цивилизация.

До границы добрались всего за какой-нибудь час. Наши попутчики уже перед границей стали предупреждать нас, что, как только мы пересечем ее, станет очень опасно, и мы должны следить за рюкзаками и карманами. Они проводили нас от места паспортного контроля к автобусу. Граница сразу напомнила нам правильную Европу: все четко контролируется и заносится в компьютер. Дорога пошла гладкая, европейского качества. Мы ехали вдоль заповедника Крюгера и любовались ландшафтами. Красные скалы, поросшие лесом, выглядели очень живописно. Ухоженные поля и сады радовали глаз. Казалось, мы снова в цивилизации.

По приезде на автобусный вокзал Йоханнесбурга наши спутники, беспокоясь о нас, подробно расспросили, куда мы направляемся. Мы хотели пересечь на рейсовый транспорт до Мидранда, но уже смеркалось и шел дождь. Все подавали нам предупреждающие знаки и говорили, чтобы мы поскорее ретировались с этого вокзала, потому что мы белые, на нас нападут и обязательно ограбят. Попутчики быстро сами нашли нам такси и погрузили нас в него. Таксист, хоть и черный, тоже боялся и, даже не торгуясь, скинул нам цену до минимума. Одна из наших спутниц предложила проводить нас до места, но мы отказались. Забота была очень трогательна, но то, насколько сами же черные африканцы боялись за нас, ошарашивало. Мы быстро уехали с автовокзала.

По рекомендации из Гамбурга мы связались с отцом Иоанном — настоятелем русской православной церкви под Йоханнесбургом. Отец Иоанн, хоть и был занят и собирался уезжать, принял нас очень тепло. Всего пять лет назад построена добротная церковь: белые стены, золотые купола, колокольня; в саду посажены березки.

Нас поселили в квартире, относящейся к приходскому центру. Сам центр тоже дышит теплом и уютом. Большие светлые помещения. Даже неверующие люди бывают здесь с удовольствием. По воскресеньям после службы многие собираются, общаются, пьют чай, берут в библиотеке книги, дети занимаются в кружках, учатся в воскресной приходской школе. Матушка Елена собирает молодых мам с детьми. Словом, центр живет и объединяет людей. В воскресенье удалось пообщаться и нам, когда все собрались за чаем. Мы познакомились с некоторыми людьми и расспросили о здешней жизни.

О ЮАР в России часто говорят как о хорошей, богатой стране. Многие мечтали сюда эмигрировать. Но пока сам не побываешь в этих местах, трудно представить здешнюю жизнь. В 1994 году официально закончились времена апартеида и был избран черный президент. Но ничего в стране не поменялось. Атмосфера бандитская. Криминал, который касался раньше черного населения, перекинулся на белое. Белые вообще по улицам пешком не передвигаются, кругом можно видеть только чернокожих людей. Едешь на машине, и нельзя выйти погулять... Странное чувство. Белые и черные друг друга не любят, презирают, ненавидят. Работающие при церкви (черные) сторонились нас. Белые боятся темнокожих

людей. Все дома имеют решетки и заборы с проволокой, по которой пропущено электричество. Передвижение для белокожих возможно только на машинах, даже если нужно перейти в дом через дорогу. Вокруг церкви тоже поставлен забор, есть охрана. Мы не имели машины и неделю провели на территории церкви. Нам категорически было запрещено выходить за ворота. Уставшие с дороги, мы были рады кратковременному заточению, тем более что все необходимое было доступно: от прекрасных жилищных условий до телефона, интернета, садика для прогулок и даже детской площадки. Здесь же отметили Пашин День рождения: ему исполнилось 15 лет.

Белые и между собой общаются редко. Лишь иногда ездят друг к другу в гости. Если в семье одна машина и жена не работает, она вынуждена до возвращения мужа сидеть дома. Есть большие центры-магазины, где люди покупают продукты, вещи и проводят свободное время. И постоянно находятся в страхе... Рассказывают истории о том, как кого-то ограбили или залезли в дом, выбили стекло в машине и что-то забрали. Богатая и ничтожная страна. Магазины полны, как в Европе, и много нищих на улицах. Есть театры и парки, но присутствует бандитская обстановка. Существуют бесплатные муниципальные больницы и школы, но все ли имеют туда доступ? Чувствуется хороший экономический базис. И все же жить здесь, находиться в вечной атмосфере ненависти и страха — какое-то наказание и для белых, и для черных. В душах людей чувствуется надлом из-за окружающего бандитизма. Многие белые уже покинули ЮАР. Государственные учреждения охотнее принимают на работу черных независимо от квалификации. Что это? Ответный расизм?

Белые боятся уезжать в отпуск, потому что, несмотря на сигнализации и охрану, дома грабят. Особенно велик всплеск ограблений перед Рождеством. Это называется «бедные делают себе подарки». Говорят, полиция даже всерьез не рассматривает предрождественские заявления потерпевших.

10.12.2008. Билеты из ЮАР в столицу Ботсваны Габороне мы купили по кредитной карте по телефону прямо из приходского центра. Фирма «Интеркейп» обслуживает все страны Южной Африки. Билеты значительно дороже, чем на обычные автобусы. Наши стоили около 30 долларов на человека. Искать микроавтобусы

по Йоханнесбургу с детьми и рюкзаками мы не рискнули. Фирменные автобусы были комфортабельными — с кондиционером, напитками и туалетом. Доехали очень быстро. Границу пересекли с радостью. Как-то неприятно чувствовать себя объектом ненависти, даже находясь за забором.

Паша

Папа нашел микроавтобусы, которые идут в Йоханнесбург. Они были дешевле, чем фирменные. На них не надо покупать билеты заранее. Маршрутки уезжают, как только заполнятся людьми. Утром папа разменял деньги на юаровские, и мы сели на такой микроавтобус. Ждать пришлось необычно мало. Мапуто находится недалеко от границы ЮАР. Виза немцам в ЮАР не нужна. На границе женщина из автобуса ждала нас и предупреждала, что много воруют. Дорога шла через национальный парк Крюгера. Он показался мне красивым. Гранитные глыбы выступали сквозь зелень. Немного похоже на район немецкого Гарца. Только все надо представлять намного светлее, потому что в Германии очень мало солнца, особенно в мае, как раз когда у нас поход. Много полей с простой травой. Я очень соскучился по мягкой траве и с удовольствием походил бы по ней босиком. Везде, где мы до этого ехали, было очень сухо; вся растительность выжжена солнцем. Нельзя пройти босиком по танзанийской саванне хотя бы 100 метров — вся нога будет утыкана колючками. Даже масаи, которые там живут, ходят в самодельных толстых сандалиях, сделанных из автомобильных шин. Потом пошли поля с теплицами, всюду попадались фабрики для обработки зерна. Все выглядело так же, как в Европе. Коровы паслись на лугах большими стадами, а не по одной, и не лазили по помойкам. Они не могли выйти на дорогу, потому что их не пускали заборы, отделяющие луга от дорог. В ЮАР существуют даже пробки на автомагистралях, так как есть большой слой богатых людей, имеющих машину. Это одна из самых производительных стран Африки.

Когда мы приехали на автовокзал Йоханнесбурга, наши попутчики за руку вывели нас из автобуса, повели к такси и предложили проводить до самого дома, так они за нас боялись. Но мы решили, что и сами доедем. Нам надо было добраться до городка Мидранд,

находящегося между Йоханнесбургом и столицей Преторией. По дороге таксист рассказал нам, что автостанция — очень опасное место и что пару часов назад там кому-то грозили пистолетом и ограбили.

Мы приехали к русской православной церкви. Построена она, как в России. Только вокруг нее сделан высокий железный забор, обтянутый электрической проволокой. Священник этой церкви был другом нашего знакомого священника в Гамбурге, поэтому мы так запросто приехали к ним. Нас встретили очень дружелюбно, заселили в квартиру (очень хорошую, со всеми условиями). Потом показали, как работает сигнализация. При малейшем подозрении мы должны набрать номер 46, чтобы приехала полиция. Затем они отвезли нас в супермаркет. Магазин был огромный и назывался Spar. Несколько лет назад сеть этих магазинов существовала в Германии почти в каждом районе. Мы набрали много продуктов, потому что собирались задержаться на несколько дней. Я наконец-то нашел манную кашу и взял 5 литров молока (мы их за два дня выпили). Мы набрали много продуктов, а матушка вдруг взяла и заплатила. Мы были этим поражены. Из магазина нас повезли в ресторан.

Я раньше думал, что самые сумасшедшие страны — это США и Россия (точнее, Москва). А сейчас думаю, что это ЮАР. Нам много чего страшного рассказали за время пребывания в храме. Например, у кого-то разбили стекло в машине, схватили с колен торт и убежали. Почти у всех в машинах специальные небьющиеся стекла. Говорят, что здесь белых часто несправедливо засуживают. Как-то раз на семью белых напали и убили жену и детей. Мужчина, защищаясь пистолетом, убил одного бандита (это нормально в ЮАР — иметь на всякий случай пистолет с собой). А его взяли и посадили. Когда мы уезжали из страны, то на перекрестке висела табличка: Criminal hot spot, и нигде не было видно полиции.

То, что нам невозможно было выходить за ворота, нас не очень огорчало. Мы так наездили, что отдыхали и радовались. В квартире был даже интернет. Здесь я отметил День рождения. Мы ели торт и манную кашу. Потом я позвонил своему другу. Мы прожили при храме неделю. Я мог много заниматься на гитаре. На территории, принадлежащей храму, даже березы растут. В Африке это как-то необычно и очень красиво.

Даша

05.11.2008. Сегодня мы покидаем хорошую страну Мозамбик и едем в бандитскую страну ЮАР. Мы сели в автобус и доехали до границы. В машине была одна женщина, которая нам помогала. Она говорила, что в ЮАР очень много крадут. К вечеру мы въехали в Йоханнесбург. Начался сильный ливень. Машина долго стояла в пробке. Когда мы приехали, женщина первой вышла из машины и смотрела, как мы брали вещи. Потом посадила нас в такси. Сначала она хотела поехать с нами. Мы отговорили ее и сами доехали до церкви в следующем поселке. Когда мы въехали в ворота, батюшка встречал нас со своей женой и сыночком. Они показали нам квартиру и запретили выходить за ворота без машины.

Все вместе мы поехали в магазин. На кассе матушка неожиданно заплатила за наши продукты. Мама хотела дать деньги, но та не взяла. Потом нас пригласили в ресторан. Мама напомнила нам на входе, что надо есть аккуратно, потому что мы уже одичали и немного разучились себя вести. Всех детей повели в пекарню, где стоял стол и большая печка. Нам дали раскатанное тесто. Мы положили на него разные специи. Работник отправил пиццы в печь. Когда все было готово, мы пошли ужинать за стол. Пицца была очень вкусная!!! Затем мы с Настей и Аленой (дочерьями батюшки) играли на детской площадке. Я разговаривала с Аленой (8 лет), а Настя слушала. Ей всего 5 лет. А маленькому Сережке было только 2 года.

06.12.2008. Когда я проснулась, то побежала к Паше, чтобы поздравить его с Днем рождения. Мне не верилось, что ему уже 15 лет! Мама еще спала, а папа занимался фотографиями. Мы взяли карту и смотрели нитку нашего маршрута. Тут в окне появилась Алена. Она зашла, поздравила Пашу, а потом мы играли с ее хомьями. Но, к сожалению, ее позвали, и она скоро уехала. Когда я зашла в комнату, там пахло кашей. Это Паша варил манную кашу, о которой все три месяца очень мечтал. Еще к нам заходила женщина с мужем. Пока папа с мамой с ними разговаривали, мы съели всю кашу. Когда мы накрыли стол к чаю, то позвали гостей. На стол поставили торт и сунули туда 15 свечек. Закрыли все занавески и зажгли свечи. Паша дул долго, потому что свечки сами по себе снова загорались. Торт оказался очень вкусным!

Затем дядя показывал нам фотографии и альбомы, которые он сделал сам. Потом мы смотрели приходской центр. До обеда мы учились. А потом Паша приготовил вкусный супчик. Мама весь день печатала тексты наших дневников на компьютере.

07.12.2008. Сегодня в 10 часов утра в церкви пели молитву, а потом все собрались и пили чай. Мы ходили внутрь церкви, а потом в библиотеку. Это была маленькая комната, заставленная шкафами с книгами и фильмами. Там было много детских книг. Мама поменяла наши прочитанные книги на другие учебники по русской литературе. Потом все снова пили чай, а я ушла делать уроки.

Вечером Паша приготовил блины. Мы пригласили Настю, Сережу, их бабушку и нашу новую знакомую с мужем (они принесли арбуз). Мы пели песни, и они были очень рады.

08.12.2008. Сегодня вечером мы звонили по скайпу бабушке и друзьям. Это было очень здорово! Паша с Сашей пошли спать, а я не хотела. Я нашла и читала новую книгу, а потом печатала на компьютере дневник. ЮАР долгое время держала под своей властью много африканских стран. Многие страны только недавно избавились от этой зависимости. А некоторые до сих пор связаны с ЮАР. Белым людям живется здесь очень плохо. Я думаю, это из-за того, что белые когда-то давили черных рабством. А сейчас черные отвечают белым. Многие белые уже уехали из страны. Здесь так страшно, что тебя могут убить из-за одного кусочка торта и т. п. Люди боятся уезжать в отпуск, потому что в это время грабят их дома. Хотя все дома огорожены заборами с проволокой, на окнах и дверях решетки и сигнализация. Все равно дома обирают, и ничего не помогает. Полиция здесь работает плохо. Часто нападают на женщину, а если она одна за рулем, ее могут преследовать. Вот такие дела сейчас в ЮАР.

Саша

Когда мы ехали в ЮАР, в Йоханнесбург, то видели красивые горы и хорошие, ровные дороги. В пути не трясло и мне не становилось плохо, но я должен был все время решать математику. Когда мы приехали, наши рюкзаки были мокрые от дождя, как тряпки. Но это было нестрашно, так как нас поселили в очень хорошей квартире. Здесь был даже бассейн. Мне понравились красивая церковь и картины. Вечером мы купили много продуктов и торт. Утром Паша сварил манную кашу. У нас была стиральная машинка, и мы могли постирать все вещи. А торт был приготовлен для Паши. Мы поставили 15 свечей, потому что ему исполнилось 15 лет.

Все дни я учил уроки — гитару, русский, немецкий, чтение. И так каждый день. Затем мы поехали в Габороне, в Ботсвану. Автобус, на котором мы ехали, был очень большой, удобный и с кондиционером. Из окна я любовался живописными горами и очень хотел нарисовать их.

Ботсвана

Площадь — 582 тыс. км²

Население — 2 млн чел.

Володя

Из Габороне в Намибию через всю Калахари (около 1000 километров) тянется грунтовая, в основном однообразная дорога. Но можно сделать большую петлю по асфальту на север и... доехать до водопада Виктория в Замбии. Когда я сказал об этом своим, то нарвался на поговорку «Бешеной собаке семь верст не крюк». Однако все аргументы были за меня. Во-первых, скорость по асфальту как минимум в два раза выше, чем по грунтовке. Во-вторых, в Замбию у нас имелась виза, полученная еще в Танзании, — не пропадать же добру. А главное, увидим великий водопад, можно сказать, символ Африки. Кроме того, я как раз не был прежде в восточной Ботсване и в «кармане» Каприви в Намибии. По-хорошему, доехав из Габороне до Францисктауна, лучше направиться в Зимбабве на Булавайо, а оттуда — на водопад Виктория. Со стороны Зимбабве водопад обзревается намного величественней. Но холера, виза (тоже как холера), политический кризис отправляли нас по Ботсване на северо-запад. Туристы в Ботсване стремятся посетить национальный парк в дельте Окованго. В этом большой резон: в нем удивительно много животных. Но он очень дорогой по сервису, и я уже упоминал про Этошу в Намибии, который был в наших планах и находится, кстати, на одной широте с Окованго. Из Францисктауна мы направились в поселок Ната, затем в деревню Гвета, а оттуда на солончаки Магадигади.

Этнический состав Ботсваны многообразен. Как в каждой африканской стране, здесь проживают различные народности (бушмены, готтентоты, тсвана, гереро, коса, шона, педи, суто), но большинство людей отличаются от жителей соседних стран антропологически. Они несколько светлее, ниже ростом и своеобразны чертами лица. Если сказать в общем, ощущается другой расовый тип людей, где, безусловно, смешаны койсанские и бантуязычные народы. Мы уже проехали тысячи километров, Ботсвана — девятая страна нашего путешествия, и ребята замечали, что африканцы выглядят очень по-разному. У нас с собой была хорошая карта расселения этнических групп по континенту, и мы ее часто разглядывали. Можно попробовать классифицировать жителей всей Африки в самой популярной форме по расовым, антропологическим и языковым группам.

Народы Африки

Африканский континент населяют тысячи племен и народностей. Составлены довольно подробные карты их расселения, изучаются и сравниваются языки; этнографами написано много книг о быте, нравах и обычаях африканских племен, но калейдоскоп народов на континенте все же во многом остается неизученным. Нет точной классификации языков; тем более не исследовано историческое формирование этносов. Прежде всего, нужно выделить два крупнейших этнических образования в Африке: арабо-берберы и бантуязычные народы. Если сравнивать известную нам индоевропейскую семью, то ясно, что разница между германцами, славянами, иранцами и индийцами колоссальная, особенно если сопоставлять языки. Такая же примерно разница существует между народами банту, принадлежащими между тем к одной языковой группе. Южнее Сахары и севернее экватора находится огромная область Судан (не путать с государством Судан). Суданцы, южные сахарцы, нилоты тоже являются большими этническими группами, в каждую из которых входит множество народов, говорящих на разнообразных языках. На юге Африки проживают народы, принадлежащие к койсанской группе, а на Мадагаскаре — индонезийские мальгаши. Большинство негроидных народов говорит на языках банту и суданских. Исторически африканцы знали множество миграций, переселений, где одни

народы теснили другие в далекие края. Племена банту расселились из Конго и Камеруна — от самой влажной части континента — по всей экваториальной Африке и нередко ассимилировали другие племена. Койсанские народы частью растворились среди банту, а частью сохранились на юге континента (бушмены, готтентоты). В древние времена к берберским народам пришли арабы, значительно увеличив население Средиземноморья и Сахары. Столь краткая характеристика народов Африки — всего лишь схема. Она никак не удовлетворит африканиста, занимающегося языками и этносами. Классификации эти условны, границы их приблизительны. Кроме арабского, в Африке южнее Сахары к языкам межнационального общения относятся прежде всего суахили, хуаса, зулу, лингала. Интернациональными языками (колониальными) в Африке являются английский и французский, а также португальский (Мозамбик, Ангола). Суахили — крупнейший язык в неарабской части материка, на нем говорят порядка 60—70 миллионов человек. В Ботсване, а также Намибии и ЮАР у бушменов и готтентотов в языках присутствуют своеобразные щелкающие звуки.

По антропологическим признакам коренное население Африки разделяется на группы, или расы:

Негроидная — преобладающая на континенте.

Эфиопская — сочетающая негроидные и европеоидные черты.

Средиземноморская — европеоидная (арабы, берберы).

Пигмейская — встречается в тропической Африке.

Койсанская — сочетающая негроидные черты с желтой кожей, расселенная на юге.

Классификация рас, или больших этнических групп, — спорный вопрос между учеными. Смешение рас на огромных территориях Африки предполагает большие переселения народов из Евразии на африканский континент в седой древности, а также внутри самого континента. Половину населения всей Африки составляют 10 крупнейших народов: прежде всего арабы, далее хауса, фульбе, йоруба, игбо, амхара, орома, руанда, малагасийцы, зулусы. Как ни странно, об этих народах написано меньше книг (исключение — зулусы), чем о малых, представленных как экзотические.

Алмазные ресурсы

В 120 километрах от Габороне находится городок Джваненг, где добываются алмазы. Ботсвана занимает первое место в мире по добыче этого минерала (далее идут Россия, Канада, ЮАР, Ангола). Но национальные богатства — далеко не всегда благо для нации: за счет добычи сырья обогащается, как правило, лишь верхушка общества. Россия, например, — богатейшая страна мира по сырьевым запасам, и в то же время большая часть ее населения нищая. Правительство Ботсваны не оказалось столь вороватым и основную драгоценную прибыль использует для развития многих отраслей промышленности, инфраструктуры и на социальные программы. В стране широко развивается мелкий бизнес, присутствует средний класс, и по уровню ВВП на душу населения у нее лучшие показатели в Африке. Алмазы Ботсваны не «кровавые», как в Конго, ЦАР (Центрально-Африканская республика) или Анголе, где добывающие корпорации проплачивали гражданские войны. Только 20 % прибыли принадлежит компании «Де Бирс», а 80 % получает государство, которое использовало огромные средства на строительство дорог, больниц, школ и науку. Африканцы многих соседних государств, так называемые «перемещенные лица» из-за социальных катастроф, хотели бы жить в Ботсване. Совершенно естественно, что маленькая страна, расположенная в основном в пустыне Калахари, лучше развивает индустрию и поддерживает экономический уровень всего населения, чем богатейшие, но проворовавшиеся олигархии.

Десять лет назад мы с приятелем заезжали в Ботсвану из Намибии. В городке Ганзи местные мальчишки подсказали нам, где можно поставить палатки. Место оказалось наилучшим. Около обустроенного домика собралась интернациональная компания взрослых и подростков, которые играли, вернее, разучивали какие-то игры бушменов, требующие большой ловкости и очень быстрого бега. Не столько игры, сколько доброжелательность между людьми создавала очень приятную атмосферу. А когда начало вечереть, две взрослые женщины-бушменки репетировали со школьниками танцы, которые сопровождались песнями. Мы будто на фестивале попали. Это были обычные уроки, цель которых — изучать и сохранять игры, песни и танцы бушменов. Интернациональный

проект «Куру» поддерживался правительством страны, и сегодня создана целая школа, своего рода институт традиционной культуры. На это тоже чуть-чуть раскошело государство из средств алмазодобывающей промышленности.

Елена

10.12.2008. Ботсвана меня удивила. На границе строгий контроль, не хуже, чем в ЮАР. Но люди очень приветливы. Здесь нет проблем с криминалом. Мы приехали вечером и пошли по городу в поисках ночлега. Встречные нам лишь улыбались, с удовольствием объясняя дорогу. Незнакомая женщина вдруг оставила свой номер телефона и пригласила на утренний кофе. Забавно! Особенно после ЮАР.

Габороне отстроен в европейском стиле. Цены на гостиницы оказались тоже на высоком уровне. Володя вдруг увидел немецкую реформаторскую церковь и спросил у хозяев о возможности ночлега. Стучите, и вам откроют! Милая африканка, выслушав нашу просьбу, недолго размышляя, открыла нам церковь для ночлега и показала, где душ с туалетом. Мы перекусили и стали петь. В церкви прекрасная акустика.

12.12.2008. Из Габороне мы последовали во Францискаун, так как хотели оттуда добраться до солончаков. Провинциальный город мне показался не хуже столицы. Он находится у самой границы с Зимбабве, которая переживает в настоящее время серьезный кризис. Здесь много беженцев, и считается, что это зона повышенной криминогенной опасности. На автовокзале нам охотно подсказали место ночевки. Комплекс гостиницы-кемпинга Баранг, что в 4 километрах от центра, предлагает ночлег для туристов с большими запросами и для желающих просто остановиться в палатке. Вы можете поселиться в стилизованном деревянном доме за 100 долларов и в соломенном доме на сваях за 70 долларов или стоять в палатке за 5 долларов. Для всех гостей есть волейбольное и футбольное поля, бассейн и другие признаки цивилизации.

В настоящее время Ботсвана переживает экономический подъем. Благодаря правительству, проводящему действительно здоровую социальную политику, страна превратилась в одну из

самых успешно развивающихся стран Африки. Еще в 1970-м Ботсвана входила в число беднейших стран мира. В 1967, 1977 и 1982 годах в стране были открыты месторождения алмазов. Но нефть и алмазы есть и в других странах. Правительство употребило доходы действительно на пользу государству. Были созданы социальные программы по развитию образования, медицинского обслуживания и культуры. В 1966 году, когда страна получила независимость от Великобритании, 85 % населения было неграмотно. В настоящее время введена система всеобщего школьного обучения, и правительство с гордостью упоминает о том, что 30 % общего бюджета страны употребляется на поднятие уровня образования (самый высокий процент в мире). Школьное обучение отличается хорошим качеством, и родители всерьез задумываются о будущем своих детей. Я расспрашивала людей в деревне Ната в местной школе, и мне сказали, что в классах не более 30 детей, учителей хватает, и в школе строгая дисциплина. Учителя являются госслужащими, имеют муниципальное жилье и довольно высокую зарплату. За 40 лет количество грамотных людей выросло с 15 % до 75 %. Все это вызывает глубокое уважение.

Конечно, страна не может существовать только на доходы от добычи алмазов, и по предварительным расчетам эти месторождения должны вскорости истощиться. Но хочется верить, что правительство заботится о своем народе и сможет создать собственную индустрию.

Земля в деревне выделяется общиной каждой семье. Интересно, что все правовые и общественные вопросы решаются общим собранием. Люди гордятся своей страной и чувствуют себя свободно. Среди населения, даже занимающегося торговлей, нет стремления любыми средствами нажиться. Торговцы очень вежливо предлагают товар и отходят, если ты отказываешься. Цены везде примерно одинаковые, и никто не пытается обманывать. Правительство страны поставило задачу сделать туризм одной из основных отраслей дохода. Надо сказать, что это ему неплохо удастся. Отдыхающие здесь юаровцы с удовольствием говорят, что в Ботсване спокойно и аккуратно. Гостиницы все высокого уровня, многие имеют бассейны. Всюду чисто. Уличная торговля практически отсутствует. Вкусную готовую пищу можно купить в столовых, супермаркетах и кафе.

Стоимость примерно 2,5–3 доллара за большую порцию. Готовят очень вкусно. Продавцы работают в белых халатах и шапочках. Гостиницы высокого класса не вынудили нас пойти на лишние траты. Оказалось, что многие дорогие лоджи располагают местом для кемпинга, цена на остановку в котором невысока. Кроме того, мы стали чаще спрашивать у людей о возможности ночлега. В деревне Ната мы ночевали у американского волонтера. Бывший американский полицейский средних лет, завербовавшийся на два года на работу в госпитале и тоскующий по родине, пригласил нас остановиться у него. Мы пели русские песни, которые ему очень понравились, и он даже записал себе на компьютер «Песни нашего века».

Вход в национальные парки Ботсваны дорогой. Тур на сафари стоит около 100 долларов. Частникам свои машины предлагать не разрешается. Государство такую форму заработка запрещает. Даже люди, которые помогали нам остановиться подешевле, просили нас никому об этом не говорить, потому что боялись административных взысканий. Из Ната мы решили доехать еще до одного кемпинга и попробовать оттуда увидеть солончаки.

Мы добрались до кемпинга с интригующим названием «Планета баобабов». У дороги при въезде на старом огромном термитнике была построена планета-шар, на которой изображены три больших баобаба, как в сказке «Маленький принц». На территории кемпинга росло много гигантских баобабов. Он показался нам уютным, и мы задержались здесь. Как выяснилось потом, к солончакам подъехать не было возможности, так как в сезон дождей их заливают водой, и они плохо проходимы.

Проезд по Ботсване на автобусах стоит около 3 долларов за 100 километров. Самыми интересными местами считаются национальные парки на севере страны: в дельте Окованго и в дельте Чобе.

Паша

В ЮАР мы долго не задержались и сразу поехали на дорогом автобусе в Габороне — столицу Ботсваны. Прибыли поздно вечером. Гостиницу искать не стали, а пошли к той, которая указана в путеводителе. Но когда мы подошли к ней, то как-то сразу не нашли вход. А рядом находилась церковь, и мы там поинтересовались

о ночлеге. Дружелюбная тетенька, наверное, сторож,пустила нас, и мы переночевали бесплатно. Так мы совсем приспособились ночевать в церквях.

У папы возник новый план поездки. У нас была виза в Замбию, поставленная еще в Танзании. Но мы теперь не собирались туда, потому что уже проехали на юг через Мозамбик и ЮАР. Однако мы очень быстро пронеслись по странам, так как ехали с нашим неукротимым папой. А папа решил добежать еще до водопада, который находится на границе Замбии и Зимбабве. И там же совсем неподалеку находится граница Ботсваны и Намибии. Итак, папа хотел заехать из Ботсваны в Замбию, а потом уже отправляться в Намибию. Водопад находится совсем рядом с границей. Так мы еще удлиннили наш быстрый путь, хотя очень спешили.

На пути у нас лежал солончак, являющийся одновременно национальным парком. Решили переночевать в придорожном поселке, от которого уходила дорога на запад, к солончаку. Мы высадились из автобуса на заправке и отправились к ближайшему лоджу. Поинтересовались о ночлеге в палатке на их территории. Но буржуй ответил отказом: сдавались только дорогие комнаты. Мы присели у ворот гостиницы, а мама с папой ушли искать ночлег. Но ничего не нашли. Пока бедные дети сидели у ворот, над ними сжалились и пообещали отвезти в дикий кемпинг для ночлега, только просили об этом никому не говорить. Разговорившись с хозяином гостиницы, мы узнали о волонтере, который живет в этом поселке. Он как раз собирался домой и предложил нам переночевать у него. Мы согласились, потому что у него был душ и плита для варки, а мама обожает душ. Он предлагал ночевать в доме, но там жарко и душно. Волонтер жил в небольшом домике, принадлежащем государству; крыша в нем железная и за день нагревается, как парник. А палатки у нас с сеткой и хорошо продуваются ветром. Вечером мы с ним немного поболтали и спели ему наши песни. Он рассказывал, что очень скучает по своей семье в Америке и что ему здесь жарко. А еще советовал нам посмотреть разные интересные места в окрестностях.

Даша

09.12.2008. Семья батюшки уехала рано утром. Мы тоже собрались и ждали такси, с которым мама с папой договорились еще в воскресенье. Таксист привез нас на вокзал. Взяв билет и перекусив, мы сели в автобус, который ехал в Ботсвану. Автобус был с кондиционером. Он шел быстро и нигде не останавливался. Такие автобусы не подхватывают по дороге людей, а только высаживают.

Когда мы въехали в столицу Ботсваны Габороне, то удивились, потому что здесь было очень богато. Не хуже, чем в ЮАР. Только люди оказались хорошие, и можно было спокойно ходить по городу. По дороге мы увидели немецкую церковь и там переночевали.

10.12.2008. Из Габороне мы поехали во Францискаун. Город оказался таким же цивилизованным, как и столица. Он находился недалеко от границы с Зимбабве. Я узнала, что в Зимбабве сейчас голод. Другие государства помогают им едой, а некоторые люди ее прячут, а потом продают. У кого есть возможность, едут в Ботсвану за продуктами. Мы добрались до кемпинга и там заночевали. В кемпинге был бассейн, футбольное и волейбольное поля. Папа с Пашей пошли играть в волейбол, а мы сели на поляне за стол и кушали арбуз, который купили по дороге.

В деревне Ната мы остановились у одного американца, который работает медбратом в госпитале. Сюда он приехал на два года и живет уже три месяца. В Америке он был полицейским. Сам он уже много путешествовал по Южной и Северной Америке, Австралии и Азии. После Африки он хочет поехать в Россию и Индию. Мы пели песни, которые ему очень понравились, а также перекачали ему на компьютер песни из нашего mp3.

11.12.2008. Недалеко от поселка Ната есть национальный парк с солончаками. Мы поселились в кемпинге, из которого хотели поехать на солончаки. Но, к сожалению, сейчас сезон дождей, и туда туры не возят. В кемпинге был замечательный бассейн. Но мама не разрешила очень долго купаться, и мы делали уроки. Здесь росло много баобабов, поэтому кемпинг назван «Планета баобабов». А на входе, на большом термитнике, стоит шар — планета баобабов

Маленького принца, и на противоположной стороне дороги — большой розовый кабан. Все это очень красиво и сказочно!

Днем вдруг папа позвал нас, и мы побежали к машине. Водитель грузовика повез нас в соседнюю деревню. Закупив продукты, мы ждали попутного транспорта. Автобус довез нас только до заправки, и кондукторша сказала: «Вы мне должны 1 пули (так называются ботсванские деньги), но вы мне отдадите в следующий раз». В Ботсване на каждой заправке продаются готовые обеды. Мы купили суп с капустой. Потом папа, как известный сладкоежка, купил всем вкусное мороженое. После этого мы поймали машину и вернулись в кемпинг, где нам все же пришлось делать уроки. Когда стемнело, мы снова пошли купаться.

Вечером в баре собралось много туристов. Намечалось какое-то представление. Мы тоже сели посмотреть. Вскоре пришли все работники кемпинга и стали петь и танцевать под барабан, постукивая бубенчиками, которые висели у них на ногах. Концерт мне понравился.

12.12.2008. Мы вернулись в Ната, чтобы ехать в Чобе. В Ната позавтракали в знакомой нам лавке. Продавщицы были очень приятные, одна мне особенно понравилась. У нее была красивая прическа, а она убирала грязные картонки. Когда я фотографировала, они очень радовались. Вскоре пришел автобус, который отправлялся в сторону Чобе. Там находится национальный парк. Приехали мы на закате. По дороге встретили слона. Лил долгожданный дождь. Кемпинг оказался дешевый и с бассейном. Поставили палатки, пошли купаться, и я плавала больше часа, пока меня не заставили выйти.

13.12.2008. Утром меня спросили, как я спала. Я сказала, что хорошо. Наши очень удивились и сказали: «Вот это ты спишь!» Дело в том, что к вечеру наехало много народу, и все они пьянствовали в баре, а потом хохотали и купались в бассейне, возле которого стояли наши палатки. Потом включили громкую музыку и танцевали на парковке. Как только они уехали, стали громко гоготать птицы, шуметь жучки и кричать в ночи звери, потому что кемпинг стоял у самой реки. Я и сама удивилась, как я сплю. Потом мы наблюдали

за бегемотом в реке. Вдруг полил дождь. Хорошо, что мы спали под крышей.

Собравшись, мы поехали в парк Чобе. В гостинице нужно было купить тур. В этом богатом месте была большая крытая терраса со столами и диванами, выходящая на реку. Полюбовавшись на реку, мы пошли к диванам, возле которых стояли барабаны. Мы тут же начали стучать, пока за нами не приехала большая открытая машина на 10 сидений. Но мы сидели в ней впятером. Парк Чобе мне не понравился, потому что шел сильный дождь и все звери попрятались. Мы видели газелей и бегемотов, пасшихся, как коровы, на травке, слонов, обезьян, жирафа и кусочек крокодила. Вернулись мы очень замерзшими. К счастью, нам дали накидки от дождя, и мы не совсем промокли.

Замбия

Площадь — 752,6 тыс. км²

Население — 14 млн чел.

«Водопад... которым любят в своем полете ангелы».

Давид Ливингстон

Владимир

Водопад Виктория — потрясающее зрелище и для людей. Со стороны Зимбабве обозрение чуда света лучше, чем со стороны Замбии, но замбийская сторона тоже великолепна, особенно в солнечную погоду. Река шириной 1800 метров падает с базальтового уступа! Высота падения воды не везде одинаковая: на правой стороне вода низвергается на 80 метров, а в середине главного потока — на 110 метров. На краю пропасти находятся острова, разделяющие громохочущую реку на четыре части. Ширина каждого из главных двух потоков около 500 метров. Замбези падает в узкую, около 120 метров шириной, каменную расщелину, пробитую водой в разломе земной коры. Над водопадом мелкой водяной пылью поднимается облако, которое вновь проливается постоянным дождем. Дорожки, ведущие от пункта к пункту, с разных углов показывают падающий поток.

Туристы по дорожкам ходят все промокшие, даже если светит солнце. В ясную погоду играет радуга. На выступающем камне сидят два африканца и поглядывают, нет ли полицейских; они нелегально водят туристов на остров, откуда обозрение получше. «Гиды» заламывают цену, но это на простака; за 10 долларов на семью один из них тоже с удовольствием взялся нас провести. Идти нужно по колено в воде; Саша наш проваливается по пояс. Пройти самому

проблематично, нужно знать броды, иначе очень можно угодить в большой поток и вместе с ним низвергнуться. Наша вылазка была не особенно удачной в смысле фотографирования: разразился дождь, и обратно мы шли, ныряя в воду, поливаемые дождем. Водопад мне посчастливилось видеть раньше со стороны Зимбабве, притом в ясный солнечный день. Во всех случаях Виктория — потрясающее зрелище. Облако, образуемое падающей водой, в сезон дождей поднимается на высоту до 400 метров. Оно может быть заметно из 50-километровой дали.

Замбези течет поперек континента, и нам пришлось пересекать ее несколько раз. На всем протяжении река разная по ширине разлива, окружающей растительности и климатическим зонам. Она скрывается в джунглях, затем переходит в два огромных искусственных водохранилища, где построены гидроэлектростанции, и тихо несет воды в низовьях. По пойме обитает много дичи, в том числе крупной. Недалеко от водопада проживает стадо слонов. Эти слоны любят купаться в потоках реки. Там же они поедают растительность, которую кучами наносит течением воды. В реке водятся крокодилы, а в болотистых местах — бегемоты. Около паромной переправы мы видели африканца, тащившего прибитую толстую, двухметровой длины, черную мамбу. Другие африканцы над ним подтрунивали: мол, славная охота. Мясо змеи пойдет на обед — так нам прямо и ответили. Надо же, черная мамба — и на обед! Ребята наши очень этому изумлялись.

Великая река после водопада течет в зигзагообразном каньоне еще 80 километров, вплоть до выхода из базальтовой щели. Глубина ущелья, в котором неустанно работает бурный поток, достигает 120 метров. В сухой сезон уровень воды опускается на 20 метров. Через пропасть в давние времена построен железнодорожный мост, с которого туристы-экстремалы прыгают вниз головой на резиновой веревке (банджо-джампинг). Во время прогулки по окрестностям национального парка мы случайно оказались свидетелями нескольких подвигов. Один из них превосходил фильм ужасов: девушка во время прыжка с перепугу издала жутко истошный, совершенно животный крик, огласивший джунгли. Подумалось, не разрыв ли сердца. Прыжки, конечно, организуют опытные инструкторы: клиент не ударится о скалы и не сорвется с резинки. Но стоит ли за этим

ехать в Африку? Разве такого добра в Европе мало? Женственности что ли придает такое увлечение или, наоборот, мужественности? Сколько людей стремится к тщеславным подвигам! А ведь какие есть возможности найти здоровое признание: поработать учителем английского языка в сельской школе, врачом по борьбе с эпидемиями и между делом попутешествовать по африканской стране... Кстати сказать, удовольствие одного прыжка стоит около 150 евро. Уильям Плумер — один из поэтов ЮАР — вопрошает про нашего брата туриста:

...Мне не понять, какого черта ради
Они проделали весь долгий, нудный путь.
Неужто только для того, чтобы когда-нибудь
Сказать: «Ах, знаете, тогда на водопаде...»?

Путешественники в Африке

Массовый туризм в Египте и Тунисе — это европейская вотчина. К странам развитого туризма в Африке нужно также причислить Марокко, Кению, Танзанию, ЮАР, Намибию, Ботсвану и даже Мадагаскар, хотя многие туристы уже здесь чувствуют себя первопроходцами. А вот дальше путешествуют по континенту уже немногие. Но при наличии хорошего опыта и здорового человеческого такта вполне можно ехать в Мавританию, Мали, Нигер, Судан, Эфиопию — эти страны уже целый мир. Также не нужно бояться Малави, Уганды, Руанды, Замбии, Мозамбика и большинства западно-гвинейских стран. Настоящие мастера и отчаянные люди пробуют прорываться по западной стороне континента: в Анголу, Конго, Камерун, Нигерию. Перегородка по линии Алжир, Ливия, Чад, ЦАР, Конго особенно трудная и небезопасная. Тяжелы тоже военными вспышками и бандитизмом Нигерия, Сомали, Бурунди, Эритрея, Южный Судан, Зимбабве, а также чуть ли не половина африканских столиц. Ситуация в мире и особенно в Африке меняется довольно быстро и почти всегда не в лучшую сторону. После вероломной войны НАТО в Ливии резко сократилась возможность путешествовать во всех странах арабского мира. Здесь я, может быть, повторяюсь, но эта информация вряд ли бесполезна.

На маршруте нам несколько раз встречались самостоятельные путешественники на мотоциклах и автомобилях, пересекающие материк с севера на юг. Все они не россияне. В основном они двигались по восточной линии, из Египта в ЮАР. Меньше было пересекающих на транспорте по западной стороне Африки. По рассказам вторых, им приходилось проплачивать большие взятки в Нигерии, Камеруне и особенно в Конго и Анголе. Мы с Леной давно, в 1995—1996 годах сделали полугодную автоэкспедицию из Европы в Египет, а оттуда ехали по Иордании, Сирии, Восточной Турции, Ирану, высокогорному Пакистану, почти по всей Индии и Непалу, накатав расстояние, равное экватору Земли. Со знанием дела мы сочувствовали всем автопутешественникам,двигающимся по Африке. Совсем мало кто знает, что для продвижения на автомобиле по Азии и Африке иностранцем оформляется с риском потери больших денег обязательный специальный пропускной документ *Carnet de Passages*. Это совсем не то, если брать автомобиль в прокат в какой-нибудь стране.

Не на транспорте в 2000 году мне встречались россияне, продвигающиеся по африканскому материку полгода, а некоторые даже дольше, автостопом. Эта команда с тех пор и по сей день составляет костяк очень опытных российских путешественников, которые проложили маршруты по всему миру. Тогда, в 2000 году, в Лусаке я с ними встретился почти случайно. Там были А. Кротов, Г. Лапшин, В. Шарлаев, С. Лекай, О. Костенко, А. Мамонов, К. Степанов, О. Сенов. Они передвигались, делясь на маленькие группы и встречаясь по договоренности в определенных местах. Им принадлежит заслуга проведения в России множества Трезвых слетов, организации «Домов для всех» в разных странах (в том числе и на Мадагаскаре), страноведческих лекториев, клубов автостопа во многих российских городах и т. д. Пляжники-пузогреи, считающие звезды в отелях, и официальные структуры ведающие туризмом и визами к автостопу относятся свысока. А мне кажется, здорово, когда даже в проворовавшей насквозь стране люди скромного достатка или вообще без достатка, вместо водки и другого суррогата, собрались с рюкзаками и пустились найдешевейшим способом путешествовать, познавать мир и увлекли за собой множество других людей, организовав целое движение. Выдающийся многолетний

маршрут на велосипеде по контуру континентов, в том числе и африканского, проехал Владислав Кетов, с которым мы пересеклись в пути, но не в Африке, а в Индии. По Африке ездят разные люди, среди них катаются иногда богатые туристы, которых наполняют впечатлениями на стандартных джиповых маршрутах натасканные гиды. Мы такими поездками не восхищаемся. Я бы назвал два типа странников, претендующих называться путешественниками. Первые живо интересуются Африкой (равно как и другими континентами и странами) и ее людьми; вторые в основном любят свои подвиги в экзотических странах. Вторых, разумеется, больше, с толстым кошельком отправиться в зарубежье легче. Тысячи людей делятся сегодня своими впечатлениями в электронных сетях, и в основном их отчеты пестрят самодовольной крутизной. Мы переживаем эпоху, когда поехали путешествовать многие. Эти многие — в основном господа с мещанскими вкусами, возвысившиеся над народом буржуа. Они любят показать себя. Едут, безусловно, и люди с живым интересом к странам и народам. Мне кажется, путешествия сравнимы с чтением книг. Можно перелистывать вздорное чтиво, а можно прочесть, например, «Былое и думы» А. Герцена. Тоже в путешествиях: можно пролежать бока за две недели на пляже в Испании или пересечь за это же время Эфиопию. Понятно, что чтиво и пляжи души не тревожат.

Хочется добавить, в Африке в любом случае нужно путешествовать с оглядкой, приобретая раз от раза опыт. До Африки хорошо съездить в Индию, в не затоптанный пока Западный Китай (Синьцзян, Цинхай), в Юго-Восточную Азию (советую в первую очередь Индонезию и Мьянму), где путешествовать легче. Не обязательно брать амбициозный маршрут. Не обязательно пересекать континент, хоть это и модно. Можно не штурмовать вершины Килиманджаро или Кения, что, безусловно, престижно. Есть путешественники, которых называют экстремалами; мне больше нравятся люди со страноведческими устремлениями. Африканский континент уникален природой, удивителен населяющими народами, и африканские маршруты по разным странам неповторимы... И еще страны Африки, Азии, Латинской Америки наделены особым обаянием, которое утратил цивилизованный мир. Человеку, интересующемуся

путешествиями, Африки не миновать, и здесь нельзя не упомянуть известный афоризм: «Все хорошие люди любят Африку».

Елена

16.12.2008. Погода совсем испортилась. Начался настоящий сезон дождей. Все эти месяцы мы благополучно уезжали из тех мест, где начинались дожди. Это было нам по дороге. Но, вернувшись снова на север, в сторону Замбии, мы въехали в эпицентр тропических ливней. Нас поливало четыре дня с утра до вечера. Пару дней мы этого не замечали, так как в принципе отвыкли от сырости. Прохлада даже была приятна, а когда едешь в автобусе, то в окошко веет свежестью вместо зноя. Но потом дождь распугал всех зверей в национальном парке Чобе (Ботсвана), и мы повстречали только мокрых обезьян, косуль и диких кабанов. Нам рассказывали, что животные, особенно слоны и львы, иногда заходят в город и преграждают дорогу машинам. В Чобе у самого берега реки можно увидеть крокодилов, носорогов и бегемотов, но из-за дождей они паслись теперь на лугах, к которым нет подъездов, и мы смогли их увидеть только издалека. Стало как-то мокро на душе, и, слегка отсыревшие в Ботсване, мы двинулись в Замбию, чтобы посетить водопад Виктория.

Город Ливингстон находится всего в 80 километрах от границы Ботсваны. К вечеру мы уже были там. Замбия выглядит беднее Ботсваны. Люди не такие улыбчивые, но все же приятные, и даже на границе, где обычно все обманывают, нам повстречался честный меняла. Дорогие гостиницы здесь прячутся за высокими заборами. В дешевых гостиницах берут не меньше 10 долларов с человека. Детям не делают никаких скидок. Пятьдесят долларов за ночлег было бы для нас дорого. Мы снова постучались в церковь. Там занимался музыкой какой-то юношеский ансамбль, и слышались детские голоса. Ради нас подъехал молодой пастор, выслушал нас и не отказал. Мы ночевали в классе церковной школы. Смотритель, живущий при церкви, приходил к нам вечером побеседовать. У него молодая жена и двое маленьких деток. Живут скромно. На завтрак они ели пустую кукурузную кашу на воде.

Утро было пасмурным. Мы поехали смотреть Викторию. Со стороны Зимбабве, говорят, водопад выглядит мощнее и можно увидеть большую панораму. В Замбии же мощные струи водопада находятся совсем близко, и кажется, летишь в самый низ вместе с водой Замбези. Если к обрыву подойти со стороны реки, то можно стоять в начале падения потока. Уровень воды в Замбези еще не поднялся, и мы прошли по камням к краю каскада. У каждого большого водопада всегда сыро от брызг, но как раз на середине нашего пути вдруг начался мощный ливень, который закончился лишь часов через шесть. Мы видели струи, низвергающиеся от самых наших ног. Грандиозное зрелище! Я надеялась промочить только ноги, но вымокли мы до нитки. Все равно не пожалели, что сходили.

Автобус от Ливингстона довез нас до границы с Намибией, деревни Сешеке, где мы заночевали в придорожной гостинице. Интересный здесь узел: в одном месте сходятся границы многих государств: Ботсваны, Намибии, Замбии, Зимбабве, и совсем рядом Ангола. Утром мы направились в 11-ю страну на нашем пути — Намибию.

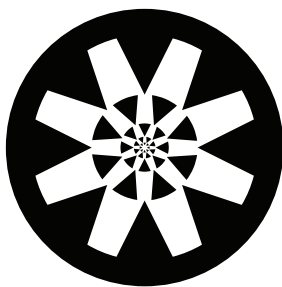
Даша

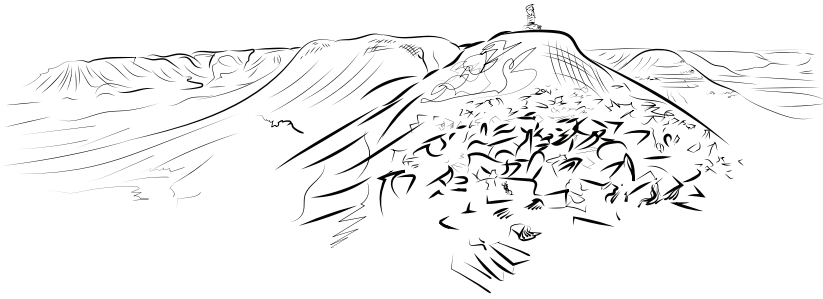
14.12.2008. Сегодня один из лучших дней. Мы поехали к водопаду Виктория. Это здорово! Было тяжело фотографировать из-за распыляющихся брызг. На противоположной стороне реки другая страна — Зимбабве. Мы долго гуляли и смотрели водопад. Видели мост, соединяющий Замбию и Зимбабве, с которого белые придурки на резинках прыгают. Мы смотрели на мост, как вдруг с него, привязанный за ноги, вниз головой летит человек. Я очень испугалась! Человек прыгал, как мячик на резинке. За ним спустился африканец на такой же резинке и поднял его наверх. Так же прыгнули потом две связанные вместе женщины. Они страшно кричали. Это ж надо такими дураками быть! Мы хотели добраться до моста, но это было далеко.

Папа договорился с африканцем, который водит туристов на другую сторону водопада. Мы пошли прямо по речным камням. Сначала было не очень тяжело, а потом из-за сильного течения меня качало из стороны в сторону. Мы двигались по ровно уложенным

гладким камням, как по мостику, взяв туфли в руки. Если ступить вправо или влево, то, наверное, можно провалиться в воду выше колена. Так мы шли все дальше. Это было очень здорово! Как вдруг начался ливень. Нам пришлось спрятать фототехнику. Мы прошли к краю водопада, стояли у самого обрыва и могли смотреть в дыру, куда срывался поток. Отсюда был виден самый большой водопад Африки. Все это было очень красиво, но нам стало совсем мокро и холодно. У меня и у папы не было курток. Мы вернулись, так как боялись, что вся фототехника и документы промокнут. Папа и мама шли легко, а Саше помогал африканец. Я несколько раз проваливалась в дырки между камнями под водой, потому что их не было видно. Мы переправились через реку и оттуда побежали в туалет. Выжав все вещи и подсушив фотоаппараты, мы пошли искать такси, чтобы вернуться в городок.

В магазине мы купили горячей еды. Дождь закончился, и солнышко выглядывало из-за туч. После сытного обеда мы отправились на автобусе к границе Намибии. Граница закрывалась в шесть вечера, а мы приехали немного позже. Здесь пришлось заночевать.

Намибия

Площадь — 825,4 тыс. км²

Население — 2,4 млн чел.

Владимир

Намибия — внешне благополучная страна Африки с самой низкой плотностью населения; обширные территории Калахари и Намиб почти необитаемы. Для сравнения малонаселенности можно вообразить город Гамбург, расселившийся на территории двух Германий (Намибия — бывшая немецкая колония). По климату страна сухая из-за холодного течения, идущего от Антарктиды, и огромной пустынной чаши Калахари, но круглогодичные температуры очень благоприятные. Половина населения страны принадлежит к этнической группе овамбо (бантуязычная семья). Около 80 тысяч жителей представляют европейские эмигранты давних поколений, занимающие господствующее положение в собственности и политической жизни страны; они концентрируются в Виндхукке, Свакопмунде и в портовом городе Уолфиш-Бей. С ними и около них в большей мере будет находиться турист, посетивший Намибию, несмотря на подавляющее преобладание чернокожего населения. Бушмены и готтентоты, принадлежащие к кой-койсанской расе, которые в далеком прошлом были основным населением, до бантуязычного «великого переселения», проживают в Калахари и на юге страны. Северную часть населяют горные дамара и гереро, которых легко узнать по одежде и специфическому головному убору. Многие намибийцы происходят от смешанных браков. Людьюми и природой Намибия не укладывается в стереотип представления европейца об Африке. Четыре южные страны континента (ЮАР, Ботсвана,

Намибия, Мозамбик) отличаются несколько лучшими экономическими показателями от остальных государств, расположенных южнее Сахары. Намибия, как и ее соседи, богата золотом, ураном, медью, алмазами. Страна не является производящей. 90% товаров, в том числе продуктов питания, завозится извне, в основном из ЮАР. Компенсируется завоз вывозом сырья горнодобывающей промышленности на мировой рынок. В стране хорошая инфраструктура, европейского уровня супермаркеты и качественный во всех сферах сервис. Спокойное государство принимает туристов со всего мира; для россиян уже давно открыт безвизовый въезд. Намибия недолго была колонией Германии (1844—1915), а после Первой мировой войны путем оккупации перешла к ЮАР; с 1948 года в ней был узаконен апартеид. От колонизации страна освободилась позже всех африканских государств — в 1990 году. Короткая немецкая колонизация привлекла сюда много немцев и оказала немалое влияние на страну. Немецкий язык в Виндхуке, а особенно в Свакопмунде слышится постоянно; «орднунг» чувствуется в планировке любого города, полицейской охране и даже на дорожных указателях к мелким деревушкам. У Намибии есть длинный и узкий коридор (область Каприви), уходящий до Замбии и Зимбабве с выходом на реки Окованго и Замбези, который в колониальные времена был выторгован при дележе Африки европейскими державами. По этому коридору мы начинали маршрут.

Область Каприви посещают немногие туристы. Нам регион был по пути, и мы остановились на реке Окованго в кемпинге, который устроен оригинально с точки зрения европейца. Ночью за невысоким забором ходят по болоту и чавкают бегемоты — это для тех, кто спит в палатках. Уплативших дорого селят в бунгало на сваях. Бунгало имеет только две стены с открытым видом на реку. Кровать, висящая над рекой, защищена москитной сеткой. Заинтересовавшись архитектурными выдумками замысловатых домиков, я, прогуливаясь, увидел на кровати спящую индийскую принцессу. Утром «принцесса», проходя мимо наших палаток, запросто с нами познакомилась: она действительно туристка из Индии. О кемпинге можно добавить, что в нем забавные туалеты с видом на саванну, а также истуканы, стоящие поодаль, у которых ночью светятся фарфоровые глаза и зубы. По мостику можно пройти в натуральный

бассейн, устроенный в реке, а чтобы крокодилы не вытаскивали из него туристов, глубоко в воду по периметру уходит металлическая сетка. Туристы, собравшиеся поутру искупаться, перед заплывом гадали, до дна ли натянута сетка или бассейн «с сюрпризом».

У нас заболел Паша. По температурным перепадам и опухшим лимфоузлам было сходство с малярией. Инкубационный период может развиваться от 4 до 12 дней. Комаров немного, но достаточно одного инфекционного: это могло случиться и на Окованго, и на Замбези. Надо было спешить в Виндхук (Виндук). Основные дороги в Намибии европейского качества, и мы за два дня промчались автостопом почти 1000 километров. Остановку на ночлег после первого дня пути решили сделать около метеорита Гоба (Ноба). Крупнейший в мире метеорит из найденных является большой достопримечательностью, но, находясь не на главных туристских путях, посещается не массово. На гесептион никого не оказалось, и мы пошли посмотреть предмет из космоса бесплатно. Весом он 60 тонн; явился на Землю около 80 тысяч лет назад. Размеры его составляют 2,7 x 2,7 x 0,9 метров. Обнаружен был в 1920 году в местечке Noba West фермером. Состоит на 84 % из железа и на 16 % из никеля. Вход к метеориту хорошо обустроен и выглядит как кемпинг: газон, вода, туалет. Мы поставили удобно наши небольшие палатки... и тут, на ночь глядя, подъехала на машине женщина с детьми: она приглядывает за парком и, наверное, является кассиром. Кемпинговаться, оказывается, нельзя. Я заплатил несколько долларов, сославшись на болезнь Паши и на то, что мы покинем место утром. На том и сговорились. Ночью кемпинг освещал яркий фонарь, на свет которого летело множество насекомых. Стена с плафоном была густо облеплена молю, сверчками, пауками, комарами, стрекозами и огромными жуками. Вся живность стрекотала, верещала, билась о фонарь и падала вниз, усыпая собой дорожку.

Добравшись до столицы, нужно было в первую очередь лечить малярию. В Виндхуке в госпитале нашелся врач, который предложил обязательно сделать развернутый анализ крови. Пустяковое обследование стоило 150 долларов, но причину болезни врач не установил. Мы стали звонить в Мозамбик Нине Бондаренко, с которой познакомились раньше. Она предположительно по

местности назвала нам лекарство и тип малярии. После недельного приема таблеток Паша перестал температуру.

Из Виндхука нам хотелось скорее попасть к Атлантическому океану — на другую сторону Африки. По пути в Свакопмунд лежит поселок Карибиб. Около дороги вывеска: Leonids. Леонид вел продажу оригинальных сувениров и руководил небольшой фабрикой, где из полудрагоценных камней, рогов антилоп, ценных пород дерева выделялись украшения. Я к нему заехал во второй раз, но уже всем семейством. Огромный арбуз на ужин, кемпинг среди кактусов, своеобразный двор и сувенирная русская фабрика как-то сильно запомнились. Позже, несколько лет спустя, я узнал, что Леонид трагически погиб. Ночью на свет фар автомобиля выскочила огромная антилопа и влетела в лобовое стекло. История в некотором роде мистическая.

Свакопмунд — самый немецкий город в Намибии: дома с черепичными крышами, чинные улицы в центре, немецкая речь. В нем, пожалуй, больше немецкого, чем в самой Германии. Сохранилась какая-то архаика начала XX века. Но на окраину города наступают большие дюны песка. Пустыня Намиб вблизи океана не изнуряет. При жгучем солнце воздух в городе прохладен, а по утрам держится туман. Скоро Новый год. Как его отмечать? Кругом все немецкое — для детей почти родина, но снегом не пахнет. На берегу пальмы, а на горизонте барханы. Мы поселились в хостеле, можно сказать в квартире с двориком. Дети нарисовали и вырезали из бумаги метровую елку и нацепили ее на дверь кнопками. Елка, разумеется, украсилась нарисованными игрушками. Лена предложила записать каждому, что было в году самого лучшего. Для себя мы пели новогодние песни под гитару.

Паша выздоравливал. Мы купались в море, ходили на дюны недалеко от Свакопмунда, съездили в порт Уолфиш-Бей и настроились на встречу с группой, которую с нетерпением ожидали. Я организовываю в качестве гида поездки в далекие страны. Наше семейное путешествие по Африке в Намибии пересекалось с моей работой. Пересекалось так сложно, что все выглядело авантюризмом: гид путешествует в свое удовольствие по 11-й стране и вдруг подхватывает группу. Но билеты были куплены более чем за полгода и заранее оговорено необходимое снаряжение.

В путешествие наудачу включились в основном близкие нашей семье люди. Многие из них путешествовали со мной ранее, и была надежда, что группа из разных городов России и Германии как-то доберется до Намибии сама, а в Виндхук я их встречу. Ожидали мы всех с радостью: к нам ехали наши друзья. Мы выучили новые песни и знали, что они тоже приедут с песнями.

И вот встреча! Объятия, смех, возгласы. Не то чтобы не долетели, а даже привезли с собой на одну персону больше. Это сюрприз гиду. Автобус, который арендуется для поездки по стране, рассчитан на 14 мест, а нас уже 18. По дороге из аэропорта видим большого варана, неспешно переходящего дорогу: хорошее начало для нового знакомства со страной.

В Виндхук необходимо погулять по аккуратному центру города, сфотографировать лютеранскую церковь и на пешеходной улице обязательно посмотреть необычный музей под открытым небом. В доисторическую эпоху, 500 тысяч лет назад, в земную орбиту ворвалась космическая глыба, рассыпавшаяся метеоритным дождем на месте современного городка Гибеон. Найденные крупные куски (около 30 штук) выставлены в столице на стальных постаментах прямо на улице. Они состоят в основном из метеоритного железа с примесью никеля. На двух из них сделан распил. Место распила не ржавеет. Валуны из космоса не упрятаны под стекло, их можно посмотреть, потрогать, и за это ничего не надо платить. Вся прибывшая компания отправилась с Леной на прогулку по городу, а я занимался организационной суетой: оформлял микроавтобус в прокат, запасал газ, кастрюли, продукты. На обычные права (не международные, российские) можно взять автобус на 14 мест. Такое правило распространено здесь, может быть, потому, что Намибия почти не заселена и машин на дорогах немного. Дневная стоимость такого автомобиля для группы вполне рентабельна. Ночлеги на пути планировались в основном в кемпингах.

Куда поехать в Намибии? Стоит только посмотреть на карту — глаза разбегаются. На три недели мы планировали такую нитку маршрута: Виндхук, Окаханджа, Свакопмунд, Берег Скелетов, Опуво, национальный парк Этоша, Отживаронго, через Виндхук в горы Науклюфт, Каньон Сесрием, Соссусвлей в пустыне Намиб, перевал Куйсеб, Уолфиш-Бей, Свакопмунд и возвращение

в Виндхук. Это не меньше 3000 километров по асфальтированным и грунтовым дорогам. Грунтовки немного, она без грязи и ухабов, поскольку страна не дождливая, но дорога довольно пыльная. Плотнее делать программу не было смысла. У людей отпуск: надо и посмотреть страну, и отдохнуть.

Намибия не обижена природными красотами. Страна, находящаяся между совершенно разными пустынями Намиб и Калахари, всей серединой и севером расцветает естественными зелеными парками, покрытыми бушем и саванной. Благодаря малонаселенности в ней сохранился повсюду богатый животный мир, а впадина Этоша является уникальным в Африке национальным парком, в котором водятся слоны, жирафы, носороги, зебры, антилопы, гиены, львы — все африканские животные. Пустыня Намиб — одна из удивительнейших в мире: высокие, до 300 метров, барханы красного песка сменяются глиняными каньонами, гранитными плато, «лунными» горами, переходящими снова в пески. По побережью Атлантического океана расположены лагуны, в которых много пеликанов, дельфинов, морских котиков. Холодная вода в жаркое время располагает к купанию вблизи песчаных пляжей. Красивейшие ландшафты, берег океана и мир животных привлекают в Намибию путешественников со всего света. Дорогу в Свакопмунд украшают горы Эронго и Шпицкоппе, но по мере понижения высоты местность меняется на безжизненные глиняные, а затем и барханные пустыни. В Свакопмунде мы всей компанией сразу побежали купаться. С утра, часов до 10, может стоять густой туман. Это эффект холодного течения океана, окутывающего город. Но затем наступает жара, притом не изнуряющая, а какая-то комфортная: знойное солнце сглаживается прохладным воздухом. Городской пляж здесь несуетливый и защищен волнорезами; любители высокой волны купаются дальше ограждений.

Пройдясь по магазинам уютного городка, наши вернулись с возгласом: «Вот тебе и Африка! Все, как у нас в Германии, даже сосиски». Но после обеда была экскурсия в змеиный парк. Змеи, ядовитые пауки и скорпионы успокаивали: путешествие будет настоящим. Когда я сказал, что за полгода пути мы видели всего несколько змей, возник вопрос, увидим ли животных вообще. Увидеть животных была большая надежда, так как наступал сухой

сезон, собирающий их к водопоям. Уже на следующий день в бухте порта Уолфиш-Бей мы фотографировали фламинго, а затем поехали в пустыню. В Намибии многие песчаные горы имеют номера, чтобы хоть как-то ориентироваться. Например, с дюны номер семь километрах в 10 от порта открывается хороший вид на пески. Про каждую из таких дюн турфирмы распространяют байки, будто туристы забрались на самую высокую в мире. На песчаном вале желание увидеть змею уже забылось; мы увлеклись гребнем, круто поднимающимся наверх. В глаза летят мельчайшие крупички пыли, на зубах закрипел песок, а наверху ветер уже не гуляет, и можно любоваться удивительной панорамой барханов. Они убегают вдаль невероятными волнами и оттенками. Обернувшись назад, видим, какую удивительную работу вершит ветер. С одной стороны гребня тишина, а с другой — песчаные вихри. Песчинки поднимаются ветром и завихрением настойчиво укладываются в острую полосу. Пыль поднимается под определенным углом только с одной стороны и под этим углом постоянно осыпается с другой, создавая оригинальные геометрические формы каждой дюны. Сверху нам видится сделанная из песков театральная маска, может быть, 50-метровой величины. Низкое солнце затеняет выветренные ямочки, и видны глаза, рот и поднимающийся нос маски. Огромная луна, вылезшая над барханами, усиливает эффект кадра ступающих по песку людей. И вдруг мираж: далеко по пустыне едет поезд. Нет, не мираж. Поезд действительно приближается и стучит колесами по рельсам. День удался. А вечером особенно бледнолицые в группе мажутся до слез кремами. Дня через два-три кожа на их лицах облезет. Краше всех Рита. Наша любимая Рита, она еще сегодня нам споет. То ли еще будет!

Побережье на север от Свакопмунда часто называют Берегом Скелетов. Его верхнюю часть под этим же названием выделяют в национальный парк. Здесь нередко терпели кораблекрушение корабли. Уместно задаться вопросом, почему европейцы так долго искали путь в Индию, тогда как арабы, индусы и даже китайцы с индонезийцами осваивали восточные берега Африки с незапамятных времен? Западная сторона африканского материка суровее во всех отношениях. Почти от Кейптауна и далеко в Анголу на 3000 километров простираются безжизненные берега, особенно суровые в

пустыне Намиб. Эту пустыню формирует южный тропик и в еще большей степени холодное течение, неудачно названное Бенгальским, идущее от Антарктиды. Оно лишает побережье дождей. Примерно такова же картина Чилийского побережья Южной Америки — так велико влияние Антарктиды, посылающей на материки холодные течения Южного полюса. Экватор Африки от Конго до окончания гвинейского побережья некогда занимали джунгли, а еще севернее по берегу простиралась необъятная Сахара. Европейцы смогли обогнуть чужой континент лишь в преддверии капитализма. Путешествие из Свакопмунда на север страны воочию показывает суровые берега. Проехав километров 40, мы видим первый разбившийся корабль. Густой туман и быстрое прибрежное течение, характерное для этих мест, приводят к кораблекрушениям. Гонимый огромными волнами баркас врезался в подводные камни. Волны, бьющие в его борта, разлетаются брызгами. Накренившееся большое металлическое судно в серой водной пыли океана создает печальное зрелище. Далее еще встречаются порушенные корабли разной величины, среди них и деревянные, небольшие. Их истлевшие под гнетом времени каркасы напоминают скелеты. Люди, потерпевшие крушение у этих безжизненных берегов, тоже не имели шансов выжить. Отсюда и географическое название.

Пустыню подчеркивают солончаки, встречающиеся на пути. В некоторых местах сегодня ведется соледобыча, где образуются коричневые, красные и даже фиолетовые озера. Соль покрывает землю на многих участках сплошной корочкой. Туристы останавливаются посмотреть на необычные почвы и походить по соли босиком. Солнце и соль — лучшие СПА, которыми давно торгуют у берегов Мертвого моря. Но здесь еще нет отелей, и добром пользуются бесплатно немногие проезжающие. Соляные поля сменяются мертвой глиной или песком, на которых растут галофитные (солеустойчивые) кустарники.

После 110-го километра на север от Свакопмунда на побережье встречается выступающий мыс Кросс (Cape Cross). На нем обитает крупнейшая колония морских котиков. Да-да, в жаркой Африке живут хладостойкие животные, как у берегов Ледовитого океана. Глубокие воды этой части Атлантики очень холодные, и животные выводят здесь потомство. Их скопления на мысе достигают более

100 тысяч. Самцы вырастают до 2,5 метров, а самки — до 1,8 метра. Эти так называемые капские котики, являются крупнейшими на земле. Они водятся также в Австралии. Самку кучками окружают детеныши. Непослушных из них утаскивают шакалы, прибегающие по ночам из пустыни. Для осмотра побережья обустроены специальные дорожки на сваях. Котики заглядываются на туристов с не меньшим интересом, чем туристы на животных. Зрелище умиленное, хотя и с терпким запахом. Самцы гоняют друг друга, самки гоняют их от себя и воспитывают неразумных детенышей. Все это происходит при большой скученности животных. Далеко от берега в высокую и тяжелую волну заныривают тюлени. После отката волны видно, что животных на воде и под водой не меньше, чем на берегу. Это же сколько рыбы нужно, чтобы прокормить такую ораву! Да котики здесь потому и обосновываются, что прибрежные глубокие воды чрезвычайно богаты рыбой.

На другой день на нашем пути снова были солончаки, потонувший корабль, дюны песка с искореженными кустарниками и каменистая — из гранита — пустыня. Камень не выступает скалами, а стелется по земле плитами и валунами. Ландшафт необычный, и мы разбежались по гранитным полям. На ночлег остановились в кемпинге Торра Бей. Кемпинги в Намибии очень разные и довольно оригинальные. Не все, но многие из них по-европейски комфортны. Не столь далеко от наших палаток проложена взлетная полоса для маленьких самолетов и на высокой трубе поставлена антенна. На ней в застывшей позе сидят бакланы. Полная луна как раз прорисовывала в сюрреалистическом кадре птиц на антенне. Надо фотографировать, уже начало темнеть, и небо заполыхало красным закатом. Только в тропиках бывают такие яркие вечерние краски. Пока дежурные готовят ужин, женщины, не теряя времени даром, разминаются восточными танцами после дороги в автомобиле. Обучает их Оленька Вейгандт. Она в качестве хобби преподает в Питере в танцевальном клубе. Рыбу для ухи наловил во время короткой остановки Валера. У нас в этом деле два профессионала.

Мне кажется, пора представить участников группы. Валера и Рита Файнингеры. Валера может все! Он работает на каком-то химическом предприятии в Гамбурге в разные смены, параллельно строит дом, играет в сильной волейбольной команде, не пропуская

тренировок, поет в бардовском клубе, в четыре утра едет на рыбалку, если работа во вторую смену, и знает кучу детских игр для своих маленьких внуков и детей всех своих друзей. Он редкий богатырь, в его руках спорится любое дело. Мы дружим семьями, и можно сказать, что он кумир наших детей. Рита руководит русским бардовским клубом в Гамбурге. У них вся семья замечательно поет, и в прошлом, где бы они ни жили (Урал, Сибирь, Таджикистан, Германия), всюду организовывали бардовские клубы. Клуб — это хобби Риты, она вкладывает в него душу. Наши дети еще потому поют, что им много помогает Рита. Сейчас, пока я записываю в дневнике эти строчки, Валера с Костей Вейгандт играют, лучше сказать, зарубаются в волейбол. Можно также добавить, что в прошлом мы уже ездили вместе в Аргентину, Чили, Боливию. Еще деталь, очень смешная. После пляжа в Свакопмунде кто-то спросил Валеру:

— А ты чего на массаж не идешь?

— Не люблю, расслабляет, — отмахнулся он. Компания, конечно, расхохоталась.

Поскольку названы уже Вейгандты, немного о них. Оля — моя бывшая ученица (когда-то я работал в школе), которая с девятого класса ходила в походы по Крыму, Кавказу, Карпатам. Более того, их дочь Марта уже тоже была со мной в походе, в одной из детских групп. Костя лет 10 назад сделал мне замечательный сайт, на котором собрал все разбросанные фотографии. В Константине здорово сочетается компьютерный мастер с художником (он оканчивал Академию художеств вместе с Олей). Он хорошо разбирается в людях и безотказно всем помогает. С ним легко общаться. В их семье мы останавливаемся в Питере, когда нас туда заносит большим семейством. С Олей и Костей собрался их знакомый — Саша Крылов, сотрудник по прошлой работе. Саша — директор небольшого издательства, имеет компанейский характер, любит рыбалку, плавание. Он первый раз в далеком путешествии.

Остальных можно представить позже. Машину (микроавтобус на 14 мест с прицепом) мы ведем по очереди. Чаще всех за рулем Валера; ему «так нравится». Немалый участок предстоит проехать по грунтовке. Основные грунтовые дороги хорошо уплотнены, и по ним не обязательно ехать на джипе, но разгоняться больше 80 км в час не следует. На большой скорости или на поворотах

автомобиль ведет по мелкой крошке, и можно улететь с дороги. Позади машины — пыль столбом. Покинув побережье, держим курс в направлении Сесфонтейн, Опуво, затем в Ошакати (Sesfontein — Opuwo — Oshakati). Грунтовая дорога тянется до Опуво, а далее асфальт и наконец национальный парк Этоша. Путь до Этоши через самый север страны очень долгий, около 800 километров. Но дорога совсем нескучная. Она медленно поднимается на протяжении 100 километров до высоты 1500 метров над уровнем моря. Почти вся Африка находится на довольно высокой тектонической плите и за счет этого больше покрыта растительностью. Еще не выехав из пустыни, мы останавливаемся и разбегаемся по обгоревшей серо-коричневой крошке, чтобы увидеть необыкновенную вельвичию. Это реликтовое дерево, самое низкое на земле. Оно растет только в Намибии и на юго-западе Анголы, в пустыне, где распространяется туман океана. Большими стелющимися листьями дерево вбирает влагу и благодаря ей существует в суровых условиях. Корни тоже помогают извлекать влагу в пустыне. Толстый пенек едва выступает из земли и переходит в широкие листья. Длина каждого из них от 2 до 4 метров; за год листья подрастают не более чем на 15 сантиметров. Кончики их часто пересыхают. Живет вельвичия до 2000 лет.

С подъемом местности изменяется рельеф и его краски. Вдали поднимаются холмы, переходящие в горы. Вершины их плоские с просторными плато, края крутые, обрывистые. Цвета этих гор кирпично-красные. Здесь можно сделать хорошую прогулку. Оставив на обочине машину, мы поднимаемся на ближайший уступ. Каждый идет своим темпом, и группа рассыпается по склону. Привлекают внимание кактусы, кусты эфедры и низкие, толстые бутылочные деревья. Как этот цветок называется? Да разве я ботаник? Красиво кругом — и достаточно. Ландшафт, его цвета и растительность создают ощущение пребывания на необитаемой планете, при этом солнечная, но не изнуряющая погода.

Машин на дороге почти нет. Наш автомобиль переполнен, но мы подсаживаем семейную пару народности гереро. Женщин гереро легко узнать по головному убору с торчащими в стороны углами уложенной ткани. Он скопирован еще в колониальные времена у немецких модниц. Весь наряд, включая юбки и блузы, уже

преобразился со временем и носит африканские черты и расцветки. После Сесфонтейна дорога ведет на перевал, и нашей машине не хватает тяги. Выгружаемся и дружно толкаем автобус в гору, идем пешком и снова едем. Еще одни попутчики. Надо же, какие экзотичные! Туристов возят к химба, а у нас они в автобусе. По-английски супруги не говорят, но, наверное, скажут, где им нужно остановиться. Через час мы приехали к их деревне, и, пожалуй, можно зайти в гости. Женщины химба ходят по поясу обнаженными, поэтому эта народность исключительно популярна у туристов. Ни один отчет о намибийском путешествии не обходится без фотографий с ними. Мы не составили исключения. Может, потому что нас занесло сюда естественным порядком — подвезли голосующих на дороге, — к нам жители деревушки отнеслись приветливо. Мы общались как могли, фотографировались и, конечно, купили сувениры. У химба трагическая история, как у большинства коренных африканских народностей. После межплеменных войн в 1904 году они подверглись геноциду вместе с дамара и нама со стороны немецких колонизаторов. В 1980 году случилась еще большая трагедия: в жестокую засуху вымерло почти 90 % их соплеменников, а оставшиеся переселились в Опуво. С 1990-х годов, после объявления независимости, правительство Намибии продекларировало возрождение химба. Туристы, не знающие африканских перипетий, называют химба «овахимба». Это распространенное прозвище означает «попрошайки». Оно пришло из Анголы, куда бежали от невзгод часть химба.

На севере страны, в Опуво, проживает в подавляющем большинстве чернокожее население. Здесь мы устроились в хостеле и уже ночью пошли разными компаниями гулять по улицам. После возвращения речь зашла о том, что в этом городе не так безопасно и умиротворенно для туристов, как в Свакопмунде. Противоречие белокожих и чернокожих жителей страны здесь выпирает больше и не так удачно маскируется, как в столице или в курортном Свакопе.

Ошакати — следующий город, который является торговым и транзитным центром товаров из Анголы. Мы обедали в нем, и наши женщины, воспользовавшись паузой, разбежались по магазинам. Вернулись они на удивление нарядными. На пути из Ошакати встречаются баобабы; один из них был как раз в обхват для всей

нашей группы. Дальше на юг уходит грунтовая дорога, проходящая по восточной части национального парка Этоша; здесь же сразу оформляется проезд. Парк, в сравнении с другими африканскими, дешевый — 8 евро с человека. Но это для тех, кто прибыл на машине. Заказанные туры, как им и полагается, дорогие. Этоша — ежегодно пересыхающее озеро; в долгий сухой сезон впадина представляет собой солончак размерами 120 на 50 километров. Территория парка распространяется на гораздо большие пространства. По растительности здесь встречается саванна с краем Калахари. Грунтовые автодороги ведут от водопоя к водопою, где собираются животные. Но они встречаются не только у водоемов. Двурогий носорог пасется в одиночестве; к нему лучше на машине не приближаться. Животное своенравное, помнет и автомобиль. На его туше ковыряется птица, гигант этим не возмущается. Еще утро, но жара загнала под кроны высоких кустарников десяток зебр. Два зебрёнка не могут поделить место, толкают друг друга и кусаются. В стороне от них пасется мощная антилопа орикс, необыкновенно выносливое животное. «Стоп, стоп — слоны!» — кричат в машине. Окна открыты, и в салоне всех лихорадит фотоаппаратами. Около водопоя останавливаемся метрах в 70. Выходить не разрешается, но можно открыть еще дверь. Вместе с зебрами гуляют косули, а под акацией застыли две антилопы куду. Самцы страуса, оказывается, выше зебр туловищем. Они невежливо прогуливаются у воды, и от них отбегают маленькие косули. Очень интересно пьет воду жираф: наклонив длинную шею и растопырив в полушпагате передние ноги. После обеда страсть фотографировать несколько остыла, да и жара морит, но вдруг является львица. Она далеко, а ближе к ней не подъехать. Кадр будет слабенький, но все щелкают. В Этоше я второй раз и знаю лучший кемпинг; он находится в середине парка. Мы ставим палатки, готовим ужин и идем на представление. Кемпинг огорожен скалами, а за ними находится озеро. Специально для туристов сделано освещение большого водопоя, и со скал можно наблюдать животных. Нельзя разговаривать, но наших дам разбирает смех от поведения непослушного слоненка. Капризный и суетливый «малыш» с задранной хоботом убегает от своего стада в высокие кусты. Слониха выталкивает его уже не первый раз к водопою. Делала она это не напрасно. Из кустов вышел толстый

носорог и прогнал другого, более крупного, слоненка. Через полчаса стадо ушло, а слоненок остался, потом спохватился и с резвостью поросенка побежал в лес за мамашей. На другой день с утра нам встретились две львицы. Они были недалеко от нас. Затем появился лев, он выбежал перед нами на дорогу, пометил куст и нехорошо посмотрел на нашу машину: «Ездят здесь всякие». Мы снова видели жирафов, необычно цветных крупных куropаток, птицу-секретаря, шакалов, стада коз и зебр. В качестве путеводителя у нас был плакат с изображением здешней живности. Почти всех животных и птиц мы увидели, но не видели здесь фламинго. Они собираются только в сезон дождей, когда солончак заливается водой и образуется озеро.

Нам еще нередко удастся видеть животных и не в национальных парках. Они неожиданно являются даже к селениям. Косули, зебры и ориксы встречаются около главной дороги вблизи городка Отжо, а в окрестностях Отживаронго находится крокодилия ферма. После осмотра питомника можно заказать блюдо с крокодильим мясом. Буржуйство это, конечно, но мы сломались на экзотике и решили отобедать. В мясе ничего особенного, что-то среднее между свиной и курятиной. А может, нас свиной и покормили. В Отживаронго развилка на две большие асфальтовые трассы. Дорога на Омаруру интересней видами и окрестными достопримечательностями. Из поселка Калькфельд, свернув на грунтовку, можно поехать к указанным на карте следам птеродактиля динозавровой эпохи. Следы сомнительные, скорее всего подделка для туристов, но местность там и без следов живописная, а прогулка по большим каменным плитам доставила нам удовольствие. Мы оканчивали северную программу и ехали в город Окаханджа. В 25 километрах от него находятся горячие источники. Они замечательно оборудованы в бассейн, и около них среди кустарников (буша) в естественной среде удачно устроен кемпинг. После первого дорожного кольца и большей половины путешествия бассейны на источниках казались нам курортом. Утром, пока дежурные колдуют над завтраком, остальные пропали из кемпинга. Валера, Костя Вейгандт, Саша Крылов и Костя Федоринин убежали на кросс; другие ушли в бассейн. Пожалуй, можно рекламировать наши путешествия как оздоровительные: кроссы, горячие источники, трекинги, волны океана — это же СПА.

Можно представить остальных участников уже прижившейся вместе компании. Костя Федоринин — из Челябинска. Группа наша представляет немалую географию: Питер, Гамбург, Воронеж, Дармштадт, Днепропетровск, Челябинск. Костя работает в каком-то государственном издательстве директором, и на вечере знакомств, который проводился в первый день, все обнаружили, что в группе немало директоров и прочего начальства. С Константином путешествовать здорово: никаких директорских замашек из него не выпирает, напротив, наблюдаются только компанейские черты. К тому же он играет на гитаре и поет. Человек интеллигентный, читающий и, самое главное, где надо, помогающий. Общается он больше всего с Женей Берлянд, который доводится мне родственником. Евгений, наверное, самый юный в нашей группе. Работает он компьютерщиком, но как-то запутанно: в немецком банке, располагающемся в Лондоне, с офисом в Днепропетровске. В такого рода путешествии он впервые.

Поскольку я вожу еще школьников в походы, то большинство родителей сначала отправляют своих детей, а затем уже сами решаются со мной путешествовать. Дети Наташи и Тамары неоднократно ходили в походы и были даже в Индии. В нашей поездке родители между собой подружились. Наташа также путешествовала в одной из поездок по Индии.

Еще одна моя школьница — Катя Козлова. Уже в 7-м классе в походе рисовала картины кавказских гор. Она окончила Академию художеств и пристрастно, день и ночь работает архитектором. Ее услугами я тоже пользовался при ремонте квартиры. У нее за плечами маршрут по зимнему Кольскому полуострову, восхождение на Эльбрус, походы по Памиру, Тянь-Шаню... Полтора года в прошлом в замечательной компании мы были вместе в индийских Гималаях. У Кати много оптимизма и замечательных рассказов в образах.

Лена Дорман также была с нами в Индии, и еще мы вместе ехали по замечательному маршруту через четыре страны (Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Таиланд). Это путешествие держалось больше на дамских плечах, за что я очень благодарен Лене. У Лены совершенно неповторимый и неожиданный юмор. Когда мы знакомились и представлялись в первый день, Сергей Еремин никого не знал и

так охарактеризовал нашу группу: мафия друзей и родственников Снатенкова. До нашей поездки Сергей уже был в Иране и некоторых других странах. Он также много ездил по России. В Намибию отправился с удовольствием.

Наташа Вайнштейн купила билет в поездку сама и прилетела с группой, не предупредив меня. Народ наш с подвохом. Ну и здорово! Она была со мной в Венесуэле, Индии, Китае и т. д. У нее много хобби. В Гамбурге посещает бардовский клуб, пишет сценарии, стихи, говорит на четырех языках и даже немного на китайском. Повторю, в этой поездке собрались близкие мне люди. Путешествие ладится, и настроение держится на мажорной ноте: есть полет. Этому способствуют каждый участник и песни, которые мы всюду поем. Путешествие зависит от того, как оно организовано, и в не меньшей мере от состава участников. Сколько оригиналов в наших группах! Не могу удержаться от слов из песни: «Разве был я невезучим?»

От горячих источников, не заезжая в Виндхук, через перевал Гамсберг мы направляемся в горы Науклюфт. Это южная часть программы. Мы несколько плутаем и едем удивительными ландшафтами: горы и долины, а через них петляющая гравийная дорога. Горы просматриваются пластами глины и камня; в долинах — саванна. На высоте кустарники отступают и стелется белесый ковыль. Нельзя не остановиться на открывающихся панорамах. По складчатым пластам обрывистых склонов можно изучать историю Земли. До кемпинга далековато, к темноте, пожалуй, дотянем. А надо ли? Лучше остановиться по-дикому: как раз место плоское, и можно поставить палатки засветло.

Не всех вдохновляет кемпинг без удобств. «Но мы же путешественники», — думаю я про себя не без ехидства. Ведь предупреждал: «Не отели, рестораны и пляжи, а ландшафты, памятники, люди». Ландшафты Науклюфт и вечерняя заря, по крайней мере сегодня, гарантированы. Палатки ставим быстро, нанесли сухого кустарника и ждем ужина. Небо действительно запылало огнем. Под нами не земля, а плоская каменная плита. Как только запахло едой, завывли высокой нотой шакалы в саванне. Дамы заволновались.

— А как тут со львами?

— Львы не нападают там, где жгли костер, — фантазирую я. И мне верят: я же опытный путешественник. Пошли шутки по поводу львов.

— А пусть дежурные их ночью отгоняют.

Плита за день нагрелась, и лежать на ней приятно. Воздух ядреный от трав, поют цикады. Мы тоже поем под гитару. Вдруг в наш круг забегает с завернутым хвостом шальной скорпион, эдак сантиметров на 12 длиной. Он не просто длинный, а еще и толстый. Цвет у него черно-коричневый, под оттенок каменной плиты, на которой мы лежим. Костер замечательно его освещает. Мы смутились, от удивления заерзали, зашумели, повскакивали. Скорпион повернул обратно. На огонек что ли прибежал? Разумно было идти всем спать, да и вставать рано. Утром, между прочим, когда народ прогулялся по окрестностям кемпинг ведь без удобств, — недалеко от нашего бивака обнаружили следы льва. Сразу родилась версия: сытые львы на людей в палатках не нападают.

Туристы (как правило, жители крупных городов) радуются открытым пространствам и отсутствию людской суеты. Буш, саванна, пустыня, кругом природа и совсем нет людей; с дороги открывается широкий горизонт. Но если захочется съехать в сторону, не тут-то было. Кругом ограждения. Наверное, они устроены для того, чтобы дикие животные не выскакивали вдруг на дорогу. Ничего подобного, это ограждения частной территории. Почти вся земля в стране скуплена и огорожена. Костя Вейгандт из нашей группы на второй день путешествия заметил, что чернокожее население в Свакопмунде отгорожено от городка и живет в грязных лачугах. «Белые намибийцы составляют 6 % населения, но контролируют (т. е. владеют) 90 % земель», сообщает нам журнал *New African*. Многие земли представляют пустыню, но известно, что эти пустыни богаты ураном, алмазами, золотом, серебром... По запасам урана Намибия находится в первой пятерке в мире (одна восьмая общемировая часть). Парадокс: много богатой, а также достаточно плодородной земли, но при этом количество безработных в стране ужасающее — более 50 % населения. И это при громадных территориях и общем населении чуть больше 2 миллионов человек. Уже эти цифры показывают, что сквозь внешнее благополучие страны проглядывает лицемерная политика государства. Намибия не является бедной страной

в общепринятом смысле и не производит плохих впечатлений на туриста, но местному населению от этого не легче: все богатства сосредоточены в руках очень узкой группы людей, преимущественно европейского происхождения. Неравенство доходов в стране самое высокое в мире.

Социальное расслоение людей здесь дикое: 50 % самых бедных имеют 2 % от ВВП, или 120 долларов на человека в год. Вторая половина самых бедных является главным показателем любой страны, по крайней мере эта цифра, должна фигурировать чаще других в статистике. Сквозь этот показатель сразу проглядывает и лукавость государства, и скарденность собственников, захвативших национальные богатства, и народная угнетенность... И криминал, от крупного бандитского бизнеса до уличного воровского.

Земельный вопрос — главная проблема намибийцев. Несколько тысяч белых фермеров монополизировали землю, а более половины населения живет в нищете. Почему бы не наделить земель — слава богу, ее много — всех желающих, хотя бы небольшими участками для самообеспечивающих хозяйств в обычном африканском понимании? Это бы значительно уменьшило число безработных и разрядило социальное напряжение в стране. В силах ли правительство помочь страдающему народу? Разумеется, правительство проводит земельную реформу для решения проблемы, вернее, для создания видимости ее решения. Мы ведь живем в эпоху реформ (несмотря на то что все они неудачные). Особенность Намибии в том, что еще во время предоставления ей независимости участвовавшие в переговорах государства (Великобритания, США, Канада, Германия, Франция — все цивилизованные) навязали заодно запрет правительству Намибии проводить радикальные изменения по вопросу пользования, поэтому правительству остается только возможность впадать в демагогию. Это все закреплено в третьей статье Конституции и не подлежит даже обсуждению. Зачем же нужно цивилизованным государствам столь глубоко вмешиваться во внутренние дела далекой страны и компрометировать попутно проповедуемые ими священные принципы демократии?

В экономике Намибии доминируют животноводство, туризм, рыболовство и больше всего рудодобывающая промышленность. Уран и, конечно, другие ископаемые, так нужные Западу

для процветания, добываются транснациональными компаниями (ТНК) на очень выгодных условиях, т. е. незначительно облагаются налогами. Компании при этих налогах и договорах почти владеют рудниками. Намибийские собственники земли тоже платят символическую пошлину. Кабальные договоры для страны не трогают землевладельцев; им с земли хватает на жизнь. Союз собственников земли и владельцев ТНК закреплён Конституцией и одобряется правительством, с которым те и другие дружат. Основной массе чернокожего населения остается только прозябать в нищете и чтить против них направленную Конституцию. Такова особенность Намибии, а также многих других африканских государств; иначе сказать, такова цена приобретенной независимости. В отличие от африканских государств, российские патриоты могут гордиться тем, что отечественные национальные богатства принадлежат отечественным олигархам, а не западным. Правда, по этой причине олигархи западные не могут договориться с российскими и торгуются с украинскими ценой столкновения между собой народов на территории Украины, как, впрочем, и во всех остальных полыхающих точках планеты. «Как будто и не было никакой независимости. Это расизм, завернутый в красивую обертку независимости и национального примирения», — утверждают коренные африканцы (журнал *New African*). Многие из них видят, что при такой социальной пропасти Намибия дождется участи Зимбабве и ЮАР, где расизм с черных перекидывался на белых с последующим экстремизмом. Собственно, замаскированный экстремизм в стране можно увидеть с другого края. Он кроется в полном захвате земли кучкой собственников. Поэтому, путешествуя по Намибии, турист видит непрерывные ограждения и в малонаселенной стране в основном сталкивается с белым меньшинством, а для экзотики, конечно, берет тур к чернокожим; поэтому же путеводители не рекомендуют посещать в столице окраинный район Кататтура, что на языке гереро означает «место, где плохо жить».

Еще можно добавить. Своей независимостью Намибия обязана прежде всего Кубе. Факт как будто известный, но не афишируемый. Российские СМИ, очевидно из патриотических чувств, преувеличивают в этом деле роль СССР. Запад тоже гордится посредническими услугами оформления независимости в международных актах.

Но главную работу взяла на себя маленькая страна и сделала большое дело, полезное всему миру. Кубинские войска дали решающее сражение и добились победы, ведь районы северной Намибии и южной Анголы были охвачены хроническими войнами. Освободительному движению в странах Южной Африки препятствовали ЮАР и Родезия с реакционными режимами апартеида. В 70—80-е годы войны шли в Мозамбике, Анголе, Намибии, Ботсване, а также на современных территориях Зимбабве. Они унесли сотни тысяч жизней. Намибия добилась наконец освобождения благодаря военному вмешательству Кубы в противовес очередной оккупации ее войсками ЮАР. В местечке Куито-Куанавале в 1988 году произошло решающее сражение. Кубинская победа принесла не только независимость Анголе и Намибии, но и подорвала узаконенный апартеид (иначе сказать, расовый фашизм). Нельсон Мандела говорил, что сражение при Куито-Куанавале было поворотным пунктом в борьбе за свободу его народа от апартеида. А вот оценка Фиделя Кастро: «Новые поколения должны знать, что конец апартеиду был положен в Куито-Куанавале на юго-востоке Анголы, с участием на этом фронте более 40 тысяч кубинских бойцов вместе с ангольскими и намибийскими солдатами». Кубинские войска прибыли в Африку, не поставив в известность правительство СССР. По факту и с опозданием наше неразворотливое государство подхватило дирижерскую палочку, как одну из сторон мировой политики. Вторая сторона — США — с самого начала проплачивала войны, организованные апартеидными режимами, и не осталась в накладе. После войны сырье Намибии продолжает добываться и использоваться процветающими странами. Официально все эти прошедшие события преподносятся очень запутанно. В этом заинтересованы сильные государства.

На этом я заканчиваю отступление о заборах, всюду встречающихся на пути. Горизонт впереди размытый. Приближается пустыня, и чувствуется ее дыхание. Мы уже давно проехали южный тропик (Tropic of Capricorn) и подъезжаем к пересыхающей речушке Цучаб (Tsuchab). Она прорезает в глине каньон и вклинивается между барханами глубоко в пески Намиб. Таких крупных вторжений временных рек несколько: Койчаб, Цучаб, Чонгаб. Их долины поразительно красивы, но дальше всех в пески устремляется Цучаб.

Собственно, реки как таковой нет, есть только высохшее русло и по пойме растительность. Вода врывается в русло внезапно в короткий сезон дождей и тут же впитывается в иссохшие почвы. В Намибии четыре каньона: Фиш-Ривер, который претендует у туристов быть вторым в мире (хотя сомнительно, перуанские несопоставимо больше), Куйсеб, Гауб и Сесрием. Последний на нашем пути, и грех не заехать. В каньоне почти всегда сохраняется озерцами вода; особенно теневые стороны прячут деревья и высокие кустарники. Местонахождение его трудно заметить с рядом проходящей дороги, но в Намибии везде указатели. Кругом плоская, выжженная до белизны глиняная равнина, которая парит на горизонте миражами. Каньон петляет обрывистыми бортами до глубины 30—40 метров: внизу вода, деревья и даже птицы поют. А на его краю жара 40 градусов. Километрах в четырех есть кемпинг, и кто в нем останавливается, может вечером увидеть животных, явившихся к водопою. Их здесь не так много, но приходят шакалы, косули, огромные ориксы (символ на гербе Намибии). Обезьяны и днем потешают здесь туристов.

После каньона сухое русло Цучаб врезается в песчаную пустыню на 40 километров и пропадает в солончаках Соссусвлей (Sossusvlei). Долина украшается кустарниками и деревьями, преимущественно акацией. Желто-солончаковая земля с зелеными растениями сопровождается огромными дюнами красноватых оттенков. Дюны горами песка, переходя одна в другую, играют красками и создают не только удивительные цвета, но и непостижимые геометрические формы. Пески Намиб — завораживающее зрелище! Их оттенки сильно зависят от освещения: утром и особенно вечером, на закате, они сочнее.

— Фотошоп? — спросят фотографа после путешествия. Никакого фотошопа. Намиб — самая древняя на Земле пустыня, ей 80 миллионов лет. Чем старше пески, тем краснее их цвет. Ближе к океану перекатываются свежие пески; там они желтые или даже белые. Также они зависят от цвета почв, с которыми соседствуют. В некоторых низинах нам встречаются на пути черноватые осыпи или, наоборот, белые от солончаков. Википедия сообщает, что дюны Намиб — самые высокие в мире. Это вряд ли. Барханы Тенере в Сахаре выше намибийских. Но Намиб для туристов намного

доступнее, чем пески в сердце Сахары, и мы из окон автобуса восхищаемся удивительной дорогой. А вот удобная дюна, к которой можно подъехать, оставить автомобиль и подняться наверх.

Лучше не просто подняться, а пройти по дюнам некоторый маршрут, хотя бы три-четыре часа. Погода на редкость удачная: небо прикрито растянутыми облаками, и нет большого ветра. Народ высыпает из машины, шутки-прибаутки, все обуваются, кто-то оголяется — хочется позагорать, пока утро и не печет солнце. Начинаем медленное шествие по гребню дюны. Группа потихоньку растягивается; наиболее рьяные рвутся вперед. Пусть идут. Впереди Костя, Саша, Женья, дальше шествуют несколько наших дам, в середине Валера с Ритой, а я, пожалуй, оправдаюсь, что был замыкающим, и достану фотоаппарат. На вторую, более высокую, дюну уже поднимается часть группы, но как компактно: кадр будет удачным наверняка! Удивительно, как извиваются барханные линии и как красиво шествие людей по песчаным гребням. Дюны переползают одна другую отточенными линиями и образуют впадины, на дне которых отполирован глинистый солончак. Они снова поднимаются громадными горбами и убегают в бесконечность, похожую на песчаный океан. В другую сторону с высоты во всей красе открывается долина, по которой мы ехали. За долиной вздымаются новые дюны, еще более грандиозные. Жалко, что мы не на верблюдах, вот была бы картина! Кстати, почему в Мавритании кругом верблюды, а в Намибии их нет? Наверное, верблюдов в Африке разводят в основном арабы. Не жара ли нагнетает на меня такие мысли?.. Мы идем уже долго, облака рассеялись, и всем хочется пить. А еще возвращаться обратно. Пожалуй, теперь лучше всего пойти вниз по гребню, а дальше напрямую сбежать по осыпи до твердого грунта и топтать по выжженной траве и колючкам. Змеи? Нет. Не водятся же они на каждом квадратном метре. И будем думать, что время на солнцепеке для них не лучшее: они сейчас в норах. Обратно возвращались мы уже отдельными кучками. А у машины всех ожидал водопой.

Солончак Соссусвлей («влей» в переводе с языка африкаанс значит «впадина») теснят дюны, а если поднимается ветер, по нему метет песчаная поземка. Здесь немало растущих акаций и разбросанных в беспорядке кустарников. Грунтовая дорога прерывается за

5 километров до последних высушенных стволов деревьев, которые любят фотографировать туристы. Наверное, они символизируют безжизненность пустыни. Дорога не доведена до символического края по настоянию турфирм, которые заботливо подвозят сюда туристов на джипах. Беда совсем небольшая. Наоборот, можно подниматься по нехоженным дюнам. Снова идем по пескам, но на этот раз недолго. Вчерашнего подвига нам не повторить: 10 часов утра, а жара удушающая, да и был уже маршрут по барханам... На обратном пути также тянутся за бортами громады дюн. Несмотря на зной (худшая перспектива для фотоаппарата), цвет их остается коричнево-красным. Глаз останавливается на погибших деревьях. Их целый лес. Стволы и ветки обнажены, гладко начищены песком и коряво торчат в стороны. Далее снова тянутся серо-зеленые акации. Никто в салоне автобуса не дремлет, все сопровождают взглядами перемены ландшафта.

На ночлег мы останавливались в мизерном поселке Соли-тайре и подальше от туристского бара поставили палатки. Ночью к нам снова под фонарь явился не менее крупный скорпион, чем в прошлый раз. Ну, это уже наглость, мы же в кемпинге! Надо его наказать. Мужики разрезали большую пластиковую бутылку и задвинули его палкой вовнутрь сосуда, чтоб утром сфотографировать. Насилием возмутилась Наташа Вайнштейн — она защитник живой природы. «Тогда пусть берет его к себе в палатку, никто больше не хочет быть укушенным...» Бутылку оставили на столе, а утром сделали кадр. Все-таки азиатские скорпионы — карлики по сравнению с африканскими.

Надо же, и здесь грунтовая взлетная полоса есть. По ней бегут кросс наши люди: Валера, Костя, Паша и, кажется, даже Лена. Позавтракав, собираемся ехать дальше. После кросса за руль снова «с удовольствием» садится Валера. Ландшафты уже другие. Глинисто-гравийная пустыня переходит в саванну из жесткой, обожженной солнцем травы. Дорога поднимается на перевал Куйсеб. Здесь надо прогуляться. Ветер уже свежий. Холмы поросли ковылем, а в оврагах сохраняются низкие деревья с сочной кроной. Едем дальше. Эх, красивое русло реки! Надо снова остановиться. Тогда обед и прогулка. Внизу по руслу лежит плотный белый песок, а борта его сложены из высоко поднимающихся коричневых каменных

пластов. Горы вдали тоже выстроены изогнутыми пластами. В долине зелень, местами встречается вода; она не просачивается насквозь в глину. Много ярких желтых цветов растут букетами прямо на песке. Катюшу, кажется, они особенно пленяют. Пожалуй, нужно здесь пофотографировать тоже. Некоторые такие русла, подходя к пескам, имеют постоянный подземный сток. Вода просачивается сквозь слои песка и течет по плотной глине. Река Куйсеб, например, перехватывается в 40 километрах от морского побережья и направляется по трубопроводам в Уолфиш-Бей и Свакопмунд.

Растительность пустыни на первый взгляд скучная, но ботаник будет помирать здесь от восхищения. Путешественнику тоже есть чему удивиться. Растения не стоят стеной, но на горных плато они совершенно необычные, их многообразие удивляет. Мы уже фотографировались около вельвичий, бутылочных деревьев, жирафовой акации, а вот недалеко от дороги стоит одиноко колчановое дерево. Тоже экземпляр необыкновенный. Ботаники утверждают, что все это не деревья, а суккуленты, т. е. растения, накапливающие в себе влагу, чтобы пользоваться ей экономно. К ним принадлежат и кактусы, и алоэ, и кусты парнолистников, часто нам встречающиеся, и, кажется, даже баобабы. Все они наполняют воздух благоуханием. Воздух удивительно здоровый для нас, жителей вечно сырого климата. Сколько едем — какие безлюдные пространства встречаются! Вот наши отдохнут от тесных городов, а впереди еще отдых на пляже. В Индию потом никого не уговорить поехать. Снова встречаем барханы, уже белые, значит, приближаемся к побережью. Темнеет. Ночевать в поле уже лениво, и мое предложение отвергается.

— Тюлени, океана хочется, — ворчу я про себя. Пожалуй, народ прав. Только удобно ли в добропорядочном городе искать ночлег среди ночи?

Пляж в радость после большого путешествия. Купаться уже многие идут не в тихую бухту, а на большую волну. Океан особенно бьет шквалом после обеда. Волны свирепствуют, и заплывающие отчаянно борются с ними: пара человек уже получили ушибы и ссадины. Появились также пережаренные на солнце. Несмотря ни на что, вечером хочется всем идти танцевать. В курортном городке несколько скучных баров; один из них мы оживляем. Танцуем, как

умеем. Наш задор поддержали несколько заезжих ботсванцев. В единственное место, где танцуют, подтягиваются еще туристы с улицы. Хозяин бара, кажется, нам рад. Да, мы завтра снова придем. Мазь от загара оказывается какая качественная: две наши девушки блистают на танцах спиной в полосу.

В туристском городке, если нет достопримечательностей, то их придумают. Например, башня для обзора двухэтажных улиц или музей живописи, состоящий из одной достойной картины и десятка прочих. Мы посетили музей минералов. Что еще посетить? Двух дней на пляже хватило. Валера с Сашей взяли тур на рыбалку, остальные — в лагуну Уолфиш-Бей. Туров много, они дорогие и в большинстве моторизованные: на квадроциклах, парапланах, джипах, на водных скутерах; есть даже самолет в каньон Фиш-Ривер. Представляете, прилетел человек на самолете, постоял полчаса на краю обрыва, сфотографировал себя и улетел обратно. Так на Камчатке смотрят гейзеры за 600 долларов: однодневная экскурсия на вертолете из Петропавловска. Мы раскошелились по 35 долларов на брата для морской экскурсии в лагуне. Это как сходить в хороший зоопарк. Снова видели небольшое лежбище котиков, ныряющих пингвинов, множество пеликанов, черных больших бакланов и даже шакала, обедающего рыбиной. Есть котики прикормленные, которые залезают на специальный бортик катера, и туристы могут их потрогать. На рыбу гида слетались огромные белые пеликаны — настоящие птеродактили. Дети наши были счастливы от зрелища; взрослые тоже впадали в детство. Здорово путешествовать! Вернувшись с экскурсии, народ разбежался группками готовить прощальный творческий вечер — «капустник». Без этого наши не могут. И мне, черт побери, что-то надо творить. Профессионалы с рыбалки подъехали позже. Они привезли кучу рыбы, очень экзотичной, в том числе окулятину. В ужин будет праздник живота: разумеется, все поехали в путешествие похудеть.

Как посетившего много стран, меня часто спрашивают: какая страна самая лучшая, в какую страну лучше поехать? Трудно ответить на этот вопрос, потому что много удивительных стран. Иногда спрашивают, где бы я хотел жить. Здесь можно сказать определенной: везде хорошо, где нас нет. Разве Намибия не потрясающая страна? А Индонезия, Индия, Венесуэла, Бразилия, Россия? Правда,

люди кругом живут бестолково: воюют, эксплуатируют, воруют и одновременно плачут, радуются, поют. Кто что хочет видеть в путешествии... Одни любят природу, другие смотрят исторические памятники, третьи видят только рестораны. Мне кажется, в первую очередь интересно, как живут люди. Не может не восхищать живую человеческую душу природа. Много удивительных стран! Страстным любителям путешествовать лучше посетить самые большие по площади страны. Тот, кто попадет в первые 30 из них, увидит больше половины мира и удивится, что там окажутся африканские Алжир, Конго, Судан, Ливия, Чад, Ангола, ЮАР, Эфиопия, Мавритания, Танзания, Египет.

Подготовка «капустника» похожа на колдовство. Люди заговорщически объединяются кучками и сидят в своих сторонках, хихикают. На кого посмотрят, про того и рифму сплетут. Рита еще до вечера к чему-то спросила, здоровится ли мне. Женщины явились на торжество нарядными для исполнения ритуального танца. Танец должен оживить больного — больной, конечно, я. После танца заводятся русские частушки на африканские темы.

Оля начинает:

— Милый, че, да я ниче, не намазано плечо,
Солнце палит горячо, не сгореть бы где есчо.

Рита продолжает:

— Милый, че, да я ниче, только пяткам горячо,
Дюна номер 45 нас поджарила опять.

Очередь Наташи В.:

— Я футболку выбирала, не подходит ни одна,
Я подамся в овахимбу: там футболка не нужна.

Другая Наташа выводит:

— Песни у костра мы пели, чаем запивали,
Нашим песням все шакалы дружно подпевали.

Дальше лучше поместить строки из дневника Наташи Вайнштейн: «После нашего ритуального танца Володя снова был живехонький и спел нам первым свою частушку. В частушке он

заявил, что группы лучше нас ему не встретить. Если кто думает, что он всем группам так говорит, то я первая могу свидетельствовать, что ничего подобного. А потом по кругу пели частушки все остальные. Стихи написали абсолютно все, даже дети, вплоть до маленького Саши! После каждой частушки раздавался взрыв хохота... Потом еще несколько человек пели песни собственного сочинения: Володя на мотив песни «Ваше благородие», Даша на мотив песни «На безжизненных просторах» Иващенко и Васильева, Женя с Костей Ф. на мотив песни «Поворот» Макаревича, Оля с Ритой на мотив песни «Ах, этот вечер» из фильма «Ах, водевиль, водевиль...». Какая же у нас, правда, талантливая группа!»

Заканчивается отпуск у всех. Мы семьей тоже завершили первый круг большого путешествия и с друзьями улетали из Намибии в Гамбург. Россияне летели в Питер, Воронеж, Челябинск: из жары в лютую зиму. Лена с детьми отправлялись отдельным рейсом, а я вместе с группой — так были взяты билеты. Шутили: Снатенков сопровождает группы только обратно. Путешествие переживается трижды: когда к нему готовятся, непосредственно в поездке и когда собираются с друзьями, чтобы вспомнить маршрут и посмотреть фотографии. Мы еще встретимся, если не все вместе, то по отдельности в Гамбурге и в Питере, и, конечно, с гитарой. Семьей у нас предполагалась трехнедельная пауза, чтобы разгрузить все фото — и видеоматериалы, собраться для заочного обучения на второе полугодие, уладить некоторые делишки (они любят накапливаться за время отсутствия дома) и организовать для второго африканского круга. Ну и, конечно, повидать близких людей. В машине, дорогой в аэропорт мы все менялись адресами и телефонами: нас ждали еще расставания.

В качестве гида я организовывал и сопровождал множество групп. «Исповедь» была написана позже рассказа о Намибии и касалась другой схожей по программе поездки. Эта миниатюра, предназначенная для прощального вечера после другого путешествия, помещается в виде приложения.

Исповедь профессионального гида

Трудная у меня работа. Я вожу группы в далекие страны. Ездят в группах разные люди: бедные и небедные, здоровые и нездоровые, умные и очень умные. Одни хотят увидеть мир и умереть, другие — покорить его и долго жить. Только потому, что люди ездят в далекие страны, можно предположить, что у них непростые характеры. Кроме того, в группах в основном собираются люди с высшим образованием, и уже поэтому мне можно посочувствовать. Трудно классифицировать различные характеры не только всех путешественников, но и в каждой отдельной группе. Но, пожалуй, всех их можно поделить на две категории: на героев и обыкновенных людей. Нельзя начать рассказывать о людях обыкновенных, если есть герои.

Герои имеют свои представления о путешествиях и, собираясь в поездку, хотят, допустим, поймать в океане барракуду. Даже если они не представляют, как выглядит диковинная рыба, все равно заманчиво намерение рассказать после путешествия о совершенном подвиге. В былые времена о необыкновенных людях рассказывали гомеры. В наш суетливый век гомеры не рождаются, поэтому герои сами рассказывают о себе. Если заглянуть в интернет, он пестрит сплошными подвигами. В моих группах тоже нередко встречаются герои. В героях, как и должно быть, чаще всего состоят мужчины. В армии они служили десантниками, а не десантники как минимум раз пять прыгали с парашютом; присутствуют среди них и бывшие военные с сильными голосовыми связками. Отличительная черта героев — умение говорить много и громко, даже если они не были в прошлом военными. В путешествии они норовят съесть крокодилье мясо, проехаться по склонам дюн на джипах или квадроциклах, покорить вершину, на которую поднесут рюкзаки шерпы, или ухлестнуть за стройной креолкой под навесом уютного бунгало. Но я организую скромные путешествия и за посильные среднему слою людей деньги. Мы едем в общественном транспорте по Индии или Эфиопии; едим простенько в народных столовых или сами готовим еду на газовой горелке; ночуем в таких кемпингах и гостиницах, куда неохотно заходят красотики. Трудно в скромных условиях развернуться герою. Но в жизни всегда есть место подвигу. И в таких условиях герои норовят развернуть предложенную

программу в свою сторону. Мы не на джипах, а ножками топаем в азиатских Гималаях, в Андах Латинской Америки или по пустыне Намиб в Африке. Красота необыкновенная!!! Но герою необыкновенной красоты мало, ему самому нужно быть необыкновенным. И в наших условиях он выходит из положения, на то он и герой. На необыкновенных ландшафтах — в джунглях, в горах, на барханах пустыни, в величественной саванне — он запечатлевает себя фотоаппаратом в монументальной позе на века и на память потомкам. Если приглядеться к фотографии повнимательней, начинаешь понимать: что там саванна по сравнению с осанкой героя! А выражение лица... Герой — и нет больше слов! Далеко Одиссеею до наших путешественников. Бледно нарисовал Гомер своего странника, и это понятно — в то время не было фотоаппаратов. И вот технический прогресс по-настоящему, максимально наглядно рисует мужественный образ на фоне горы. Хочешь — не хочешь, а заметишь: гора покоряется герою. Скала, океан, тонкой резьбы храм выглядят живописнее и примечательнее с его присутствием. Слава герою!

Есть еще один вид героев в моих группах — работодатели. Сам по себе статус работодателей говорит о том, что они не простые смертные. О них, чтобы длинно не говорить, можно сказать, что они дважды, а иногда даже трижды герои. В одном из путешествий у нас был такой случай. Я поселил двух не менее чем дважды героев в хороший, уютный номер (в неудобные номера герои селятся неохотно). Они между собой поссорились. Почему? Оба хотят рассказывать, а слушать их больше некому, поэтому и поссорились.

В группах бывают также... даже не знаю, как их назвать... назовем их условно полугероями, если они не обидятся. О них труднее всего рассказывать. Это люди исключительных профессий, т. е. художники, писатели, юристы, психологи и, что удивительно, даже журналисты. Это все люди утонченные, и я их не всегда могу понять. Готов даже признать, что я грубее и мне недоступна их хрупкая структура души. Ко всему, они очень эрудированны, остроумны и, представьте себе, интеллигентны. Говорят они не меньше героев, но тише. Питаются отдельно, вегетарианствуют или, еще хуже, едят по какой-нибудь системе. А как им угодить в походе, если есть только одна кастрюля каши или супа? Но голод не тетка, и к концу путешествия они тоже привыкают к обычной еде. Однако сколько

бывает разговоров о кухне, и каких утонченных! Мне иногда кажется, что я даже пообтесался или, лучше сказать, облагородился в этих разговорах и, наверное, мог бы стать неплохим официантом. Я стал разбираться в таких кулинарных тонкостях, что хоть впору тоже начать питаться по какой-нибудь системе. Жаль, что я много времени в разъездах и не имею возможности питаться необыкновенно. Со мной эти галантные люди разговаривают интеллигентно: герои не так интеллигентны, а эти утонченные. Многие из них иногда подчеркивают мое здоровье, хоть и питаюсь я «как попало», по их словам. Я и сам признаюсь — на здоровье не жалуюсь. А на них глядеть жалко. Люди тонкой души имеют часто помирающий организм, даже если не имеют столь тонкого тела. Они не блещут бодростью, скорее, блещут нездоровьем. Постоянно лечатся, делают специальные «похудаяющие», омолаживающие упражнения, занимаются йогой; одна даже готовилась к пластической операции, и все не впрок: здоровья нет как нет. Укладывать таких людей в палатки даже совестно, но что делать: сами напросились в путешествие, и за все уплачено. Гонит их нелегкая с рюкзаком по странам. Трудно мне с ними, да и им со мной нелегко. А кому сейчас легко?

Но не могут быть все героями. Среди героев и полугероев, в моих группах собирается большая часть людей обыкновенных. Я веду группу по гребню высокой дюны среди бескрайних песков. Автобусик наш оставлен где-то позади; у нас есть вода, и группа уверенно продвигается вперед. Все идет хорошо. Солнце клонится вниз, наступает прекрасное время для фотографий. Герои вырвались вперед, и, пользуясь случаем, можно фотографировать людей на дюнах. Такие фотографии беспроигрышны. Но я гид, мне нельзя увлекаться фотографированием, нужно вести группу в должном направлении. Оглядываюсь назад, за мной идет Ирина Хольцер. Кажется, она плачет... Что случилось? Все нормально: Ирина плачет от радости. Мы идем по дюне 45. По нечаянному совпадению, сегодня у Ирины День рождения и ей исполнилось 45 лет! В больших путешествиях бывает много совпадений. Ирина делится со мной впечатлениями. Она на гребне дюны чувствует два склона и свою середину жизни. Значит, ей жить до 90 лет. Счастливой тебе второй половины жизни, Ирина!

Мне стыдно перед именинницей. С ней всем легко общаться в группе, она все делает ловко и хорошо; вчера для группы приготовила ужин, и у нее нет особых претензий в путешествии. По профессии она медсестра, если надо, окажет медицинскую помощь. Уже за это, по крайней мере, я должен был быть ей благодарен. Такие люди делают хорошую погоду в группе. Я ей почему-то не уделил до сих пор никакого внимания. Наверное, потому что она не принадлежит к героям. Герои сами требуют к себе внимания, а она ничего не требует. Герой не плачет, а если и заплачет, то не как Ирина. Наверное, она замечательный человек; вечером обязательно расспрошу ее о житье-бытье.

Вечером поговорить с Ириной как-то снова не удалось. Что-то хочется спросить, но вокруг все время говорят герои. Говорят громко, а те, кто негромко, — очень остроумно. Остальные их покорно слушают. Так и не поговорили. Есть даже такая песня: «Не поговорили». Я спел ее всем; Ирине она, кажется, понравилась. Мне бы, как гиду, нужно видеть каждого человека, каждому уделить внимание, но как-то не получается. Трудная у меня работа.

Елена

17.12.2008. Вчера к вечеру доехали до деревни Дивунду. Здесь перекресток с дорогой, уходящей в Ботсвану. Мы остановились у реки Окованго. Эти места часто посещают туристы, поэтому вдоль берега построены гостиницы и кемпинги. Отсюда выезжают на лодках или машинах понаблюдать за птичьим и животным миром. Сервис, как и везде, достаточно дорог — от 100 долларов в день за тур. Гостиницы и лоджи содержат в основном белые бизнесмены из ЮАР. Мы случайно заехали в одно оригинальное место в 15 километрах от дороги — Ngeri Camp. Идея очень проста: использовать данные природой материалы для создания минимальных удобств. Кемпинг существует уже около 20 лет и превратился из маленького и простого в большой, со сложной экосистемой. Цены тоже подросли. Но все же... Домики сделаны из соломы, пол деревянный. Весь лагерь снабжается водой из реки и электричеством от солнечных батарей, при этом здесь постарались не уничтожить природу. Туалеты, раковины, души устроены прямо под деревьями, в кустах.

Все оформлено с юмором и большим мастерством. Из-под веток дерева льется вода, и названо это райским садом! Унитаз стоит в кустах, и где-то с ветки свисает веревочка, протянутая от сливного бачка. Рядом с купальней на реке висит предупреждение, что здесь живут крокодилы и бегемоты, и нужно стараться не помешать им. А еще не ходить в туалет в речку, так как самим же придется пить эту воду. Лавки, столы, лодки — все сделано из каких-то пеньков, коряг и украшено рисунками и шуточными надписями.

Местечко Дивунду совсем маленькое: пара магазинов и заправка. Сама деревня несколько дальше, хотя назвать это деревней в нашем понимании сложно. Это достаточно просторные дворы (в Намибии места много), огороженные соломенными заборами. На их территории — три глинобитных домика с соломенными крышами. Основание у домов деревянное. Один дом используется как основной, в нем живут и спят. В другом кухня, третий — сарай. Дворы расположены далеко друг от друга и тянутся вдоль реки так, что непонятно, где начинается и заканчивается деревня. Люди живут бедно. Работы почти нет. Говорили, есть небольшая ферма, где выращивают фрукты для продажи в гостиницы. В остальном живут за счет натурального хозяйства. Мы поинтересовались у женщины, работающей на кухне в кемпинге, ее заработком. Это гроши: 75 долларов в месяц. Между тем цены на продукты здесь чуть ниже европейских. Транспорта нет. Женщина ходит каждый день 5 километров на работу и поздно вечером домой. Рабочая сила, можно сказать, бесплатная, если учесть, что место в домике сдается за 35 долларов с человека, а место в палатке — за 7,5 долларов. Впрочем, разницу между ценами и зарплатами можно наблюдать на хмурых лицах обслуживающего персонала. Все утро мы гуляли по кемпингу, как по музею, купались в реке Окаванго вместе с крокодилами и бегемотами в бассейне с решетками и любовались птицами. К обеду собрались ехать дальше. От реки до дороги надо было пройти всего 4 километра. А по дороге — еще 10 километров до главной магистрали. Хотели идти пешком хотя бы первые 4 километра, а там, может быть, кто-нибудь подхватит. Настроились на долгую ходьбу. Но тут из кемпинга как раз собралась ехать машина. Ну не отказываться же, когда тебя собираются любезно подвезти! Прогулка сорвалась! Нас подкинули до самого перекрестка. Оставалось только перекусить

и поймать попутку или автобус, что мы и сделали. Нас подхватил местный житель, и следующие 200 километров мы проехали с ним.

18.12.2008. Вчера к вечеру добрались до городка Гротфонтейн. Володя там задерживаться не захотел, и мы двинулись в сторону самого крупного в мире метеорита, находящегося в 25 километрах. Метеорит Хоба упал 80 тысяч лет назад и представляет собой сплав железа и нескольких других металлов. Размером он где-то 2 x 3 x 3 метра и весит около 50 тонн. Мы полюбовались бывшим небесным телом на закате и поставили палатку недалеко от входа в этот маленький парк. Сторож нам любезно позволил. Здесь были свет, крыша, туалет и даже горячий душ. Словом, дикий кемпинг по первому классу. Нам принесли даже стулья со столом. Вечером, когда зажгли свет, мы были поражены количеством жучков, летящих на лампу. Лампа мощная, и насекомые, обжегшись, дождем падали вниз, усыпав весь пол. Некоторые жуки были длиной 4—5 сантиметров и шумно пикировали, как самолеты. Мы поспешили отужинать и спрятались в палатку.

Паша уже несколько дней жалуется на усталость и головную боль. Вечером у него поднялась температура. Мы забеспокоились, так как проехали вдоль рек по самым комариным местам. До Виндхука еще 500 километров, и я дала Паше лекарство от малярии. Утром он чувствовал себя неплохо, но к обеду у него снова поднялась температура.

Метеорит расположен среди интересного ландшафта: невысокие, до 1,5 километра, скальные горы, покрытые густой растительностью, окружают долину. По местности раскидано много животноводческих ферм — это большие и очень аккуратные хозяйства. Места чем-то напоминают альпийские предгорья.

Утром мы прошли несколько километров до дороги, а там нас подвез до основной магистрали один из фермеров, проезжавший мимо. Вдоль дороги тянулись скалы повыше, и пейзаж радовал глаз. Хотелось подняться на одну из вершин. Вот дорога зажата между скалами, а рядом ферма. Мы заглянули туда и попросили оставить рюкзаки. Вышла очень милая гостеприимная немка лет 60. Предложила нам кофе. После прогулки мы не отказались (к сожалению, высоко подняться не удалось: очень густой кустарник и ни одной тропки). У хозяйки фермы как раз гостили на каникулах два

маленьких внука. Мы пели им песенки под гитару и пили вкусный кофе с печеньем. Хозяйка родилась в ЮАР, выросла среди зулусов и даже знает их язык. В 17 лет переселилась в Намибию и с тех пор живет здесь. У них небольшой надел земли. Есть коровы, овцы и куры. Небольшая теплица с цветами. Живут они небогато. Их домик мне напомнил наше жилье в Германии (мы живем в маленьком старом частном доме, построенном еще после войны). Женщина подвезла нас до места, откуда мы могли спокойно уехать в Виндхук. Рядом с заправкой находился какой-то необычный кемпинг. На его территории паслись жирафы, страусы и антилопы. Можно удивляться такому скоплению «домашних» животных. А от заправки уходил совсем пустой автобус в Виндхук. Скальный ландшафт сменился равниной с невысокими деревьями и густым кустарником. Тучек на небе все меньше. Мы снова убежали от дождей.

Намибия кажется мне одной из самых спокойных для путешествия и дешевых стран. Бензин здесь раза в два дешевле европейского, и передвижение по стране не вводит в большие расходы, особенно если добираться на попутках. Люди побогаче подкидывают с удовольствием и бесплатно. Кто победнее, берут за проезд немного. Народу в стране мало, и пассажирский транспорт едет полупустой. Дороги хорошие, машин немного, поэтому переезды занимают мало времени. Скорость передвижения примерно 120 км в час. Есть возможность договориться о дешевом ночлеге. Люди легко уступают в цене и оказывают многие услуги бесплатно. Виза в Намибию для русского и немецкого паспортов не нужна. Продукты в супермаркетах немного дешевле, чем в Европе. Народных рынков практически нет, но все можно найти в магазинах. Молочные продукты дороже. Много везут из ЮАР. Гостиницы и кемпинги для туристов хорошо благоустроены, но по европейским ценам. Комната с двумя кроватями стоит 25—30 долларов.

Последние недели мы с Сашей много занимались уроками в дороге, и теперь он отвык писать дневник. Сейчас я напомнила ему об этом. Мы проехали уже две страны, но ему лень вспоминать, и он сидит и капризничает.

Дети с нетерпением ждут приезда группы, особенно наших друзей Валеры и Риты. Мы разучили несколько новых, довольно сложных песен и рады будем петь вместе с ними. Я уже немного устала от

переездов. Начиная с ЮАР, мы едем почти каждый день. Хотелось бы найти хорошее пристанище в Виндхукке и скорее вылечить Пашу.

28.12.2008. В Виндхукке задержались на шесть дней. Паша температурил, и мы сразу же отправились с ним в больницу. Там работал болгарин, который хорошо говорил по-русски. Паше сделали анализы крови, проверили на наличие малярии. Ничего не нашли и... посоветовали дальше принимать лекарство. Паша продолжал температурить, не проявляя никаких других признаков болезни. Мы переждали еще несколько дней и отправились к частному немецкому врачу. Тот сказал, что 38,5 градуса — не малярия, а, скорее всего, вирус, который тоже передается комарами и проходит сам. Велел сделать еще несколько анализов. Они стоили еще дороже, чем первые (около 400 долларов), и мы не пошли их сдавать. Чем-то он нас успокоил: сказал, что это несерьезная температура, и организм сам справится, а вирусы лекарствами не лечатся. В этот же вечер Паше стало легче. Это был последний день приема лекарств от малярии. То ли организм действительно справился, то ли у него была малярия, мы так и не поняли. В общем, поправился, хотя слабость ощущает и сейчас. Мы уехали на море, чтобы там прийти в себя, встретить Новый год и дожидаться приезда группы.

По дороге в Свакопмунд заехали в Карибиб переночевать. Там Володя когда-то познакомился с интересным человеком Леонидом, который делал из рогов животных сувениры. Это была небольшая, но довольно известная фирма. Впоследствии мы узнали, что Леонид погиб, разбившись на машине. В темноте он сбил антилопу куду и напоролся на рога животного. Магазины продолжают существовать. Там работают какие-то русские, делают мебель, которую продают здесь и в России. На изготовление одного кресла идут рога куду и двух других животных. Стоимость мебели зависит еще и от того, какой кожей (шкура коровы, куду, слона) обтягиваются сиденье и спинка. Домик несколько пришел в запустение. Говорят, раньше здесь держали свиней, кур, жили обезьяны, хорьки и другие животные. Сейчас — только две старые собаки.

Карибиб находится в саванне, и дорога выглядит очень живописно. Поселок славен своим прочным мрамором, этим живет и процветает. Было удивительно смотреть на главную улицу, которая вымощена белым и розовым мрамором, или на бетонные заборы, в

которые вставлены глыбы хрусталя, нефрита, малахита... для красоты. Кроме мрамора, в окрестностях добывают множество других драгоценных и полудрагоценных камней, которые используются при изготовлении украшений и сувениров. Мелкие камешки лежали у нас под ногами. Саша с Дашей собрали по мешочку цветных осколочков в надежде довести эти драгоценности домой. В Свакопмунде устроен городской музей, в котором есть самый большой в мире кристалл кварца.

Из Карибиба работники, ехавшие в Свакопмунд, прихватили нас. Свакопмунд — самый курортный и совсем немецкий город Намибии. Мы почувствовали себя снова в Германии. Когда-то он был отстроен немцами, которые и поныне живут здесь. Улицы широкие, чистые и ровные. Домики старой немецкой архитектуры. Мы немного прогулялись по городу, позавтракали на берегу океана и отправились в Уолфиш-Бей — соседний рыбацкий портовый городок в 30 километрах. Володя надеялся, что там меньше туристов, и слышал, что там живут русские.

Уолфиш-Бей выглядел так же чистенько и опрятно. Гостиницы все заняты, а на улицах пусто. Город казался вымершим. Где-то на окраине нашелся кемпинг, где нам позволили ночевать в палатке. Хозяин по случаю Рождества был очень пьян и добр. Он разрешил поставить палатку прямо на детской площадке, на траве. Город окружен песчаными дюнами, и детская площадка была единственным местом, где росла трава. Кемпинг тоже оригинален. Мы оказались единственными туристами без машины. Сюда приезжает народ на джипах с первоклассным снаряжением и отправляется на рыбалку в океан или в туры по пустыне. А возле города в лагуне собирается большое количество фламинго.

На Рождество мы гуляли по берегу и фотографировали фламинго. Но праздник в этом пустынном месте получился не совсем традиционным. Не было елочки и уголка, где бы мы могли вместе посидеть. У детей было праздничное настроение. Мы с Пашей накупили заранее сладостей и маленьких подарков. Вечером поздравили друг друга и играли в рождественский футбол.

Утром решили съездить посмотреть на песчаные дюны и вернуться в Свакопмунд. Излюбленное место отдыха туристов и местных здесь — дюна номер семь. В Намибии многие дюны

пронумерованы. Сюда приезжают покататься на досках (альтернатива зимним лыжам) и устроить пикник. По соседним дюнам гоняют на квадроциклах.

На попутках довольно быстро достигли нашей цели. Надо сказать, что автостоп в Намибии очень легкий, особенно в местах обитания белых и для белых. Машины останавливаются сразу и везут бесплатно. Первый день Рождества отмечали в пустыне. Народ радостно бегают по дюнам и жарит мясо. Из машин несется музыка. Саша с Пашей попросили у кого-то доску для катания и, забравшись повыше, понеслись вниз. Под конец Паша не справился с управлением, и оба кубарем скатились вниз. Рядом под пальмами есть краны с водой, и мальчишки, отплеываясь, пошли отмываться. Все выглядело очень нереально: палящее солнце, пустыня, гряда дюн и куча людей, ползающих с довольным видом по песку вверх и вниз. У подножия толпа жарит под громкую музыку мясо. Большая семья кенийцев угощала нас арбузом, а потом подвезла до дороги. Сначала мы постеснялись забираться в машину. Их было человек 9—10, и мы сказали, что, наверное, стесним их. Но они посмеялись и сказали, что африканцев нельзя потеснить.

Вернувшись в Свакопмунд, который нам все-таки показался уютнее, чем Уолфиш-Бей, мы решили потратить время и поискать место, где можно было бы отдохнуть и встретить Новый год. Декабрь, январь — летние месяцы каникул в южной части Африки, а новогодние праздники — пик сезона. Хотя на улицах довольно малоллюдно, все гостиницы были забиты до отказа. Но все-таки нам повезло. Я считаю, мы нашли один из самых уютных уголков в этом городке — небольшую гостиницу для туристов-рюкзачников с местами для кемпинга, кухней, зеленью и тенью недалеко от океана и центра города. Совершенно случайно оказалась свободной одна комната на следующие два дня. Здесь мы и решили провести праздники, если даже придется ставить палатку. Но, на наше счастье, кто-то не приехал, и нам досталась уютная комнатка. Мы каждый день играем в футбол, купаемся в океане, а по вечерам поем под гитару.

30.12.2008. Пашка опять разболелся. У него какой-то вирус, и очень сильно болит горло, так что он ночью стонал от боли. Опять припухли железы. Температура поднимается до 38 градусов.

Хотелось бы, чтобы ему завтра было уже лучше. Он очень старается выздороветь. Много пьет, полощет горло, капает нос. Сегодня даже ходил с нами в футбол поиграть.

Утром на кухне видела мужчину лет 35, который со своим ноут-буком сидел и играл в войну. Все выглядело как-то глупо. Если вдуматься: Намибия, пустыня, африканцы, край света. Все приезжают за впечатлениями, а тут человек, играющий в компьютерные игры. Зачем так далеко ехать?

В Свакопмунде отдыхают туристы с европейским уровнем достатка. Гостиницы содержат в основном белые. Черное население работает только в обслуге. В нашей гостинице трое черных мужчин с утра до вечера что-то убирают и моют. Они ходят незаметно, как тени, и стараются не мешать. Если их не приветствуешь, они стараются остаться незамеченными. Конечно, в Намибии нет такой ненависти между белыми и черными, как в ЮАР, но люди, обслуживающие гостиницу, не выглядят особенно радостными.

03.01.2009. Новый год встретили в семейном кругу. Купили фруктов, арбуз и маленький торт. Нарисовали большую елку и украсили ее игрушками из африканских слов. Получилось очень даже нарядно. Потом все вместе вспоминали уходящий год. Каждый записал приятные события, которые запомнились ему в этом году. Много совпадало. Прочитали друг другу придуманные поздравления и пожелания. Проводили уходящий год немецким безалкогольным мальцем. Придумали разные игры. К 11 вечера все по привычке стали засыпать. Немного пели. В полночь пошли гулять по городу. Саша надеялся увидеть салют. Немного, конечно, стреляли, но не в таком масштабе, как в Германии или в России. Людей было немного. На побережье увидели большой костер и устремились к нему. Там собрался весь празднующий Свакопмунд. Но программы никакой не было. Играла музыка. Толпы народу ходили по берегу с бокалами вина. Мы побродили и отправились домой.

Утром бегали новогодний кросс и, конечно, купались. Паша уже почти поправился. Я тоже наконец-то отдохнула. Мы каждое утро и вечер тренируемся, играем в футбол и купаемся в бодрящем (17—19 градусов) Атлантическом океане. Днем дети учатся, а вечерами мы устраиваем спевки. У нас обновился музыкальный репертуар, и все поют с удовольствием. Даже Саша запел.

07.01.2009. Приехала группа. Стало очень весело. Компания подобралась замечательно душевная.

Володя решил для начала повезти группу к берегу океана. Народ, уставший после работы, с удовольствием воспринял эту идею. Поездка получается очень комфортная. Володя взял напрокат небольшой автобус, в котором плотно, но помещается вся группа. Это делает нас очень мобильными. Имея собственное средство передвижения, можно доехать до самых красивых и укромных уголков, которые лишь мимо проезжаешь на общественном транспорте. В Карибибе снова заглянули в русский сувенирный магазин. А перед Свакопмундом заехали в пустыню и даже поднимались на холм.

Настроение в группе очень мажорное...

Даша

15.12.2008. Сегодня мы приехали в Намибию. От границы до следующего городка было около 9 километров. Денег у нас оставалось всего 4 ботсванских тугрика (так в шутку мы называли деньги всех стран, по которым ехали). Но никто нас за них везти не хотел. Так мы никого и не нашли. Пришлось идти пешком. Но не прошло и 10 минут, как папа остановил какой-то автобус и рассказал какую-то «легенду». Африканцы, наверное, подумали, что мы чудаки, и взяли нас бесплатно, предупредив, что в автобусе нет сидений. Мы ехали на рюкзаках и тихо радовались, что уже в Намибии. В городочке Катима мы удивились, как все везде было аккуратно и чисто. Даже туалеты и рынок были очень чистые. На рынке мы ели рыбку из Замбези с симой (кашей из кукурузной муки). На рынке в рыбном отделе тоже было все убрано. Люди сидели в специальных ларьках, и рядом у каждого отдела был кран с водой. Люди фотографироваться не хотели. В этот же день мы доехали до Дивунду. Африканка, которая подвезла нас от дороги до кемпинга, работала там.

Вечерело, мы быстро поставили палатки и, поужинав, пошли с мамой в душ. Он был очень смешной: прямо в кустах, как в природе, только есть зеркало, теплая вода и все удобства. Дверей нет,

просто палочка, которой ты загораживаешь проход и на которой написано «Дверь».

16.12.2008. Когда мы проснулись, было очень мокро, оттого что ночью шел сильный дождь. Мы пошли осматривать смешной кемпинг. Туалетов и душей оказалось много, и все они были разные. На реке сделали бассейн и огородили его металлической решеткой от крокодилов, бегемотов и хищных рыб. Когда мы гуляли по кемпингу, то увидели какую-то деревянную лестницу наверх. Я поднялась по ней и поразилась: это был туалет, и на нем висела табличка Pora falls.

Нас довезли до деревни Дивунду, мы закупили продуктов и дальше поехали на автобусе. В дороге мы делали уроки. К вечеру добрались до Гротфонтейн, а оттуда сразу же на такси — до метеорита.

Возле входа в парк метеоритов мы поставили палатки и заночевали. До заката солнца мы успели посмотреть метеорит. Он самый большой в мире и упал много лет назад! Раньше люди отрезали от него кусочки и делали сувениры. Но потом это запретили. Поэтому метеорит со всех сторон немного подпилен. Сфотографировав метеорит, мы пошли ставить палатки. К вечеру у Паши поднялась температура, и, попив чаю, он лег спать. А мы еще кушали. Только это было не очень приятно из-за жучков, летящих на свет и падающих в тарелку или на продукты. Ночью опять пошел дождь. Из-за дождя мы никак не могли высушить мокрые вещи.

17.12.2008. Утром мы встали пораньше, до того как откроются касса и вход к метеориту, на который мы вчера полюбовались бесплатно. Позавтракав, мы пошли на дорогу. Идти было всего 3 километра. Паше уже было лучше, чем вчера. Мне пришлось поменяться с ним рюкзаками, чтобы ему было легче. А Саша нес гитару. У дороги нас подхватил один дядя и довез до основного шоссе.

Потом мы остановили микроавтобус. Папа хотел доехать до горы, которая обозначена на карте. Пока мы ехали, африканцы расспрашивали нас, кто мы, откуда и прочее. В машине сидела женщина, которая работает в армии и вскоре собирается ехать в Россию на три месяца по работе. Один месяц они изучают язык, а потом что-то делают. Мы дали ей наш адрес.

Нас высадили недалеко от фермерского дома. Навстречу нам выскочили две собаки, потом вышла хозяйка. Она разрешила поставить вещи в сад и приглашала на кофе. Но мы решили сначала

посмотреть окрестности. Мы немного поднялись на скалы, но тропы наверх не было. Кругом рос колючий кустарник. Полюбовавшись оттуда горами и подождав, пока папа сфотографирует виды, мы вернулись к дому. Собаки уже не лаяли, а терлись у ног. Дом очень напомнил нам наш дом в Гамбурге. Такой же старый, маленький и уютный. К женщине приехали ее внуки, которые говорили на немецком языке. Мы пели им песни и разговаривали. На ферме живут коровы, овцы, собаки и кошки. После кофе женщина отвезла нас на машине в соседний город. Вдоль дороги паслись в кустах жирафы. А когда мы приехали на остановку, то увидели, что за забором тоже гуляют жирафы. И интересно, что это был кемпинг! Пока мы смотрели животных, папа искал автобус, а мама покупала воду. Папа нашел автобус, и нам не пришлось ждать, он сразу поехал. Паше стало хуже, у него болела голова. Он лег на задний ряд в автобусе и тут же уснул. В автобусе, кроме нас, никого не было.

В Свакопмунде мы остановились в кемпинге и рядом сняли комнату, так как мама и Паша еще не совсем поправились. Каждое утро мы бегали кросс, играли в футбол, а потом купались в Атлантическом океане. Это было здорово! Днем мы делали учебные задания, купались, ходили гулять. Мы посмотрели аквариум и парк змей. Аквариум был дешевый и маленький. В парк змей мы ходили с папой и видели много змей. Даже ядовитых! У них были видны зубы, и они умеют выплевывать яд!!! Еще мы ходили в магазин и дружно готовили обед. Вечерами тоже играли в футбол и купались.

К Новому году мама купила зеленую бумагу. Паша вырезал из нее елку и приклеил на дверь. Потом Паша и Саша вырезали игрушки и украшали елку. А я с мамой накрывала стол. К столу были свежие фрукты: манго, бананы, авокадо, виноград, яблоки и прочие. Еще маленький торт и напитки: чай и детское безалкогольное вино. Вот так мы готовились к празднику. У стола каждый показывал свою программу, которую приготовил для этого дня. Поужинав, мы пели песни. Ну вот и настал местный Новый год! Мы пошли погулять и посмотреть салют. На берегу видели дымовые шашки, но это было не очень интересно. Издалека мы заметили, что горит дом. Но когда подошли поближе, то оказалось, что это большой костер. А вокруг гуляло много народа. Некоторые пускали красивый салют. Когда мы вернулись, то в это время как раз в Гамбурге наступал Новый год.

Мы выпили за немецкий Новый год. А я взяла телефон и позвонила, чтобы поздравить бабушку. Так мы отпраздновали Новый год.

06.01.2009. Сегодня приезжает группа. Ура! С утра мы с Сашей учились. Папа и Паша поехали встретить группу. Мы ждали с нетерпением. Но, к сожалению, их задержали на паспортном контроле почти на час. Радость была большая, когда они наконец приехали! Заселившись, все собрались, и папа рассказал дальнейшие планы. Потом все купались в бассейне, а мужчины принесли арбузы. Через часок все уже спали. А я отправилась снова делать уроки. В половине пятого вечера мы разбудили народ и пошли гулять по городу. После прогулки мы готовили ужин. Он был праздничный и вкусный! Потом немного пели. Правда, музыка в баре немного мешала. А папа все время ходил и просил их выключить.

07.01.2009. Утром мы загрузились в автобус, который взяли напрокат на две недели, и поехали в Карибиб. Дядя Валера сидел за рулем. Все места в автобусе были заняты, и мы (дети) и мама сидели на рюкзаках.

Саша

По дороге в Виндхук мы заезжали посмотреть на самый большой метеорит в мире. Он называется Хоба и весит 54 тонны. У него были отпилены маленькие кусочки на сувениры.

Дорога в Виндхук была очень ровная. Ландшафты мне здесь понравились. В Виндхуке мы долго искали такси, чтобы доехать до гостиницы. Наконец нашли одну машину. Водитель по дороге долго спорил из-за денег, но потом отвез нас.

Мы поселились в хорошем кемпинге с бассейном, телевизором, компьютером и бильярдом. Пашу водили к врачу, потому что у него третий день температура, и мы думали, что у него малярия. Ему проверили анализы и сказали, что у него ничего нет, но на следующий день у него снова была температура. Мы жили целую неделю в кемпинге, и Даша нам готовила вкусные обеды. Арбузы в Виндхуке огромные и очень сладкие. Мы каждый день едим вкусные салаты. Здесь много овощей и фруктов. Это не то, что сима (кукурузная каша) с курицей.

Намибия

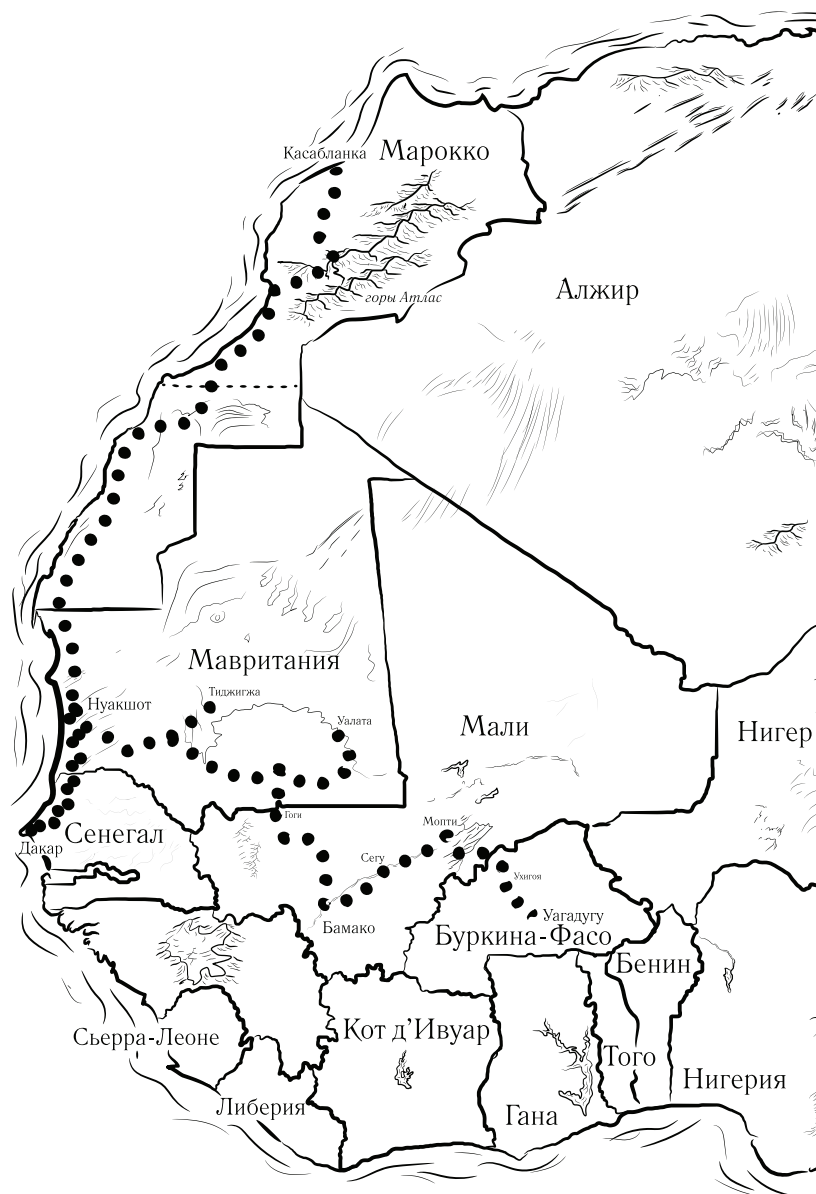
Затем мы поехали в Свакопмунд. Здесь мы гуляли по дюне номер семь и жили в гостинице. С дюны мы с Пашей катались на доске и потом упали на шею. Мы каждый день играли в футбол и купались в океане.

А потом приехала группа. Мы провели с ними три недели очень хорошо. В национальном парке Этоша мы видели много зверей. Дежурные каждый день очень вкусно готовили. Потом мы полетели домой...

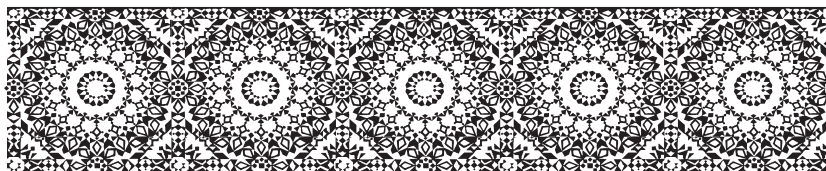
Нитка нашего маршрута

Часть третья

В первой половине года мы проехали большую часть нашего маршрута по 11 странам, т. е. по Восточной и Южной Африке (Кения, Уганда, Руанда, Бурунди, Танзания, Малави, Мозамбик, ЮАР, Ботсвана, Замбия, Намибия). На этом этапе нельзя было не спешить.

Второй круг планировался по Северо-Западной Африке: Марокко, Мавритания, Сенегал, Мали, Буркина-Фасо, и предполагалось, что передвижение будет спокойнее. Почему во второй части выбраны именно эти страны? С севера (исключая Египет) по-другому трудно заехать. Алжир, Ливия, Чад практически недоступны путешественникам из-за виз и военных конфликтов. Уже внутри Африки мы купили перелет из Марокко в Сенегал, а обратно... аж из Буркина-Фасо в Марокко, надеясь несколько месяцев между полетами ехать по материку.

Марокко

Площадь — 446,5 тыс. км²

Население — 32,6 млн чел.

Страна развитого туризма

Владимир

В Марокко я путешествовал многократно, а также организовывал поездки с группами. Страна развитого туризма все же остается не затертой коммерцией. В ней и для того, кто не первый раз путешествует, будут открываться новые и новые уголки. Высокие горы Атлас спускаются одной стороной к Атлантическому океану и Средиземному морю, а другой — уходят в бескрайнюю Сахару. Памятники многих эпох сохранились здесь до сегодняшних дней. Коренные жители — берберы — смешивались с завоевателями: финикийцами, римлянами, вандалами, византийцами, вестготами, арабами. Их смешанные черты и носят сегодняшние марокканцы, которых мы считаем арабами. Кстати будет заметить, что народы всех стран мира также перемешаны, и это знает любой мало-мальски знакомый с древней и средневековой историей человек. При этом националисты всегда бредят чистотой рас и наций.

Ибн Баттута

Массовый туризм поставляет много сведений о стране в интернет. О нашем путешествии по Марокко писали заметки Лена и дети, а мне хочется упомянуть о самом выдающемся путешественнике в мире, который жил в Средние века в Танжере и Фесе. Европоцентристская история прячет многие удивительные имена; они известны

специалистам, но не широкой публике. Послушаем известных науке ученых. Историк и географ Рихард Хеннинг сообщает нам: «Живший в XIV веке магрибинец Ибн Баттута, несомненно, должен быть признан величайшим из всех путешественников, которых знали Древний мир и Средневековье. Даже достижения Марко Поло бледнеют в сравнении с поразительным трудом... этого любителя странствий». Крупнейший востоковед XIX века Карл Буркхардт тоже пишет: «Ибн Батутта — быть может, самый великий путешественник на Земле, который когда-либо описывал свои путешествия».

Полное имя землепроходца Абу Абдаллах Мухаммед Ибн Абдалах ал-Лавати ат-Танджи Ибн Баттута. Им была продиктована удивительная многотомная книга «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий». Это длинное название совершенно соответствует средневековому стилю. Родился Баттута в Танжере и в возрасте 21 год отправился в хадж в Мекку. Затем 26 лет длились его скитания.

«Я отправился в одиночестве, без товарища, без каравана, к которому мог бы присоединиться, меня побуждали решимость и сильное стремление души, и страстное желание увидеть благородные святыни. Я твердо решил расстаться с близкими... Родители мои были еще тогда в узах жизни, и я так же, как и они, перенес много скорби, покинув их...»

География его путешествий трудновообразимая. Осилить все маршруты странника и при сегодняшних средствах передвижения очень трудно. Двигаясь через Сахару и Аравию, он трижды посещает Мекку. Останавливается подолгу в Ассуане, Каире, Дамаске, Иерусалиме, Багдаде. Направляется в Синоп, Крым, высоко вверх по Волге, выше современной Казани (город Булгар), спускается снова по Волге и через Ургенч, Бухару, Кабул добирается до Индии. Тысячи опасностей на пути; путешественника многократно грабят, но, как образованнейшего человека и знатока Корана, разные правители вновь одаривают его и содействуют ему в продвижении по опасным дорогам. В Дели он в качестве судейского чиновника при дворе султана задержался на несколько лет. Далее снова дороги: на юг Индии и далекое плавание на Мальдивские острова, на остров Цейлон и в далекую Бенгалию (северо-восток Индии). Плаванья продолжаются по островам Малаккского архипелага, оттуда по

Индокитаю и в Китай. В Пекине снова долгая остановка и служба. По дорогам новые нападения и ограбления, штормы океана и кораблекрушения. А еще дорога назад. Она не менее тернистая. Через пиратский Малаккский пролив, через Индию, и, что удивительно, в новом плавании через все восточное побережье Африки продвигается скиталец до Момбасы и Килвы. А затем снова трудное возвращение в Персидский залив, дороги через Месопотамию, Аравию и Сахару и прибытие на родину.

В Фесе сменился правитель. Он направляет опытного землепроходца и дипломата через всю Сахару в Томбукту, в государства Мали и Борну. Это путешествие длилось почти два года и завершилось успешно. При возвращении домой в горах Алжира в декабре 1353 года караван верблюдов попал в снегопады (и это в Сахаре!), каких Баттута не встречал ни на Волге, ни в Кыпчакских степях. Книга, обессмертившая его имя, была написана Мухаммедом Ибн Джузая по поручению фесского султана.

Наука благодарна путешественнику за очень и очень многие сведения. «Подарок созерцающим...» переведен на разные языки, и волнующие рассказы доступны во многих странах; в арабских странах они включаются в школьные учебники и хрестоматии. Первый перевод был сделан в 1858 году и выпущен в четырех томах на арабском (в оригинале) и французском языках. К сожалению, на русский язык переведены лишь немногие главы. Сколько глупого и поверхностного чтива переводится на чью-то потребу для оглупления людей, и не издан полностью выдающийся фундаментальный труд! Должно быть, российская наука оскорбляется этим. Имя Баттуты, разумеется, знает каждый марокканец.

Елена

28.02.2009. Выехали из Гамбурга во Франкфурт. Отсюда завтра самолет в Марокко. В этот раз мы собрались легче, потому что хорошо представляли себе, что нас ожидает и что может понадобиться в путешествии. Настроение у всех спокойное и уверенное. Я бы даже сказала, деловое, хотя маршрут до конца и неясен. Есть

страны, в которые хотелось бы поехать, но непонятно, насколько сложно туда попасть. О них мы хотим узнавать на месте.

Даша настраивается одолеть английский и французский языки в рамках программы шестого класса, чтобы не пропускать год учебы. Паша ко всему относится очень серьезно: обстоятельно собирается, начал уже вчера писать дневник. Сашка ясных представлений не имеет, зато я представляю, что он должен непременно повзрослеть. Среди книг по литературе мы взяли почитать трилогию Максима Горького «Детство. В людях. Мои университеты». После увиденного и отчасти пережитого в поездке по Африке, я думаю, им будет понятнее и ближе рассказ о жизни простых людей в России.

Володя обещал нам быть более мягким в бытовых требованиях и путешествовать спокойнее. Очень хочется, чтобы мы больше дружили друг с другом.

01.03.2009. До Касабланки долетели без приключений. В аэропорту быстро сориентировались и сели в поезд, идущий в город. В Марокко все цивилизованно. Поезда и вокзалы чистые и транспорт ходит строго по расписанию. От портового вокзала прошли 10 минут до центра и скоро заселились в гостиницу. Опыт — вещь великая. Неуверенность и страхи прошли. Все идет по накатанной, как будто всегда так жили. Спустились в соседний ресторанчик за рисом и чаем. Вечер в нашем распоряжении. Дети с удовольствием сели попеть. Дружно сделали вечернюю гимнастику, и еще осталось время на свои дела.

Марокканцы очень вежливы и услужливы. К семье относятся с уважением. Народ в основном одет в европейские одежды. Но нет-нет да и мелькнет в толпе женщина в длинных темных одеждах, украшенных по краям блестящим узором. Или мужчина в одеждах магрибского колдуна.

03.03.2009. С погодой нам, кажется, не очень повезло. Третий день идет периодически сильный дождь, а после коротких пауз моросит. Дует холодный сырой ветер. Погода, я бы сказала, гамбургская. Градусов 10–13 тепла. Вот тебе и жаркая Африка! Мы надели все теплые вещи, и все равно замерзаем и бегаем в гостиницу греться. Все это несколько не омрачает нашего настроения, а только разжигает аппетит. Мы остановились в Марракеше недалеко от его знаменитой музыкальной площади Джемаа-эль-Фна. Наслаждаемся

представлениями, всюду звучащей музыкой и превкусной арабской кухней. Здесь все красочно, звонко и весело! Арабы добродушны и гостеприимны. На площади с утра бродят музыканты, акробаты, колдуны и заклинатели змей. Мы с Пашей пробуем снять наши впечатления на видео. Но это очень сложно. Площадь вся движается, никто не останавливается и не замирает ни на секунду. Артисты, как только видят направленную на них камеру, начинают просить деньги. Акробаты просто в кадр не попадают. Намучившись, идем бродить по крытому рынку. Там все переливается красками, и дождь не капает. Паша подсаживается к барабанам, Саша фотографирует и щупает драгоценные камни, а Даша восхищается платьями и туфельками восточных красавиц. Замерзшие и насытившиеся впечатлениями, мы возвращаемся в гостиницу погреться и выпить чаю. Дневное время используем на чтение и уроки. Во второй половине дня снова выходим в город. Бродим по старым узким улочкам, пробуем восточные сладости. К вечеру народу прибавилось, и музыка звучит громче. Площадь наполнилась музыкальными группами, шарлатанами, предлагающими игры, травы и колдовство, а также вечерним рынком переездных ресторанчиков. Вкусные запахи, заполняющие площадь, манят. Мы передвигаемся от одних артистов к другим. Пытаемся снова снимать интересные моменты, а после наступления темноты идем отведать арабской кухни. Дети, наевшиеся досыта лакомствами, сначала протестуют и есть не хотят. Но когда Володя подводит нас к рыбной кухне, не выдерживают и тоже начинают заказывать оливки, кальмаров, жаркое и т. д. Свежевыжатый апельсиновый сок вкусно дополняет ужин.

07.03.2009. Из Марракеша мы решили съездить в горы Атлас. Всего в 70 километров от города находится высшая точка этих гор — вершина Тубкаль. Но погода была не за нас. Зима еще не отступила. Чем выше мы заезжали в горы, тем больше там лежало снега. Даже у подножия уже зеленые поля были припорошены тонким слоем. В поселке Имлиль на высоте около 3000 метров, откуда близко до вершины, мы остановились. Яркое светило солнце, снег лежал большими сугробами, и местные жители спешили счистить его с крыш своих домов, пока их не затопило. По центральной улице текли ручьи и тут же на солнце высыхали. Мы, конечно, были не подготовлены к такой погоде. Наша тонкая летняя обувь скоро промокла, хотя

идти было не холодно. Мы поднялись повыше, до конца поселка, полюбовались на высокие хребты, залезли по колено в снегу на соседний холмик и сфотографировали окрестности. Местные ребята катались вниз на досках и лыжах с горок.

Наша аккуратная гостиница совсем не отапливалась, и в ней было холоднее, чем на улице. В комнате стояла печка-буржуйка. Но, судя по всему, ее никогда не топили. Печь была устроена без поддувала и больше дымила, чем грела. Володя предложил, пока еще светло, спуститься с гор вниз. Но дети возражали. Что-то уютное было в этой, даже холодной, комнате. Весь вечер мы жгли мелкие дровишки, чтобы просушить обувь и одежду. Как только печь потухала, становилось холодно. На ночь составили несколько диванов вместе и сделали одну общую тахту, чтобы было теплее. Хозяин принес одеяла. Залезли в спальники, сверху укрылись одеялами. Получилась зимняя ночевка. Перед сном я читала вслух рассказ Аркадия Гайдара, и все долго с удовольствием меня слушали.

На следующий день уехали в Касабланку, чтобы лететь в Сенегал. В аэропорту нам вдруг объявили, что мест на самолет нет, и, наверное, мы сможем лететь только ночным рейсом. Перспектива искать в 3 часа ночи гостиницу в Дакаре нам не очень понравилась. Мы для приличия стали возмущаться и требовать компенсации. Неожиданно нам пошли навстречу: выдали по 150 долларов на человека и поселили до следующего дня в хорошей аэропортовой гостинице с трехразовым питанием. Мы никуда не торопились и были даже рады такому обороту дела (летайте самолетами Royal Air Maroc).

Паша

Ну вот, закончилось наше первое путешествие по Африке и отдых после него в Гамбурге. Правда, отдыхом это нельзя совсем назвать. Например, я ходил три раза в неделю на занятия по английскому языку. И вообще, нужно было «прибарахлиться», так как вещи изнашивались и понадобились новые учебники, потому что мы уже все выучили (почти все). Гитару на починку отдали, а то она еще чуть-чуть — и раскололась бы пополам. Кроме этого, мы купили маленький ноутбук. На нем будем печатать дневники и туда же

складывать фотографии. Правда, я еще не знаю, не передумает ли папа его взять. Я туда поставил словарь, но не знаю, удастся ли им воспользоваться. Я папе уже давно говорил, что так удобнее переводить слова, а он мне начинает про Ломоносова твердить. Да, конечно, если, как папа, переводить слова на компьютере, то ломоносовский способ пойдет лучше.

Я сказал, что буду стараться каждый день писать дневник, поэтому начинаю его раньше, чтобы расписаться, а то начало всегда труднее всего дается.

В Гамбурге я встречался с друзьями. Правда, не так часто, как мне хотелось бы, конечно. Завтра мы выезжаем во Франкфурт, а потом — на самолете в Марокко. Я очень этому радуюсь. Когда я там был еще в 10 лет, то видел в городе Марракеше площадь, где все время собираются музыканты и артисты. Там была группа, которая очень здорово пела. Папа их видел, когда еще раз ездил без меня, поэтому я очень надеюсь их снова встретить. Эта площадь тогда произвела на меня очень сильное впечатление, так что я даже не хотел возвращаться, и у меня еще полгода наворачивались слезы на глаза, когда кто-то говорил о Марокко или я сам вспоминал это путешествие.

Из нашей первой половины поездки мне больше всего вспоминается страна Уганда. Может, потому, что это была одна из первых стран, и я ярче воспринимал все новое и незнакомое, что бросалось в глаза. Или, может, потому, что эти диковатые люди гармонично вписывались в природу. В этот раз я себе уже больше представляю, куда мы едем, чем в начале поездки. Арабская Африка и ее разносторонний характер мне немного знакомы, потому что я уже путешествовал с папой по Марокко и Египту.

Взрослые меня часто спрашивают, не страшно ли мне там разгуливать (бандиты, болезни и т. д.)? А у меня сразу всплывает в голове одна фраза из песни: «Их там не больше, чем в Москве». Я думаю, они спрашивают не потому, что знают, что там страшно, а потому что как раз ничего не знают. Мне очень повезло, что мои родители показали мне, как можно ездить и как везде нестрашно.

Сегодня мы уезжали на поезде во Франкфурт, а завтра летим в Марокко. На вокзале я встретил своего друга, и мы еще раз попрощались с ним.

Прилетели в Касабланку вечером. Было еще светло, но шел дождь, и мне показалось, что здесь достаточно холодно. Я удивился, что денежный курс остался тот же, что шесть лет назад. Получается, драхмы оказались такими же стабильными, как евро. К аэропорту пристроена железная дорога, которая ведет прямо в Касабланку, куда ехать всего час. Мама по путеводителю нашла дешевую гостиницу рядом с центром. А ночью папа с мамой проснулись, потому что их покусали клопы. Хорошо, что меня не кусали, наверное, не успели, у меня была лучше завернута простынь. Клопы были похожи на динозавров, большущие!

Утром мы пошли в старый город. Там был базар и всякий хлам для туристов. Старый город окружен высокой стеной, а к стене пристроены дома. Я видел бедные дома, и на каждый такой домик сверху была приделана антенна. Потом мы сходили в одну из самых крупных мечетей мира (Хасана II), но внутрь попасть не удалось. Она стоит на берегу океана и построена совсем недавно, в 1993 году. Назад хотели вернуться на такси. В Марокко есть маленькое и большое такси. Места в обоих одинаково, но в большом багажник крупнее, а в маленькое берут только трех пассажиров, поэтому нам пришлось разделиться. Такси у них очень много, но они всегда полные, потому что дешевые. Мы простояли под дождем минут 20, пока удалось найти машину.

Переодевшись в сухие вещи, мы поехали в Марракеш. В Марракеше еще чище, чем в Касабланке. Специальные уборщики работают на улице, как в Гамбурге. Мы сразу отправились к площади Джемаа-эль-Фна, там-то и собираются музыканты, артисты и всякие колдуны-мошенники. Но сегодня было мало людей, наверное, из-за дождя. Папа хотел найти гостиницу, в которой мы были раньше, но я напрочь не помнил, где она находится. Она была интересно по-арабски оформлена. Он пошел ее искать, а мы остались у лавок с едой и поужинали. Эти лавки-ресторанчики на колесах притаскивают на площадь только вечером, у каждой есть свое место, и их собирается там около 40. Везде готовятся обильные кушанья. Когдаходишь в один из рядов этого городка обжорства, то кто-нибудь зазывает тебя, а если проходишь мимо, то они делают такое лицо, будто они сильно разочарованы. На следующий день погода оказалась снова скверной, поэтому на площади снова было немного

артистов. К вечеру погода улучшилась, и по площади понеслись барабанные стуки. Мы нашли тот же музыкальный коллектив, что выступал там пять лет назад, но его состав немного поменялся. Я узнал только двоих, но стиль песен остался тот же.

После Марракеша отправились в горы Атлас. Взяли такси, потому что на пятерых получилось дешевле, чем на автобусе. Уже на небольших высотах лежал снег, вдоль дороги тянулись непрочные скалы, которые сильно осыпались из-за сырости, и нередко надо было объезжать большие валуны. Наверное, когда в Марракеше шел дождь, здесь, в горах, здорово навалило снега. Было тепло, и снег хорошо лепился. Когда мы гуляли по деревушке, местные жители счищали его с крыш лопатами, чтобы он не протек через щели в дома. У нас на ногах были только кроссовки, которые сильно промокли, когда мы пытались подняться повыше. Но мне удалось сделать хорошие снимки, как Даша и Саша гоняют друг друга снежками. Вечером голова от высоты стала потрескивать, и я уже не мог делать уроки. Спустившись с гор, мы вернулись в Касабланку и, переночевав там, поехали в аэропорт.

Даша

28.02.2009. Сегодня последний день зимы. И сегодня мы уезжаем! До обеда занимались всякими делами, а потом отправились на вокзал и уехали во Франкфурт. В дороге делали уроки, читали Горького и печатали старые дневники. Во Франкфурте мы переночевали в квартире одного папиного знакомого, которого как раз не было дома. Квартира была слегка грязновата, но, как нам сказал хозяин, надо потихоньку привыкать к Африке. А завтра мы будем уже в Марокко, в городе Касабланка. Я очень жду этого! А теперь нам спокойной ночи!

01.03.2009. В 2 часа дня мы улетали. Перелет длился всего 3 часа. Мы очень радовались встрече с солнышком, но какое было удивление, когда из окна самолета увидели серые тучи и дождь... Получив багаж, мы поспешили на поезд. Аэропорт находился в 30 километрах от города Касабланки. Поезд был прекрасный! Паровоз гудел. Через большие окна все было очень хорошо видно.

Зеленые луга, а среди них редкие домики. Внезапно поля кончаются — и начинаются улицы.

Местные жители мне понравились. Нам никто не надоедал. Ответив на вопрос, они шли своей дорогой. Женщины мне показались очень красивыми... Поселившись в гостинице, мы пошли перекусить. Еда была обычная: рис, жареная картошка, салат и хлеб. Но все равно марокканская кухня вкуснее, чем там, в другой части Африки. В гостинице мы разговаривали, пели и делали тренировку. Здесь мне очень нравится... И все очень рады, что мы находимся уже в Марокко.

02.03.2009. После завтрака отправились смотреть город Каса-бланку. В старом центре было очень интересно: красивые сувениры, картины, разноцветные тряпки, вкусно пахнущая еда, много людей; ходят странные старички, одетые в длинные платья, маленькие шапочки и с бородой. Мама даже камеру почти не выключала, так как почти везде было что-нибудь интересное. В одной из кухонь в глиняных горшках варилась вкусная еда, и можно было сойти с ума от этих запахов... В старом центре — в Медине — интересней, чем среди больших домов. А когда мы вышли на дорогу, здесь пахло бензином, и выглядело все, как в обычном городе. На маршрутке доехали до мечети Хасана II. Она построена в 1993 году и считается третьей в мире по величине. Мечеть очень большая и красивая!!! К несчастью, начался сильный дождь. Снимать и фотографировать было бесполезно. Мы хотели посмотреть здание изнутри, но нам сказали, что для туристов откроют только в два часа. Вообще-то мечеть была открыта, но женщин туда не пускали, а мужчины там, разувшись, молились. Чтобы переждать дождь, мы отправились в кафе и пили там какао и чай. Чай из мяты был очень вкусный и сладкий.

После обеда отправились на вокзал. День был сырой и дул холодный ветер, поэтому я очень обрадовалась, что в поезде было тепло. До Марракеша мы ехали в аккуратных и уютных купе и учили уроки.

03.03.2009. Площадь Джемаа-эль-Фна, на которой мы вчера ужинали, оказалась очень интересной. Здесь много чего было: колдуны, акробаты, заклинатели змей, музыканты, базар и еда. На площади нам с Сашей сразу же повесили на шею змей. Моя змея не шевелилась, и я была не уверена, живая ли она. Затем

она поползла, и кончик хвоста попал ко мне за шиворот, от этого мне было смешно. Потом мы видели мужчин в красивых костюмах и в забавных шапках. На шапочке была прикреплена подвеска, и когда они качали головой, она кружилась, а в это время они немного приседали и звенели бубенцами. Это выглядело очень весело. Завтрак мне ужасно понравился: картошка вареная на пару в глиняных горшках, а под ней кусочки мяса и капусты, и к этому еще свежие лепешки. Это просто вкуснятина! До обеда мы гуляли по базару, фотографировали людей, пили свежий апельсиновый сок, пробовали сухофрукты. Столько было интересного, что все за один раз не рассказать! Погода была плохая, дул холодный ветер, часто шел дождь. К вечеру на площадь приехали разные артисты и музыканты, а мы слушали музыку и смотрели их спектакли. А еще мы видели акробатов. Паша тоже пытался пройти на руках, но упал, потому что давно не тренировался. Вокруг площади катают туристов в карете, запряженной лошадьми или осликами. Мне на руках нарисовали красивый орнамент. В Индии тоже рисуют узоры на руках и ногах разными травами, такими как хна. Женщина, которая рисовала, сказала, чтобы я один час не смывала краску.

04.03.2009. Позавтракав, мы поехали в сторону гор Атлас. Дорога была красивая, и мы любовались холмами, полями, деревнями, природой. На высоте начался снегопад. Когда мы заехали в горную деревню, там лежало много снега. Заселившись в гостиницу, оставили рюкзаки и отправились гулять. Горы очень красивые, снежные, белые, высокие! Мы долго шли по дороге и видели катающихся на лыжах ребятишек и ослов, перевозящих грузы и даже туристов. Папа хотел подняться повыше. Он пошел по глубокому снегу, а мы за ним. По папиным следам было удобно ходить: они большие, и тогда не проваливаешься в снег. На небольшой высоте мы сделали творческую паузу: папа и я фотографировали, мама и Паша снимали на камеру, а Саша утрамбовывал снег, то есть ждал. Папа хотел идти еще вверх, но мы остались. Я бы с удовольствием поднялась, но у меня замерзли ноги, потому что туфли были очень легкие, а других мы не взяли. Так мы разошлись. Но тут Паша стал кидать в меня снежками. Я побежала вниз и больше не попадала в папин след и все время падала, а он все кидал и кидал. А потом Паша с Сашей всю обратную дорогу играли в снежки. Мы очень

замерзли, проголодались, поэтому зашли в лавку пообедать и были очень рады горячему блюду. После обеда нам совсем расхотелось гулять, потому что ноги были мокрые и замерзшие. Мы встретили папу и вернулись в гостиницу. Папа разжег печку, а мы переоделись. Печка все время гасла, и шел дым, потому что она была неправильно сделана, а мы не могли согреться. Папа был голодный, но в лавках уже не было обеда, поэтому он купил овощей и мяса и сварил нам всем вкусный суп. Вечером мы пели песни, а мама читала нам вслух Гайдара «Тимур и его команда».

На другой день мы вернулись снова в Марракеш, а затем отправились в Касабланку, так как завтра улетает наш самолет в Дакар.

Саша

28.02.2009. Последний вечер перед отлетом. Я хотел бы, чтобы папа не торопил нас, как он нам обещал. Я мечтаю покататься на верблюде, а еще, чтобы мы снова много купались и плавали. И чтобы мы подольше стояли на интересных местах, чтобы не было дождя и мы не ссорились!

В поезде во Франкфурт мама заставляла меня пересказывать немецкую книгу. А квартиру, в которой остановились перед вылетом, мы называли холостой. Из аэропорта в Марокко ехали на поезде. Это была наша первая ночь второго круга.

02.03.2009. Еще вечером папа снимал на камеру, как Даша капризничает. Утром я раньше всех проснулся и очень долго ждал. Мне очень хотелось кушать, но я писал дневник. Когда все наконец проснулись, мы позавтракали и поехали в Марракеш.

03.03.2009. В Марракеше я видел заклинателей змей. А я раньше думал, что их не бывает на свете или только в мультиках показывают. А еще на площади продавался везде сок из апельсинов. Он был такой вкусный! Мне и еда тоже очень понравилась: картошка с бараниной и помидорами, только капельку острая. Ну все, не буду никого дразнить едой!!! На площади были вечером

музыканты, и когда издалека ты слышишь, как все вперемешку играют, то у тебя развисают уши. Это было самое интересное.

05.03.2009. Мы поехали в горы Атлас, и там лежал снег почти по пояс. В гостинце было очень холодно, и мы мерзли. А еще в комнате была печка, которая только дымила и годилась на металлолом. Но мы залезли в спальники и сидели и даже делали уроки или пили чай. Утром мы уехали в Марракеш и снова где-то два часа гуляли на площади Джемаа-эль-Фна, а потом отправились на поезде в Касабланку. Ну, а это все случилось после того, как мы гуляли по пояс в снегу в горах, играли в снежки и очень хорошо промокли. А в Касабланке мы нашли гостиницу без клопов, потому что в последний раз нам не повезло, и там были клопы.

06.03.2009. Утром мы быстро собрали вещи, позавтракали и пошли гулять по Касабланке. Вечером поехали в аэропорт. Там нас задержали на один день, потому что самолет был переполненный, и нас поселили за их деньги в гостинице. Там даже были сауна, массаж, бассейн и двухкомнатная квартира-номер с завтраком, обедом и ужином. На следующее утро мы хорошо позавтракали, и я окунался в холодном бассейне. Потом я учил уроки. Вечером мы улетели в Сенегал.

Сенегал

Площадь — 196,7 тыс. км²

Население — 13,3 млн чел.

В столице проживает половина населения страны

Володя

Компания Royal Air Maroc преподнесла нам сюрприз. На рейсе Касабланка — Дакар наши места почему-то оказались заняты, и нам предложили лететь другим рейсом — ночью или на следующий день. Пока я размышлял и ломался, нам предложили еще компенсацию: по 150 евро на каждого и, само собой, бесплатный ночлег в какой-то дорожной гостинице с питанием. Бюджет наш увеличился на 750 евро, несмотря на то что мы никуда не спешили. Что сказать... Магриб — все как в сказке! «Волшебная лампа Аладдина» — это фильм про Марокко. Саша — единственный на весь гостиничный комплекс ребенок — оживил огромный бассейн купанием и визгом...

Из блестящего отеля в Касабланке нас доставили в аэропорт, и через 4 часа мы прилетели в угрюмый и грязный Дакар. В Западную Африку туда билеты дешевле всего из Европы. Город давит перенаселенностью, шумом, бетонными высокими серыми домами и криминалом. Здесь организованный криминал, а не карманники: навязываются не только приставалы и торгаши, но и вероломные бандиты. К людям с рюкзаками липнут особенно в надежде пожить. На улицах наружу проступает социальное расслоение, и в глаза бросаются нищета, проституция, беспризорные дети, инвалиды, попрошайки. Все это на фоне мчащегося автомобильного потока.

Сенегал и все маленькие страны южнее его схожи тем, что их жизнь двулика: она делится на столичную и провинциальную.

Примерно то же, что в России, только все выглядит контрастнее. В провинции ковыряется мотыгой в земле нищий крестьянин, а кто не хочет так жить, бежит искать счастья в столицу. Бегут в основном молодые люди, пополняя нищету большого города. В Сенегале проживают 8 миллионов человек, половина из них теснится в Дакаре. С Дакаром сравнимы контрастами города гвинейского побережья: Абиджан, Аккра, Лагос, Конакри. Они задают тон бизнесу, политическим и городским нравам в своих странах. Сельские жители Африки пребывают в Средних веках.

Скученное в больших городах население часто не имеет никакой работы. Безработица, как известно, не только не волнует бизнесменов, а наоборот, радует: чем больше армия безработных, тем дешевле рабсила. Эта армия промышляет на жизнь, как находит нужным. Разложившийся люмпен в Европе производит бомжей, а в бедных странах, кроме всего, он собирается в криминальные группировки. Государство пытается сгладить борьбу бедных людей против жирующих и одновременно пытается развивать мораль единения всех. В России, например, для этого есть 4 ноября — День единения грязного шахтера с миллиардером (есть такая карикатура в интернете). В африканских городах слои люмпена велики из-за скудного производства.

Африка в мировом производстве

Площадь Африки — 30 миллионов км² (второй по величине континент); здесь проживает один миллиард человек, седьмая часть человечества, но удельный вес ее в мировом производстве ничтожен, меньше 2 %. Средневековое ее состояние показывает статистика. Доход в один доллар в день на душу населения считается крайней границей нищеты в мире. Половина африканцев бедствует катастрофически. Из 50 беднейших государств мира 35 находятся в Африке. Даже усредненные цифры (без учета социального расслоения в стране), которыми шарлатанят официальные статистические учреждения, не показывают хоть малого благополучия африканцев. В Африке идут непрекращающиеся войны. В зонах военных действий и вооруженных конфликтов проживает 20 % населения. За постколониальный период в войнах погибли более 10 миллионов

человек — это еще одна мировая война, только вынесенная на беднейший континент. Войны несут разрушение хозяйству и голод миллионам. Десятки миллионов человек остаются без крова и становятся беженцами в соседние страны. Нищета, войны, СПИД (в Африке 30 миллионов зарегистрированных больных), торговля контрабандными наркотиками, бандитизм — это тяжелые цепи, сковывающие всю жизнь континента. Эта жизнь организована во имя беснующихся миллиардеров Земли, во имя реакционного империализма, во имя системы, где все подчинено власти денег, власти капитала.

Африка — гигантская кладовая природных ресурсов. Ей принадлежит подавляющая часть мировых запасов алмазов и золота — 38 %, платиновых соединений — 90 %, урана, хрома — 81 %, марганца — 60 %, фосфоритов — 76 %. Она богата нефтью, газом, бокситами, медью, кобальтом. Руды сосредоточены в основном на юге материка, запасы нефти — на севере, в Сахаре и Северной Гвинее. Беда африканской экономики в том, что ее великие запасы паразитски используются в качестве сырьевого придатка для экономики развитых стран. Это беда не только Африки, но и большинства стран Азии и Латинской Америки. Развитые страны, называющие себя цивилизованными, удушают всякое экономическое возвышение любого государства на континенте. Иностранный капитал опутывает каждую слабую страну, и прежде всего наиболее прогрессивную отрасль в ней — горнодобывающую (в том числе нефтеносную) промышленность.

Через монопольные транснациональные компании (ТНК) происходит изъятие огромных денежных сумм в виде прибылей и перемещение их в развитые капиталистические государства. Горнодобывающая промышленность африканских государств мало связана с собственной экономикой и внутренним рынком; она мало помогает «традиционной» экономике, т. е. феодальной (обработке земель киркой и мотыгой). В XXI веке мелкотоварное производство, занимая основное место в экономике полуфеодальных государств, никак не может конкурировать с промышленными странами. Кроме всего, африканским товарам сельского хозяйства поставлен заслон в виде больших таможенных пошлин, в то время как товары Запада ввозят в Африку беспошлинно. Так называемая помощь бедным

странам заключается в том, чтобы ТНК Запада могли проникать в экономику слаборазвитых стран и сосать ее недра, а также диктовать им политическую волю, сменяя неугодные режимы и политические партии на марионеточные. Безусловно, какие-то определенные подачки крупных держав переппадают в социальную сферу или на починку инфраструктуры материка, но грабители с добрым выражением лица — это почерк нашей эпохи, такой же, как бомбить страну, а затем везти туда гуманитарную помощь. Экономически подняться при звереющей конкуренции сверхдержав у стран Африки вообще нет перспективы. Почти 50-летнее «самостоятельное» политическое развитие не изменило зависимого ее положения в мировой экономике. Вслед за работоторговлей и колониализмом современная жесточайшая петля экспансии, наряжающаяся в одежды глобализации, либерализации и даже демократизации, — еще одна мрачная страница африканской истории и позорная глава империализма «цивилизованных» стран.

Елена

09.03.2009. В Дакар прилетели в 23.30 ночи. Атмосфера типичная для нестабильных африканских стран. Всюду снуют пристававалы, пытающиеся получить со всех деньги. Мы сразу напряглись. После дружелюбных марокканцев, которые и торгуются-то больше из интереса, атмосфера в сенегальской столице кажется агрессивной. Таксисты, менялы, носильщики пристают навязчиво и долго не отстают. Володя как-то умудряется находить среди них более-менее располагающее лицо, чтобы нас не обманули. Гостиницы в Дакаре дорогие. Местное население предупреждает нас, чтобы мы смотрели за вещами и рюкзаками. Фотографировать и снимать видео не решаемся, чтобы не привлекать внимания.

Город огромный, тесный и выглядит как-то угнетающе. Повсюду мелкие лавочки, продукты дорогие, а работа ценится дешево. Володе порвали на разгрузке в аэропорту рюкзак. Парень зашил его добротнo тут же, на улице, за 4 евро, и, я думаю, он еще много попросил, как с иностранца. Работы там было часа на два. Между тем еда в забегаловках тоже может стоить 3—4 евро. Бросается в глаза большое количество нищих. Гуляли по центру и по рынку.

Вышли на набережную. В удобных для купания местах она застроена богатыми гостиницами с выходом к пляжу. Дома огорожены высоким забором. Страна мусульманская, и я думала, что купаться в купальниках здесь вряд ли возможно. Но за высокими заборами за хорошие деньги здесь загорают и купаются туристы из Европы и богатые арабы. Мы заглянули в один гостиничный комплекс, поднялись на верхний этаж. Посмотрели и сфотографировали порт и город сверху. Саша искупался в океане и бассейне. В марте на побережье очень комфортно. Температура воздуха 25—29 градусов, вода около 18—19 градусов.

10.03.2009. Сен-Луи — второй по величине город Сенегала. Мне он понравился несколько больше Дакара. Атмосфера здесь провинциальная, народ проще и дружелюбнее. Нет столичных приставал. Мы приехали сюда к вечеру и скорее побежали посмотреть окрестности. Центр был отстроен, видимо, колониальными властями и напоминал средневековую Европу. Он раскинулся на острове и с обеих сторон омывается рекой Сенегал. Остров соединен мостами с основной частью города. За центром и за рекой — побережье океана, где находятся домики рыбаков. Узкие улицы наполнены детьми, людьми, домашними животными. Люди высыпали пообщаться на закате. Берег покрыт рыбацкими лодками. Они причаливают с множеством рыбы, и народ проворно разбирает, раскупает ее. Добычи много. Столько морского улова я вижу в первый раз. Рыба даже валяется на песке. Видно, ее здесь особо не берегут и не считают. Женщины одеты очень красочно и ярко, но они мусульманки, и поэтому прикрыты, как им положено.

Володя пытается фотографировать. Но люди реагируют неприветливо, так что мы с Пашей не решаемся достать камеру. Приходится все время следить, чтобы ничего не вытащили из рюкзаков, и стараться по возможности не показывать фототехнику. Купив свежей рыбки на уху, мы возвращаемся в гостиницу.

Даша

08—10.03.2009. В эти дни мы смотрели столицу Дакар, гуляли, ходили на рынок и купались в море. На побережье нашли большую гостиницу с бассейном. Поднимались на крышу, чтобы посмотреть на город сверху. Потом мы с Сашей купались в бассейне. Так как мы белые, то никому не приходило в голову спросить, живем ли мы в этой гостинице. Про 8 Марта вспомнили только вечером... Папа поставил визы в Мавританию, которые оказались очень дорогими, но другой возможности не было.

11.03.2009. Сегодня мы продолжили путь. У меня был насморк и кашель. Мама велела тепло одеться, поэтому мне было жарко. Добрались до города Сен-Луи и проехали за день 264 километра! В городе долго искали гостиницу. Нам попался какой-то неумный водитель машины: он ничего не понимал и вез нас в другую сторону, такой большой и глупый! В гостинице мы заселились в комнату с шестью кроватями. Одна была уже занята каким-то туристом. Вечером мама нам читала про Мавританию, а папа — про путешественников. Все это время на улице какие-то мужчины кричали или «пели» в громкоговорители на всю улицу и всем мешали.

Владимир

Я хочу поместить здесь два рассказа о Мавритании: один старенький — 1997 года, а второй о нашей семейной поездке. Между путешествиями прошло почти 12 лет — жизнь кругом меняется, даже в Сахаре. Изменения очевидны, несмотря на то что первый рассказ о севере, а второй в основном о юге страны.

Мавритания — путешествие в 1997 году

Владимир

Рекламные журналы пестрят экзотическими блюдами, бассейнами в трех шагах от моря, пальмами на золотом песке. Красавицы журнального рая увлекают нас в путешествие. Хургада, Майорка, Анталя, Канары — их гостиничные комплексы блистают культом комфорта и создают иллюзию открытия мира. Но даже те счастливицы, кому кошелек ежегодно позволяет отдыхать от будней по заграницам, ничего не узнают о странах и ничего не увидят в них, кроме отелей, ресторанов и пляжей. Отели, рестораны, пляжи, а между ними пара автобусных экскурсий к достопримечательностям, у которых туристов поджидают профессиональные приставапы, почти всем набили оскомину. Мир из окна автобуса обманывает туриста: в путевку включено все, кроме самой страны и ее народа. Уже мало кого очаровывают турфирмы и сервис: лучше податься в очередное путешествие самостоятельно. Вперед, в настоящую Африку!

Мой путь лежал через Марокко, Мавританию, Мали, Нигер — до озера Чад. Марокко является буфером от наплыва африканцев в Европу, и ее границы тщательно охраняются. Наш второсортный паспорт не вызывает почтения у европейских пограничников, но он не вызывает почтения и у пограничников многих стран третьего мира; в этом смысле наш паспорт третьесортный. Нам отказывают в визе многие страны Азии, Африки и Латинской Америки, в то время как «цивилизованным» странам — широкая туда дорога. Визы в Марокко мне пришлось изнурительно добиваться больше месяца. Визы в Мали, Нигер, Чад были поставлены как европейцу,

быстро и доброжелательно: поезжайте, мол, если соскучились по острым ощущениям.

Оставалось последнее разрешение в Мавританию, которое нужно было получить срочно, чтобы успеть проехать маршрут до истечения срока действия других виз. Визы я получал в Германии. На авось, прямо с рюкзаком отправляюсь в мавританское консульство, находящееся в Бонне. Бедные страны не столь привередливы к нашему паспорту как богатые, и я, надеясь на удачу, стою в очереди у посольства. Получение визы — это священнодействие. Захожу в консульство с благоговением, как в храм; на душе волнение и... смятение, какое-то чувство вины. Люди заняты государственными делами, и тут я — за визой.

Одолев робость и очередь, подхожу к окошечку. Стараюсь выглядеть порядочней, чем есть. Учтивая дама в окошечке заметила мне, что виза обычно оформляется 10 дней, но все же паспорт взяла с целью показать его консулу. Через минуту выбегает навстречу всем ожидающим визы консул и спрашивает по-русски: «Кто здесь русский?» Он без церемоний усадил меня в своем кабинете, и мы задушевно, по-русски, с ароматным арабским кофе повели беседу о Мавритании. Влюбленный в свою страну, консул вдохновенно показывал мне на карте самые интересные достопримечательности своей родины, подсказал также, что в порту Нуадибу и в столице я смогу встретить русских моряков.

— Где вы учили русский язык? — восхищался я его произношением.

— В СССР, в Университете дружбы народов. Смешно получилось: зная арабский, французский и русский, я работаю в своем посольстве в Германии, совершенно не зная немецкого.

— А как же вы работаете? — спрашиваю его.

— Я работаю недавно. Наверное, выучу и немецкий, а пока мне помогает моя сотрудница, — кивнул он на вошедшую учтивую даму. Мило улыбаясь, дама вручила мне мой паспорт с готовой визой.

— Сколько нужно заплатить за визу? — спросил я, переживая за очередь к консулу.

— Ты хочешь меня обидеть? У тебя виза *Graties*, подарочная! — заключил консул типичным арабским жестом.

Я благодарил консула. Консул визой в моем паспорте благодарил Советский Союз за лучшие годы своей жизни. Так начались мои

приключения — значит, началось путешествие. В Мавританию я заезжал из Марокко, вернее сказать, из Западной Сахары — государства, которое еще значится на картах, но теперь включено в состав Марокко. В последнее десятилетие политики великих держав кромсают карту мира, как после страшной войны: исчезают государства, появляются новые, идет очередной передел мира. Там, где мы родились, образовалось 15 стран: даже родственники стали иностранцами друг другу. С благословения «цивилизованных» стран в третьем мире организуются войны за рынки сбыта, ради добычи сырья и за сферы влияния. За спиной великих держав и по их сценарию Мавритания воевала с Марокко из-за Западной Сахары. По окончании войны Западная Сахара была включена в состав Марокко, а из Марокко в Америку и Англию теперь вывозятся фосфориты, которыми изобилуют завоеванные территории.

К путешествиям вся эта мировая политика имеет непосредственное отношение. После войны остались огромные заминированные территории, и этим поспешили воспользоваться марокканские военные. Конвой, который стоит недешево, более 450 километров до границы с Мавританией сопровождает колонны автомобилей из Европы. Нет нужды торопиться с разминированием, поскольку охрана является завуалированной формой туризма, приносящей прибыль. И туристам хорошо: есть чем пощекотать нервы, почувствовать себя героями. Достоверность марокканских рассказов подтверждают останки нескольких подорвавшихся на минах машин. Конвоиры показывают туристам ржавые мины, сурово торчащие на выветренных от песка местах. Минные поля сделались туристическим сервисом. Кроме туристов, к колонне присоединяются африканцы соседних государств, разъезжающие по своим делам.

Весь транспорт, идущий через Западную Сахару, группируется в городе Дахла, и сотни километров военные сопровождают через минные поля колонну, наряженную во все костюмы мира. Нужно, чтобы все машины ехали «след в след». На всем этом маршруте примечательны лишь даль Сахары да мины. Дорога, конечно, разбитая. Утром следующего дня с надеждой на окончание мытарств колонна остановилась у границы Мавритании. Пересечение границ — дело не для слабонервных. Полный день уходит на прохождение контроля, и это далеко не худшая граница в Африке, но ни в коем случае нельзя

возмущаться и дерзить. Таможня — это государство в государстве, и нетерпеливых здесь не любят. Понятно: жара, негде присесть, вас опережают те, кто понахальней и все же надо сдержаться, иначе за день не управиться. Или, хуже того, вас отправят назад — тогда все путешествие пропало. Визы, границы, таможни — это главная опасность в путешествиях. Уже потом опасны бандиты, болезни, ядовитые змеи, крокодилы и всякие хищники. Расслабиться можно, лишь пройдя все пограничные формальности и отъехав подальше от границы. С обеих сторон любой африканской границы ищут наживы, помимо пограничников, своры денежных менял, карманных воров, профессиональных приставал и торгашей, сбывающих сомнительные товары.

Европейцы на границах сдержанно шепчутся между собой, делятся неприязнью к африканским таможенным порядкам. Я им не сильно сочувствую — таких порядков можно насмотреться и в европейских консульствах с нашим, например, паспортом. Граждане элитных стран часто гордятся своими порядками и воспитанными пограничниками, забывая, что африканца с его третьесортным паспортом консулаты вообще не удостоят чести даже увидеть границу.

В среде путешественников о маршруте через Западную Сахару ходят разные слухи, и, чтобы развеять сомнения, я зашел в российское консульство еще в Марокко — справиться о возможности проезда до Мавритании. Консульские работники, мне кажется, лучше чиновников внутренних министерств. Они ездят по странам и, пусть даже с чиновничьего кресла, но все же видят мир. А какие исторические фигуры среди них встречались! Писатель А. С. Грибоедов или В. Г. Чичерин — нарком, публицист, музыкант. Однако в этот раз мне с российским консулом не повезло. Нестерпимо нудный и медлительный чиновочтитатель долго совещался по телефону с советником посла, после чего туго выдал мне давнее предписание для консульских работников воздерживаться от посещения Западной Сахары. Но я не казенный чиновник, а путешественник, и у меня туристская виза. Я попросил консула позвонить в соответствующее ведомство и обо всем расспросить. И что вы думаете? Оказывается, позвонить консульство не может. Существует посольский этикет: нужно отправить ноту(!), а не письмо, и не напрямую, а в Министерство иностранных дел Марокко. Оно уже обратится

к кому нужно, получит ответ и пришлет его адресату. Причем вся эта официальность ведется по специальной форме в письмах, где большое место занимают различные любезности о дружбе и сотрудничестве государств.

— Трудная у вас работа, — посочувствовал я консулу, — коль вы из-за пустяка так долго переписываетесь.

Консул попросил «не дерзить на российской территории». Сплюнув за порогом «территории» грустные мысли, я отправился без арабского языка в полицию за разъяснениями. Вдруг мне послышалась русская речь. Взглянув на приятную пару, я сообразил: русская девушка замужем за марокканцем, выучившимся в СССР. Молодые люди сходили со мной в марокканское Министерство внутренних дел, показали мою визу: оказалось, нет никаких препятствий.

Отправляясь в Мавританию, надо настроиться на Сахару. Подъезд к ее границе из Марокко тянется около 2000 километров по пустыне, но дорога все же часто подходит к берегу океана. Стык океана с пустыней неприветлив даже осенью, в лучший сезон для путешественников. Почвы здесь безжизненные, почти каменные. Выступы драного камня сменяются отдельно лежащими большими дюнами. Днем жарко и сухо, давит зной и поднимается пыль; ночью приходит прохлада с океана. В ночной тишине даже за 10 километров от берега слышен накат волны и ее глухой удар. Утром океан подгоняет к пустыне тучи, точно повторяя очертания береговой линии. Жаркое дыхание Сахары борется с влагой океана, подавляя какой-то тревогой путника. Сахара безжизненна, а могучая волна выбросит на берег любое судно. Две стихии — океан и пустыня — долго не позволяли европейцам обогнуть Африку.

Наконец-то наша колонна прибыла к мавританской границе. Шустрый мавр крутится возле французов, немцев, итальянцев, умело зазывая их на ночлег в свой дорогой даже по европейским ценам кемпинг. Узнав, что я русский, он посоветовал дойти к доктору Брониславу. Русских в городе Нуадибу мало, человек 15, и их здесь очень уважают. Встретить земляка в Париже или Берлине — это обычно, а вот в Мавритании, да сразу же, не имея ни малейшего ориентира в стране, — это как встретить брата после долгой разлуки.

В Африке не спешат. Общее настроение передается и нашим людям. Почитая местные обычаи, россияне здесь тоже перестают торопиться. Бронислав, отложив свои дела, сделал мне экскурсию по городу, а вечером, как полагается, наши моряки под водочку угощали всех собравшихся рыбой скоростного посола. Рецепт блюда очень прост: филе кладут на два часа в густой рассол, затем достают обратно и посыпают нарезанным луком. Пища готова. Такая рыба — обьединение. Компанией мы ездили на океан, обошли порт и город, я знакомился с маврами, с которыми знались наши моряки, и после двух дней пребывания в стране совершенно освоился. Рассказы соотечественников были мне путеводителем. Можно было отправляться по маршруту дальше.

Из Нуадибу в Зуэрат пролегает единственная в Мавритании железная дорога. По этой колее ходит самый длинный в мире поезд — более 1,5 километра длиной. Можно ли упустить возможность прокатиться на таком поезде! Дорога тянется 700 километров, и все время по Сахаре. Поезд редко останавливается ввиду отсутствия населенных пунктов, но и не торопится, как все в Мавритании. Туда он идет пустой, а обратно везет руду, добываемую на внезапно выступающем хребте. Во всем поезде один пассажирский вагон. В вагоне есть лавка на всю длину, но неприхотливая публика предпочитает сидеть прямо на полу, постелив циновки, благо народу немного. Нам не повезло, поезд поехал как раз в ту сторону, когда пассажирский вагон оказывается последним. А ехать по Сахаре. Состав поднимает пыль, и в конце его образуется пылевое облако. Вечером ветер сменил направление, и задышалось легче. Пожилой, но могучий мавр начал развлекать публику рассказами. Мимика мавров очень своеобразна и выразительна, она способна увлекать рассказом и иностранца, не понимающего ни слова по-арабски; при этом повествование ярко жестикулируется руками. Байки мавра-великана скрасили пассажирам утомительную дорогу, и рано утром мы, засыпанные пылью, вываливали из вагона неподалеку от городка, заброшенного в пустыне.

Маленький городок Зуэрат в Мавритании известен как горнодобывающий центр. Среди песка, глины и немногих скальных выступов по разломам рельефа поднимается высокий массив, сложенный из почерневшего камня. Около этого массива и расположено селение.

Ранним утром лучше всего любоваться окрестностями. Я сразу побежал на выступ хребта. Нельзя не увлечься обозрением бескрайности Сахары; ее просторы и тишина — это симфония великой пустыни. Краски в этих местах многоцветны и в то же время тусклы. Пятидесятикилометровая даль при восходящем солнце просматривается в деталях. Мертвая гладь, небольшие пирамиды, вершины барханов, мелкий кустарник, а в высохших руслах рек акация далеко уведят взгляд, показывая необъятность пустыни. Городок, потерявший в Сахаре, удивляет одиночеством; в такой заброшенности одиночек не только путник, но и целое поселение.

В этом поселке живет русская женщина. Есть страны, в которых нет никаких наших официальных представительств, но во всех странах есть наши женщины, вышедшие замуж за учившихся в СССР иностранцев. Например, в Нигере нет ни одного российского посольского работника, но в Ниамее, в столице, проживает около десятка русскоговорящих женщин. Их мужья-африканцы подсказали мне много полезного в стране, затерянной в Сахаре. Надя и ее муж Сидати живут около 10 лет в Мавритании. Он работает бригадиром на одном из карьеров рудника, а она подрабатывает торговлей в лавке. У них трое детей. Живет их семья не бедно и не богато. В семье вроде ладится, но Наде, безусловно, тяжело далеко от родины. Она выучила здешний язык, знает местные обычаи, одевается в национальную одежду сахарцев и в курсе всех событий и даже сплетен поселка. Ее уважают как человека, как иностранку и за то, что муж состоятельный, разумный и у нее хорошая семья. Но тесно ей в замкнутом городке, не нравится работа, непривычна другая жизнь. Сидати понимает жену, он даже порывался ехать с ней на Украину, но в Зуэрате их держит работа.

— Так распорядилась судьба, — говорит Надя.

— Это она при тебе загрузила; земляка увидела и ей хочется поплакать, — прерывает наш разговор Сидати. — Володя, ты, как путешественник, наверное, записываешь обычаи и поговорки. Запиши мавританскую поговорку: «Мавр, учившийся в СССР и не женившийся на русской, учился зря!» Посмеявшись, мы садимся обедать. Верблюжатиной угощают знатных гостей, и нужно доедать всю пищу. Моя знатность в том, что я первый здесь русский гость. На ужин нас всех вместе пригласил к себе начальник Сидати.

Начальник бригадиров в поселке — очень уважаемый человек, он «из племени президента». В Мавритании главенствует президент, есть парламент и прочие европейские институты, но попасть в них легче всего через племенные учреждения. Старое и новое — все причудливо переплетено в стране и удивительно соседствует. В горнорудном поселке используется современная техника для добычи руды, а крестьянин разрыхляет землю в оазисе древней мотыгой; арба с осликом без почтения пересекает железнодорожные пути. Начальник Сидати катается на джипе, а для престижа держит стадо верблюдов — главное богатство древнего жителя Сахары. На работу уважаемые люди ходят в европейской одежде, но в гости прилично являться только в национальном костюме, который не изменился со Средних веков. Министр, застигнутый в пустыне положенным часом, стелет на песке коврик, выключает музыку в машине и добросовестно бьет поклоны Аллаху. Путешественник в Мавритании видит перед собой машину времени.

Придя в гости, мы поздоровались с хозяином и присутствующими. У европейца, безусловно, вызовет улыбку длинное приветствие мавров. Даже те, кто видится каждодневно, здороваются очень обстоятельно: спрашивается о самочувствии вообще и о здоровье в частности, о настроении и домашних делах каждого в семье, отдельно расспрашивается о детях, затем могут последовать лестные похвалы и пожелания всяческих благ ближним. Эту долгую речь европеец может смело перевести одним словом: «Здравствуйте». Приветствие носит форму ритуала. Встретившиеся на базаре или на улице жители здороваются короче, поскольку сталкиваться приходится со многими. Главное слово — «Сава» (по-французски) — произносится в первую очередь. Оно универсально, спрашивает и отвечает на все вопросы, но столь кратким приветствием можно обидеть встречного. Такая неряшливость в приветствии простительна лишь чужестранцу. Поэтому встретившиеся скороговоркой выпаливают все вопросы и ответы, не слушая друг друга, т. е. говоря одновременно. Только такое приветствие не роняет достоинства приличных людей. В гостях же спешить с приветствием не подобает, расспросы ведутся с пристрастием. Приветствие сопровождается рукопожатием, в котором обязателен хлопок, подчеркивающий почтение к собеседнику.

Обходя гостей, я на все приветствия отвечал: «Сава», подавая руку каждому, как обычно. Вдруг я почувствовал неуверенное рукопожатие, взгляд собеседника был опущен: он испытывал смещение. Среди приветствующих мне встретился второй такой человек, их легко можно было выделить по особенно робкому поведению. Мои неразумения в приветствиях перевел на шутку Сидати. Я сообразил: это были домашние рабы хозяина. Официально рабство в Мавритании запрещено в 1981 году, но в действительности оно часто встречается и сегодня. Дети рабов наследуют это положение. Рабы не получают зарплат, проживают около хозяйских покоев, кормятся остатками стола, одеваются в обноски и всегда готовы к услугам рабовладельцу. Это рабовладение патриархальное, домашнее. Раб незаметен в доме и появляется по необходимости. Он не смотрит ни на кого, это ему запрещено. Но когда в нем появляется нужда, он вдруг является. Верблюжье мясо все гости ели руками. Поев, я едва успел подумать о салфетке, чтобы вытереть руки, как явился человек с чайником и особой подставкой для слива воды. Он исправно полил воду на руки, не поднимая глаз, подал полотенце и тут же исчез. Неловкое отталкивающее чувство вызывает непривычная услуга... Надо же, какая архаическая жизнь еще прячется в Сахаре!

Из Зуэрата я собрался ехать в поселок Шингетти. Дорога в Атар на всем пути плохая, а дальше она совсем условная и не совпадает с обозначенной на картах. Искать проезды в пустыне по картам — дело не всегда успешное, но и не бесполезное. Воображение восстанавливает удивительно многообразные ландшафты, заставляет вживаться в них и увидеть сложность рельефа Сахары в целом. Сахара необъятна и удивительно многообразна. Она так же велика, как весь Китай или США, и состоит из отдельных самостоятельных пустынь. Абсолютно ровная гладь вдруг поднимается стометровым обрывом. Скальный выступ создает барьер и тянется сотню километров. Даль каменных и глиняных пространств с острыми куполами, огромными кратерами, обрезанными массивами показывает многообразие ландшафтов Земли. В пустынных просторах встречаются оазисы. Песок, глина, камень, блеск солончаков сменяются красками широкой палитры. Цвета пустыни особенно хорошо играют

на восходе и закате солнца, когда воздух прозрачен. Большинство жителей городов не знают, как красивы пустыни.

Маршруты по Сахаре трудны. Безлюдные пространства, отсутствие воды, жара и песчаные бури, а самое опасное — политическая нестабильность, при которой дороги перекрываются бандитами, закрывают красивейшие районы для путешествий. Но Мавритания — относительно безопасная страна. Если уж ехать необычным поездом в Зуэрат, то на обратном пути можно отправиться попутными машинами в Шингетти. Из поселка Атар до перевала Амоджар, пересекающего длинное плато Адрар, около 30 километров. С петляющей дороги и перевала открываются новые пейзажи Сахары: глиняные и каменные хребты, между которыми тянутся небольшие гряды песка и солончаковые впадины. По этой колее нужно проехать после перевала еще километров 100. Здесь холмы долго сопровождают разбитую дорогу, которая затем уводит к оазису Уадан (Вадан). От него путь лежит дальше к солончаковым озерам, искореженным разломам невысоких хребтов и примечательной кальдере древней вулкана. Кто поедет на восток дальше, вглубь Сахары, будет первым туристом в тех местах. Изредка там тоже встречаются поселения.

В Шингетти интересны минарет и руины мечети. Этот небольшой поселок некогда был столицей Мавритании! В глубокой древности Мавританию населяли негроидные жители, затем, еще до нашей эры, сюда добрались берберы-скотоводы. Берберское население на протяжении тысячелетия входило в состав различных государств: Ганы, Альморавидов, Мали. В XIV—XV веках сюда добрались арабские племена, ускорившие еще раньше начавшуюся исламизацию берберов. Арабы заняли господствующее положение в стране, распространив язык, религию, письменность, семейный уклад. Столицей стал оазис Шингетти, а земля назвалась «Шингет» — «земля белых». Берберы, а также южные негроидные народы — сонинке, тукулер и волоф — усвоили обычаи и нравы арабов. Европейская колонизация Африки в XIX веке привила мавританской знати французский язык, с этих же времен город Шингетти утратил свое политическое значение и обмельчал до деревни. Сегодня в нем проживают около 4 тысяч жителей.

На карте дорога от Зуэрата до Нуакшота — столицы страны — показана как одна из главных. Это действительно ездовое направление, но совсем без дороги. В Мавритании ежегодно проходит знаменитое ралли Париж — Дакар, но это ралли — полная ерунда в сравнении с каждодневной ездой водителей по просторам Сахары. На ралли выделяются миллионы долларов, огромный технический персонал, различные службы ремонта, навигации и безопасности. О героях гонок круглосуточно трещат на весь мир комментаторы. Победителей ждут лавры и жирные гонорары, не победителей — престиж участия и тоже какие-нибудь спонсорские деньги. Париж — Дакар — это сенсация, туда, как на футбол, летят самолетами толпы богатых болельщиков. И тем и другим организован сервис. Затраченных на мероприятие денег хватило бы, чтоб кормить в течение года все простонародье страны. Я оказался в Мавритании как раз в тот год, когда знаменитое ралли отмечало 20-летний юбилей, и по такому случаю событие праздновалось еще помпезнее. Этими же самыми маршрутами местные жители ездят на разваливающихся «пежо» 30-летней или 40-летней давности. Они не подозревают, что они, мавры, еще большие герои, чем прославленные мастера не менее прославленного ралли.

Старенькие автомобили, отправляющиеся в дальнюю дорогу, называются «такси». Мы ехали по маршруту, где вообще нет признаков дороги. На крыше легковой машины закрепляются багаж и канистры с бензином, а внутри упаковываются 12 человек. Положенных мест (вместе с водителем) пять, но машина переоборудуется. На место багажа ставится еще сиденье, багаж закрепляется на крыше, а люди набиваются по четыре человека в ряд. Грузенный автомобиль легче справляется с песком, а если вдруг забуксует, так народу много — подтолкнут. В пути случаются поломки, но неприятная публика не спешит, и каждый помогает, чем может. В поездке не было никакого уныния; унылые люди дорогу не осият. А неудачи — тоже повод выйти, размяться, подтрунить друг над другом и даже над судьбой. Изобретательность шоферов в ремонте машин удивительная. Надо сказать, все они хорошие механики. 750 километров по песку водитель одолевает не менее чем за двое суток. На сон тратится 3—4 часа ночью, все остальное время шофер бессменно за рулем. Вызывает восхищение ночное ориентирование

по пути, где нет и намека на дорогу. Многочисленные колеи в разных направлениях не сбивают водителей с толку. Вечно звездное небо Сахары, ясная память и особое чутье указывают им путь. Говорят, что водители дальних дорог, вернее бездорожья, все из одного племени, и будто все навыки передаются ими по наследству своим детям. Можно поверить в эту легенду: автомобиль в Мавритании (перекупленный из Европы) на дальних расстояниях сменил уже верблюда, и появились легенды о шоферах.

Нуакшот — столица Мавритании. Даже названия большинства африканских столиц известны не столь уж многим европейцам, хотя вроде все учат географию. В Нуакшоте, кроме пыли, которую несет Сахара, много грязи, по улицам рассыпан мусор, носятся по ветру полиэтиленовые пакеты. В пыльный сезон люди часто болеют. Пластиковых пакетов много не только в городе, но и в пустыне. Их появление в безлюдной местности свидетельствует о приближении к поселению. Цивилизация вторгается даже в такие необъятные пространства, как Сахара. В Нуакшоте немало верблюдов, и на его окраине есть большой верблюжий рынок. В какой еще столице можно найти такой необычный базар?! Главный порт Мавритании — Нуадибу, но в столичной набережной можно тоже увидеть удивительные дары океана. Рыбину в человеческий рост кому угодно купить — пожалуйста! Но интересней всего разгуливать по городским базарам, несмотря на то что они грязные. Не столько товары, сколько люди привлекают внимание: чалмы, расписные халаты бубу и сами мавры с их лукавыми и яркими характерами. Их халаты разных цветов, но преобладают синие. Лучшие восточные и африканские персонажи картин, которые встречаются у художников эпохи Возрождения, можно увидеть здесь вживую.

Также в Нуакшоте можно увидеть русских моряков, работающих в разных рыболовецких компаниях. Они дешево продают свой квалифицированный труд на чужих кораблях. Русских женщин замужем за маврами наберется до 70, большинство из них живут в столице. Страна наша выучила не только нас, но и многих граждан третьего мира. Русскоговорящие женщины на чужбине даже пытались создать «Ассоциацию советских гражданок», но дружбы общей не получилось: уж больно из разных социальных слоев их мужья. Я зашел в наше посольство, и российский консул свозил

меня к министру по спорту, который, кстати, тоже из «племени президента». Почему консул оказал мне такое почтение? Потому что в Мавритании российских путешественников почти не бывало (раньше проезжал на велосипеде только Влад Кетов). Это была моя первая в жизни встреча с министром. Министр дал мне записку в далекий оазис Киффа, чтобы там мне помогли добраться до Мали — следующей страны моего путешествия. Гарон Абакарович — заведующий остатками от СССР рыбного хозяйства — рассказывал мне немало о нравах мавров. Он же проводил меня дальше в дорогу. Это было вечером, и в путь меня благословлял месяц, который лежал на причудливой мечети, как скиба арбуза на тарелке. Такое положение месяца невозможно видеть на небосклоне в наших широтах или даже в мечетях Средней Азии.

Немногие знают, что Сахара в определенные сезоны на все направления рассылает разного характера ветры и пылевые бури. На восток устремляется хамсин и самум; на север тянет пылью сирокко, а на юг и запад дует харматтан, закрывая по несколько дней солнце. Север Мавритании очень редко заселен, а на востоке, где тянутся необъятные Эрг-Игиди и Эль-Джуф — мощные песчаные пустыни, совсем не встречается оазисов. Там хозяйничает харматтан — иссушающий ветер, поднимающийся в сезонные ураганы. Основное население страны, теснимое Сахарой, расселилось в портах, а еще больше на юге, где пустыня более щадящая. По югу, из столицы в восточном направлении к городку Неме, более 1000 километров тянется лучшая дорога в Мавритании. Но все же и она невыносимая. Российское бездорожье куда лучше. На эту тысячу километров нужно смело положить в одну сторону неделю времени. Если в легковой машине усаживаются 12 человек, то на джип — хотите верьте, хотите нет — помещаются до 40 человек. В открытый кузов монтируются трубы, и народ висит, сидя на мешках, держась за металл и друг за друга. На таком облепленном людьми автомобиле мы проехали сутки, после чего вдруг на ходу упал кардан — одна из главных частей автомобиля. Дружными усилиями кардан починили, но он снова упал. После нескольких злополучных поломок мы дотащились до мастерской по обслуживанию автомашин. Кардан починили. Через 30 километров он снова упал, потом снова и снова. Я взял рюкзак, пересел на

другое условно называемое такси, и с тремя пересадками доехал до города Киффы.

Киффа интересна уже тем, что это крупнейший оазис в Мавритании. Здесь меня принимали по записке министра. Может быть, от отсутствия неудобств этот оазис мне понравился больше других. А уж какие здесь женщины! Мавританки, особенно в Киффе, хороши, обаятельны и игривы; ислам, забавно переплетенный с древними верованиями африканцев, не так строг в этих краях, и мужчинам нужно опасаться чар красавиц. В семейном положении мавританских женщин сохраняются черты матриархата. Они пользуются немалыми правами в обществе. Симпатии у мужчин вызывают женщины дородные, пышные и женственные, но не толстые. Дамской добродетелью считается послеобеденное возлежание — очевидно, для нужной пышности, а также для демонстрации обеспеченности: ничто не гонит на работу, можно и полежать. Вне сомнения, глава семьи — мужчина, и в мусульманском мире женщина должна знать свое место. По исламским правилам женщинам полагается носить платок, чтобы мужчины не особенно заглядывались. Однако, прикрыв лицо, мавританка не спешит укрывать плечи и грудь, и в этом нет ничего зазорного. Такова в этих краях занятная мешанина мусульманской строгости и африканской природной первозданности. В Киффе очень вкусные финики, и я их набрал побольше с собой в дорогу.

Родственники министра уверяли, что лучшая дорога в Мали проходит из Киффы в Кайес. В действительности это худшая дорога, и иностранцев на границе здесь не пропускают. Это я заподозрил позже. 300 километров пути мне пришлось одолевать почти две недели, и в основном пешком. Встречались пастухи и даже шалашные деревушки, но транспорта попутного не было. Колея, на которую мне указывали пастухи, разбегалась в разные стороны, и местность больше походила на пустыню. Иногда встречались объединенные саранчой и козами акации. Около акаций попадаются дикие арбузы, несъедобные для людей, но аппетитные для коз. Козы, живущие в оазисах, способны, как обезьяны, залезать на редкие кустарники и акации. Они напрочь объедают кроны растений. Я ночевал около колодцев или около пастушеских станков. Кочевники здесь настоящие. Шатры ставятся только на сезон. Сезон,

видимо, оканчивался, и в одном месте снималось кочевье, которое грузилось на высокие двухколесные телеги. Шатры, скarb размещались на обoзах, а сверху всего усаживались дети. На несколько верблюдов были поставлены шатры-седла, где важно восседали две-три женщины под навесами. Затем пастухи совсем перестали встречаться, но один-два колодца на день пути попадались. Вот тебе и лучшая дорога на Мали. Каковы же худшие? Кажется, впереди снова кочевье. Появление непонятного бородача с рюкзаком в пастушеском палаточном поселке производит фурор. Напившись воды, я ставлю свою палатку чуть в стороне от стана. Чужеземец из неведомой страны — это для поселка, где не бывало туристов, то же, что для нас появление инопланетянина. Сначала ко мне приглядываются и меня сторонятся, но верх берет любопытство, и потихоньку подходит беспечная детвора. Мужчины пасут скот; женщинам вроде не полагается подходить к чужаку, но дети уже заинтересовали мам своими рассказами, и женщины, стеснясь, все же собираются всем поселком около моей палатки. Жестами, знаками, мимикой завязывается общение. Я чувствую, надо мной уже подтрунивают; подтрунивают, потому что все во мне не так, как принято у них. Но шутки добрые, мы вместе смеемся. Я заглядываюсь на лица... Этот край — не только соединение пустыни, сахеля и саванны. Здесь такое же соединение народов, такая же мешанина этнических портретов, как и смена природы.

Оставив вещи в палатке, отправляюсь с фотоаппаратом осмотреть высохшее русло, по которому растут акации и кустарники. За вещи можно не переживать: кража — больше городское явление. Вечером один из пастухов пригласил меня к себе в шатер ужинать. Шатер из брезентовой ткани опирается на центральный деревянный шест. Внутри из жердей устроены нары, на которые накинута ковер. Еда готовится на костре у шатра в неглубоком казане и подается в общей большой металлической тарелке. В семье, кроме пастуха и жены, еще четверо детей от 10 лет до грудного ребенка. Ели мы, сидя в кругу, кашу сорго, сдобренную растительным маслом. Едят кочевники руками, но в Африке не только кочевники, а почти все сельское население ест руками. Наверное, европеец удивится, если узнает, что так питается добрая половина человечества в мире.

Еще через день пути на песке обозначилась символическая граница. От главной колеи метров по 200 в обе стороны торчал низкий плетень, присыпанный песком. Шалаш у заборчика имел только крышу, и в округе не было ни души. Это государственная граница между Мавританией и Мали. Отсюда до цели топать мне еще немало. Только через несколько дней я оказался в городке Кайес. Здесь уже цивилизация, и пустыня совсем отступила. Около поселения течет река Сенегал, растут деревья и проходит железная дорога, связывающая города Дакар и Бамако. Надо было срочно позвонить домой в Гамбург и поздравить семью с праздником. Телефон оказался только на железнодорожной станции, а звонок стоил 10 долларов за минуту разговора. Так же можно позвонить, сообщить номер телефона на станции и ждать ответа с обратной стороны: из цивилизации вроде звонок дешевле. Звоню, кричу в трубку, поздравляю своих с наступающим Новым годом, а год-то, оказывается, давно уже наступил. Видимо, я его еще в Мавритании встретил.

Только в Бамако, поехав с работником российского консульства в нужное ведомство, я поставил в паспорт отметку о пересечении границы. Без нее могут быть большие проблемы при выезде из страны, вплоть до тюрьмы. «Африканские тюрьмы — не лучшие», — заметил мне консул.

Мавритания

Площадь — 1031 тыс. км²

Население — 3,5 млн чел.

Одна из пяти исламских республик в мире

Владимир

Мне позвонили из Москвы в Гамбург и тут же рассказали целую историю: «Меня зовут Тимур Гафуров, я работал несколько лет в Мавритании в качестве представителя ООН и занимался вопросами пограничных споров после войны в Западной Сахаре. Читал вашу статью о Мавритании в интернете. Всегда думал, что я один только знаю о существовании такого государства, оказывается, нас двое». С тех пор прошло 12 лет, и я, уже всей семьей, повторно здесь путешествую. Мавританию действительно знают немногие. Страна, затерянная в Сахаре, почти не посещается туристами. В ней нет феноменальных памятников природы, как вулкан Килиманджаро или водопад Виктория, но она совершенно необычна. Нет похожей на нее страны в мире.

Положим, кто-то полетит путешествовать в Австралию, затем съездит в США и Японию, побывает на замечательных островах в Таиланде и посетит Бали. А затем отправится в Мавританию. Несмотря на немалый опыт в разъездах по разным странам, он будет сбит с толку. Только теперь, в Мавритании, он путешественник, притом начинающий. И то только в том случае, если поездка его будет самостоятельной, а не в пакете турфирмы. Не обязательно ехать в Мавританию. Можно собраться в Судан, Мозамбик, Конго, в Индию или Иран, в Колумбию или Венесуэлу и увидеть, как живет большая часть мира; этим отличается путешествие от тура.

Однажды я возвращался домой из Нигера. Самолет из Ниамея летел через Париж в Германию. Сосед (я подозревал в нем нового русского), подсевший в Париже, заинтересовался моей картой и удивился тому, как далеко меня занесло. Я похвастался, мол, был во многих африканских странах. Мы разговорились.

- Ну а в Америке был? — спросил он.
- Имеется в виду США? Нет, не был.
- А в Японии?
- Вообще-то... и в Японии не был.
- Так ты нигде и не был, — не шутя объявил сосед.

С тех пор я много раз пересказывал эту байку, когда меня спрашивали, в каких странах мне еще не удалось побывать. Мне кажется, европейцу отправиться в Мавританию — это больше, чем посетить множество причесанных стран.

Огромную территорию Мавритании населяют всего 3,5 миллиона человек. Это то же, как если какой-нибудь Марсель расселить на две Франции. Сравнение с Францией вполне допустимо: Мавритания — ее бывшая колония. Одна из пяти исламских республик в мире с довольно строгим соблюдением шариата, государство все же является военной диктатурой. Военные перевороты, которые случаются часто, не меняют в ней обычной жизни, а являются своеобразной перестановкой политических фигур в пользу бизнеса богатейших стран и в первую очередь США. Несмотря на власть военных и шариат, путешествовать в Мавритании легче (а уж как гостеприимно!), чем во многих так называемых демократических странах.

Маврами европейцы называли арабов и перемешанных с ними соседей-африканцев. А все их прошлое связывали с Магрибом — не страной, а регионом, состоящим из нескольких государств, у которых менялись названия и границы. Современная Мавритания необычна прежде всего тем, что большая часть ее населения — кочевники или выходцы из кочевников. Кочевники есть во многих странах, но там они присутствуют в меньшинстве и являются, как правило, малыми народами. У мавров иначе: они издавна занимались кочевым скотоводством, были все поголовно бедуинами, жили в шатрах, пасли коз, ослов и верблюдов — наиболее неприхотливых животных, приспособленных к Сахаре. Сегодня у шатра или загона скота может стоять джип, но он также используется

в помощь скотоводам для перевозки грузов, подвоза продуктов пастухам, вывоза убойного скота и т. д. Не надо удивляться, если по городской улице проедет джип, в кузове которого посажен верблюд с высоко поднятой головой. Мало ли куда его везут: в другое стадо, на племя, на перекочевку или на продажу. Даже в городской жизни состоятельного человека чувствуется кочевой ритм жизни. Встают мавританцы ни свет ни заря, в жару долго спят, хотя у богатого человека в доме кондиционер, вечером плотно ужинают и ходят в гости. Днем они любят пить круто заваренный и очень сладкий чай. Такой чай кочевники пьют много раз на день; он утоляет жажду, а сахар, быстро усваиваясь, подпитывает организм. Мясо в обеденную пору потребляется редко.

Одежда мавританца (в том числе городского, ведущего оседлый образ жизни) взята у бедуина. Мавр носит рубашку и штаны до колен, а сверху надевает широченный халат «бубу», расшитый по рукавам и на шее. По этому халату его узнают во всей Африке. У халата по бокам сделаны огромные разрезы для рук — от плеч до колен, а иногда и ниже. Руки в любой момент можно спрятать или, наоборот, ими помахать при необходимости. В халате можно спать, завернувшись в него. Европейцу такую одежду носить нельзя: он в ней запутается и упадет. И, конечно, подобный наряд не для сырого климата. По расшитым узорам и убранству определяется социальное положение мавра. Никому не придет в голову облачаться в костюм не своего ранга — это оскорбление обычаев. В национальной одежде можно и должно работать высокопоставленным чиновникам, а также людям, не выполняющим физической работы. Уже поэтому ходить в халате почетно и благородно. Правда, в городах, где большая безработица, встречается немало праздношатающихся людей в благородных халатах, живущих воровством и обманом. Как полагается жителю пустыни, мавр носит шарф из длинной ткани, который спасает его от палящего солнца; им же укрывается все лицо и шея от сахарской пыли. Этот особо уложенный шарф у сахарцев называется «тагельмуст». Мавританки в нарядах тоже хороши, но мужские костюмы краше.

Мавры — основное население страны, народ смешанного арабо-берберского происхождения. Этнически и социально Мавритания неоднородна, и общество сложно разделено по кастовому

признаку. «Чистые арабы» чувствуют себя благороднейшими. За ними идут те, у кого в жилах течет берберская кровь, а негроидные народности (волоф, фульбе, тукулер, пель) замыкают иерархию. Негроидные народы в свою очередь подразделяются на харатинов и суданцев. Среди них беднейшие — харатины — до сих пор остаются рабами. Против рабства в последние два-три десятилетия принимались различные законы, но они остались декларированными пожеланиями: рабство в патриархальном виде сохраняется. Государственные структуры, как во всех странах, предполагают президента, парламент, независимый суд, и все покоится на демократической основе (при этом у власти находятся военные). Разумеется, правоверный ислам благословляет не только помесь средневековых и европейских институтов, на которых держится власть, но и кастовое устройство общества. В принципе, европейские институты гораздо примитивней африканских: последним нужно угодить и богатым странам, чтоб выглядеть демократично, и свою честь держать. Берберов часто путают с туарегами. Разница между ними в основном территориальная. Берберские этнические группы представляют амацирги, кабилы, туареги, саханджи, шиллу и т. д. Большие расстояния между оазисами способствуют развитию различных диалектов. И все же берберы (и в их числе туареги) ощущают свое родство, несмотря на межплеменную разницу, и кочуют по Сахаре, не очень считаясь с границами государств. Берберы являются древнейшими жителями пустыни, которых завоевали впоследствии арабы. Мавры — это смешанные арабо-берберы, и, кроме того, они нередко вступают в браки с рядом живущими негроидными народами. Жители Сахары этнически неоднородны.

Наземным путем по Западной Африке люди, как правило, путешествуют через Марокко, Мавританию и едут далее кто в Мали, а кто в Сенегал. Визы в Мавританию на семью я пытался получить еще в Берлине. Но европейцев, как и россиян в Москве, ожидает долгая процедура. Посольство посылает сведения о туристе в Нуакшот и ждет ответа примерно три недели. Затем за паспортом нужно снова приехать в посольство. В Мавритании недавно произошел очередной переворот власти, и процедура могла тянуться еще дольше. Мы улетели в Сенегал (в Дакар наидешевейшие билеты направляющимся в страны Западной Африки) и в случае неполучения

там визы в Мавританию могли поехать в Мали — какая разница, куда ехать путешественнику. В Дакаре в посольстве Мавритании оказалось все по-человечески: визы ставят в один день.

Пограничный пункт из Сенегала в Мавританию одолевается по реке. На пароме или на пироге за сходную плату нужно переправиться через широкую реку Сенегал. Лодочников встречают пограничники и ведут всех пассажиров в офис. В офисе, как будто специально для контраста к экзотической переправе, оформляется регистрация на компьютерах. Прибывших фотографируют тут же видеокамерой. Река Сенегал является природным барьером для Сахары. С одной стороны находится зона сахель с акациями и баобабами; по другую, сразу за городком Россо, начинается пустыня с барханами. Сахара не является однообразной стихией. Высокие горы, долгие пески, глиняные и каменные безжизненные пространства имеют собственный рельеф — это отдельные пустыни, каждая из которых представляет собой неповторимый ландшафт. Асфальтовая дорога из Россо в Нуакшот тянется по барханной пустыне Трарза. По пути встречаются деревушки с занесенными песком домами; кругом пасутся верблюды. Мавританские автомобили, бегущие по трассе, смотрятся гораздо современнее сенегальских. На участке в 200 километров в направлении Нуакшота у нас проверили паспорта раз восемь. Контролируют документы военные и жандармерия. Они уносят паспорта в пункт досмотра и долго выписывают из них сведения. Дух недавнего политического переворота еще витает в воздухе.

Нуакшот не узнать 12 лет спустя. Видно, как сильно изменилась столица; весь мир сегодня быстро меняется. Город разросся (700 тысяч жителей), в нем много машин; появились здания с претензией. На окраине выстроился огромный микрорайон для богатых, который, однако, медленно заселяется из-за высоких цен. Но мавры ходят все в тех же халатах. Страна, уходящая от океана в Сахару, в столице имеет удивительную морскую гавань, а на противоположной окраине — огромный верблюжий рынок.

В Мавритании два морских порта: Нуадибу и Нуакшот. Нуадибу — современный для Африки рыбацкий город; в нем, кстати, кочуют и трудятся русскоговорящие моряки. Совсем другой вид имеет набережная в Нуакшоте — она похожа на средневековую

пристань кораблей с раскрашенными огромными лодками. Покраску здешние рыбаки заимствовали у сенегальцев, да и сами рыбаки в большинстве своем не арабского происхождения. Лодку длиной 10—15 метров и весом несколько тонн перемещают повыше на берег несколько человек. Сначала поднимают нос и двигают судно к берегу на хвостовой части; затем поднимают корму и передвигают его по носовой точке. Многократно, метр за метром, лодка переползает по пологому берегу наверх. Вся пристань заставлена раскрашенными судами: их сотни, а может быть, и тысячи. На набережной рыбаки живут семьями. Они потрошат рыбу на берегу, и чайки с пеликанами тут же поедают остатки. Между лодками разжигается костер, готовится пища из рыбы, и здесь же семья обедает. Беднота часто нанимается на лодки рыбаками и живет кланами, устроив нищее жильё из тряпок рядом с бортами суденышек.

Лодки в прошлом управлялись парусами и веслами; сегодня к ним покупается мотор с винтом, позволяющий судну уходить далеко в океан. Западное побережье Африки отличается глубокими холодными течениями. В холодных водах водится много рыбы, и рыбаки всегда возвращаются с богатым уловом. К прибывшей лодке подбегают с ящиками носильщики, быстро загружаются и бегом с грузом на голове уносят рыбу на тенты. Пока они перебегают, живая рыба периодически выпрыгивает из ящика и падает на песок. Мальчишки ее с озорством крадут, но гоняют их взрослые не особенно сердито: рыбы много вылавливается, всем хватит. Женщины тоже шустрят, покупают или забирают у мальчишек ворованную рыбу за бесценок. Находясь целый день на рыбном базаре, они продают ее не спеша, но уже дороже. Дары моря — удивительное зрелище. На большие тенты сыпается вся рыба, затем она сортируется по видам и величине и продается оптом держателям ресторанов, торговцам лавок или жителям столицы. Диковинная рыба, иногда двухметрового размера, крабы, кальмары, осьминоги, разного рода креветки и ракушки — обычный здесь товар. Мужички подгоняют осликов, впряженных в телеги, грузят ящики, накрывают их тряпками от мух и везут товар по назначению. Ловятся здесь также акулы и скаты невероятных размеров. Скат опасен электрическим разрядом, но рыбаки перерубают ему хвост, после чего он обезврежен. Мы видели, как несколько человек грузили на широкую телегу двух

огромных скатов величиной примерно $1,5 \times 2$ метра. Скаты удивили наших ребят размерами, и мы весь вечер вспоминали сказки про Морского царя и его царство. Ужин у нас тоже был из даров моря, приготовленных на примусе.

В последнее десятилетие в Мавритании значительно улучшились дороги. Еще несколько лет назад не было даже колеи между Нуадибу и Нуакшотом — крупнейшими городами; теперь здесь проложена хорошая трасса. Асфальт тянется также из столицы в Атар. Дорога Надежды по югу страны, которая в прошлом была совершенно разбитой, сейчас тоже в хорошем состоянии на все 1100 километров. Большие скорости вызвали новую беду: у дорог появилось очень много погибшей от столкновения с транспортом скотины. Через каждые 10 километров встречается труп коровы, осла, а то и верблюда. Трупы никем не убираются и благодаря сухости Сахары быстро бальзамируются. Кости в шкуре, присыпанные песком, — частая печальная картина асфальтового придорожья. Беспечность мавра на дорогах, которому не свойственна лишняя осторожность, небезопасна и для деревенских пешеходов.

Гостиницы в Мавритании дорогие. Но мавры — народ гостеприимный, и можно заночевать у местных жителей. Денег за ночлег они не просят, однако у арабов в норме принимать небольшие подарки. В поселке Бутилимит мы чуть прошлись по деревне, и нас зазвали на ночлег местные жители. В дом на туристов сбежалось много зрителей, и сразу было непонятно, кто его владельцы. Но вечером людей поубавилось. Видимо, для успешного общения хозяева позвали в дом учителя английского языка. Наша многодетная семья была маленькой в сравнении с мавританской. Семь или восемь детей да сестры родителей — всех вместе было около 20 человек. На подносе разливался для всех обязательный «чай по-сахарски». В доме уютно и просторно, кругом ковры, нет лишних вещей, которыми любим обрывать мы, европейцы. Чай в мавританской семье обычно разливает девочка лет 14—15, которая считается уже на выданье. Не обязательно, что ее в эти лета выдадут замуж, но обязательно к этому времени она должна быть самостоятельной хозяйкой и уметь не обделить вниманием всех домашних и гостей. Негостеприимная хозяйка у мавров почетом не пользуется, наверное, и спросом как невеста тоже. Нельзя не восхищаться расторопностью девочки,

которая успевала угощать всех чаем между разговорами. Перед сном не без подвоха я спрашивал своих детей:

— Слабо ли нам так ловко поспевать на кухне?

На каком языке разговаривают здесь между собой мавританцы, на арабском или на берберском? На арабском. Однако каждая арабская страна создала свой характер народа и свой диалект языка. Арабский язык у мавров принадлежит к диалекту хассания, его происхождение идет от пришельцев издалека — из Йемена. Вообще, арабский мир огромен: его страны занимают 14 миллионов км², и в 22 государствах проживает 400 миллионов человек. Об этом мы тоже говорили за беседой в гостях. Сахару в основном населяют арабы, и здорово бы путешествовать по ее странам со знанием языка. Среди туристов иногда можно слышать жалобы, что уже все изъезжено и некуда поехать. Это, конечно, заносчивое суждение. Дерзким людям можно рекомендовать особый маршрут из нескольких стран, который могут одолеть путешественники только с хорошим опытом. Например, пересечь Африку в широтном направлении по Мавритании, Мали, Нигеру, Чаду, Судану, Эфиопии. По этнографической пестроте, выдающимся ландшафтам, преодолению многообразных препятствий нет равного маршрута. Этот маршрут будет одним из самых потрясающих, какие только можно поискать на земле сегодня. Он будет близко похож на маршруты первопроходцев. Во втором круге нашего семейного путешествия по Африке мы взяли самую доступную часть этого пути и уже в Мавритании удивлялись многообразию Африки.

На другой день из Бутилимита нам удалось проехать скромное расстояние и заночевать в городке Алег. В единственной гостинице полгода назад произошло бандитское нападение, где ограбили и убили иностранных туристов. Это первый вероломный случай в Мавритании, и нас этим утешили при регистрации. У мавров есть, конечно, лукавые черты в характере, но все же они спокойны и не склонны к бандитизму. Драк и шумных скандалов мы пока не видели.

Рейсовых автобусов в Мавритании нет — тоже характерное явление в стране. Ездят люди в основном на буш-такси (обычная старая легковая машина), набившись поплотнее: пятеро сзади и двое около водителя. Такси невозможно поймать на трассе — мавр искать попутных пассажиров не поедет. Автовокзалов нет, поскольку нет

рейсовых автобусов, а такси лучше искать в гаражах. В гараже ремонтируются машины, и оттуда отправляются пассажиры. Гараж — особое место. Около него находится шатер с коврами. Бока шатра подворачиваются снизу, чтобы под навесом продувалось. Кому неспешно или жарко, можно там вздремнуть. Здесь же можно заказать рис, макароны или кус-кус с мясом. Утолять жажду хорошо чаем, который подается всюду, но не всегда из стерильных стаканов. В обеденную жару трудно уговорить таксиста отправиться в путь: кругом ритм жизни неторопливый, и мавр себя уважать не станет, если будет торопиться. В общем, кто будет в Мавритании — не спешите, потихоньку уедете: ешьте, пейте чай, поспите. Кстати сказать, когда человек не торопится, буш-такси стоит дешевле. Я, конечно, по-европейски злился, желал маврам для перевоспитания пожить в Москве. Хотя, как на все посмотреть: может быть, наоборот, москвичу, впавшему в депрессию, как раз и нужно простенько пожить в Мавритании.

Чаепитие — особая процедура, можно сказать, ритуал. Европейцу такой чай не приготовить, и тем более так его не разлить. Чай по-сахарски — это крепко заваренный и очень сладкий кипяток, налитый до половины в стакан. Но его еще нужно как следует перемешать. Ловко жонглируя кипятком, мавр умудряется переливать чай из стакана в стакан с большой высоты, не проливая мимо ни капельки жидкости. Перелитый раз 10 — до пены — напиток готов к употреблению. Сахарский чай действительно утоляет жажду и дает силы быстро усваивающимся сахаром, поскольку на жаре есть не хочется. Еще одним ритуалом является возлежание женщин на коврах. Мавританки любят лишний час полежать на боку и пообщаться, подпирая кулачком личико. Эта картина достойна кисти художника.

Севернее Дороги Надежды от Санграфы до Тиджикжи (Tidjikja) недавно построена хорошая асфальтовая дорога по Сахаре. Она ведет между барханами, а затем поднимается на каменистое плато. Плато Тагант — интереснейшее место с выступающими скалами и каньонами; здесь, пожалуй, самые изрезанные ландшафты в Мавритании. В городе Нема мы неожиданно познакомились с русскоговорящим мавританцем, которого зовут Азис; он окончил московский Институт картографии и со знанием дела может по

этим маршрутам проконсультировать. Плато выступает в Сахаре хребтами, среди которых прорезаны каньоны и даже встречаются немалые озера, в которых водятся... крокодилы. Большинство этих озер собирают с округи верблюдов и коз на водопой. Оторванные от мира оазисы и верблюды укладываются в представления о Сахаре, но крокодилы? В 60—70-х годах французские исследователи специально изучали эту загадку. Они обнаружили озера в центре Сахары: на Тассилин Адджер, в Ахаггаре, в Тибести, на плато Эннеди. Рептилии живут здесь со времен ледникового периода Земли, когда Сахара была цветущим краем, и повсюду на ее пространствах водились жирафы, слоны, носороги, крокодилы и бегемоты. Наскальные рисунки в пустынях, о которых лучше всех рассказал Анри Лот, тому доказательство (Лот, А. «В поисках фресок Тассили»).

Туристы в Тиджикжу не едут валом, но немногим, кто туда направляется, предлагают на пути из поселка Нбейки поехать на джипе смотреть крокодилов. Это удовольствие дорогое, и не в каждом случае представится удача. Мы от этой услуги отказались. Взамен отправились на весь день бродить по разломам необычного ландшафта. Громады скал с пропастями, каменными воротами, сквозными дырами кругом опускаются на пески и снова поднимаются вверх. Отдельные башни выступают грандиозными грибами. Рельеф местности постоянно меняется: стены, трещины, башни, выступы, а внизу земля с песком, на которой растут редкие кустарники и акации. Мавританцы еще не поняли, что по европейским меркам здешний ландшафт должен продаваться туристам как выдающийся национальный парк. Пока же в низинах с кустарниками бесечно пасутся козы, и их неспешно погоняет к деревушке пастушок-подросток.

В поселочке Моджерия, где нет гостиниц, нам удалось поселиться с комфортом. Один богач, из тех, кто ставит телефонные вышки (он живет в Нуакшоте), выстроил себе «дом с мезонином» в захудалой деревне, и мы в нем останавливались за недорогую плату. Дверь открыл нам сторож. Деревня находится на соединении разных ландшафтов — между песчаными дюнами и глиняными плато. Вокруг деревни одни пески, но где только не селятся люди. Они оживляют пустыню оазисом, заодно, конечно, и загрязняя ее. От деревни уходят большие дюны песка, среди которых поодиночке

растут акации. Вдали поднимается стена глиняного плоскогорья. Как же в такой пустыне уживаются одинокие деревья? Наверное, вода под землей находится неглубоко. Песок блестит ярко-желтым цветом. Дерево издали видится зеленым, но стоит подойти к нему ближе, кажется серым; эффект подозрительный. Я понял, в чем дело, лишь находясь в 10 метрах от акации, ствол которой наполовину утопал в песке. Попросил Сашу быстро пробежать под деревом. Тут же поднялась туча серой саранчи. Саша кинул камень на ветки — поднялась новая туча. Но много твари все же осталось на дереве и доедало листву. Саранча в пустыне очень крупная, как воробьи, и серая, как летучие мыши. Та туча, что поднялась в воздух, перелетела на другое дерево, находящееся поодаль, метрах в 200. А главное, вредители так плотно облепляют каждую веточку, что их умещаются тысячи на одном лишь дереве. Удивительна живучесть этих акаций, засыпанных на половину ствола песком, с пожирающей ветви саранчой.

Тиджикжа — по мавританским меркам аккуратный поселок, хотя находится в глуши. В нем много бутиков, где можно сделать покупки, есть уютный кемпинг, также крупное здание, где располагается базар, и большая площадь, куда прибывают машины. В поселке много мечетей, несколько асфальтовых улиц, большая школа и ухоженные кладбища. Мавританские кладбища выглядят скромно, они отгорожены от скота, и могилки обозначены каменными клиньями. Тиджикжа расположилась по руслу пересохшей реки, и от нее тянутся пальмовые сады, переходящие в отдельные оазисы. В середине деревни на песке стоят два колодца, около которых в жаркие часы собирается много скота. Колодцы жители Сахары, как правило, роют по руслу высохших рек, где вероятнее докопаться до воды. Вода — это жизнь. Нужно поить скот и себе в бочках делать постоянные запасы.

Дальше Тиджикжи дорог нет. Есть условная колея на Тишит, но туда совсем редко отправляется случайный джип. Немного чаще — раз в неделю — ходит по писте машина на Атар. На северо-восток простирается безжизненная пустыня Эль-Джуф, одно из самых ненаселенных мест на земле. В этой страшной и безводной дали во многих местах не ступала нога человека, как бы странно это ни звучало в наш вездесущий век. На юг от Тиджикжи и Тишита тоже

простирается пустыня Аукар — часть Сахары. Она богаче родниками и колодцами, и по ее не песчаным окраинам кочуют со скотом пастухи, почти не связываясь с миром.

Транспорта на Тишит мы не дождались и уехали назад по асфальту через Санграфу до поселка Экамор. Гостиниц в поселке нет, но у кочевников каждый дом — гостиница. Женщины, возлежащие на коврах, махнули нам жестом: можно ставить палатки рядом с их шатром. Мы устроились лагерем и предложили хозяевам пару банок сгущенки. Нам в ответ довольно быстро приготовили кускус с мясом. Но вот необычная сторона гостеприимства мавров: они живут в кастовом обществе и не всегда садятся есть вместе с гостями, тем более что в доме одни женщины и дети, а мужчины пасут где-то далеко скот. Приготовленная еда была вкусной, но есть одним как-то неловко. После ужина нас попросили спеть под гитару.

В Мавритании много исторических мест. Под покровительством ЮНЕСКО находятся Шингетти, Уадан, Тишит, Уалата. На юге страны ждут археологов развалины Аудагоста, Теренни, Кумби-Салеха. Древние города на юге Мавритании принадлежали средневековым государствам Гана и Мали. Караваны соединяли островки жизни в Сахаре с удаленными государствами. Ибн-Батутта — выдающийся арабский путешественник — пересек на верблюдах великую пустыню по пути из Танджера в Томбукту.

Большее количество верблюдов, чем в Мавритании, мало где можно встретить. На выезде из Нуакшота находится огромный верблюжий базар. Крупнейший рынок скота располагается в Атаре. Во всех больших и маленьких поселках и оазисах есть свои торговые пункты, где выставляют на продажу по несколько десятков животных. При передвижении по любым дорогам и направлениям путнику постоянно встретятся пасущиеся верблюды. Мавритания — одна из немногих стран, где еще сохранились настоящие средневековые караваны с грузами. Периодически караваны отправляются из Тишита в Уалату, проходя ежедневно по 40 километров. До поры автомобиля, т. е. еще 50 лет назад, Сахару постоянно пересекали кочующие торговцы. Караванная дорога, соединяющая средневековые города и оазисы Фес, Марракеш, Бир-Могрейн, Зуэрат, Шингетти, Тиджикжу, Тишит, Уалату, Томбукту, была одной из главнейших, пересекающих Сахару до реки Нигер.

Март — не лучшее время для путешествия по Мавритании. Это один из самых жарких месяцев в Южной Сахаре, и у нас в ходу на каждый день была шутка: «Больше 43 градусов сегодня или меньше?» 43 градуса по местным меркам считалось не жарко. В городке Аюн мы заселились в хостел с кондиционером. Кондиционер не столько охлаждал, сколько громыхал и трясся во время работы, но воздух в помещении все же сменялся. Накопилась усталость от жары. На другой день как-то быстро проехали почти 300 километров и добрались до Немы.

Нема — окраинный городок, которым обрывается Дорога Надежды. На карте он обозначен как оазис в Сахаре, но в действительности выглядит отталкивающе. К серой пыли пустыни добавляет удручения повсеместная пластиковая грязь. Город на помойке, с летающими пластиковыми пакетами и кучами мятых банок и бутылок, с разрушающимися домами и тряпичными лачугами, может соперничать в антисанитарии с любым средневековым городом. В узких улочках подолгу стоят в пробках ослиные повозки. Перегородив дорогу, возчик не спеша перевязывает гору мешков на телеге, укладывает металлические прутья, догружает поверх поклажи копну соломы, и все его терпеливо ждут. Гужевого транспорта на улицах больше, чем автомобильного, а автомобили сильно дымят некачественным топливом. Тут же на пыльных циночках сидят торговцы различными товарами; продавцы мяса собирают всех мух — разносчиков эпидемий. В пользу городка можно сказать, что в нем можно увидеть не только средневековую грязь, но и средневековых мастеровых, которые выковывают инструменты, изготавливают утварь, шьют одежду, мастерят и ремонтируют телеги.

В городе два отеля с грандиозными, похожими на крепости заборами. Останавливаются за заборами местные бизнесмены, приезжающие на джипах. Девиз жизни у деловых людей, даже в Мавритании, — время — деньги. Они приезжают после 11 вечера, ночуют и утром уезжают по своим делам дальше. Отель сильно уступает ограждению. Большая, но грязная комната с неработающим душем, стоимостью 30 евро, оказалась с блохами, и мы быстро убрались оттуда. Про клопов и вшей нужно сказать, что нам почти не пришлось пострадать от них за долгое африканское путешествие; тварь может встречаться случайно, и дорогая гостиница — не

гарантия избежать их. В хостелах, не внушающих доверия, мы старались ночевать не в комнатах, а в своих палатках на их территориях. На семью в жарких странах у нас были две палатки с москитными сетками по 1,5 килограмма весом.

В Неме выручил случай. На нашу русскую речь откликнулся водитель, который когда-то работал в порту Нуадибу с русскими моряками (таких людей мы уже который раз встречаем в Мавритании). Он дал нам телефон русскоговорящего врача, к которому мы откровенно напросились на ночлег. Мухаммед Джалу учился в Одессе и принял нас, как близких людей. Мы уже не первого одесита встречаем в Африке, он нам так и представился. В его семье мы передохнули от жары и отмылись в душе.

Доктора Джалу в городе знают многие. В госпитале вместе с ним работают несколько врачей, есть еще один доктор, говорящий по-русски. Госпиталь из шести врачей и десятка сестер обслуживает не только жителей города, но и всю область, в которую входят большие поселки Тимбедр, Уалата и множество южных деревень на границе с Мали. Несколько лет назад в области свирепствовала холера, но сейчас врачам работает спокойней. В госпиталь обращается много людей, но, как правило, в острых случаях. По пустякам, если нет отстрой боли или человек не при смерти, африканец в больницу не ляжет: лечение стоит денег. Квалифицированные врачи с выслугой лет получают зарплату около 400 евро в месяц. При ценах выше европейских такая зарплата невелика, но в сравнении с общенародной бедностью профессия врача престижна и по деньгам, и по социальному статусу. Учителя в Мавритании получают в два, иногда в три раза меньше.

Оазисы Шингетти, Тишит, Уалата в прошлом встречали не только большие караваны; они были религиозными и культурными центрами страны и одновременно городами-государствами в пустыне. В них строились медресе и мечети, воздвигались крепостные стены с воротами, обустроивалась площадь, которую окружали расписные дома. В наш век автомобили сменили верблюдов, и города потеряли свое значение, превратившись в оторванные островки с замкнутым внутренним укладом жизни. Законсервированные устои и быт, а также исчезающая архитектура являются контрастом цивилизованной жизни, и ЮНЕСКО с 1990-х годов объявило эти города

исторической ценностью. Вездесущие туристы стали пробираться и в заброшенные оазисы. В Уалате, как нам показалось, население еще туризмом не испорчено.

Дорога в Уалуту, несмотря на опеку ЮНЕСКО, еще не построена, но джипы из Немы отправляются туда раз в три дня. Кузов транспорта набивается грузами и обтягивается сеткой, чтобы тюки от тряски не выпадали. На тюках сидят человек 15 и, вцепившись руками в сетку, подпрыгивают в унисон автомобилю. Условная колея, разбегающаяся в стороны по высохшим руслам и оврагам, каменным валунам или песку, уматывает за 4 часа всех, кто сидит на мешках и в кабине. Уалата находится от Немы всего в 100 километрах, и, в принципе, это классическая дорога в Сахаре. Хуже прыжков по валунам — пыль харматтана. Песок метет поземкой, как снег в буран. Он въедается в глаза, лезет в нос и в уши. Сухость в горле и мельчайшая пыль забивают дыхание и делают организм нездоровым. Пассажиры в нарядах из сказок «Тысяча и одна ночь» прикрывают платком слезящиеся от пыли глаза. Тагельмуст — так называется головной убор из длинного платка, окутывает всю голову и шею, оставляя только узкую щель для глаз. Совсем закутаться в ткань нельзя — нужно поглядывать, куда бросит автомобиль, и держаться что есть мочи. Небо выглядит грязным, серым и тоскливым. Диск солнца закрывается пылью или появляется в размыто-серой канве. Ветер несет поземку из тяжелого песка и снова травит глаза пылью. Сахара не всегда так неприветлива, но трудно в годичном путешествии везде поспевать в лучший сезон. В добрую погоду она величественна; в харматтан пустыня угнетает жарой и пылью.

Пыль у сидящих в кузове сыпается со складок одежды песчаными струйками. Машина спускается куда-то вниз, едет по вадии с глубоким песком: совсем темнеет. На свет фар выходят верблюды, появляются первые домики. Уалата! На въезде традиционный полицейский контроль. Паспорта нужно переписать, но не видно ни зги. Я нахожу в рюкзаке фонарик и прошу разрешения записать в журнал сведения из паспортов. Это намного быстрее, чем если их станет переписывать полицейский.

Находим гостиницу быстро. Для Сахары это дворец. Но в комнатах спать невозможно — очень жарко, кондиционеров здесь не бывает. Спать лучше в палатках на крыше или во дворе,

огороженном стенами. Стены заборов и зданий замазаны глиной и расписаны, как в сказке. Здесь найдется по ведру воды, и можно помыться. Кроме нас и хозяев, в гостинице никого нет. Мы располагаемся просторно, и не на полу, а на нарах, чтоб не было жарко. Ветер ночью утих; небо Сахары замерцало крупными звездами.

Уалату подпирает пологий скальный склон. Дома в один-два этажа из толстой каменной кладки, обмазанные коричневой глиной, спускаются террасами на песчаные дюны. Каждый дом строится так, чтобы его окружал просторный, загороженный высокими стенами двор. Внутри двора за толстыми стенами и под крышей прячутся несколько комнат, а на крышу ведет узкая каменная лестница, которая является одновременно частью стены. Днем при палящем солнце в комнатах прохладно. Толстые стены и крыша, мазанные глиной, удерживают жару; ночью, наоборот, происходит теплоотдача. С наступлением прохлады лучше идти спать на крышу.

От дома к дому можно пройти не только по улицам, но и по крышам и спуститься в чужой двор. Улицы разделяют строения по кварталам. Но внутри квартала ориентироваться непросто. Дворы разделены стенами и представляют собой лабиринты. Древние каменные укрепления (ксары) в Мавритании существуют с раннего Средневековья. Ксар Уалата (Валата) предположительно был основан в V веке, и первыми жителями в нем были племена сонинке. В XI веке эта крепость была окраиной империи Гана. В 1076 году, после разгрома Ганы берберами-альморавидами, город был разрушен и только через 150 лет отстроен заново. Этнически основное население теперь составляли мавры арабо-берберского происхождения. С тех пор до середины XX века через этот оазис пролегал транссахарский торговый путь. Сегодня несколько женщин в Уалате расписывают орнаментами стены или входные ворота в традиционном мавританском стиле, и это придает строениям своеобразный колорит.

Скота в окрестностях оазиса немало. С краю поселения находится единственный очень глубокий колодец. В жару к колодцу подтягиваются стада верблюдов и коз. Воды нужно много, чтобы напоить весь скот, и процесс вычерпывания ее механизирован на уровне Средних веков. Над колодцем укреплен блок, через который на веревке опускается большое резиновое ведро. Длина веревки

около 40 метров, и ее поднимают и опускают на дно при помощи впряженного верблюда, шагающего вперед-назад по одной и той же линии. Управляет верблюдом наездник — мавр в чалме и синем халате. Подняв полное ведро наверх, другой мавр переворачивает резиновый сосуд в длинный желоб или в тазы, из которых скот пьет воду. Это процесс многочасовой, и рабочего верблюда через пару часов меняют. Водопой скота — главный маятник жизни оазиса.

Несмотря на небольшое расстояние Уалаты от Немы, разница между этими городами колоссальная. Нема с асфальтовой дорогой принадлежит к обычным в стране городам, Уалата — это укрытый оазис в пустыне. Отсутствие дороги сказывается на том, что в нескольких бутиках на поселок продаются только товары самой первой необходимости, т. е. сахар, соль, крупы, макароны вечного хранения и консервы не лучшего производства. Цены на все товары двойные или тройные. Жители поселка небогаты, и покупки делают нечасто, питаются они в основном за счет натурального хозяйства. Верблюжье и козье мясо, молоко, преимущественно козье, и некоторые виды каш из круп — основная пища местных жителей; овощи и фрукты являются редкостью. Кочевники привыкли довольствоваться малым. Пастухи со своими семьями, ремесленники и немногие торговцы — очень скромные и добродушные люди. Берберы, мавры, саракольцы живут вместе; по образу жизни и состоянию души они сахарцы.

Уалата — исторический центр и одновременно оторванный от мира поселок, а вдаль от него уходит Сахара, обитель кочевников с глубокой древности. Нельзя не запомнить многих здешних людей персонально. Необычный их образ жизни формирует яркие характеры и выразительные лица. Забредший сюда турист поражается этим лицам. Ко всему, мавры наряжаются в колоритные костюмы. Привыкший видеть дома обезличенные большим городом физиономии, он хватается в путешествии за фотоаппарат. Лица — яркие, этнически разные, не нервные — заставляют его усомниться в абсолютных преимуществах цивилизации. Мы не могли не сравнивать два мира: откуда приехали и где путешествовали. И во многих случаях к образу жизни людей и их поведению вспоминали поговорку Ходжи Насреддина: «Бог дает лицо и не ошибается». Насреддин, кстати сказать, был великим путешественником, разъезжающим

на ослике от оазиса к оазису. Между сегодняшним жителем Уалаты и Насреддином из далеких веков, может быть, больше общего, чем между европейцами и мавританцами XXI века. Но сегодня жизнь меняется скоротечно. Меняется она и в затерянных оазисах: прибавляется в них автомобилей; над крышами Уалаты появились телевизионные антенны, нередко люди в поселке ходят с мобильными телефонами. Однако в Мавритании есть и более затерянные оазисы или поселки, особенно на севере, вокруг которых собираются кочевья. Пусть самый заядлый путешественник представит, что из Шингетти он пробирается в оазис Бир-Амран, а оттуда по Сахаре — в Мали до поселения Тауденни...

Сахара — целый мир на Земле! Она занимает треть Африки и тянется по широте 5 тысяч километров. Пустыня мира омывается Красным и Средиземным морями, Атлантическим океаном. По ней текут две великие реки: Нил и Нигер; озеро Чад подпирает ее пески. Она захватывает территории более 10 крупных государств, и большие пространства ее не заселены. Удивительна география великой пустыни. Высокие нагорья и плато поднимаются до 3 тысяч метров (Ахаггар, Тибести, Дарфур). Эти большие каменистые пространства являются отдельными пустынями в пустыне и тянутся сотни километров. Другие плато — Адрар, Аир, Эннеди — изрезаны разломами, каньонами и представляют заповедные ландшафты. Не меньшие площади покрывают пески (эрги) Шеш, Игиди Восточный и Западный, пустыня Тенере, Ливийская... В Тенере (Нигер) поднимаются самые высокие в мире дюны, вырастающие, как горы, выше 400 метров. Туристы, посещающие Сахару в Египте, Тунисе и Марокко, видят самые ее незначительные места. Например, эрг Шебби в Марокко — это мизерное песчаное пятнышко на карте в сравнении с любой из названных областей. Иначе сказать, Сахара для туриста в основном недоступна. Достаточно напомнить, что на протяженном хребте Тассилин-Аджер находятся самые многочисленные и исключительно выдающиеся наскальные рисунки (лучшие произведения наскальной живописи древнего человека), о которых в цивилизованном мире забыли. Великая пустыня непостижимо многообразна. Нагорья и впадины, сплошные пески и гранитные скалы, глиняные хребты и блестящие солончаки, пыльные холмы и многоцветные долины сменяются попеременно. Палитра красок

меняющихся ландшафтов невообразимая. Камень, песок, глина от безотрадных серых цветов переходят в ярко-коричневые, розовые, желтые, красные, черные краски.

Почему же туристы не пробираются в центральные области континента? Их страшит не безжизненность пустыни, а политическая нестабильность режимов большинства располагающихся здесь стран. Сахара богата нефтью, золотом, ураном... всеми полезными ископаемыми. Богатые недра бедных стран разжигают аппетиты империалистов. Империализм бесцеремонно лезет в политику слабых стран путем подкупа их оппозиций, организации внутри государств гражданских войн и откровенной собственной интервенции. Вероломные вторжения маскируются благовидными названиями. Войны, где гибнут тысячи людей, называются конфликтами. Виноваты в этих войнах какие-то все время прячущиеся террористы, с которыми не справляются ни африканские, ни сверхвооруженные американские армии. Интервенты могущественных стран под флагом ООН называются здесь миротворцами, а после их бомбежек истерзанной бедноте вручается «гуманитарная помощь». В этой мутной воде привольно чувствуют себя бандиты всех мастей. Огромные пространства Сахары кажутся забытыми цивилизацией, и в то же время цивилизация повсюду вторгается в жизнь сахарцев ради захвата сырьевых богатств, разжигая межплеменные войны. Передвигаться по глубинным районам необъятной пустыни небезопасно не только туристам, но очень часто и местным жителям. И все-таки немногие одиночки проникают в самые удаленные районы великой пустыни. У меня тоже есть мечта в Сахаре: когда-нибудь непременно побывать в Тибести на севере Чада.

Вернувшись из Уалаты в Нему, мы достаточно намаялись бездорожьем и решили ехать в Мали. Границу лучше пересекать по асфальтовой дороге из Аюна в Ниоро. Путешествуя по Мавритании второй раз, хочется сказать, что жизнь везде не стоит на месте. За 12 лет в стране многое изменилось. Прежней архаичности не остается: верблюды на дорогах отодвигают джипы, в пустыне вырастают ярко окрашенные антенны вышек мобильной связи, в оазис можно прилететь самолетом. Ведет куда-то людей технический прогресс, но странное дело: бедности и обездоленности в африканских странах не убавилось. И все-таки Мавритания — необычная страна, и

путешествие по ней запомнится как самое необыкновенное. Пока страна не регламентирует передвижение иностранцев по своим окраинам, можно ехать куда угодно. Воспользуйтесь возможностью. Мавритания — это ее люди и бескрайняя даль Сахары!

Прошло шесть лет после нашего путешествия. С величайшей грустью приходится признать, что после дикой интервенции НАТО в Ливии, после государственного переворота с их же помощью в Мали, и вообще после «Арабской весны», которую устроил зверствующий империализм, мир отодвинулся далеко не только от путешествий, но и от всей человеческой культуры.

Елена

11.03.2009. Весь день ушел на переезд из Сен-Луи в Нуакшот. Доехали на частной машине (здесь это называется буш-такси) до границы, которая проходит как раз по реке. Паром и маленькие лодки перевозят пассажиров за 1 доллар на другую сторону. С мавританской стороны нас у лодки встретил пограничник. Принял паспорта и пошел оформлять. Выполнив все формальности, вышли в деревню, пытаюсь уехать в Нуакшот. Таксисты (другого транспорта здесь, как и почти во всей Мавритании, не наблюдалось) вели себя очень нагло, что-то мудрили, сажали в машину, потом снова начинали торговаться. Один чуть не уехал с Володиным рюкзаком. Сменив три машины, Володя все-таки нашел нормального водителя, и мы покатали в Нуакшот. Неожиданно быстро нашли туристическую гостиницу для рюкзачников с кухней и интернетом. Все сведения по Мавритании в любимом нами английском справочнике Lonely Planet оказались очень общими и совсем устаревшими, а указанные гостиницы уже не существовали. Встретили живущего здесь югослава-боснийца, который немного говорил по-русски и помог нам сориентироваться в городе. Он с уважением отзывался о русской литературе.

13.03.2009. О Мавритании очень мало сведений в книгах и интернете. Даже путеводитель Lonely Planet уделил этой стране всего несколько страничек. По площади Мавритания занимает три Германии. Около 70 % территории — это пустыня, и 40 % ее покрыто движущимися дюнами. В стране военная диктатура

сочетается с исламским режимом. 98 % населения мусульмане. Живут очень патриархально. Это единственная страна, где все еще, хотя и не официально, присутствует настоящее рабство! Продажа и владение людьми запрещены законом, но условия жизни таковы, что многие богатые семьи владеют рабами. Жизнь бедна, и отпущенным рабам можно только умирать с голоду на улице. Многие из них прислуживают в семье, где их кормят и одевают. Кроме того, мавританское общество кастовое: оно делится на арабов и черных (негроидов) по цвету кожи, на первый и второй сорт. Даже русские женщины, вышедшие замуж и вошедшие в арабские семьи, не могут общаться с женщинами, которые соединили свою судьбу с черными африканцами. Криминал в стране небольшой. Полиция строго следит за порядком. Отношения между людьми мягкие, спокойные, патриархальные. Никто не суетится, не бежит, не нужно напрягаться. Сейчас зима, и на побережье нежарко, ночи прохладные. Чтобы не смущать мусульман, мы с Дашей носим длинные юбки, рубашки с длинным рукавом и шарфики, покрывающие волосы. К нам относятся с уважением и приветливо. Многие в столице знают французский язык, а английский — только кое-кто слегка. Общение из-за этого немного затруднено, но народ понятливый и всегда входит в наше положение.

Сегодня ездили на берег океана. Там находится рыбный рынок. Сюда рыбаки привозят свой улов. Смотрели, как приплывают лодки, груженные рыбой. Рабочие лопатой закидывают ее в ящики и на головах переносят их на рынок или в машины. Мальчишки бегут за грузчиками и подбирают выпавшую из ящиков рыбу. Все новые лодки подходят каждые полчаса. Атлантический берег богат рыбой, это мы заметили еще в Сенегале. На рынке чего только не увидишь! Есть большие рыбыны до 2,5 метра длиной, много скатов и осьминогов. Как и в Сен-Луи, берег покрыт лодками. Мы фотографируем и снимаем на видео базар. Некоторые охотно позируют, но многие не хотят, чтобы снимали лицо. Даже ругаются. Мы не ссоримся. Отходим в сторону, народ тут же успокаивается.

От рынка ушли подальше вдоль берега и наткнулись на пляж, принадлежащий какой-то гостинице. Решили искупаться. Мы с Дашей как-то сразу раздеваться не решились, все-таки страна мусульманская. Но потом из этой гостиницы вышли отдыхающие

белые женщины и преспокойно улеглись загорать в купальниках. Из местных я видела купающимися только мальчишек.

15.03.2009. Из Нуакшота уехали по Дороге Надежды (так называется южная дорога) до следующего большого поселка Бутилимит. Как только удалились от океана, стало жарко. По дороге много полицейских постов. Полицейские тормозили машину, проверяли документы, а у местных еще и багаж. На остановках внутри салона становилось невыносимо жарко. В послеобеденное время ветер нагревался и дышал в окно жаром, забрасывая внутрь раскаленную пыль. В Бутилимите нас высадили у гостиницы и сказали, что она единственная. Гостиница недешевая. Володя долго торговался с хозяином. Наконец нам разрешили просто поставить палатки под крышей гостиницы.

Бутилимит окружен песчаными дюнами. Мы оставили вещи и пошли знакомиться с окрестностями. Володя очень любит пустыни, поэтому убежал в сторону от поселка, чтобы на закате сфотографировать дюны. Я с детьми отправилась гулять по поселку. Дома добротные, построены из камня. Окна маленькие, без стекол, чтобы не попадало много солнца. Возле каждого дома оборудованы большие низкие прямоугольные шатры, создающие тень. Основание шатра — это бетонированная площадка, покрытая коврами, подушками и циновками. Здесь ночуют, пьют чай и отдыхают днем, прячась от солнца. Стены шатра опускаются днем и поднимаются ночью или при ветреной погоде. Люди приветствовали нас, многие звали пить чай. Мы заходили к одним, к другим. Немного сидели и угощались сладким мавританским чаем. Приготовление его — целый ритуал. Каждая женщина должна знать его. Она приносит большой чайник с водой, поднос с маленькими стаканчиками, сахар, заварку, газ и маленький чайник. На подносе споласкиваются стаканы. Вода заливается в маленький чайник вместе с заваркой. Варится на газе чай. Потом хозяйка ловкими движениями с высоты наливает чай в один стакан. Берет его двумя пальчиками и переливает в следующий стаканчик. Повторяется это многократно. В стаканчиках образуется густая пена, а чай слегка остывает. Чай снова выливается в чайник, и туда добавляются листья молодой мяты. Потом его варят снова, повторяя ритуал многократного переливания. В конце концов хозяйка наливает треть маленького стаканчика гостю. Чай крепкий

и очень сладкий. Пить его можно только маленькими глотками. Он быстро утоляет жажду и голод. Когда гость выпил свою порцию, в этот же стакан наливают чай следующему гостю или хозяевам. Стаканчиков обычно два или три, а пьющих шесть — восемь человек.

На одной из улиц к нам подошла высокая молодая девушка и снова пригласила пить чай. Здесь мы познакомились с ее семьей: мамой и старшим братом. Они расспрашивали нас, а мы их на ломаном французском. К ним пришла пятнадцатилетняя подружка из соседнего дома. Паша наконец разговорился, начал понимать и даже что-то отвечал. Три года изучения французского в школе не очень-то заметны. Подружка тоже пригласила нас к себе погостить. А почему бы и нет? Мы только сходим за нашим «папá» и вернемся. Уже смеркалось. Девушки проводили нас, взяв слово, что мы обязательно навестим их снова. На прощание одна из них подарила мне один из своих нарядов. Коричневая тонкая хлопчатобумажная ткань, которой обматываются женщины с ног до головы. Выглядит красиво. Детям моим очень понравилось. Они фотографировали меня, поправляя складки на платье. Я же чувствовала себя скованно. Три слоя материала не пропускали ни капельки ветерка. Становилось невыносимо жарко. Я путалась с непривычки в складках платья и боялась упасть.

Вернулся с прогулки Володя. Мы рассказали ему, что нас пригласили в гости и ждут. Решили идти ночевать к гостеприимным девушкам. Взяли рюкзаки и отправились ночевать теперь в дом подружки. Ей 15 лет, но вела она себя как хозяйка дома. Провела, рассадилась, подала подушки, принесла и сварила нам чай. В доме было несколько комнат. Мебели нет, только ковры и подушки. В одной из комнат находился телевизор. Мы сидели в самой большой — очевидно, гостиной. Там потихоньку собрались и возбужденно шумели все родственники и соседи, а также их дети. Они рассматривали и расспрашивали нас. Рассказывали о своих семьях. Кто отец, мать, сколько детей, какого возраста. Мы спели им несколько песен под гитару. Слушали они с удовольствием, хотя возбужденно переговаривались. Пришли родители пятнадцатилетней хозяйки и скромно усьелись в комнате. Лишь соседка намекнула нам, что это хозяева дома. Откуда-то привели англоговорящего знакомого. Он перевел нам: «Наш дом — ваш дом. Чувствуйте себя свободно, не

стесняйтесь». Прямо как в восточной сказке! Нам принесли ужин на большом подносе — лапшу с овощами. Угощали только нас и гостей. Хозяева, дети и родственники не ели. Молодая хозяйюшка сначала в шутку говорила, что могла бы выйти за Пашу замуж. А потом многократно намекала, что могла бы поехать к нам жить. Я про себя думала: невеста-то неплоха, да жених еще мал.

Спать решили во дворе. Поставили палатки. Даша подружилась с младшей, десятилетней, сестренкой, и та звала ее спать с ними вместе. Хозяева и дети ночуют все вместе в шатре на улице, опустив со всех сторон полог. Мне очень хотелось отпустить ее, но среди детей многие нездоровы: некоторые кашляют, одну девочку рвет, и у нее температура, а у малышей есть вши. Я не решилась отпустить Дашу. Ночью в Сахару спустилась желанная прохлада.

Утром мы решили двигаться дальше. Молодая хозяйюшка, видя, что Володя готовит чай, принесла нам булочек. Она звала нас остаться и грустно смотрела, как мы собираемся. Попросила у меня электронный адрес и что-то говорила мне по-французски. Я не поняла и просила ее повторить фразу еще раз Паше. Паша фразу перевел и не понял. Она сказала: «Приходи потом еще». Я смеюсь: что же тут непонятного? Девушка даже в школу утром не пошла, чтобы побыть с нами.

16.03.2009. Следующая остановка — поселок Алэг. Нашли гостиницу, чтобы немного передохнуть и отмыться. У меня складывается впечатление, что люди здесь очень редко моются. Где-то в литературе я читала, что они вообще не купаются так, как это представляют себе европейцы. Что-то не верится, хотя, когда мы гостили в деревне, я не видела, чтобы вечером или утром кто-нибудь хотя бы умывался или мыл руки. Омовение совершается перед молитвой: руки, ноги, лицо. Но это из чайника или бутылки, и скорее похоже на растирание воды по телу. Это только ритуал. В доме, где мы ночевали, есть сарайчик, который одновременно выполняет функции душа и туалета. В Сахаре жарко, и все скоро высыхает. В юго-восточной Африке мы все же наблюдали, что люди вечерами носили воду в ведрах и мылись после жаркого дня. Алэг нам совсем не понравился. Очень неудобно и грязно показалось на улицах. Люди выглядели тоже как беспризорники.

17.03.2009. Поселок Моджерия находится у подножия невысокого плато среди дюн и выглядит, словно фата-моргана. Мы не заехали на плато, куда вела дорога, и остановились в нем. Несколько улиц с каменными светло-коричневыми домами среди желтого песка. В центре поселка — большой дом, по архитектуре похожий на средневековую крепость. Здесь нет ни одной гостиницы, и Володя зашел в какой-то красивый дом, похожий на дворец. Дом только что построен. В нем еще никто не живет. Сторож открыл нам одну из комнат. Во дворе есть вода и туалет. Мы поставили палатки на большом крыльце. Внутри дома спать жарко, хотя весь он покрыт белым кафелем. Каменные здания накапливают тепло за день, и вечером в них душно.

18.03.2009. Утром заехали на плато в деревню Нбейку. Здесь оазис, и кругом все зелено: трава, пальмы. Народ диковатый. Направились дальше в Тиджикжу. В последних трех поселках было скудно с едой. В Моджерии мы нашли только консервы. А здесь, в Тиджикже, можно сказать в середине пустыни, оказались в изобилии продукты: овощи, фрукты и даже арбузы. Поселок интересен, и люди здесь открытые и приятные. Нас зовут к себе и не сердятся, если мы фотографируем. Это место — тоже большой оазис, и кругом растут пальмы. У людей есть свои огородики. На большой песчаной площади — рынок животных: верблюды, козы, ослы. Многие строения принадлежат к средневековой архитектуре.

19.03.2009. Хотели ехать в Тишит, но оказалось, что дороги туда нормальной нет, а транспорта и подавно. Володя решил попробовать найти машину, а если не получится, то вернуться снова на главную магистраль. Попутная машина не подворачивалась. Предлагали везти только за большие деньги. Мы оставили рюкзаки и пошли гулять за город. Тиджикжа расположена на плато в оазисе, поэтому ландшафт местности оригинален. Валун из застывшей лавы перемешаны с участками песчаных дюн. Свежий вид городку придает обильная зелень. По дороге встретили трех белых женщин. Американки работают здесь в проектах, спонсируемых благотворительными фондами. Одна по линии развития образования, другая в госпитале, третья — учительница. Девушки работают больше года и хорошо овладели языком хасани. Они пытались помочь нам найти машину. Дружелюбный народ с удовольствием общался с ними. Я

поинтересовалась, где и как они учили язык. Одна из них, Натали (ее прабабка из России), объяснила, что перед приездом прошла трехмесячные курсы, но, приехав сюда, еще долго не могла говорить. Люди этого не понимали: «Что ты, глупая, почему ты долго учишь язык?» Машин, идущих в нашем направлении, не было, поэтому таксисты заламывали высокую цену за проезд. Володя решил все-таки немного изменить маршрут (мы не пожалели об этом решении, после того как съездили по бездорожью в Уалату). Нам нужно было вернуться на 200 километров обратно по дороге. Но время было за полдень, стояла жуткая жара, и водители уже никуда не хотели ехать. Владелец магазина на площади, говорящий по-английски, позвонил кому-то и предложил подождать машину. Мы сели под крышу мастерской башмачника, работавшего на площади. Он не спеша клеил старые, совсем разорванные шлепанцы для народа. У него было доброе приветливое лицо. Он уступил нам одну из своих скамеек, а его друг угощал нас чаем. Через некоторое время Володя снова пошел узнать насчет машины. Ответ был таков: «Не знаю, почему не приехал, наверное, жарко». Мы тоже устали и вернулись в гостиницу. В соломенном доме гостиницы хоть и нет кондиционера, но в его тени прохладно, и рядом есть холодный душ.

20.03.2009. Сегодня проехали далеко по Дороге Надежды и остановились в оазисе Экамор. Здесь нет поблизости ни одной гостиницы, но местность живописная, а ехать уже устали. Время далеко за полдень. Договорились с местными жителями ночевать в их дворе. Такая ночевка интересна тем, что есть возможность поближе пообщаться с большим количеством людей. Приходят знакомиться соседи. Все вместе мы провожали закат и были свидетелями всеобщей вечерней молитвы. Здесь, вдали от цивилизации, народ особенно религиозен.

Спать легли сразу после заката. Мы уже съехали с плато, и ночи стали не такие прохладные и приятные. Только к утру воздух свежее.

21.03.2009. Утром мы были слегка утомлены душной ночевкой, а впереди предстоял еще жаркий день. Удивляло то, что люди пустыни мало пьют. У нас вода уходит литрами. Мы регулярно пытались учить уроки с детьми. Условия, конечно, не лучшие, но я заметила, что производительность и качество учебы от этого особо не страдали. В лучших условиях занятия интенсивнее не двигались.

Многие качества характера и черты ярче проявляются в нас и в детях именно сейчас. Сидеть тесно, и нужно считаться друг с другом. Ехать жарко, и долго приходится терпеть. Занятий никаких нет: сиди, наблюдай ландшафт да учи уроки. Это не всегда получается, но тренирует привычку трудиться и терпеть. Пережитые впечатления объединяют нас. Мы вместе наблюдаем людей, обсуждаем события. В одной деревне народ дикий и вредный, в другом поселке неожиданно открытый, дружелюбный и доброжелательный. Учимся читать по лицам: эта девушка смотрит с жадным интересом. Другая ворчит и капризничает, и люди совестят ее. Язык не нужен — и так все понятно.

22.03.2009. Задержались на пару дней в городке Аюн. Ландшафт вокруг города красив, но зной очень изматывает. Уже к 11 часам дня наступает давящая жара. Вечером земля долго отдает тепло. Только к 11 часам вечера опускается легкая прохлада. Последние несколько дней мы ехали днем. Весь транспорт, конечно, без кондиционеров. Даже если сидеть не шевелясь, создается ощущение, что тебя давно поджаривают. Народ в поселках с 12 дня до 5 вечера исчезает и старается не двигаться. Пообедав, они лежат в тени шатров на матрасах и дремлют. Володя при этом неутомим. По приезде на место он, напившись чая, хватается фотоаппарат и бежит куда-нибудь. Когда мы идем гулять вместе, он все торопит нас. Темпы нашего передвижения Володю не устраивают. А наша сонливость, вызванная жарой, очень огорчает его. Почему мы так активно не радуемся новым красивым ландшафтам и не бежим скорее любоваться ими?

24.03.2009. Вчера добрались до самого восточного по нашей дороге поселка Немы. Выехали из Аюна рано, в 8 часов утра, и я надеялась к обеду доехать. Но нас то и дело надолго останавливали полицейские посты. В Мавритании военная диктатура, и этими постами утыкана вся дорога. С утра, пока было нежарко, полицейские каждый раз усердно записывали все пять наших паспортов. Это занимало много времени; военные очень медленно думают и работают. Кроме того, им тяжело разбираться с европейской письменностью. В обед шофер остановился поесть. Мы хотели быстрее добраться до места, но пришлось и нам обедать. Вдоль дороги в деревнях тянутся шатры, в которых лежат ковры, циновки, матрасы

и подушки. Еду приносят на больших подносах. Обычно это мясо с овощами, кус-кусом или рисом. Ложек нет. Я все не привыкну брать ложку с собой в карман. Мне не очень нравится есть руками. Сначала мы укладываемся на коврах и матрасах в тени. Нам приносят тазик и чайник с водой, чтобы мы помыли руки. Через некоторое время появляется поднос с едой. Поев, Володя вскакивает и идет искать шофера. Но тот еще и не начинал есть. Он говорит: «Не спеши, сиди, пей чай». Нам снова приносят воды, помыть руки. Наевшись, мы отваливаемся на подушках, уже совсем не в силах шевелиться от жары и сытости. Приносят в маленьких стаканчиках крепкого мавританского чая. Три раза с промежутком 10–15 минут мы пьем его. Силы возвращаются к нам. Так проходит часа два. Теперь мы можем ехать дальше. В Нему мы попадаем только к четырем вечера.

Останавливаемся у большой красивой, покрытой белым кафелем гостиницы в надежде найти комнаты с водой и кондиционером. Цены высоки. Одна комната стоит около 35 евро, можно сказать, европейская цена. Но найти более-менее чистую и прохладную комнату удастся с трудом. В гостинице никого нет, но везде ужасно грязно. Несмотря на кафель, во многих комнатах стоит неприятный запах. Остановившись на одном из номеров, попросили хотя бы сменить белье. Нас плохо понимали, тогда мы сами сняли простыни и отдали работникам. Но, о боже, по матрасам прыгали настоящие блохи! Вот и переночевали. В холле этой роскошной гостиницы Володя неожиданно встретил мавританца, неплохо говорящего по-русски. Тот уже уезжал из Немы и дал нам телефон врача, выучившегося в Советском Союзе и живущего сейчас в этом поселке. Соседний мотель выглядел еще хуже этой гостиницы. Больше, как нам сказали, хороших пристанищ здесь нет. Тогда Володя позвонил русскоговорящему врачу Мухаммеду Джалу и спросил разрешения приехать. К счастью, тот не отказал.

Мухаммед живет с женой и восьмилетним сыном в типичном мавританском доме. Уютным его назвать трудно. Высокий каменный забор с узкой калиткой. Квадратный большой пыльный (с песком и мусором) двор. Зелени нет. Со двора вход в каждую из трех комнат. Центральная гостиная аккуратно устлана коврами, а вдоль стен лежат красивые матрасы с подушками. Окна все закрыты, и в

легком полумраке глаза отдыхают от солнечного света. Мы очень устали от солнца и лежим в прохладе на матрасах-диванах. Мухаммед включил нам вентилятор. Его сын принес холодных напитков. Мы без церемоний попросили разрешения переночевать. Кран с водой находится во дворе. Чтобы помыться, воду ведрами относят в туалет и там поливаются ею. В марте вода в подземных источниках еще есть. В апреле-мае наступает настоящая жара, и вода пересыхает. Тогда ее развозят в канистрах на тележках, запряженных ослиами. Мавританцы обходятся с водой очень экономно. Нас же не покидает желание постоянно мыть руки, умываться, обливаться. Освежившись и напившись, мы пришли в себя.

К вечеру стало прохладнее во дворе, а дом за день нагрелся и напоминал сауну. Жена Мухаммеда велела служанке постелить ковры на дворе. Установили нары с матрасами для ночевки и телевизор. Как только закатилось солнце, после вечерней молитвы нам принесли поднос вкусно приготовленной курицы с овощами. Дети заснули тут же на матрасах, а мы неторопливо беседовали с хозяином. Но ночь очень жаркая, мурашки и мошки будили детей. Володя установил во дворе наши палатки. Каменный пол двора так и не остыл, и сквозь наши туристические коврики дышал жаром. Ночью подул горячий ветер с песком. Утром мы, слегка припорошенные пылью Сахары, побежали снова обливаться водой.

Мухаммед окончил Донецкий медицинский институт и в 1991 году вернулся в Мавританию. Сейчас он главврач, эпидемиолог. Больница обслуживает всю Западносахарскую область Мавритании, там практикуют пять-шесть врачей. Его жена работает где-то в городской администрации. Мухаммед — очень интеллигентный и скромный человек. Он принимал нас по всем законам гостеприимства. Проводил с нами время за беседой и давал отдохнуть, кормил и поил нас.

Поселок Нема нам совсем не понравился. Кругом валялся мусор. Не было ни одной ровной, хотя бы утоптанной улицы. Пыль и беспорядок во всем. Ничто не радовало глаз. Как здесь можно существовать?

25.03.2009. Володя договорился о транспорте в Уалату. Ни асфальтированной, ни грунтовой дороги туда нет. Расстояние всего около 100 километров. По рассказам, еще несколько лет назад

ездить туда считалось опасным. В пустыне можно было легко заблудиться. Сейчас город объявлен культурной ценностью и находится под охраной ЮНЕСКО. Ныне туда ведет не накатанная дорога. Грузовой джип тойота везет 17 пассажиров и доверху наваленный багаж — мешки с товарами. Нам с Дашей повезло: нашлось место в кабине. Мужчины уселись сверху на мешки с грузами. Ехать 4 часа. Машина вышла после обеда, когда жара немного спала. Дорога была очень ухабистая. На место мы прибыли уже затемно.

Нас подвезли к какой-то частной гостинице. Пожилой мужчина с двумя дочерьми встретил нас. Дом нам сразу как-то приглянулся. Высокий красно-коричневый забор, деревянные двери, искусно отделанные металлом. Стены расписаны орнаментом в старых традициях мавританской живописи. Володя стал торговаться с хозяином. Тот показал нам уютную, но жаркую комнату. Нет, туда мы не хотели. Решили спать на дворе. В душе воды не было. Хозяин вместе с нами обошел все три туалета и душа, цокал языком и удивлялся, что вода не льется из крана, словно ее только что отключили. Краны такие пересохшие, что я сомневаюсь, была ли в них когда-нибудь вода. Наконец договорились по цене. Мы были рады, и хозяева остались довольны. Поставили палатки тут же во дворе на толстых матрасах, предназначенных для возлежания и отдыха. Девушки набрали из стоящих на дворе бочек воду в 20-литровые канистры и принесли нам в душ. Сегодня гостей, кроме нас, больше не поселили. Хозяин закрыл дверь, ведущую во двор, и объявил нам, что мы здесь одни и нам никто не помешает. Мы были очень рады этому обстоятельству. Теперь мы с Дашей могли снять с голов платки и сменить длинные юбки на короткие шорты.

Кроме комнаты и помещения для душа и туалета, на большом дворе был вход в красивую прибранную гостиную-диванную. Где-то в углу двора находились ступеньки, ведущие на крышу. Там тоже можно ночевать. А по широкому забору-стене можно перейти и спуститься в соседний двор. Ночь оказалась на редкость свежа и безветренна. Небо было покрыто тучами, и мы спали в прохладе.

Наутро отправились осматривать город. Он славится своей исторической архитектурой, характерной странам Западной Африки. Наш дом и двор не составляют исключения. Они лишь продолжают улицу, состоящую, как в сказке об Али-Бабе, из высоких

расписных заборов. Сквозь деревянные, отделанные с особым искусством двери можно пройти внутрь двора. Комнаты в домах тоже оригинальны. Наверху встроены специальные резные полки, на которые можно что-то положить. Стены покрыты росписями, и в них проделаны ниши для вещей и посуды. Крыша-потолок сложена из необработанных веток средней толщины. Сверху все покрыто сухой соломой и замазано глиной. Так что, если ходить по крыше, с потолка сквозь ветки сыпется солома. Во дворе есть кухонная ниша для тазов, угля и другой утвари. Утром хозяин поднялся на крышу и налил в плошечки воду для птиц. Людей в Уалате не очень много. Часть построек стоят незаселенные, другие полуразрушенные, и улицы похожи на фата-моргана в пустыне.

Мы пробрались на рынок. Наш вчерашний спутник с мешком капусты и манго сидел под навесом и балагурил с окружившими его женщинами. Овощи здесь, видимо, редкость. Он приехал из Мали, но товар продавал недорого. Женщины брали совсем немного. Кусочек тыквы, пару маленьких баклажанов, четвертинку от кочана капусты. Сегодняшний обед у них будет несколько богаче обычного. Мы вышли к рынку животных. Здесь продавали коз и верблюдов. Мы стали свидетелями большого водопоя. Колодец глубиной около 40 метров обступили стада верблюдов и коз. Погонщики по очереди закидывали в колодец кожаный мешок, который вытягивался на веревке верблюдом. Пастух гнал животное от колодца, затем два человека вытаскивали мешок, наполняли водой большие тазы, и верблюд возвращался назад. Животных поили по очереди в желобах и тазах.

Народ в Уалате спокойный, добрый. Люди ничего не имели против того, чтобы мы фотографировали водопой. А Сашу (как он и мечтал) даже посадили покататься на верблюде, который вытаскивал воду из колодца. К полудню стало очень жарко. Мы вернулись и спрятались от жары в доме.

Ночью задул пустынный ветер харматтан. Сквозь сон я думала, что наши палатки к рассвету станут дюнами. Сначала ветер принес с собой жар, но потом остыл. Утром мы встали сильно засыпанными песком. Перетрясли все вещи и умылись остатками воды. Ветер пришел со стороны Алжира и будет дуть всю неделю. Настала пора возвращаться в Нему. На рынке снаряжался грузовой джип обратно.

Но мест внутри машины уже не было, только сверху. Мы надели рубашки, повязали головы полотенцами и забрались на мешки и тюки. Кроме придорожной пыли, нас сопровождал песок харматана. По приезде, на наше счастье, нашлась гостиница с водой и старым кондиционером. Здесь можно было на время укрыться от всепоглощающего песка.

Туристов-иностранцев в Мавритании мы почти не встречали, особенно в пустыне. Зато в Аюне в гостинице жила пожилая француженка, влюбленная в Мавританию. Она уже несколько раз приезжала сюда на длительное время. Здесь у нее есть друзья. Она помогает осуществлению проекта связи школ Мавритании и Франции и участвует в каких-то феминистских обществах Мавритании. Она находит интеллигенцию Мавритании очень умной, целеустремленной и деловой. По ее словам, женщины-арабки из этого слоя не забиты, практичны и имеют чувство собственного достоинства. Выходя замуж, женщина заранее заключает с будущим мужем договор о том, что жена остается у него одна на всю жизнь, их не станет со временем две или три, как позволяет ислам. С гордым нравом таких богатых арабов удалось познакомиться и нам. Они не утомляют себя работой. Обеды им готовят служанки или рабыни, а жены все больше возлежат в тени. Если ей что-то не нравится, то она экспрессивно выскажет свое неудовольствие мужу. Нам даже без перевода понятно, что она разгневана.

Вся Сахара вдоль дорог усыпана мусором. Благо, солнце выжигает и высушивает все бактерии, так что все это не гниет и не воняет. Понятия мусорной свалки в Мавритании не существует. Все выбрасывается и выливается на улицу. Когда задул хамсин и поднял в воздух все цветные полиэтиленовые мешки, то кустарники стали похожи на новогодние елки. Заселяясь в очередные номера или гостиницу, мы начинали убирать комнату. У меня имелись в запасе тряпки, которые мы стирали и возили с собой. Все-таки, несмотря на общую отсталость более южных стран, черная Африка показалась мне чище.

Вернувшись из Уалаты в Аюн, мы планировали сразу отправиться в Мали. Но нам отсоветовали ехать по дороге до Нары, т. к. она была не лучше, чем до Уалаты. На следующий день мы двинулись по старой дороге в Ниоро. Володя переживал за переход

границы, т. к. до этого мы путешествовали по немецким паспортам, а малийская виза стояла в российских документах. Но пограничники не обратили на это никакого внимания. Граница нас встретила, я бы даже сказала, дружелюбно.

Паша

Из Сен-Луи мы поехали на границу с Мавританией. Обедаем мы часто в забегаловках. Правда, это не всегда бывает вкусно, когда показываешь пальцем на какое-нибудь блюдо, а в нем оказываются старые рыбные консервы.

Мы поставили выездной штамп и, не дожидаясь парома, переплыли на лодке в Мавританию. Не успели причалить, как к нам подскочил пограничник. Документы проверяли долго. У нас не было мавританских денег, поэтому пришлось менять их по плоховатому курсу. У выхода стоял еще какой-то человек и «на всякий случай» брал со всех выходящих деньги. На всякий случай, потому что они только посмеялись, когда мы им денег не дали. До столицы 200 километров, а у выхода стояло много такси, и все бурно зазывали. С первой машиной папа не сторговался. А второй водитель, по-моему, решил наш рюкзак увезти. Когда папа его поставил на машину, таксист вдруг быстро поехал, но за ним поспешила местная милиция, и папа сам машину догнал. На третьей машине мы проехали только 200 метров туда, где была еще одна стоянка, и водитель снова стал с папой договариваться. Несколько раз мы пересаживались из машины в машину, пока нам не удалось уехать. По дороге в столицу Нуакшот милиция многократно проверяла наши паспорта.

Нуакшот

В нашей гостинице были даже интернет и кухня. Мы ходили на базар. Это был самый большой базар, который я когда-нибудь видел: от тряпок до кушаний и электроприборов. В банке встретили русского мужчину, который пригласил нас на ужин, но потом мы не смогли дозвониться ему. Мне очень понравился здешний порт: 2 километра по берегу тянутся рыбацкие лодки, очень похожие на

танзанийские. Они тоже длинные, с высокими бортами, и такие же неустойчивые, но не зачерпывающие воду. Ежеминутно эти лодки причаливают к берегу с большим уловом. Тогда подбегают люди с ящиками и грузят в них рыбу. Ящики несут на голове. Если рыба выпадает, то подскакивают пацаны и наперегонки собирают ее. Так у мальчишек за день получается большой улов. Если гулять вдоль берега, обязательно увидишь морских улиток величиной с голову, кальмаров и огромных скатов. Скатам сразу, как только поймали, обрезают хвосты.

Мы купили на рынке рыбу, которую пожарили. Она была немного похожа на куриное мясо, но вкусная. В Нуакшоте мы пробыли четыре дня. По вечерам мы пели. В последний вечер к нам собралось очень много народу из разных стран. Сначала зашла женщина из Швеции с бербером из Марокко, который играл нам на барабане. Когда я первый раз ездил в Марокко, я был в том месте, где живет этот бербер. Потом пришел японец, который ехал из Японии по России до Байкала, по азиатским республикам в Восточную и Западную Европу, переплыл из Испании в Марокко и сейчас оказался в Мавритании, а затем хочет доехать до Южной Африки. И одна француженка, которая так и не сказала, где она живет. Она артистка и работала в Сенегале и Буркина-Фасо.

Бутилимит

Из Нуакшота мы направились вглубь страны. В Мавритании автобусов почти нет, и на автовокзалах стоят восьми- или двенадцатиместные такси. Водители всегда час торгуются, а потом едут. Мы поехали в небольшой поселок Бутилимит. Можно сказать, что это уже начало пустыни. В Мавритании она занимает 70 % территории. В Бутилимите оказалась всего одна гостиница, на территории которой мы договорились задешево поставить палатки. У оседлых мавров два дома: один каменный, часто однокомнатный, а второй дом — это большой шатер, где мавры проводят большую часть времени и пьют чай. Чай мятный и очень сладкий. Его варят в маленьких чайничках на газе. Далеко по деревне мы не прошли, нас звали пить чай, и мы пили. Мавританцы пьют еще один холодный напиток: кислое козье молоко, разбавленное водой с сахаром. Мне

понравилось. Его подают в большой чаше. Мавры разговаривают по-арабски и по-французски. Они не всегда внятно говорят, потому что смешивают эти два языка. В богатых семьях есть рабы, но их трудно выделить, потому что они являются членами семьи. Я не мог отличить их. Когда мы спрашивали насчет ночлега в одной семье, то они даже не колебались и согласились. Тогда мы забрали папу, который ходил фотографировать пустыню, и поставили у них во дворе палатки. Вечером все собрались в каменном доме. Стоял большой шум, и было много соседских детей. Папа, как всегда, захотел, чтобы мы им спели, но слушали нас не очень внимательно. Потом нас покормили, и все легли спать. Спят они все в шатре на дворе. Когда приходят гости, под шатром можно сидеть или лежать. Тебе подстилают коврик и приносят подушки.

Утром мы отправились в Алэг. Мне там не понравилось. Ничего интересного там не было. Это очень большой поселок. Там рядом должно быть озеро. Так на карте обозначено, но ничего, кроме озера мусора, мы там не нашли. Мы все дальше ехали вглубь Сахары.

Моджерия

Хотели доехать до Нбейки, но высадились в поселке Моджерии, потому что Нбейка находится на плато, а мы не знали, есть ли там дюны, которые мы хотели посмотреть. Папа нашел для ночлега недостроенный дом какого-то богатея, которому принадлежит телефонная вышка в этом поселке. Папа с мамой купили консервированный ананасовый компот. Сильно полезным он, наверное, не был, если не испортился даже при 45-градусной жаре, зато он был сладким и хорошо утолял жажду. Потом мы пошли на барханы. Солнце хорошо пекло, и было очень жарко. Барханы были из белого песка. Молодая порода песка всегда белая, а старая — красная. Барханы растянулись тонкой полоской, и когда мы перешли через нее, то увидели каменистую пустыню с редкой растительностью. На кустах сидела уйма саранчи, которая взлетала тучами, если мы ворошили ветки. Через три часа мы уже хорошо высохли, потому что у нас была только одна бутылка воды с собой. У меня уже начали даже

почки ныть, хотя я утром много пил. Спать легли мы во дворе дома, потому что внутри было душно и жарко. Мы так почти всегда делаем.

Тиджикжа

Из Моджерии мы отправились в Тиджикжу, но по пути остановились в Нбейке. Мне Нбейка не понравилась. Здесь люди какие-то дикие и смотрят навязчиво. Намного больше мне понравилась Тиджикжа. Интересно, что этот город, хотя и глубже находится в пустыне, относительно большой и цивилизованный. Город расположен у оазиса, здесь интересная центральная площадь. Она очень маленькая, чуть больше двора. На площади есть водопровод с краном. Туда люди приходят набирать воду в канистры. Если нужно возить много воды, то приводят ишаков, которые топчутся неподалеку. У стен домов тетки продают овощи и хлеб, который печется в здешних пекарнях. В центре площади — навес из тряпок. Здесь тусуется народ и сидит сапожник, также здесь находится местный «автовокзал», то есть стоят несколько машин и джипов. По бокам площади — магазинчики с консервами, водой и химическими соками, не портящимися от жары. В некоторых магазинах есть даже холодильники, там хранится «долгоиграющее» немецкое молоко из Бремена, оно здесь самое лучшее. Мавританское молоко лучше не пить, у него вкус жидкой резины. Есть немецкие баллончики с газом для кемпинга и, конечно, кола и фанта. Площадь не каменная, а песчаная. Над ней висит большой плакат с телефонной рекламой. Он очень оригинальный, и я его сфотографировал. Город окружают скалы. Когда мы заглянули к жителям пригорода, то они вдруг испугались нас, как чертей или злых духов, и прогнали. Смешно. Мы остановились здесь в хорошей гостинице. Воду там качали из колодца и подавали через водопровод. Перед отъездом мы купили пять арбузов. Они маленькие и очень сочные.

Поселок Тишит находится под протекцией ЮНЕСКО. Через него когда-то проходил караванный путь. Этот караванный путь шел из Чингуэтти, куда собирались разные торговцы из магрибских стран. Оттуда они двигались в Тишит, а из Тишита в Уалату и затем в Тимбукту. Мы хотели поехать в Тишит, но туда почти нет транспорта и очень плохая дорога. Ни одна машина из города туда не шла. Тогда

мы вернулись на Дорогу Надежды, которая вся покрыта асфальтом. По ней мы решили добраться до Немы, а недалеко оттуда находится город Уалата, который тоже охраняется ЮНЕСКО.

Поселок Экамор

Мы остановились в небольшом поселке-оазисе Экаморе. Здесь очень красивый ландшафт. Барханы перемешаны со скалами и пальмовыми рощами. Вади — высохшая река, в которой, как в каждом населенном пункте, порядочно мусора, где копаются козочки. Я заметил, что ближе к пальмовым рощам живут люди побогаче, чем те, что ютятся у скал. Народ в этом селении диковатый, но не противный и очень консервативный. Мы показывали фотографии России на компьютере. Папа не додумался их перебрать, а там были люди в шортах и футболках. Они нас попросили быстро выключить компьютер. Это были жители у скал. Они кормили нас кус-кусом, который не солят и не сластят. Но если добавить туда «долгоиграющего» немецкого молока и сахара, получается очень даже вкусно. Мы долго ехали, а когда много находишься в сидячем положении, да еще в жаре, то обязательно нужно вечером сделать тренировку. Но в этот раз было как-то неудобно при этих людях, и я еще долго маялся от полыхающего воздуха.

В поселке Кифа я ничего интересного не нашел. Из поселка Аюн есть дорога на Бамако, как нам сказали в Нуакшоте, и даже лучше, чем из Немы. В Аюне мы еле нашли гостиницу по посильной нам цене. По моему мнению, бизнесмены здесь ужасно бестолковы, что касается зарабатывания денег. Они заламывают нереальную цену, и гостиницы у них стоят пустые, как заброшенные дома. В Аюне очень интересные скалы, они лежат каменными плитами и торчат зубьями. В пещерках сидят совы и иногда перелетают со скалы на скалу. Наверное, здесь много дичи, потому что над долиной парят орлы. Мы долго гуляли между скал, а когда собрались возвращаться, я успел заметить, что Даша потеряла штатив от камеры. Нам пришлось весь путь идти назад, к тому же мы немного заблудились. А Даша шла сзади и еще ворчала, что нечего ей было давать его нести. Штатив мы нашли, но хорошо высохли, образ воды на обратном пути уже не выходил из головы. Мы напились воды в полицейской будке, но эти

гады в третий раз начали перепроверять наши паспорта. Через 15 минут они успели записать только два слова: Владимир Снатенков. Папа не выдержал и переписал в тетрадь все пять паспортов за него. К тому же вода у них была «амебная», а понос в поездке — не очень удобная вещь. У меня ничего не было, зато у Саши еще три дня живот гудел. Но Саша вообще любитель этого дела.

Нема

Из Аюна мы поехали в поселок Нему. Отсюда легче всего попасть в Уалату. Туда в день ходят один-два джипа. Нема — это грязный заброшенный поселок. Есть две гостиницы: в одной маленькая комната стоит 20 долларов, в другой большая — 30 долларов, с блохами, грязной постелью и душем, из которого никогда не льется вода. Но нам сказали, что в поселке проживает врач, который говорит по-русски. К нему мы и нагрянули. Он учился в России семь лет. В Неме оказалось много людей, которые умеют говорить по-русски, а некоторые почти отлично. Врача звали Мохаммед Джалу. Он рассказывал, что и другие врачи из его больницы могут говорить по-русски, и порою они начинают между собой беседу по-русски. Когда мы приехали, начался харматтан — это ветер, который дует 50 дней. Он поднимает пыль, которая всюду проникает, особенно неприятно глазам. На улице лучше ходить с прикрытыми глазами. Ночью, когда спишь в палатке, то через сетку проходит самая мелкая пыль и начинает присыпать лицо.

Уалата

Джип в Уалату отъезжал в 3 часа дня. Кузов был уже битком набит вещами. Там лежали манго из Мали и другие овощи, фрукты и крупы. Сверху положили наши рюкзаки, накрыли и привязали сеткой. Я сел очень удобно впереди в кузове на рюкзак и свесил ноги. Нам очень повезло, что мы не смогли доехать до Тишита. Оттуда еще 250 километров по бездорожью до Уалаты. Нам бы пришлось ехать дня четыре по пескам, да еще на джипе, который намного дороже обычных машин. По пути к нам подсели и сошли человек шесть. Один был очень интересный тип: он взялся из ниоткуда.

Было видно, что он настоящий сахарский житель, высушенный, как Кошей Бессмертный, только с канистрой в руке. Этот старик провел, наверное, всю свою жизнь в пустыне кочевником. Его мавританский костюм был помятым, дырявым и запыленным. Еще несколько раз подсаживались по дороге люди, возникающие из ниоткуда.

В Мавритании почти все мусульмане. Они пять раз в день молятся, а потом могут пойти и обмануть кого-нибудь. Это странное отношение к религии я видел среди мусульман Мавритании, Сенегала и Египта. Сказано умыться и быть чистым, они делают пантомиму руками, как будто умываются, а потом плюют туда или сюда. Сказано не смотреть на женщин, но они еще как смотрят. Такие с нами тоже ехали, плевались и читали молитвы. Получается изуродованная религия без совести.

В Уалату мы приехали уже в темноте, но полиция все равно усердно переписала наши паспорта. Нас прямо завезли в гостиницу. Я думал, что это гостиница так оригинально раскрашена, но утром убедился, что весь город такой. Почти весь город построен из глины с навозом на своеобразный архитектурный лад. На каждую семью есть дворик. Крыши домов сделаны из палок, тесно прилегающих друг к другу, а сверху они залеплены глиной. На крыше тоже жилое пространство — там часто спят. Все дома пристроены друг к другу. Так можно по крышам обойти весь квартал. В домах есть водопровод и канализация, построенные очень давно, хотя сейчас в Мавритании в деревнях не везде есть санитарные удобства, и все ходят в туалет за дом. У каждого входа во двор нарисован какой-нибудь повторяющийся узор. Двери обиты железными украшениями. На фотографии город кажется игрушечным, слепленным кем-то из глины в миниатюре. Там, где находится вади, постоянно пасется стадо верблюдов и коз. Мы пришли как раз вовремя, когда животных поили из колодца. Колодец ужасной глубины — метров 60. Руками оттуда вытаскивать ведро заняло бы много времени, поэтому люди приспособили для этой работы верблюда. Вережка зацепляется за колесико над колодцем и крепится к верблюду, а он ходит туда и обратно. Люди только переливают воду в тазы. Нам удалось сделать хорошие снимки. На рынке сидел продавец манго, похожий на Али-Бабу, ехавшего с нами в машине.

Ночью харматтан хорошо нас присыпал. Весь этот день он был особенно сильный. Мы уехали утром. В этот раз Даше с мамой пришлось сидеть снаружи, а сегодня это было особенно неприятно: глаза совсем нельзя открыть, за 10 метров ничего не видно из-за пыли. В кузов поставили телевизор, и я не знаю, осталось ли от него что-нибудь после такой тряски. Одна пожилая женщина с трудом залезала в кузов, и папа протянул ей руку, чтобы помочь, но она обругала его. Усевшись сверху, она разлеглась на мои, Сашины и Дашины ноги. Правда, потом я передвинулся подальше. Снова остановились в Неме. Вечером было интересное зрелище: вся летящая пыль отражала свет уже севшего солнца, поэтому было еще светло. Выглядело так, как будто везде полыхает огонь, но его не видно, а его отражает дым.

Даша

Нуакшот

13—16.03.2009. Утром папа побежал в магазин. Саша чувствовал себя плохо: у него болел живот, и его рвало. После завтрака мы с Пашей ходили в город за компанию с папой. Сначала съездили в российское посольство, но не застали ни посла, ни консула. Приехав на базар, папа фотографировал, а Паша снимал на камеру. Я охраняла рюкзаки, но к нам никто не приставал. Мы долго ждали, пока папа сфотографирует все, что ему надо. Потом он послал Пашу и меня купить продуктов. Дорогу к овощному рынку нам показал один мальчик. Он переводил все, что говорили продавцы, с арабского на французский язык. Затем мы заглянули в лавку за мясом. Мужчина отрезал нам кусок, но, увидев, что бумажка денежная порвана, забрал мясо назад и вернул деньги. После обеда мы делали в гостинице уроки. В эти дни мы купались в океане и загорали, покупали свежую рыбу на рынке, готовили и ели ее.

Вечером мы пели песни. К нам зашли туристы и слушали, потом пришли еще другие, а араб из Марокко играл на барабане и пел

для нас. Познакомились с японцем, который выехал из Японии на мотоцикле, проехал Россию и Азию, добрался до северной части Африки и продвигается на юг; узнали мы и девушку-француженку, живущую с мамой в Алжире и изучающую арабский язык.

Бутилимит

По дороге нас останавливали полицейские посты и проверяли документы. Как только транспорт тормозил, становилось очень жарко. Пока машина едет, в окно дует горячий ветер, но на остановках делается нестерпимо жарко.

Бутилимит — это деревня на нашем пути. Заселившись, мы пошли смотреть окрестности. Папа очень любит фотографировать. Погуляв немного с нами, он убежал на барханы заниматься своим любимым делом.

Во всех дворах или почти во всех домах стоят большие тенты (натянутая крыша на подпорках). Здесь местные жители проводят много времени: спят, едят, отдыхают, пережидают жару. Днем солнце печет так сильно, что хочется сидеть или лежать неподвижно и ничего не делать. Так местные жители и поступают. Пол под этими крышами бетонный, на него стелют ковры и кладут подушки. Нас все время приглашали в гости. Мы не отказывались. В одной палатке сидели пожилая женщина, мужчина и красивая молодая девушка. Разговаривают здесь на арабском и французском языках. Познакомившись, мы узнали, где магазин, и отправились дальше. Через некоторое время мы снова сидели в гостях под другим шатром. Нас угощали вкусным арабским чаем. Его здесь готовят по-особому: в маленький чайник наливают воду. Когда она закипит, кидают заварку и мяту, через небольшое время кладут много сахара и снимают чайник с огня. Приносят чашечки-рюмочки. Сначала их моют, а потом наливают чай и переливают его в следующую рюмку. Переливают много раз, пока не образуется пена. Делают это так ловко, что ни одна капелька не проливается. Чай получается пенный, сладкий и вкусный. После такого чая в животе становится очень приятно, а еще он утоляет голод. Хозяйка угощала нас чаем и показывала своего грудного ребеночка. Она что-то пыталась нам объяснять на арабском языке, но мы мало поняли. Попрошавшись,

мы отправились дальше. На соседней улице к нам прибежали девушки и стали снова приглашать в гости. Девушек звали Раха и Мария. Мы пошли в гости к Рахе. Познакомились с ее мамой. Здесь женщины здороваются за руку с женщинами или девочками, а мужчины с мужчинами. Женщина и мужчина здороваются только словами, но руку не подают. Пока неспешно готовился чай, мы общались. Рахе уже 19 лет, и она закончила школу. Марии еще 15 лет, как Паше. Во двор пришел старший брат Рахи, и все, как по команде, накрыли платками головы. Мама Рахи, которая до этого полулежала на подушках, отложила в сторону книгу и села. Поздоровавшись со всеми, мужчина подал руку только Саше и Паше. Пока мы разговаривали, Раха принесла коричневый арабский балахон (платье), подарила маме и просила его надеть. Мы стали фотографировать маму в этих одеждах. Было видно, что хозяевам интересно проводить с нами время. Ушли мы, когда начинало темнеть. Маме было очень жарко, на обратном пути она чуть не упала, запутавшись в материи. Девушки проводили нас и очень просили приходить к ним ночевать. Мы обещали вернуться.

В гостинице нас ждал папа. Он еще не ставил палатки, а только приготовил чай. Перекусив, мы собрали рюкзаки и пошли к нашим новым знакомым. Уже было совсем темно. На пороге одного дома сидели странного вида мужчины. Они нам не понравились, и мы прибавили шагу, чтобы скорее пройти мимо, но парни были быстрее. Один из них догнал меня и схватил за руку. Я вскрикнула и ударила его со всей силы по руке, а потом догнала маму. Папа понял, что случилось, и отогнал их от нас. Все произошло так быстро, что я долго не могла успокоиться от страха. У порога дома нас встретила Мария. Нас пригласили в дом. Здесь было много народу. Это были соседи и родственники. Раха тоже пришла, и мама подарила ей свою заколку и мой рюкзачок. Я познакомилась с одной девочкой. Ей 10 лет, и она учится в четвертом классе. Паша и Саша разговаривали с мальчишками. Мы немного пели им песни. Папа достал свой фотоаппарат и фотографировал. Было много людей, громко и душно. Я с девочкой вышла на улицу, чтобы охладиться. Она показывала мне верблюдов, которых будут резать на мясо. Когда люди разошлись по домам, нам подали кушать. Еда была обычная: лапша с овощами и сладкий чай. После ужина мы поставили палатки, а семья

стала укладываться спать. Девочка предложила мне спать с ними под шатром, но мама не разрешила. Одна девочка была больна. У нее болел живот, была высокая температура и рвота. Нас удивило, что ей при этом давали выпить искусственный апельсиновый сок, перемешанный с молоком.

В Алеге мне не понравилось. Люди здесь какие-то дикие и щипаются.

Моджерия

Моджерия — это поселок, лежащий у подножия горы в Сахаре. На горе находится городок Нбейка, до которого мы хотели добраться, но были очень уставшие от жары. Улиц здесь мало, и они квадратные. В центре поселка стоит красивая глиняная крепость. Оказалось, что в поселке нет ни одной гостиницы, и папа нашел нам дворец. Обыкновенный дворец! Это был богатый дом, недавно построенный. Нам разрешили ночевать в одной комнате. Света не было. А воду мы брали из крана во дворе. После обеда отдыхали, потому что было очень жарко. Когда спустилась легкая прохлада, пошли на прогулку по барханам. Было очень красиво! Мы набрали на кусты и деревья, на которых сидело невероятное количество саранчи. Мы пугали насекомых, и они взлетали тучей.

Нбейка — Тиджикжа

Утром уехали в Нбейку. Это был городок побольше Моджерии. Люди здесь мне показались дикими, видно, что цивилизация их касается мало. Когда мы проходили мимо школы, дети собрались и окружили нас. Они толкались, дергали меня за платок и щипали. К счастью, их позвали на урок, и многие убежали. Но некоторые остались и пошли за нами. Сам городок находится на плато, в оазисе. Камни из остывшей лавы здесь перемешаны с песчаными дюнами. Если смотреть на город издали или с высоты, то выглядит он очень живописно. Из-за зелени город кажется свежим, симпатичным и аккуратным. Пройдя через улочки, мы вышли на окраину. Заглянули в один домик, чтобы разузнать дорогу. Там была девочка примерно моего возраста с маленькими братишкой и сестренкой. Когда она

увидела нас, то стала показывать, чтобы мы ушли. В глазах у нее был страх, а маленькие дети начали плакать. Мы не стали их пугать и сразу удалились. Было странно, что они так боятся. Наверное, взрослые тоже нас боятся, но не так сильно. Домики остались позади, а перед нами оказались песок, барханы и редкие деревья. Паша с папой ушли вперед. По дороге мама рассказывала Саше сказку про Али-Бабу, которую Саша совсем забыл, потому что был еще мал, когда мы ее слушали. Ландшафт был одинаковый — песок да песок. Мне стало жарко и немного скучно. Я прислушивалась к маминой речи. Вскоре я так увлеклась рассказом, что даже перестала обращать внимание на зной, и не заметила, как песок сменился вулканическими камнями. Они были очень интересными, похожими на разные причудливые фигуры. Еще было заметно, что камни когда-то кипели, так как на некоторых из них виднелись затвердевшие остатки от пузырей. Паузу мы сделали из-за одной находки: папа нашел кости умершего верблюда и даже заснял на камеру свою выдуманную историю о том, что сначала умер верблюд и папа остался в пустыне совсем один. Возвращаться было очень жарко. Папа куда-то исчезал и звал нас, но мы сели под дерево и ждали. Здесь тоже лежали высушенные кости... Вечером в Тиджикже мы сделали тренировку и смотрели фильм.

На следующий день мы встали пораньше и отправились на площадь. В тени сели на рюкзаки. Здесь кипела жизнь. Папа искал машину в Тишит. Попутки не оказалось, но мы встретили двух женщин, которые работают здесь. Они обе из Америки. Одну из них звали Наташа, потому что у нее была русская прабабка, но, к сожалению, она по-русски не говорила. Наташа работала медсестрой в Нбейке. Она сказала, что в этом городе люди открытые, так как имеют возможность ездить в разные места и общаться с другими больше, чем в Нбейке. А в Нбейке, подтвердила она наши впечатления, люди дикие. Эти девушки пытались помочь нам найти машину, но все было бесполезно. Брать отдельную машину только для нас стоило дорого, тем более что из Тишита в Уалату пролегалла совсем плохая дорога длиной 400 километров, и транспорта там могло не оказаться. Один мужчина, говоривший по-английски, сказал, что, может быть, еще будет машина. Мы прождали на площади до обеда. Недалеко от крана с водой образовалась очередь. Люди канистрами

набирали воду. Мы сидели рядом с сапожником и долго смотрели на его работу, было очень интересно. Тут мне вспомнился сапожник Мустафа из сказки Али-Баба. В общем, машина не пришла. Когда спросили почему, ответ был такой: «Не знаю, может быть, жарко». Ждать было уже бесполезно, и мы вернулись в гостиницу.

Экамор

27.03.2010. На следующий день мы поехали обратно до развилки 150 километров, а оттуда до городка Экамор. Гостиницы здесь не оказалось, и мы переночевали у местных жителей. Они угощали нас чаем. Пришли и соседи познакомиться. Перед заходом солнца они молились. Перед молитвой мыли лицо, руки, ноги. Потом становились на молитву, и женщины, кусочком платка прикрывая лицо, что-то шептали. Потом они то вставали, то садились и нагибались, все время что-то бормоча. Женщины молились короче, а мужчины подольше. Когда стемнело, нам подали на ужин кус-кус. Так как он был без вкуса, даже несоленый, мы перемешали его с молоком и сахаром. Получилось очень вкусное блюдо. После ужина мы показывали фотографии России. Но это было недолго, так как они вдруг велели нам быстро все убрать и идти спать. Может быть, они (девочки) чего-то испугались, потому что в этот день были без родителей. Может, они хотели, чтобы ушли быстрее соседи. Никто из нас так и не догадался, что произошло. Спать совсем не хотелось, так как было еще рано, часов 8 вечера, и очень жарко. Искупаться было негде, так как у них нет даже туалета. Они, кажется, вообще не моются, только перед молитвой. Я долго не могла заснуть, смотрела на звезды сквозь сетку палатки, вспоминала первую половину нашей поездки...

Аюн

30.03.2009. Утром нам подали несколько раз чай, и мы позавтракали снова кус-кусом с молоком. На дороге поймали машину, идущую в Аюн, где и переночевали. В пути, как всегда, занимались любимым делом — уроками. Остановились в единственной дорогой гостинице. Несмотря на цену, в комнате плохо пахло, кондиционер

был очень старенький и тарахтел. В туалете плохо держалось стекло и потом само упало и разбилось. Аюн был наш, так сказать, последний пункт цивилизации на следующие несколько дней.

Нема

Сегодня собрались доехать до города Немы. Нас довезли до гостиницы, где все вроде бы выглядело хорошо. Номер, который нам дали, был еще не убран. Тогда мы попросили, чтобы помыли комнату и заменили постели. Работники соображали не очень быстро. Тогда папа позвал одного из работников и начал при нем стягивать постель. Мужчина понял и стал убирать старое белье. Когда он снял простынь, маленькие серенькие насекомые разбежались в разные стороны. Папа разглядел блох. Мы тут же запихнули разложенные продукты в рюкзаки и поспешили выйти. Особенно боялся папа, так как успел вытащить почти все свои вещи. Я не знаю, как и от кого, но папа узнал телефон одного русскоговорящего доктора в Неме. Пока папа звонил ему, Паша с мамой пошли купить воды и колы. Раньше папа не пил колу, а теперь стал добрее и говорит, что если есть хочется и если ты долго шел, то можно и колы выпить немного. Договорившись с доктором, папа нашел какой-то автобус, и он повез нас. Такие автобусы мы видели сверху донизу набитыми людьми. Это местный транспорт. Двери на веревочках, скамейки тоже привязаны, и мотор гудит очень громко. Когда в нем едешь, кажется, он собран из частей, связанных веревочками. Здесь очень много маленьких улочек, так что заблудиться легко. А еще на этих улочках очень много мусора. Кажется, что это не город, а помойка.

Доктор принял нас очень хорошо. Его звали Мухамед Джалу. Он африканец, учившийся на Украине до 1991 года. Русский язык он не забыл, рассказывал нам всякие истории. Сейчас он работает врачом в больнице, специальность — эпидемиолог. Эпидемий у них сейчас нет, не считая малярии. Больше всего они боятся возникновения холеры. Мы сидели в комнате. На полу лежали ковры, а вокруг стояли диванчики с подушками. Выглядело все красиво. За стенкой была комната с телевизором, где находилась его жена. С другой стороны тоже располагалась комната, но что там было, не знаю. Комнатки небольшие, но уютные. У них есть двор, достаточно

чистый. В углу его привязан барашек. Рядом кухня, где служанка готовит еду. Туалет мне тоже показался чистым. У доктора есть сын, которого они зовут Ба-Ба, а в школе — Ибрагим. Саша с ним подружился, и они вместе играли. Незаметно наступил вечер. Мы включили компьютер и показывали семье фотографии. У доктора даже оказался мобильный интернет. Ночевали мы на дворе в палатке, потому что в комнате душно.

Утром, когда мы проснулись, уже никто не спал, а матрасы были убраны. Мы перекусили и пошли гулять. Стояла такая пыль, что было невыносимо. Это дул ветер хамсин. Мама очень устала и вернулась домой. Мы зашли в полицейский пункт за штампом. Оказалось, что штамп нам поставить не могут, так как не пришел человек, делающий эту работу. На улице к нам подошел какой-то африканец, говорящий по-русски. В этом поселке мы встретили уже несколько людей, знающих русский. Этот африканец что-то говорил и говорил, а когда он отошел, папа сказал: «М-да, таких я не люблю». Когда мы вернулись назад и сели за уроки, снова пришел тот же человек, тогда папа вышел и сказал: «Уходите, пожалуйста, хозяина сейчас нет». К счастью, мужчина понял, что надоел... Через некоторое время Саша начал готовить обед, так как был дежурным. Пришла жена доктора и, увидев, что мы готовим кушать, показала на кухню и рыбу, которую резала служанка. Мы поняли, что это она готовит нам обед. Перекусили немного картошкой с салатом. Обед с рыбой состоялся только через 2 часа.

Уалата

Пообедав, мы попрощались и пошли в гараж, откуда уезжают машины. На перекрестке стояла «тойота». Доктор с сыном пошли проводить нас. Кузов машины был весь забит вещами. На эти вещи положили еще и наши рюкзаки. Нас с мамой посадили в кабину с одной женщиной. У нее на руках лежал совсем маленький ребенок. Рядом с водителем сидели еще двое мужчин. У них считается, что впереди не два, а три места. Мы ехали, смотрели ландшафт. Он казался мне очень скучным: пески, кустики, деревца и камни, на которых мы все время подпрыгивали. Настоящей дороги не было.

Нас подкидывало и трясло. Через пару часов машина вдруг остановилась, и мужчины пошли молиться, а лишь потом поехали дальше. Еще через какое-то время машина затормозила посреди пустыни, и женщина с ребенком сошла, откуда-то из-за кустов появился мужчина, который ее встречал. Выгрузили из машины их вещи. Взяв мешки, они ушли по песку куда-то вдаль. Даже не верится, что эта женщина живет где-то в пустыне...

В Уалату приехали в темноте. Нас высадили возле гостиницы, куда мы затем заселились. Правда, папа долго торговался. Стены гостиницы были очень красиво разрисованы. Пройдя через дверь, мы оказались еще в одном дворике. Здесь стояли кровати, лежал ковер, матрасы и подушки. Было очень уютно, как в комнате, только под открытым небом. Рядом было помещение, где можно находиться во время жары. В нем тоже были ковры и диваны. Палатки мы поставили прямо на кровати с матрасами. Хозяин пришел и сказал, чтобы мы закрыли двери этого дворика, потому что были здесь одни. Это было здорово! Мама и я уже устали ходить в платках и длинных юбках. Наконец можно было раздеться...

Утром, позавтракав, пошли гулять по крышам. Архитектура в Уалате очень интересная. Все дома, которые находятся на одной стороне дороги, соединены друг с другом, так что можно ходить по крышам. Сверху видны все дворы. Паша снимал на камеру, а Саша лазил по всем крышам и заборам. Когда хозяин увидел его, он тоже зашел по лесенке наверх и стал показывать, что Саша может провалиться. Тогда Саша слез, зашел в какой-то разваленный дом и стал там ходить, как в лабиринте. Но хозяин снова его отправил оттуда. Пока мы были на крыше, папа забавлял детишек фотографиями. Когда он показывал им только что сделанный снимок, увидев себя, дети визжали, смеялись и радовались. Затем мы отправились смотреть город. Домики и улочки здесь сказочные. Улочки маленькие, и можно легко заблудиться. Очень красиво сделаны здесь двери, во многих местах разные узоры. Дома построены из глины с соломой. Даже не верится, что где-то в далекой пустыне стоит такой красивый город... Так мы пришли к широкой дороге. Это даже не дорога, а что-то типа засохшей реки, где на разных расстояниях стоят колодцы, а вокруг собрались стада верблюдов. Мы подошли и долго смотрели, как верблюды пьют воду. Колодец оказался очень

глубоким; ведро сделано из кожи, когда туда набирается вода, этот мешок становится похожим на корзинку. Один верблюд привязан к веревке, которую закидывают с «ведром» в яму. Когда его опускают, животное подходит к колодцу. Потом его отгоняют, и он таким образом вытягивает ведро. Сашу посадили на такого верблюда, и он немного катался. Так пастухи напоили все стадо.

Уалата еще примечательна тем, что здесь есть старая библиотека и школа по изучению Корана. Но сколько мы ни спрашивали, где это, нам показывали в разные стороны. На обратном пути мы зашли в магазинчик. Девушки, сидящие на ступенях, увидев мой фотоаппарат, попросили сфотографироваться. По дороге мы увидели коров, зашли во двор и договорились там купить молока. А потом вдруг увидели, как женщина доила коз, и купили козьего молока. На ужин мы пили кипяченое козье молоко. Сегодня я первый раз попробовала козьего молока, было очень вкусно!

Утром проснулись рано. Было прохладно. Проснулись все немного засыпанными песочком. Здесь тоже начался этот пустынный ветер харматтан. Перетащив вещи в комнату, мы собирались. После завтрака надо было вымыть посуду, но выходить из помещения не хотелось, поэтому мы бегали из комнаты в душ, где стояли канистры с водой. Сегодня мы уезжали назад в Нему. Машина была единственная. В кабине в этот раз мест не было, кузов тоже был набит. Дул сильный ветер, летели пыль, песок, и казалось, что это туман. Мы достали все тряпки и полотенца, чтобы защититься в дороге от песка. Погрузив все вещи и рюкзаки на транспорт, мы сели сверху на высушенные козьи шкуры. Сидеть на грубых шкурах было неудобно. Хотя машина была полна, водитель проезжал мимо домов, продолжая собирать пассажиров. Когда садилась пожилая крупная женщина, мешки ее положили сверху, а она никак не могла залезть в машину. Тогда папа подал ей сверху руку. Но женщина не взялась за нее, а только показала жестом, что отказывается. Папа сел и больше не пытался ей помочь. Руку она не взяла потому, что у мусульман запрещено женщинам брать мужчин за руки. Кое-как она влезла. Ехали, все время прыгая через камни в песке. Когда машина подлетала на камнях, мне было больно, т. к. я стучалась о железку. Кроме того, пришлось сидеть, поджав ноги, и держаться руками изо всех сил, чтобы не упасть на соседей. Так мы двигались

часа два, потом стало совсем невыносимо. Бабушка, которая еле залезла, сползла, потому что не держалась, и сидела, как мешок, придавливая всех своим весом. Наконец наступила остановка, мы могли слезть, немного пройтись и размяться. Сильно хотелось спать. Все это время мы молчали и дремали. Пауза была короткая... Вот мы опять едем. Но уже легче. Один мужчина, наверное, уже приехал; взяв свою сумку, он пошел в пустыню. Странно, куда он вышел? Вокруг нет ни одного домика. Я замечталась и, когда машина подпрыгнула, со всей силы стукнулась носом о колено. После этой поездки у всех болели мышцы и были синяки. Я устала и хотела только в душ, пить, есть и спать. Заселились в гостиницу, там постирали вещи и приходили в себя.

До границы мы собирались ехать по не очень хорошей дороге. Но когда нам сказали, что бездорожье такое же, как в Уалате, то желание ехать пропало. Решили вернуться в Аюн, а оттуда уже добираться до границы. В Аюне остановились в той же гостинице. Здесь познакомились с француженкой.

Саша

13.03.2009. В Нуакшоте я заболел амебой, у меня болел живот. На следующий день я выздоровел, но у меня еще болели мышцы, потому что вечером была температура. Потом мы поехали смотреть берег океана. Иногда туда приезжали лодки с рыбаками. Рыбаки еле сидели на лодках, потому что они были переполнены рыбой. А пацаны за грузчиками подбирали рыбу, когда она выпадала, и прятали ее в куртки. Грузчики носили ящики на голове. Мы гуляли вдоль берега и видели много рыб и больших морских улиток, которые были величиной, как папин фотоаппарат, а еще там были скаты величиной с подушку.

16.03.2009. После Нуакшота мы уехали в поселок Бутилимит. Когда мы гуляли, то нас все приглашали в гости. У одних мы пили чай, у других мне дети дали потрогать голубей, у третьих мы снова пили чай и разговаривали. Они спрашивали о папе, а он ушел как раз гулять в пустыню и фотографировать дюны. Потом они предлагали Пашу женить на одной девочке, а Дашу выдать замуж за дядю. А маме подарили арабский костюм. Вечером мы ушли, но

обещали вернуться к ним с папой и переночевать. Когда мы снова появились у них, в одной комнате собрались все, кто с нами чай пил, и те, кто с нами здоровался, и все, которые нас видели. С каждой минутой становилось все веселее, а папа фотографировал детей. Они с громкими криками смотрели фотографию, а потом просили снять их еще.

Утром мы уехали в Алег. Там нас сначала хотели поселить в ресторане на ковриках и подушках, но папа нашел гостиницу.

А в Сахаре мама сказала мне: «Когда доделаешь математику, русский и английский, то можешь пойти облиться».

19.03.2009. Когда мы приехали в поселок Моджерия, папа нашел нам пустой дворец, в котором мы ночевали. Он был небольшой, зато чистый, неразваленный и весь из белого мрамора. Вокруг поселка лежала Сахара. Во время прогулки по дюнам мы встретили много огромной саранчи. Я заметил насекомых, когда сбегал с дюны до одного кустика. Они вдруг полетели огромными стаями. Сначала я подумал, что это ласточки. Потом мы нашли деревья, где их было еще больше. Я пулял в дерево камешки, и они взлетали огромными кучами, и небо становилось ярко-фиолетовое.

В Нбейке мы остановились ненадолго, чтобы посмотреть оазис. Потом папа долго торговался, чтобы уехать в Тиджикжу.

Тиджикжа — тоже оазис в Сахаре. Здесь мы видели козий рынок. Ночевали в соломенном доме. Даша выучила песню «Веселый ветер». Дальше в пустыню не поехали, а вернулись в какую-то маленькую деревню. Ночевали на чьем-то дворе в палатках. Хозяевам показывали фотографии на компьютере. Они увлеклись и не заметили, как стемнело. Потом они чего-то испугались и быстро ушли спать.

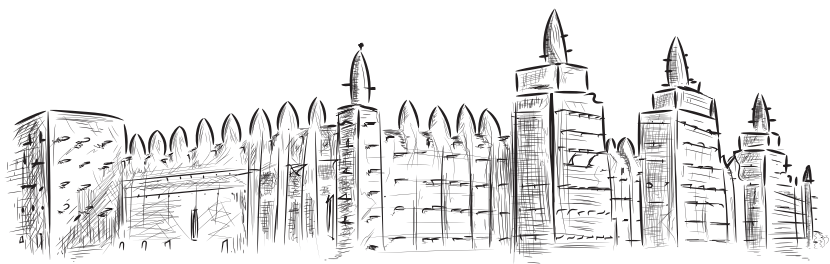
Утром мы добрались до поселка Немы, где остановились у врача, который говорил по-русски. А потом мы встретили еще других людей, которые говорили по-русски!!!

Из Немы мы собрались в город особой архитектуры — в Уалату. Туда ехал джип, на котором сидели 17 человек, а вдобавок наши рюкзаки, штук 50 козьих шкур, полмашины мыла, штук 100 баклажанов и еще много капусты. Сверху положили сетку, чтобы вещи не упали с машины, а люди, которые сидели сверху, в том числе я с папой и Пашей, должны были держаться за сетку.

27.03.2009. В Уалате был верблюжий рынок и безумно глубокий колодец. Пастухи переливали воду в таз, и верблюды начинали ссориться за место у водопоя. Дома в Уалате украшены узорами, похожими на увеличенные головки цветов. Все стены намазаны навозом, смешанным с красной глиной. В каждом доме есть лестница на крышу, которая выводит на террасу и на широкий забор. Там мы сидели и фотографировали сверху прохожих, как шпионы. А когда наступила жара, я пошел делать тренировку, потому что мой учитель по спорту сказал, чтобы я к лету сидел на шпагате.

На следующее утро мы проснулись в песке. Задул пустынный ветер хамсин с песком. Все говорили, что плохо спали от пыли, но мне в эту ночь спалось очень хорошо!!! В машину, на которой мы уезжали, погрузили телевизор, магнитофон, газовый баллон и штук 100 коровьих шкур, мешки с какой-то мукой, наши и чужие вещи. Маме и Даше пришлось в этот раз сидеть вместе с нами на вещах. Посредине сидела толстая баба. Она разваливалась все больше и занимала половину места. Потом папа на нее крикнул, но она все равно разваливалась. Дорога была плохая. Через 3 часа я начал засыпать. В Неме у нас закончилась вода, и нам пришлось ждать до утра, чтобы помыться после жаркой и пыльной дороги в душе.

Мали

Площадь — 1240,2 тыс. км²

Население — 14 млн чел.

80 % — сельские жители

Владимир

Мали — самая крупная страна Западной Африки; она в три раза больше Франции, у которой долго находилась в колониальной зависимости. Контур страны напоминает бабочку. Север ее уходит большим крылом в Сахару; юг и середина, по которым текут реки Сенегал и Нигер, занимают области Судан (не путать с государством Судан) или сахель. Основное население этой жаркой страны сосредоточено по реке Нигер, по ней же располагаются главные города. Река обладает особенностью: у нее обширнейшая на Земле внутриматериковая дельта. Мали, как почти каждую африканскую страну, населяют десятки народов; крупнейшие из них — бамбара, фульбе, сараколе, сонгаи, малинке, сенуфо. Подавляющее большинство населения (более 90 %) относится к негроидной расе; арабы, мавры принадлежат к средиземноморскому типу. Туристов больше интересуют экзотические народы — догоны и туареги; о них же в основном написана популярная литература. Почти все население страны говорит на языке бамбара; французский также считается государственным языком, но на нем едва ли говорят 20 % жителей. В древности на территории современного Мали образовалось государство Гана со столицей Кумби-Сале. И на ее же сахарских пространствах найдено множество наскальных рисунков с

изображением лошадей, запряженных в боевые колесницы. Многие районы в эту эпоху знали металлургию. К Средним векам относится расцвет государств Гана, Мали и Сонгаи. В период наибольшего подъема средневековое государство Мали по территории было больше современного. Полезными ископаемыми страна богата, но их разработка только начинает развиваться. Прежде всего, велики запасы золота — четвертое место в Африке; также немало алмазов, бокситов, железа, полиметаллов, меди, урана и др. Сегодня во многих местах ведется разведка недр, и это возбуждает аппетиты транснациональных рудодобывающих компаний. В целом промышленное производство государства скудное даже по африканским меркам, и экономика пребывает в аграрно-феодалном состоянии.

Виза в страну

Малийская виза в Москве выдается капризно. Нужно сказать, что большинство стран третьего мира ставят визы в российский паспорт запросто, но не в Москве. Россиянин получит визу в Мали в тот же день без всяких справок из любого соседнего или даже не соседнего африканского государства. Но в Москве все посольства с претензиями, примерно такими же, каковы московские порядки. В посольствах любят посмотреть билет на самолет туда и обратно; еще хуже — зарезервированную гостиницу на все время пребывания; многим нужно приглашение в страну и прочие кабальные бумажки. Есть посольства понаглее: те интересуются справками о недвижимости или заработками, это откровенное признание права на путешествия только для богатых. Но перегибают не только консульства бедных стран. Они часто в ответ российским претензиям к их гражданам выставляют равные бумажные требования. Можно сказать, что консульства взаимно соревнуются в создании препятствий для всех, кто не с толстым кошельком. Для людей со скромным достатком мир практически закрыт не только бюджетом, но и визами. Это подтверждает статистика: более 80 % россиян ни разу не выезжали за пределы бывшего СССР. Визу в Мали мы получали в Берлине заранее — там малийское консульство не такое привередливое, как в Москве. Почему мы хлопотали визы в российские паспорта, а не в немецкие? В российских у нас вписаны

дети, и нужно брать только две визы для взрослых, а с немецкими пришлось бы платить за пять паспортов.

В городе Ниоро

Направляясь в Мали из Мавритании, мы пересекали границу по дороге от Аюна в Ниоро. Мавританские пограничники при выезде туристов из страны очень волнуются, что богатые люди с рюкзаками не дают бакшиш, и о взятках намекают всякой волокитой; любой путешественник в Мавритании считается богатым человеком. Малийские же пограничники повели себя ненавязчиво, и в Африке это уже определенная характеристика государства. Апрель — самый жаркий месяц; Сахара дышит огнем, и нас угораздило путешествовать здесь как раз в эту пору. Правда, в Мавритании было еще жарче, и после затерянной Уалаты, где беспощадно угнетает жара и пыль ложится на палатки, как снег во время бурана, нам жаркий городок Ниоро казался комфортным: в единственном отельчике были вентилятор и душ. Мы закупились фруктами, которых не было в Сахаре, и отъедались; заодно для себя вывели такой закон: где много манго, там много хороших людей.

Ниоро — приятный город. Жители здесь в большинстве своем спокойны, деликатны и очень приветливы; они не досужие и, как всегда в провинции, с присутствием оптимизма. Я побежал по мастерским: подлатал рюкзак, починил ботинки, почистил примус и все узнал о городке. Во франкоязычной стране многие говорят по-английски (даже в провинциальном городе). Сегодня вечером будет концерт музыкантов и поэтому так много нарядной публики на улицах. В выходной день народу еще больше, чем в будни. Малийские женщины разряжены, на их головах интересные головные уборы, они хороши собой и, кажется, сами об этом не знают. Удивительное дело: живут все кругом бедно, а одеваются нарядно. Нельзя сказать, что наряжаются только по праздникам. Закончила женщина работу, переделалась — и красавица. Редкому здесь туристу непонятно, откуда аккуратность, ухоженность и совсем неплохой вкус при бытовой неустроенности. Глядя на фотографии, которые я привозил из поездки, кто-нибудь из приятелей обязательно спрашивал: «Наверное, это богатые африканцы?» Не богатые. Живут они

в самых захудалых домишках. В одном из африканских путешествий мой знакомый, наоборот, удивлялся тому, как серо одеваются люди в Европе: джинсы и растянутый свитер.

Вечером на концерт мы не попали — не дождались. Назначенное на 8 часов выступление не началось и в 11. Билеты были дорогие, музыканты известные, и толпы народа терпеливо ждали артистов, которые ко времени не приехали. Малийские музыканты известны не только в Африке, но и во всем музыкальном мире. Но мы порядочно устали и ушли спать в гостиницу. Концерт начался позже и, как потом выяснилось, закончился в 4 часа утра в понедельник. У африканцев, конечно, свой ритм жизни: они подстраиваются под жару и не упускают возможности порадоваться жизни.

Провинциальная кухня

Квартальная кухня в городе устраивается при помощи костра, печи или газового баллона с плитой под навесом из циновок или тряпок. В Мали такие кухни ставятся обычно внутри двора, и с улицы их не видно. Кухарка раскладывает пищу из нескольких котелков или тазиков и обязательно с кем-нибудь скандалит. Нам смешно на нее смотреть, об этом написано в путеводителе Антона Кротова. Она кричит на посудомойщицу, на шныряющих рядом голодных мальчишек и на клиентов, которым недовольно подкладывает добавки.

После обеда двор успокаивается, и улицы погружаются в покой. В жару жители городка расходятся по домам, под навесы или в тень деревьев, и наступает сонное царство. В четыре часа жара еще не спадает, воздух стоит раскаленный, и в нем нет прозрачности. В половине пятого нараспев в громкоговорители зовут мусульман помолиться многочисленные мечети. Городок пробуждается: лавки все открываются, городской шум восстанавливается, улицы набирают движение. Вечером, с прохладой, начинается самая бурная жизнь.

По улицам бегают мальчишки с баночками для пищи. Они не выпрашивают еду, а собирают остатки пищи, которые не продались хозяйками кухонь. Дети терпеливо ждут около печи, когда поедят взрослые, которые за еду заплатили, и складывают полезные остатки в свою жестяную посудину. От одной кухни они перебегают

к другой. Взрослые порой кидают им монетку, чаще всего за мелкую услугу. Малийцы не всегда готовят пищу у себя дома. Они семьей идут обедать в ресторанчик, забегаловку, квартальную кухню; мужчины иногда отдельно собираются в ресторанчике пообедать и заодно обговорить текущие дела. В Африке много детей, у которых родители безвременно умерли. Дети из бедных семей и беспризорники в провинции обычно имеют покорный нрав, они живут тихим попрошайничеством и случайными подработками. Немало африканских подростков работают ежедневно у своих сородичей или соседей по найму за скромную плату или за прокорм. Этому сопротивляются многие благотворительные организации Европы и Америки, которые базируются в африканских городах. Они настойчиво выступают против эксплуатации детского труда. В богатых странах эти организации находят умильное оправдание помощников, но в Африке европейская защита детей часто является той же нелепостью, как выстроенная гостиница «Шератон» около грязных городских кварталов. Благотворительность является обыкновенной подачкой определенных структур, и африканское простонародье относится к ней с недоверием. Богатые государства сначала бомбят бедные, а затем посылают туда гуманитарную помощь; такую изощренную милостыню трудно понять.

Дорога в столицу и гостиницы в Бамако

Дорога из Ниоро в Бамако с недавних пор заасфальтирована. В Мали множество автобусных кампаний, они базируются в своих гаражах, и автовокзалов как таковых нет. Нам подвернулся автобус без кондиционера и с открытыми окнами. Кондиционеры тем не хороши в Африке, что они в основном не работают, а при закупоренных окнах в жару ехать приходится, как в душегубке. Дорога в 300 километров одолевается за семь-восемь часов, и проезд стоит недорого. Мы платили по 6 евро за каждого. Трасса идет по равнине, и лишь на середине пути поднимается изрезанный рельеф. На дорогу постоянно выступают баобабы.

Баобаб — самое заметное дерево. Он украшает собой естественные и сельскохозяйственные ландшафты. Гигантам нужен простор, и держатся они друг от друга подальше. Даже в лесу при

относительно небольшой высоте их стволы выпячиваются вместе с толстенными корягами, а уж в саванне это маяки для ориентиров. Баобабы — долгожители, и старейшие доживают до 4—5 тысяч лет, т. е. некоторые из них — ровесники человеческой цивилизации. Периметр дерева иногда достигает 20—30 метров, а то и больше. Гладкая кора его насыщена дубильными веществами и используется африканцами в народной медицине. Кора также содержит некоторую долю алкалоида (адансонин), действие которого похоже на хинин (средство от малярии). Баобаб приносит плоды в виде длинных тыкв и за это его иногда называют хлебным деревом. Из тыкв извлекают крахмал и пекут лепешки. Европейскому гурману вряд ли они понравятся. Деревья цветут обычно в мае и июне; цветок белый, крупный, раскрывается ночью и виден поутру. Живучесть гиганта кроется в его длинных корнях, извлекающих из глубин земли воду, а также в способности в сухой сезон сбрасывать с себя листья. Без листьев ствол легче переносит длительную засуху. Древесина, листья, семена используются людьми. Ветки с удовольствием ломают и поедают слоны. Обезьяны тоже любят срывать растущие на дереве тыквы, за что иногда баобаб называют обезьяньим деревом. Много лет назад тоже в Мали мне пришлось пробраться в отверстие баобаба и заночевать там. Внутри ствола и до меня мог кто-либо заселиться, например шакал или змея. Поэтому я внимательно осветил фонариком полое пространство внутри, установил там свою немаленькую палатку и в прочном укрытии спокойно уснул. Иногда африканцы используют такие пустоты или отверстия для хранения домашней утвари.

В Бамако мы поняли, что жара будет преследовать нас еще месяц. В бедной стране hostel с кондиционером — всегда дорогое удовольствие. Любая столица бодрит приезжего. В ней непросто найти жилье, чтобы не оказаться обворованным. Хостелы при церквях, пожалуй, почище, и в них приглядывают за шпаной с улицы. Наш отельчик находится при католической миссии, где проживают забавные монашки. Из их окон, между прочим, слышится музыка выдающихся малийских исполнителей Али Фарка, Бубакара Траори, «Оркестра Баобаб». В номерах для монашек установлены кондиционеры, чего нет в комнатах для туристов. Мне завидно: не мешает ли им комфорт, да еще с музыкой, стремиться к аскетизму. Церкви

в Бамако построены в колониальные времена. Посещаются они по праздникам. Но, конечно же, Мали — в основном мусульманская страна. Ислам суннитского толка имеет здесь мягкие черты. Женщины редко носят чадру, они участвуют в политической и социальной жизни и нарядны в одежде. Во всем этом нельзя не увидеть обратного влияния на ислам негритянской крови с более жизнерадостным мировосприятием. В христианских храмах африканцы во многих странах молятся, как будто танцуют; по крайней мере, так кажется туристам. Статистика, подсчитывающая верующих, часто выдает сомнительные сведения. Например, русские или украинцы в Европе считаются все православными (orthodox), хотя в действительности в большинстве они неверующие. Примерно то же значат 90 % малийцев-мусульман в Википедии. В Африке многие жители остаются при традиционных верованиях. Среди мусульман обстоятельно намаз совершают чаще всего мужчины, а из них те, которые пообеспеченней. Женщины молитвам придают скромное значение и больше сочувствуют народным суевериям. На раскрепощение женщин от религии и их социальную активность значительно повлиял недолгий период социализма в стране.

Туристу на обед в Бамако хорошо покупать цельный кусок зажаренной баранины, которую едят горожане. Ее готовят в кирпичной печи, передвигающейся на колесах. Такая баранина вкусна, стерильна, рубится кусочками и подается с луком и солью. Все прочие блюда народной кухни тоже желательно есть только в горячем виде, чтобы избежать расстройства желудка. Крупные города собирают много грязи и заразы. Самые услужливые рестораны тоже не гарантируют стерильности. Все же, как ни велика антисанитария в Африке, простая пища здесь здоровее европейской пластмассовой. Можно также купить на рынке фруктов, помыть их и с любой горячей кашей или с мясом пообедать по-домашнему.

Русский язык в Африке

Бамако расположен по обе стороны реки Нигер. Через реку перекинута два моста. Сюда прибывают поезда из Дакара, подвозя грузы от океана. Город населением более миллиона человек похож на сплошной базар. В грязной и пыльной столице не хочется

задерживаться. А сразу убегать из нее тоже обидно. Любая столица прячет в себе много концентрированной жизни. Например, в Бамако можно попасть на концерты знаменитых на весь мир малийских музыкантов. Впятером мы ловим попутную машину, садимся и о чем-то говорим между собой. Нам нужно ехать на другой берег реки. Водитель улыбается и здоровается по-русски.

— Так вы говорите по-русски?

— Да, я одессит, — посмеивается африканец.

Мы второй день в малийской столице; водитель называет нам основные ориентиры города, подвозит к нужному месту и «денег с друзей не берет». В Бамако такая встреча неслучайна. А ведь у нас в планах узнать, как живут здесь русскоязычные люди, — они есть во всех странах. Может быть, это лишняя досужность, но посмотреть на страну глазами постоянных жителей всегда интересно, да и они наверняка скучают по общению с соотечественниками.

В каждой стране мира есть островок русской жизни. До перестройки русская эмиграция во всем мире насчитывала чуть больше миллиона человек. В основном это были потомки тех, кто покинул Россию после революции или в других перипетиях. За 20 с лишним лет послеперестроечного времени из СССР по всем странам рассеялись не менее 40 миллионов человек — явление чрезвычайное как для развалившейся нашей родины, так и для многих государств, куда эти люди подались. Европа, США, Канада, Израиль увеличились русскоговорящим населением. Но это богатые обители, туда направилась основная масса эмигрантов. В Африке не столь много бывших наших граждан, но и здесь в каждой стране проживают от 100 до 500 человек; в ЮАР живут более 4 тысяч русскоязычных. Пожалуй, самая многочисленная категория уехавших — это женщины, вышедшие замуж за африканцев, которые учились в советских вузах. Еще можно назвать квалифицированных специалистов (геологи, врачи, инженеры-строители, гражданские моряки, летчики, преподаватели университетов), которые работают по договорам. Геологоразведочные учреждения, первые заводы, две гидроэлектростанции, стадион и госпиталь в Бамако строились с помощью советских специалистов.

Нет страны в Африке, в которой не было бы наших врачей. В Эфиопии, например, в госпитале Аддис-Абебы работают постоянно

около 50 медицинских работников, которые являются гражданами России или других республик бывшего СССР. Многие из них чувствуют себя уже эмигрантами. Они работают в Африке много лет, а ехать назад уже некуда — на родине нет жилья, да и работать по профессии никто не зовет. Есть бизнесмены, которые занимаются разного рода торговлей, и авантюристы, испытывающие судьбу. Конечно же, есть работники диппредставительств, которые не являются эмигрантами, но среди них встречаются оригиналы, знающие выбранную страну и живущие в ней подолгу. О русских женщинах, живущих в Африке, уже написаны монографии и исследования, но все же об эмиграции огромных потоков людей из стран бывшего СССР нет даже статистики. Она отсутствует не потому, что трудно выявляется, а потому, что обнаженно показывает результаты послеперестроечного упадка всех 15 осколков бывшего Советского Союза, развалу которого содействовал и Запад. Статистика — тоже прислужница идеологии.

В Бамако мы познакомились с Оксаной Катиле и ее подругой Светланой. Обе они замужем за малийцами, выпускниками вузов нашей страны. У Оксаны дочери 13 и 10 лет и двухлетний сын; у Светланы сыновьям 15 и 7 лет. Их дети говорят на французском, русском и бамбара. Домашний язык — русский; на французском они общаются в школе и с друзьями; на бамбара — повсюду в городе и когда ездят в деревню к родственникам. Дети их симпатичны, как часто бывает при смешанных браках. После рождения первой дочери у Оксаны возникла идея создать детский сад, не какой-нибудь — для времяпровождения, а похожий на наши: с образовательной программой и занятиями у педагогов. Лассин — муж Оксаны — поддерживает, как может, супругу, и садик существует уже восемь лет. Его посещают около 60 детей. Дело их нелегкое: нужно арендовать немалую жилую и игровую площадь и в то же время сохранить доступную родителям цену. Они надеются на поддержку государства в будущем. Оксана участвует во многих мероприятиях российско-малийского сотрудничества; она также работает в Женском комитете, организованном женщинами русскоязычной среды, сотрудничает вместе с мужем в Ассоциации выпускников советских и российских вузов, организует совместно со школой при российском посольстве праздники для детей. Живя

вдалеке от Родины, имея неунывающий характер и организаторские способности, такие люди, как Оксана, помогают другим заброшенным судьбой на чужбину людям устроить жизнь ярче, найти новых друзей, не затеряться в далекой стране. Это немало в век, когда весь миропорядок направлен на разобщение людей. За короткое знакомство мы успели подружиться семьями. Даша, наша дочь, даже размечталась попасть в Бамако снова, чтобы увидеться с дочерьми Оксаны и пройти практику в детском садике мадам Катиле. Пусть ее мечты состоятся!

Само знакомство с Оксаной и Светланой произошло при интересных обстоятельствах. Женщины к нам настороженно приглядывались. Причиной осторожности было предыдущее их интервью в программе «Вокруг света», в котором рассказчиц выставили фоном, угодным журналистскому привиранию. Снимали помойки в Бамако, чтобы показать их в России, и русскоговорящая публика, живущая в африканской стране, украшала передачу. Почему российские телеканалы любят показывать грязные африканские задворки или сепаратистские войны, своего такого добра что ли мало? Журналистам нужны сенсации, но не только. Им хочется показать, что российская нищета и наши окраинные войны менее страшные, чем в Африке, что мы живем лучше африканцев и должны радоваться своей участи в России. Концепция эта не национальная и не оригинальная. Она скопирована у западных стран. На Западе таких передач много. Немец, француз или американец, посмотрев страшилки про Африку, ложится в постель, успокоенный тем, что у него дома есть «проблемы», но не такие ужасные, и блаженно засыпает, отвлекшись чужими бедами от своих. Официальных деятелей СМИ, кстати сказать, боятся многие. Банальные вопросы, двусмысленные обороты, удачная статья, но с выдуманным глупым названием, откровенное вранье или неоткровенное — обычное творчество журналистов; у них много способов сделать материал поверхностным, заказным, одурачивающим. Приехавшие с нами на встречу две женщины, одна из которых была с мужем-африканцем, несмотря на горький опыт, быстро оттаяли. Мы были большой семьей, которая давно едет по Африке, с рюкзаками, с прижаренными на солнце лицами. Вряд ли мы выглядели официально. Разве журналисты останавливаются в дешевеньких хостелах? Их селят в

дорогие отели, чтоб не увидели чего недозволенного. Оксана сразу пригласила нас к себе, чтобы мы вместе попели русские песни.

Еще у нас была официальная встреча с рассказами о путешествии для сотрудников посольства и их семей. Русскоязычных жителей в Мали около 500 человек. Это немного, но они вторая по численности диаспора после французов. При посольстве есть воскресная русская школа, периодически проводятся совместные встречи живущих здесь россиян и членов Ассоциации выпускников советских и российских вузов. Работники посольств обычно не знают страну, в которой работают. Их служба сама по себе не предполагает путешествий, и на них лежит печать закрытости учреждения. Но более-менее живые люди вырываются из этого плена (как любой человек из плена, устраиваемого работодателем) и немало ездят и общаются с местным населением. Эти оригиналы, насколько я знаю, не очень пользуются благорасположением МИДа. Но многое зависит от главного лица — от посла. Как бы система ни предопределяла, мне встречались консульства и посольства, где отношения между работниками не настороженные, и прием своих граждан они ведут менее казенно, без стервозности. Казенность — в основном стандартное состояние всех посольств.

Малийцев, выучившихся в СССР, насчитывается более 10 тысяч (в интернете встречаются разные цифры). Подавляющая часть их вспоминает годы своей учебы как лучшие годы жизни. Эти люди составляют половину малийцев, имеющих высшее образование. Многие занимают высшие посты в правительстве, госучреждениях, армии и частных компаниях. Не столь давний президент Мали — бывший рязанский студент. Сегодня преподавание русского языка ведется в 50 лицеях, хотя есть настойчивая тенденция к снижению. В лицеях обучаются около 6 тысяч школьников. В 1980-х годах Мали была одной из самых русскоязычных стран Африки. Но она не является исключением по количеству граждан, выучившихся в СССР. Из Сенегала в СССР учились 30 тысяч человек, из Эфиопии — 20 тысяч, из Анголы — 15 тысяч; Египет, Гвинея, Камерун, Конго, Ливия, Марокко, Судан, Тунис имели близкую к Мали численность студентов. В небольших по территории или населению странах, как Бенин, Гана, Гвинея-Бисау, Того, Намибия, Экваториальная Гвинея, тоже выучились в СССР от 2 до 4 тысяч человек. Все эти бывшие

студенты привезли с собой в Африку признание русского языка как мирового. Сегодня полное сползание российской экономики из промышленной в сырьевую сокращает экономические контакты с африканскими странами, и созданный в прошлом языковой потенциал никак не используется. Изучение языка становится все более невостребованным. В Африке, кроме европейских, начинает набирать популярность китайский язык.

Малийская музыка

Бамако, Сегу, Мопти — крупнейшие города, выстроенные по реке Нигер. Автобусное сообщение между ними довольно интенсивное. В автобусе водитель всегда включает музыку. Африканская музыка в путешествии еще больше понятна нам. Но не всякая музыка порадует в пути. Есть много надоедливых, монотонных мелодий, от которых устаешь в транспорте. В жизни африканца, да и не африканца тоже, есть много утомительной нудной работы, как и сменяющихся на радость праздников. Какая жизнь, такие и песни. Как богата и разнообразна жизнь Африки, так многообразна и ее музыка. Монотонной музыки тоже достаточно, так же как у нас, россиян, заунывных народных песен. Мали — одна из самых музыкальных стран континента. В африканской музыке много стилей, и, по большому счету, говорят о северной Африке, т. е. арабо-берберском направлении, и о музыке стран южнее Сахары. Мали географически расположена на стыке Сахары с тропиками и вбирает в одном государстве все сложные переплетения музыкальных культур различных населяющих ее народов. Народы негроидной и арабоязычной Африки создали особый синтез песни, танца и театра, которые часто исполняются в одном действии. Барабаны, погремушки, трещотки, ксилофоны, флейты, рожки, скрипки и арфы, изготовленные ремесленным способом, составляют ансамбли. Ритмы — основа африканской музыки, и у африканцев абсолютное чувство ритма. Пение с хлопками и танцами, с целыми рассказами исполняется не только музыкантами, но и слушателями. Если исполнение не специально уготовано для туристов в ресторане, то присутствуют несколько солистов, а все остальные являются попеременными участниками. Но не надо думать, что африканцы

день и ночь танцуют и поют. Попасть сходу на хорошее выступление — это удача. Пожалуй, для этого можно задержаться в Бамако. Мы посетили два представления.

Талант, в европейском понимании, у африканцев не культивируется. Природный дар изображать окружающий мир в песне и танце считается обыкновенным умением в любой деревне; городские жители — тоже в большинстве своем выходцы из деревень и еще чувствуют ритм барабана. Ритм барабана, как и вся народная музыка, — это ощущение человеком природы и его деятельности, связанной с природой. Лишь зазвучит музыка, послышится ритм, тут же разворачивается душа африканца, и он невольно начинает пританцовывать. Европейец танцует после обучения у преподавателя в школе; африканцы научены танцам у природы. Наши прадеды тоже хорошо пели и плясали, но мы берем уже специальные уроки. Смешно смотреть на нас, танцующих вместе с африканцами: не та пластика. Африканский континент дал миру много выдающихся музыкантов. Каждый народ в определенную пору имел своих сказителей, и в Мали такие народные певцы называются гриотами. Бродячие певцы рассказывают о жизни своей страны, проходя ее из края в край. Их лучшие песни аранжируют известные миру малийские музыканты.

Телевидение гонит нас попсу. Но сколько хорошей музыки в мире! Целые жанры латиноамериканской музыки базируются на ритмах и мелодиях, которые привезли с собой угнанные когда-то в Америку африканцы. Пако де Лусия, испанский гитарист, покоряет своих слушателей арабо-африканскими мелодиями. Американский блюз и джаз корнями уходят в Африку, и образ саксофониста (Луи Армстронг) представляется нам в африканском обличье. Весь музыкальный мир планеты во многом обязан африканскому континенту: его музыке, танцам и особенно ритму.

Река Нигер

В жаркой стране, наполовину уходящей в Сахару, больше всего запоминается река Нигер. Она течет повсюду: в Бамако, в Сегу, в Дженне, в Мопти. Если собраться ехать на север Мали, то все равно отправным пунктом в пустыню будет один из городов великой

реки. Нигер для малийца, может быть, значит больше, чем Волга для россиянина. Река кормит немалую часть населения рыбой, орошает своей дельтой огромные пространства и дает урожаи; по ней передвигаются на тысячи километров грузы и люди. Она освежает окрестности, сопротивляясь жаре Сахары. На одной переправе к нам подошел немолодой рослый, широкоскулый и худощавый африканец. Бывают такие лица, в которых сразу видишь хорошего человека. Африканец подошел, потому что услышал русскую речь. По-русски он не говорил, но на слабом английском языке все же смог рассказать, что 25 лет назад ему удалось побывать в Москве в качестве делегата от рабочих своего поселка. Ему очень понравились Москва и люди. Этот малиец с далеких берегов Нигера был похож в моем представлении на волжанина XIX века, о которых рассказывал Максим Горький. Нельзя было не запомнить этого открытого и скромного человека. Пожалуй, больше всего нам Африка запоминается такими людьми.

Сегу — город на берегу Нигера, некогда был столицей государства. От прежних времен в нем остались несколько городских ворот и отреставрированный торговый дом. В городе много мечетей. В Сегу мы поселились не в гостинице, а на открытом воздухе в переходе пустого двухэтажного дома, где поставили палатки, чтобы не было душно. Я сделал ошибку, что не уплатил за гостиницу сразу же при заселении. Утром с нас запросили больше, чем договаривались вечером. Это обычная наглость владельцев отелей. Я скандалил и настоял на своем. Африканский бизнес еще мелочней и вороватей российского; он навязчив на каждом шагу, но сложные отношения у путешественников складываются в основном с предпринимателями. За всю поездку нам приходилось скандалить только с бизнесменами и чиновниками. Люди, не претендующие на выжимание денег с иностранцев, собственно, и составляют обаяние страны.

Из города Сегу мы отправились на лодке в деревушку, расположенную на другом берегу. Огромные пироги часто курсируют по Нигеру. Здесь они называются пинассами. Борта их расписаны цветными красками, своего рода оберегами. В пинассу усаживаются до 50 человек, и еще помещается много груза. Причалив к берегу, мы расположились на краю маленького поселения и с удовольствием купались. Вечером поставили палатки у самой воды, чтобы не было

жарко, и заснули. В этих местах проживает смешанное население из бамбара и фульбе. И те и другие ночами подолгу не спят: дети играют, кричат, а взрослые часто сидят за беседой у очага.

Вообще, дети в Африке всегда вечерами дружно играют; притом они знают несчетное число игр. Но они и много работают. Около наших палаток у мангового дерева стояла двухколесная телега для ослика. Вечером ослика запрягли в телегу и уехали, а ночью мы проснулись от грохота. На телеге привезли дрова и разгрузили их одним махом на берег. Я посветил фонариком из палатки, мальчик махнул мне рукой: мол, работаем. В течение ночи поклажи подвозили еще несколько раз. Мы за путешествие ко всему привыкли, и сон наш был крепким. Утром у берега оказалась навалена гора дров. Мальчики работали всю ночь. Днем эти дрова на лодках переправляют в Сегу, а там продают для домашних костров, на которых готовят пищу. В бедных странах основная масса населения не имеет никакой другой возможности сварить еду, кроме как на костре. Леса вырубаются в третьем мире повсюду.

Сегу, Дженне, Мопти, Томбукту, Гао — старинные города на реке, и в них архитектура даже современных зданий носит печать средневекового судано-сахельского (мавританского) стиля. Каждый город имеет многовековую историю. Из истории Мали мне хочется рассказать один примечательный факт, который знают немногие. Задолго до европейских Великих географических открытий правитель Мали Абу Бакари II в 1307 году отправил большой флот в Атлантику на поиски «другого берега земли». Его преемник рассказывает нам: «...предшествовавший мне правитель решил, что нет ничего невозможного в том, чтобы убедиться в наличии противоположного берега у моря ал-Мухит (Атлантического океана). Одержимый этой мыслью и воодушевленный желанием доказать свою правоту, он приказал снарядить несколько сот судов, снабженных золотом, съестными припасами и водой в таком изобилии, чтобы все это могло удовлетворять потребности команды в течение многих лет. При отплытии он обратился к командирам со следующей речью: «Не возвращайтесь, прежде чем вы не достигнете самой крайней границы океана или прежде, чем не будут исчерпаны, ваши съестные припасы и вода». Флот пропал без вести, но через много времени вернулось единственное судно с перепуганным

капитаном, который утверждал, что корабли унесло в водоворот. «Султан не захотел поверить этому сообщению и не одобрил поведения командира. Затем он приказал снарядить две тысячи судов, из которых одна половина предназначена для него самого и его спутников, а другая — для припасов и питьевой воды. Он доверил мне правление и со своими спутниками вышел в море ал-Мухит. При таких обстоятельствах мы видели его и других в последний раз» (Т. Вrixen, 1939). Обе многочисленные экспедиции не вернулись на родину. Есть вероятность, что часть экипажа добралась до берегов Южной Америки... Известен факт, что индейский вождь Монтесума робко повел себя с первыми испанскими конкистадорами, посетившими Новый Свет. Якобы Монтесуме было известно о сильных людях Старого Света из рассказов своих предков. Не малийские ли моряки встречались с предками Монтесумы? История вряд ли раскроет эту тайну, но сам по себе факт снаряжения двух больших экспедиций через неведомый океан характеризует высокий экономический уровень средневекового государства Мали. Португальские и испанские мореплаватели отважились на такую дерзость только два века спустя. По этим экспедициям, пусть даже пропавшим, можно сравнивать средневековые страны Европы с малийским государством в Африке.

От Сегу до Мопти около 400 километров. Проезд на автобусе на этом участке стоит около 8 евро с человека. Цена не дорогая, но на пути находится город Дженне, вернее известная мечеть в городе, которая опекается ЮНЕСКО за свою необычную архитектурную форму и историческую ценность. В путеводителях об этом красочно рассказывается. Около туристского спроса организуются мафии местного масштаба. Автобусные компании билет продают по одинаковой цене до Дженне и до Мопти при разнице расстояния в 100 километров: все равно большинство пассажиров заворачивают сначала в Дженне. А от поворота, где до Дженне всего 22 километра (дорога асфальтовая), отдельно подвозят пассажиров за цену, равную стоимости проезда 150 километров по обычной трассе. На повороте, как полагается, сидят двое полицейских. Подвозит пассажиров очень нахальный водитель, как нам сказали, «без Аллаха в душе». Водитель приплачивает полицейским, полицейские помогают водителю, т. е. бизнес у них налажен. Снова на пути

бизнесмены-жулики. Можно было и не заезжать в Дженне, но там замечательный базар: торговцы съезжаются со всех окрестностей.

Африканский базар

В Дженне дорогие гостиницы. Мы устали от угнетающей жары. Нужно было отдохнуть, да и у Лены День рождения — повод заплатить за hostel с кондиционером. Поселившись задорого в бунгало, через час мы обнаружили, что в нашей комнате не прохладнее, чем под сводом небесным. Надо было идти к администратору. Оказывается, у кондиционера нет персонального пульта, и еле заметный холодок поступает во все номера централизованно из бара гостиницы. Администратор на нашу претензию просил учесть, что сервис в Африке может быть африканским. Мы попросили его принять во внимание европейскую плату за ночлег. Деньги нам вернули без возражений — верный признак того, что мы не первые попросили возврата. В другой гостинице можно было расположиться «на террасе», т. е. на крыше дома в палатке. Почему в палатке, а не под открытым небом? Недалеко река, и бодрят комарики. Малярия в этих местах присутствует тоже. Крыши домов здесь глиняные и не накаляются, как бетон или камень. Ночью стало прохладней, и мы отметили День рождения нашей мамы. У нас в семье принято дарить творческие подарки. Я пробовал силы в стихе.

Маме в День рождения!

День рождения празднуют все скучно:
Песенки застольные хрипят;
Надо ли так жить благополучно?
Думал я все время про себя.

Как бы сделать праздник необычным?
Пусть нам всем запомнится тепло!
И придумал я проект приличный,
Чтобы в Африку семью всю унесло.

Пусть нас Африка порадует загаром,
И уж чтоб тепло наверняка,
К тропикам прибавим мы Сахару
С маврами, живущими в песках...

Неужели я опять перестарался?
Надо ж, как зашкалила жара!
Мама, хорошо ведь здесь, признайся?
Или нам домой уже пора?

Мне так кажется, неплохо получилось.
Это ж настоящий юбилей!
Глянь, с жарой справляться научилась,
Ты от этого лишь нам милей.

Утром с крыши гостиницы открылось пестрое обозрение: на фоне знаменитой мечети ликовал шумный и красочный базар, собравший жителей окрестных деревень. Редкое удовольствие для фотографа: проснуться и спокойно под утренним солнцем, на фоне традиционных сахельских домиков, фотографировать людскую толчею. На крыше я разжег примус, вскипятил воду и, попивая чай со сгущенкой, телевизором не спеша ловил нужные фотокадры. Базар разрастался, играл всеми цветами, гомонил все громче и громче: по понедельникам город Дженне особенно ярко пестрит нарядами.

Что продается на африканских базарах? То же, что продавалось в Средневековье: овощи, фрукты, мясо, рыба всяких сортов, различные крупы, которые не встречаются в Европе, специи в огромных мешках. Товары продаются за деньги или обмениваются на утварь с утра до ночи. Овощи и фрукты здесь экзотические и без химических добавок. По европейским представлениям рыба, продающаяся на африканских базарах, несъедобна. Подвозят, конечно, и свежий улов, но большая часть рыбы, лежащая горами, сушеная и вывалянная в пыли, производит отталкивающее впечатление. Такая рыба африканской беднотой используется в супах или в качестве жвачки, помогая организму избавиться от авитаминоза и утолить крайний голод. Крупами разных сортов (рис, кукуруза, пшено, просо, сорго),

зерновыми, бобовыми культурами, специями и маниокой африканские базары особенно экзотичны. В каждом дворике обязательно есть ступа для перемалывания крупы. Ремесленники из деревень привозят на базар свои изделия: топоры, мотыги, кованые гвозди для лодок, посуду из тыквы (калабасы); ткачи продают яркие ткани. На базаре можно увидеть череп обезьяны, клешню крокодила, шкурки и копыта животных; продаются также всевозможные порошки, мази в комочках неизвестного состава. Предубеждения Средневековья живут здесь в полную силу: гадают на судьбу колдуны, лечат необычными снадобьями знахари. Их товары тоже можно купить на базаре. Мы видели одного колдуна в наряде, обшитом множеством ремешков, шнурков и каких-то косточек. Его окружали зеваки, которым он предлагал купить лечебные порошки. Лицом он не показался мне интересным, тем более что лиц с яркими характерами на таком базаре встречается довольно. Весь день по рядам снуют покупатели, которые совсем не спешат делать покупки. Базар — центральное место; здесь не только торгуют, но и общаются, узнают местные новости, встречаются с родственниками и знакомыми. Кругом все пестрит одеждами и шумит до самой ночи.

Исследование реки Нигер

Нигер — главная водная артерия страны — и играет первостепенную роль в жизни малийцев; он для них то же, что для россиянина XIX века была Волга. Третья по величине река Африки прославляется эпосом у многих расселившихся по ней народов. Исследование европейцами внутренних областей Африки начиналось с великих рек. Конго, Нил, Нигер, Замбези — каждая из великих рек имела свои загадки. Нигер отличается от других великанов тем, что он течет не из глубины материка и в своей середине разбегается на многочисленные рукава, образуя огромную внутриматериковую дельту. Внутренняя дельта упирается в Сахару; объем воды в реке резко уменьшается из-за испарений, и она, будто испугавшись, резко поворачивает на юг к тропическому гвинейскому побережью. Южнее Ниамея Нигер принимает три крупных притока: Сокото, Кадун и Бенуэ, которые отсюда вместе с тропическими дождями образуют могучий поток. Дельта реки сильно выступает из материка

своими плодородными наносными почвами. Когда-то Нигер не имел стока в море, и его воды образовывали озеро в Сахаре на месте современных песков Эль-Джуф. Это было озеро, похожее на Чад, но еще больших размеров. Другая река десятки тысяч лет назад текла из Сахары (нагорье Ахаггар) и шла путем современного нижнего течения Нигера. Сахара иссушила прежние водопады, а Джолиба и Кворра — древнейшие реки — перехватили друг друга во времена разливов и образовали современное течение Нигера.

Арабские работорговцы, купцы, авантюристы раньше европейских исследователей передавали противоречивые сведения о Нигере. Реку считали верхним течением Нила, истоком Конго, притоком пустынного озера Чад. О реке было известно с глубокой древности от Геродота, Птолемея; по ней плавал знаменитый арабский путешественник Ибн-Баттута (1304—1377), достигший города Томбукту. Края вблизи Нигера красочно описал Лев Африканский.

К концу XVIII века Англия, соперничая с Францией в колониальных захватах, стала направлять экспедиции по рекам вглубь африканского континента. Первых исследователей ждали в лучшем случае неудачи. Погибли от болезней и бандитов Джон Ледьярд, Фредерик Хорнеман, Хаутон; путешественник Лукас вернулся безрезультатно и тяжелобольным. Шотландец Мунго Парк, врач по профессии, отправился скудно снаряженным с несколькими чернокожими проводниками, чтобы увидеть Нигер. Он и его спутники в пути испытали много превратностей и в конце концов попали в плен к работорговцам. Парк бежал в истощенном состоянии и снова направился к Нигеру — своей мечте. Пожалуй, он бы погиб, но ему помогли африканцы, такие же, как он, беглецы от работорговцев. Скитаясь с ними, путешественник все же вышел к реке... Истощенный нищетой и скитаниями, Парк с трудом вернулся домой. Второе его путешествие было богаче оснащено. Он добрался вновь до реки Нигер, проплыл по ней около 2,5 тысяч километров и погиб в одной из многочисленных стычек с местными жителями. Участники его экспедиции тоже погибли от ранений и болезней. Моффат и Смес пытались пройти Нигер с устья, но по ошибке ушли в реку Бенин. В 1831 году Ричард Лендер прибыл к порогам Бусы и с хорошо снаряженной командой прошел реку до устья. Лендер разгадал загадку Нигера и более того, вернулся второй раз к реке, чтобы пройти

Бенуэ — самый могучий приток реки. Но его постигла жестокая неудача. Он погиб от изнурения и ранений, не добравшись до дома, как и многие его предшественники.

Африка, как и прежде, пугает цивилизованный мир эпидемиями, межплеменными войнами, криминалом, но великую реку сегодня все же видят многие европейцы. Нигер почти на всем протяжении судоходен, в отличие от других крупных рек Африки, где много порогов и высоких водопадов. От порта Коликоро (60 километров от Бамако) до Томбукту ходят огромные пироги, вмещающие до сотни человек с грузами. Популярным плаванием у немногих туристов считается маршрут от Мопти до Томбукту (Тимбукту), который преодолевается за пять-шесть дней на лодках, называющихся пинассами. Суда, идущие по Нигеру, бывают разных размеров и ярко раскрашены. Чтобы уплыть в Томбукту быстрее, нужно не спешить, торговаться с капитанами и судовладельцами, побродить пару дней у диковинных корабликов, которые стоят за городским причалом, и тогда наверняка подвернется оказия. Можно даже бросить палатку на ночлег у одного из суден и вечером с африканскими аргонавтами посидеть у костра. Многие из них днями и неделями обитают на берегу или в суденышках, являясь транзитными пассажирами при своих грузах. Полезно и с ними познакомиться: Африка открывается постепенно. Пока организуется плавание, придется о многом спрашивать; выяснится, что судно, на котором гарантировалось отправление завтра, тронется в путь на несколько дней позже, и неожиданно вас прихватит баркас, набитый людьми и заваленный мешками. Много лет назад я именно так добирался до Томбукту. Никто в лодке не будет докучать вопросами: каждый сидит и думает о своем, глядя на водную гладь. Вы будете сетовать, что попали в страну не в лучший сезон, и в другое время удалось бы добраться в Томбукту быстрее. Все не так. В любой сезон добираться нужно долго. Но на лодке, когда мимо будут проплывать берега с мелкими деревушками, вы вдруг почувствуете, что уже знаете страну и любите ее. Путеводители обычно рассказывают о рыбаках-кочевниках бозо, которые временно селятся возле рыбных мест. Но в действительности огромную внутреннюю дельту Нигера населяют почти все народности Мали. Да и лодку в плаваньи наполняют разноплеменные малийцы.

Несколько дней плавания покажутся вечностью. С утра забирают внимание новые берега; вечером можно читать книгу, писать пропущенные страницы дневника. Днем будет давить жара, нестерпимо почувствуется тесное пространство лодки: сидение на тюках утомительно. Судно ночью прибывает в город мечты — наверное, потому, что город хотелось встретить днем. И хорошо, что ночью. Томбукту — история и слава Мали — больше других примечательных городов оброс туристским паразитством, и на другой день из него хочется уехать. Но куда? Пробираться в Гао сложно и по реке, и по дороге, а из Гао вряд ли удастся попасть в Ниамей (Нигер). В Гао еще шесть лет назад работали российские вертолетчики, но почти из всей Африки теперь наши пилоты вытеснены и, кроме Египта (изредка в Анголу), уже никуда не летают. Придется возвращаться долгой дорогой обратно. В нашей семейной поездке мы не решились плыть в Томбукту, потому что рисковали не успеть на самолет из Буркина-Фасо в Марокко. К тому же мы почти год в пути и устали от дорог: всю Африку не объять и за жизнь.

Догоны

В стране догонов мы прошли трехдневный маршрут. Бандиагарский уступ — интересное скальное образование, обрывающееся на юго-восток. Уступ разной высоты тянется около 250 километров; во многих местах он разрезан глубокими каньонами, продырявлен пещерами и естественными туннелями. Около догонских деревень выступают скальные башни, огромные одинокие «пальцы», громадные валуны. Ниже деревни, в довольно широких расщелинах, аккуратно устроены поля крестьян. В каньонах, пропадающих в базальтовых скалах, плодоносят деревья манго. Эти рощи совершенно не видны на плато, и сам каньон обнаруживается внезапно, если подойти к пропасти. Каждый участок Бандиагарского обрыва выразителен по-своему, и по обрыву вполне можно ориентироваться. Карт для пешеходных маршрутов, разумеется, не найти. Они отсутствуют не по бедности государства, а по настоящему турфирм. Туристы не должны ходить самостоятельно. С них должна быть прибыль: на этих ландшафтах нередко встречаются группы, гуськом

шествующие за гидом. Маршрут мы прошли самостоятельно, но потом в туристской деревне за нами увязался гид, и я во второй раз наступил на одни и те же грабли: поскандалил с гидом, как и десяток лет назад. Наш конфликт разбирали деревенский староста, председатель гидов, мулла и еще двое почтенных представителей. Суть конфликта в том, что мы не на поводке у гида, а сами бродим, где нам угодно. Я попросил показать документ, обязывающий туристов брать гидов. Таких документов, конечно, не оказалось. Конфликт исчерпался, но разговор был не коротким и на высоких тонах.

Особенность догонов состоит в том, что они расселились в замечательной местности, у них своеобразные жилища и уходящие в прошлое обряды и традиции, о которых с восхищением написали европейцы. Что написано пером, не вырубить топором, и туристы в Мали в первую очередь едут к догонам. Тем, кто едет дальше, в Буркина-Фасо, даже не объехать их. Нам нужно было попасть в Уагадугу, а значит, не миновать навязчивой туриндустрии. Мы покорились судьбе. В оторванной от мира глуши туризм, как следы оспы, действует разрушительно. По представлениям европейцев, африканцы должны поклоняться мистическим силам, совершать жертвоприношения, плясать у костра и ходить в набедренных повязках. Этим представлениям угождают турфирмы и гиды. Сами же догоны уже давно ходят в джинсах, юноши в наушниках слушают рэп на французском языке, а вечерами смотрят по телевизору американские боевики. Даже в деревнях, где нет электричества, молодежь предпочитает традиционным танцам трансляцию футбольного матча по приемнику на батарейках. Чтобы посмотреть своеобразные сохранившиеся строения, прижатые к скалам, и послушать рассказы о верованиях народа, у догонов есть гиды — одни из самых приставучих в мире. Гиды просят много денег за то, чтобы провести туриста к развалинам, находящимся совсем рядом с гостиницей, и навязчиво контролируют каждый шаг иностранцев. На самом деле в стране догонов больше, чем особые жилища с кладбищами, запоминаются голодные дети, бегающие около туристов. Так же запомнятся нахальные владельцы отелей, которые изо всех сил стараются расселить туристов, накормить их и напоить колой, навязать несколько туров, и вообще постоянно вымогают деньги за сервис.

Завлекать клиентов в туры помогают турфирмам мистические бредни об африканских племенах. Без ссылок на источники в лощеных журналах публикуется отсебятина об особых познаниях догонами космоса. Я, например, читал о планете Сириус, про которую якобы сегодняшние астрономы могут рассказать меньше, чем «предания племен». Как тут не поехать в дорогой тур к загадочным догонам? Туристы, которых содержат в дорогих отелях, часто испытывают неловкость перед африканской нищетой. Они раздают местным жителям дешевые подарки для успокоения собственной совести. Подачки развращают африканцев, и в местах концентрации туризма все становятся попрошайками, особенно дети. В этом смысле для бедных стран, а их большинство, туризм разрастается еще в одну беду. Беда, конечно, не в самом стремлении иностранцев путешествовать, а в шкурно-коммерческом характере турбизнеса.

В раскрученные коммерцией места едут под стать такие же жирные туристы. И удивительно, как завернуты у них мозги. Они едут в беднейшие страны и в упор не видят африканских бед. Господа едут туда отдыхать. Чтобы им не было скучно, их забавляют экзотикой: обрядами, похоронной мистикой и танцами.

Основное население Африки мало интересует туриста, ему нужны загадочные племена. В Мали самый многочисленный народ бамбара, но туристы едут к догонам. В Эфиопии все говорят на амхарском языке (амхарцев 20 миллионов человек), но европейцев реклама увлекает в низовья реки Омо, где несколько мелких племен показывают за деньги изуродованные пластинами губы и носы. Туареги соседствуют с арабами, но арабов много, и любознательный паломник устремляется с чемоданом в руках в оазис к бедуинам. В Намибии иностранец смотрит в первую очередь на полуобнаженных женщин хембу, мужа которых одеты в джинсы, поскольку на них никто не заглядывается. Джипы с туристами колесят по Калахари в поисках бушменов, которых не видят даже коренные ботсванцы. В Танзании больше 100 народностей, но туристы замечают только масаев, фотографирующихся не дешевле, чем за 5 долларов. В Руанде случилась страшная война между народностями хуту и тутси, но белому мистеру интересней там пигмеи, охотящиеся из лука. Турист гоняется за чудесами и экзотикой и не замечает течения самой африканской жизни. Он увлечен своими подвигами (гляньте

на него: аж к племенам забрался) и, сам того не подозревая, тренирует в себе поверхностный мещанский взгляд. В этом ему помогает интернет. Человеческий взгляд на Африку, безусловно, встречается тоже. И он бы встречался чаще, если бы туда ездили не только при мороженные толстосумы, но и люди с живым интересом, которым за неимением средств дороги туда закрыты (только 17 % россиян имеют заграничные паспорта).

Африку почти всегда преподносят туристу в экзотическом или мистическом ракурсе, хотя она удивительно богата многими не нафантазированными гранями, в том числе историей и памятниками культуры.

Наиболее известные африканские исторические центры

Я хочу коротко перечислить основные африканские культуры, которые знали Древний мир и Средневековье. Социальная жизнь континента всегда была очень сложна — вопреки распространенному мнению о первобытной дикости африканцев. В эпоху развития рабовладельческих государств одной из древнейших культур на земле являлась цивилизация Древнего Египта. Финикийцы, греки, карфагеняне и римляне расселились по африканскому Средиземноморью, а финикийские мореплаватели, находясь на службе у египетского фараона (около 600 года до н.э.), совершили беспрецедентное для своего времени плавание — обогнули весь африканский континент. В верховьях Нила и на территории современной Эфиопии возникли крупные государства Мероэ, Аксум, Напата, город-государство Адулис. В Западной Африке очень рано возникают государства Гана и Ифе. В начале нашей эры бантуязычные племена огромными потоками начинают свое «великое переселение народов» из тропической части, расселяясь широко по матерiku. Еще одно переселение народов совершают по Индийскому океану мальгаши из Индонезии. Великое плавание азиатов Малайского архипелага, ставших затем африканцами, до сих пор удивляет ученых. Караванными путями внутренняя Африка и ее крупные государства по Нилу были связаны со средиземноморскими азиатскими цивилизациями. Богатая литература греков и римлян оставила европейцам, вновь

открывающим мир, удивительно много достоверных рассказов о древней Африке.

Развитие государств на африканском континенте в средневековое время значительно усложняется. Арабский Халифат разрастался во все края, захватывая средиземноморские поселения (Александрию, Триполи, Тунис, Алжир, Сеуту). Халифат скоро испытал характерную эпохе феодальную раздробленность, и на северном побережье Африки образуются, сменяя друг друга, арабские княжества Альморавидов, Зайянидов, Хафсидов. По этим же краям движутся новые потоки арабов-переселенцев, которые расселились по Средиземноморью и по всей Сахаре, отчасти смешиваясь с коренным берберским населением. Спустя века вслед за арабами северо-восточную Африку покоряют турки-османы. Южнее Османской империи располагались крупные государства Эфиопии (Лалибела), Сенара, Дарфура, которые поддерживали торговлю с Йеменом, Каиром, Меккой и государствами Западного Судана.

Западная Африка (Западный Судан) на огромных пространствах таила довольно самобытную жизнь многочисленных государств, главными из которых были Гана, Мали, Сонгаи, Сегу, Фультбе, города-государства Хауса, Канем-Борну на озере Чад, а также государства Нижнего Нигера и Вольты (Йоруба, Бенин, Нупе, Моси, Ашанти, Дагомей). Караванные пути на верблюдах через Сахару связывали Западный Судан с Магрибом, а через него со всем остальным миром. Великий арабский путешественник Ибн-Баттута (1304—1377) этим путем прибыл в город Томбукту и другой дорогой вновь пересек Сахару, оставив замечательные описания средневекового Мали. Средневековое малийское государство имело огромные размеры и выходило широко на побережье Атлантического океана.

В Центральной Африке, спрятанной в тропических лесах от остального мира, с XIV — XVI веков возникают государства бантуязычных племен (Конго, Луба, Куба, Лунда). С этих пор известны города глубинной Африки Канда-Канда и Табора. В Восточную и Юго-Восточную Африку с X века прибывают арабы, персы, индийцы, устраивая свои фактории в Могадишо, Момбасе, на Занзибаре, в Мозамбике, а также проникая вглубь материка (Табара, Зимбабве, остров Мадагаскар). Потомки переселенцев из Азии, особенно арабы и индийцы, сейчас проживают почти по

всей Африке; они бойкие торговцы и часто влиятельные в местном бизнесе люди. Между Замбези и Лимпопо в XIV веке в глубине континента возникло сильное государство Момотапа со столицей Зимбабве. Археологические остатки своеобразной крепости Зимбабве, выложенной циклопической кладкой, — главная туристская достопримечательность страны. На Мадагаскаре развилось Мальгашское государство до прихода европейцев. Исключая некоторую часть Сахары, пустынный Африканский Рог, ливневые джунгли Конго, солончаки Калахари и пустыню Намиб, по всей Африке в средневековую эпоху возникали и развивались государства.

Историческое развитие материка надорвалось тогда, когда Европа вырвалась вперед, подминая под себя весь остальной мир. Африке досталась самая ужасная судьба — работорговля и удушьяющие формы колониализма, надломившие творческие силы ее народов. Работорговля унесла из Африки сотни миллионов наиболее здоровых людей, нарушив естественное социальное развитие народов и вызвав деградацию многих государств. Колониализм придавил ее развитие, как развитие раба. Современная экономическая зависимость в качестве сырьевого придатка тоже не дает Африке никакой возможности освободиться от пут капитализма богатейших стран.

Еще одна граница

При выезде из Мали в Буркина-Фасо пограничники с обеих сторон изрядно помучили всех пассажиров. Автобус формируется в поселке Коро; в деревне Кири ставится малийская отметка, а через 15 километров тщательно все проверяют, в том числе и багаж, пограничники и таможенники Буркина-Фасо. Далее 70 километров автобус везет всех пассажиров до городка Уахигойи. Весь большой переезд с контролем на обеих границах выполняется на одном автобусе. Другой возможности нет — об этом позаботилась пограничная мафия. В наших паспортах пограничникам Мали не понравилось то, что все трое детей записаны у меня. Я утвердительно сказал, что по российским законам дети должны быть записаны у отца как у главы семьи, и от меня отстали. Но большинство пассажиров нашего автобуса задержали на два часа: непорядок с документами. Пассажиры

криком доказывали, что документы в норме, а пограничникам они не нравились. У каждой стороны своя правда: паспортные столы признают международные медкарточки вместо паспорта для переезда в соседнюю страну, а пограничники не признают. Пограничники предложили компромиссный штраф, примерно 10 долларов с человека; пассажиры посчитали это нахальством. Идет соревнование: кто кого пересидит. Пограничники на работе: они не спешат; чтобы их подбодрить, пассажиры достают своих мучителей новыми скандальными натисками. Через 2 часа обе стороны договариваются на 5 долларов, и пассажиры «законно» пересекают границу. Мы тоже с облегчением покидаем границу — надоело быть туристами в стране догонов.

После нашего путешествия

Два года спустя после нашей африканской одиссеи Даша в свои школьные каникулы уже одна полетела в Мали. Она подрабатывала в течение года в доме престарелых, чтобы накопить деньги на билет. В семье Катиле в Бамако ее встретили как родную. Снова Африка и ее подружки Люба и Оля — дочери Оксаны, с которыми она переписывалась. Но мы (как строгие родители) попросили Оксану, чтобы Даша прошла практику в детском саду у «мадам Катиле». Практика в Мали — здорово же! К тому же у Даши капризный подростковый возраст: пусть сравнит жизнь в Германии и в Африке. Все получилось хорошо, и домой после каникул дочь наша вернулась хоть и с противоречивыми впечатлениями, но сбросив инфантильность.

Через два дня в Мали случился военный переворот, и Даша, не очень понимая, что произошло в мире, благополучно прилетела домой... Еще два года спустя Люба и Оля смогли первый раз в жизни выбраться из Африки за границу. Они на лето летали самостоятельно к бабушке в Подмоскowie и еще на три недели задержались погостить у нас в Германии. Притом на две недели попали в поход по Альпам, который я организовывал с группой школьников. Близкое знакомство с семьей Катиле заставило нас особенно внимательно следить за событиями в Мали после переворота, которые уже несколько лет разворачиваются в сторону полного хаоса и разрушений в стране.

Почему произошел переворот в Мали? Интернет-сайт «Военное обозрение» следующим образом трактует это событие:

«Операция в Мали французского военного контингента против исламистов прошла как-то быстро и безболезненно... конфликт разыгран для легального нахождения французской военной силы в Мали. Контроль Мали дает возможность поправить Франции свои финансовые дела за счет полезных ископаемых — геологические исследования позволили установить, что недра Мали таят в себе разнообразные полезные ископаемые: золото, алмазы, бокситы, руды железа, марганца, полиметаллов, молибдена, меди, урана и т. д, а также многие нерудные ископаемые, главным из которых является золото. А также контролировать с юго-запада Алжир, который давно уже имеет проблему с исламистами и, похоже, следующий на очереди. Алжир занимает ведущее место на материке по запасам ценного минерального сырья. Здесь добываются такие полезные ископаемые, как нефть, природный газ, фосфаты, железная руда, цинк, уголь, ртуть и другое рудное сырье... Что же мы наблюдаем, как не новые колониальные войны, замаскированные под демократическим соусом?»

Более емко о подобных событиях рассказывает книга канадской журналистки Наоми Кляйн под названием «Доктрина шока». Исследование построено на основе раскрытых секретных документов ЦРУ и других источников, появившихся в результате больших политических и финансовых скандалов, в которых показываются сегодняшние технологии зарабатывания миллиардов долларов на империалистических войнах, принудительных финансовых займах и организованных катастрофах. Все факты потрясающие, и их секретная завеса открывается из-за несогласия в дележах между крупнейшими империалистическими воротилами мира. Можно вообразить, какая открылась бы клоака, если рассекретить все документальные материалы большого бизнеса, скрещенного с мировой политикой. Война в Ираке, давний израильский конфликт в Палестине, развал СССР с обнищанием его народов, катастрофы бедных стран и многие другие недавние события раскрываются на основе документов. Книга фактическим обличительным материалом составляет эпоху в социологической науке. Вряд ли россияне (да и не только россияне) широко о ней знают. Народы так мастерски

одурачиваются всеми средствами, что даже грамотность и образованность в наш век мало что значат. Образованные слои читают душевнобольные триллеры и фэнтези, отражающие, между прочим, духовный кризис человечества и общий упадок культуры.

Елена

29.03.2009. Вчера заехали в Мали. Надо сказать, для здешних условий мы путешествуем на этот раз комфортно и без проблем. Мавритания и Мали — очень спокойные страны. В Мавритании мы с Дашей слегка утомились от постоянного ношения платков. Не то что бы нас кто-то заставлял, но все же в таком обличье нас принимали за мусульман и мы привлекали меньше внимания, особенно наша блондинистая Даша. Как выяснилось, ее все принимали за девушку на выданье, и мы неоднократно получали предложения отдать ее за кого-нибудь замуж. Самых неумных Володя грубо отгонял. В Мали ислам совсем нестрогий. Африканцы воспринимают его на свой разноцветный лад. Женщин, закрытых с головы до ног, здесь мало, поэтому мы вздохнули с облегчением.

Ниоро — ничем не привлекательный город. Но после унылых сахарских поселков мне очень нравится здешний гомон и пестрые наряды мужчин и женщин. Люди очень приветливы. Мы поселились в частных комнатах в центре города. Из окна нам открывается интересное зрелище: под навесом дородная африканка продает обеды. У нее большие кастрюли с рисом, подливками, тушеными овощами, мясом. Недалеко топчутся мальчишки с пустыми консервными банками в руках, ожидая остатков пищи. Африканка покрикивает на них и на девушку, которая ей помогает и принимает деньги. У нее все время сердитый вид, но мальчишки неизменно получают от нее остатки пищи. Порция риса с подливкой стоит 50 центов, а с мясом — 1 евро. Народ предпочитает питаться в таких уличных забегаловках, а не готовить дома. В ресторане такая же порция стоит около 5 евро. Мы тоже ходили обедать к нашей грозной соседке. Пища оказалась свежей, горячей и вкусной. Терраса нашего дома выходит на основную улицу. С нее начинается и центральный рынок, и вся жизнь города. На этой улице гуляют,

торгуют, глазают, отдыхают, едят и общаются. После обеда мы тоже отправились поучаствовать в местной жизни. Рынок в этом маленьком городке богаче мавританского: больше овощей и фруктов, а в лавках много разнообразных товаров. Мавритания показалась мне скупой на товары, если не считать пары больших городов, вроде Нуакшота, но благодаря ее патриархальности мы не видели голых и голодных детей.

01.04.2009. Бамако, столица Мали, напоминает добрый провинциальный город. Люди не торопятся, открыты и дружелюбны, с удовольствием и от души помогают. Мы поселились в старом центре на территории католической миссии. Условия жизни просты: комната, веранда, вентилятор, душ. Машин в центре гораздо меньше, чем в других частях города. Улицы здесь неширокие, и кажется, что эта часть города живет своей размеренной жизнью. Все друг друга знают, с часу дня можно купить где-нибудь на улице готовый вкусный обед. Ближе к вечеру где-то на соседней улице готовятся шашлычки. А в близлежащей лавке быстро запомнили, что мы любим их кефир. Тут же играют детишки, кругом уйма всяких ремесленных лавок. Малийские женщины носят красивые летние костюмы: юбка с блузой. Везде много швейных мастерских. Вот и у нас с Дашей глаза загорелись: не сшить ли нам по костюмчику? Если пойти из центра на восток, то попадаешь на рыночные улицы. В городе нам достаточно часто встречаются русскоговорящие люди. По статистике, в Советском Союзе выучились около 10 тысяч малийцев. Вчера нас подвозил какой-то шофер, который потом сказал, что он с друзей денег не берет (он учился в России). Приятно, конечно, что твою страну хоть где-то любят. Большинство членов нынешнего правительства и президент тоже выучились в Советском Союзе. Сейчас, конечно, малийцы едут получать образование в страны Европы. Но это стоит денег. В Советском Союзе граждане Мали учились по специальной программе бесплатно.

Вчера ездили на мост посмотреть на реку Нигер. Река судоходная, но нас угораздило приехать сюда в самое жаркое и сухое время. Река хоть и широкая, но сейчас сильно обмелела. А сухой сахарский ветер доносит даже сюда мелкую песчаную пыль, которая висит в воздухе день и ночь, так что ясной погоды почти не бывает, все в дымке. Температура в тени сейчас около 40 градусов. Мы спасаемся

под душем и периодически надеваем на себя мокрые вещи. Но все это как-то не омрачает нашего пребывания здесь. Двигаемся мы, конечно, медленнее и спим дольше.

03.04.2009. В Бамако судьба свела нас неожиданно с прекрасными, душевными людьми. Многие малийцы учились в бывшем Советском Союзе. Кто-то привез с собой жен. К этому маленькому островку русской жизни и прибило нас. Две женщины — Оксана и Светлана — живут здесь со своими мужьями и детьми. Мали, колоритная страна с дружелюбным народом, является в то же время одной из самых отсталых стран мира. Наверное, жизнь многих женщин в провинции или российских деревнях не менее тяжела и похожа на африканскую. Но жить в Африке среди чужого народа, без родных и близких, научиться понимать и принимать этих людей с их достоинствами и недостатками, чужой культурой и религией, найти свое место в обществе и не потеряться при этом — вот что удалось этим женщинам. Они не только смогли устроиться и подняться в этих непростых условиях, но и ведут активную социальную жизнь, дают хорошее образование своим детям и воспитывают их, приобщают к русской культуре. Эти женщины любят страну, в которой живут, и пытаются помогать ее людям и своим соотечественницам по мере своих сил.

Оксана имеет троих детей. Старшенькой, Любаше, уже 13 лет. У нее взрослый взгляд и глубокие глаза. Оксана с гордостью говорит, что на Любу она может оставить дом. Оле 11 лет, а маленькому Ванечке 2,5 года. Живет семья довольно скромно, но дети учатся в хороших школах, и девочки не огорчают родителей. Любаша — первая ученица в школе. Жизнь Оксаны складывалась нелегко. Она приехала сюда за любимым мужем. Сначала все было похоже на сказку или туристическую поездку в экзотическую страну. Родственники мужа живут в деревне, в 400 километрах от Бамако. Муж, Лассин, говорит, что у него четыре мамы, потому что у отца было четыре жены. Старший брат живет в Бамако. Вернувшись после учебы домой, Лассин долгое время не мог найти работу, и жить молодоженам пришлось в семье брата. Родилась Люба, и Оксана часто плакала, оттого что была одна со своей дочкой. Заработка хватало на первые две недели, а потом приходилось выпрашивать продукты в долг в лавках. Брат помог Лассину найти работу, но

денег все равно не хватало. Через два года родилась Оля. Как-то раз Оксана зашла в один из детских садиков и ужаснулась: четыре голые стены и песок. Детки целый день находятся на солнце. Не то что в наших детских садах... «Не должно так получиться, чтобы мои дети росли в таких условиях!» — мелькнуло в голове. В Мали детских садов очень мало. Люди живут патриархально, дети растут на улице. Чтобы поддержать семью, Оксане необходимо было начинать работать. Но что же делать с двумя крошечками? Родилась идея создать детский сад. Сначала он был маленький и скромный. Лассин поддержал жену в ее начинании, и общее дело встало на ноги. Когда мы были у них в гостях, Оксана с гордостью показывала свое детище. Уютный тенистый сад с обустроенной детской площадкой. Группы с мебелью и игрушками. Учебные планы и пособия по обучению. Язык обучения — французский. Привычно для нас? Но для Мали — большое дело. Многие родители хоть и отправляют детей в детский сад, но не понимают, как важно дошкольное обучение. Оксана педагогического образования не имеет, но в душе и по делам она настоящий педагог. У нее работают четыре дипломированных специалиста, с которыми она строит работу.

Дети, идущие в школу из ее детского сада, после тестирования часто попадают сразу же во второй класс частных французских школ. Оксана мечтает о своей собственной школе, но денег на дополнительные помещения пока нет. В детском саду сейчас 70 детей, три возрастные группы. Мадам Катиле (Оксану) знают, уважают и любят многие. Она живет не только заботами детского садика. При российском посольстве существует школа, куда по воскресеньям приходят дети изучать русский язык и культуру. Оксана и здесь принимает активное участие. Ее дети не только посещают школу, но она сама здесь преподает и ведет уроки творчества, организует праздники. Оксана мечтает о создании крепкой организации малийских жен из России для оказания поддержки этим женщинам. С грустью говорит она о том, что многие не выдержали этой жизни, сломались, опустились. Им бы как-то помочь... Она везде находит единомышленников. А еще Оксана увлеченный фотограф...

Вместе с другой женщиной, Светланой, она пытается осуществить проект организации медицинской помощи деревне. Я возражаю ей, говоря, что здесь нужно реформировать всю систему

здравоохранения. Оксана и сама это хорошо понимает, но настаивает: «Помощь людям нужна сейчас». Она собирает для этого средства, стучится в двери президента и министров, которые обещают помочь. А обещанного, как говорят, три года ждут. Но Оксана не унывает.

Мы провели два незабываемых вечера в русской компании, в обществе знакомых Оксаны. Их судьбы не менее интересны. Всех их объединяет глубокая русская душа. Вместе они участвуют в организации русской школы и мечтают о восстановлении Русского культурного центра в Бамако. Наташа — дочь белоруски и кубинца — вышла замуж за малийца. Сейчас у нее четверо своих и четверо приемных детей. Подруги говорят, что она лучше всех интегрировалась и не потеряла себя. Ездит, как многие малийцы, на мотоцикле. Если в Бамако что-то кому-то нужно найти, то лучше спросить у Наташи. О ней в шутку говорят, что она вернулась к своим африканским корням. Нас встретила женщина африканской наружности с русским эмоциональным лицом, мимикой, жестами. Было очень удивительно говорить с ней на русском языке. В этом обществе она чувствует себя комфортно.

04.04.2009. Из Бамако мы отправились в Сегу. У нас осталось не очень много наличной валюты. Половину дня потратили на поиски банка, который мог бы выдать нам деньги по кредитной карточке (Visa), но не нашли. Даже самый крупный банк немецкую карту принимать не хотел. С подобным явлением мы уже сталкивались и в других африканских странах, но в столицах автоматы все же работали, т. е. были подключены к общей системе банков. Здесь же банкоматы выдают деньги только по внутренним малийским кредиткам. Придется экономить наличку.

Автобус в Сегу стоил недорого и доехал за 4 часа. Попали мы на него в самую жару. Ни одно окно не открывалось. Температура в салоне была, наверное, как в хорошей сауне: градусов около 60. Сразу показалось только немного душновато, но за 4 часа мы пропотели по-настоящему.

Сегу — интересный городок на берегу Нигера с оригинальной архитектурой. Мы направились прямо к рыбакам. Улицы застроены глиняными домами-мазанками с небольшими внутренними дворами. На набережной несколько сооружений покрашены в

типичный для Мали яркий красно-коричневый цвет и выглядят даже нарядно. В сезон в город приезжают немало туристов, поэтому кругом продаются разнообразные сувениры, которые делают в близлежащих деревнях. Улицы Сегу широки и просторны, но не заасфальтированы. Детишки привычно играют в футбол, салочки и какие-то другие игры.

На набережной Нигера с утра кипит жизнь. Одни лодки плывут на противоположную сторону, другие возвращаются оттуда груженные. Девушки моют чаны с посудой, трут их песком и стирают кучу одежды. Мужчины везут сюда строительный материал: дрова с другого берега и песок, извлеченный со дна реки. Нигер в это время года мельчает, и песок добывать легко.

Переезд на общей лодке стоит всего 30 центов, и мы отправились на другую сторону. Там находилась маленькая рыбацкая деревня с очень дружелюбным народом. А детишки были и вовсе нам рады. Кругом росли манговые деревья. Нам здесь понравилось, и мы решили переночевать и искупаться в Нигере. Остановились в стороне от деревни. Люди вели себя ненавязчиво. Лишь изредка приходили детишки и поглядывали на нас со стороны. На закате разбили палатки и улеглись, немного почитав книгу Анри Лота об исследованиях Сахары. Ночью, вернее с половины четвертого утра, нас периодически будили скрип телеги и грохот сгружаемых дров. Володя выходил посмотреть. Оказывается, ночью мальчишки откуда-то возили дрова и сгружали их кучами на берег, чтобы утром переправить на другую сторону реки. Еще вчера я обратила внимание на необычайную серьезность в глазах 10–11-летних детей. Здесь дети начинают помогать, как только они в состоянии осознанно что-то делать. Можно наблюдать мальчиков и девочек где-то с 5-летнего возраста, моющих посуду или стирающих со своими старшими братьями и сестрами. С 7–8-летнего возраста дети уже подметают, носят грузы, торгуют и т. д. А 10-летних уже, кажется, никто и не воспринимает как детей. Они самостоятельно возят дрова, управляют лодками, повозками с ослами; при этом мне показалось, что об их пропитании никто не заботится. Те мальчишки, которые не имеют работы, ходят после 11 дня по городу с маленькими пластмассовыми ведерками и ждут, что кто-то им оставит поесть. За нами тоже увязался один такой тихий и серьезный. Он ничего не

говорил и не приставал. Мы подошли к месту, где готовилась еда, и взяли две порции риса с подливой и рыбой. Вдруг вижу: стоит все тот же мальчик в стороне и тихонько делает мне знаки. Я кивнула и подвинула ему тарелку. Он медленно подошел к столу, взял ложку и аккуратно переложил еду в свое ведерко. Помыл руки, спокойно съел свою порцию, вымыл ведерко и руки и отошел в сторону. Когда мы уходили, он с деловым видом догнал нас и в благодарность пожал каждому из нас руку, а затем удалился.

07.04.2009. В Средние века Мали было важным торговым и культурным центром. Дженне — один из главных городов на транссахарском караванном пути. Он известен старинной глиняной мечетью, около которой по понедельникам проходит яркий базар. Половина территории Мали занята пустыней. На севере страны находится Сахара с оазисами. На западе границу омывает река Сенегал, а на юге — Нигер. Большинство населения живет в южной части, в саванне и Сахеле. Климатические зоны сменяют одна другую — от пустынной в Сахаре до влажной тропической на юге страны. Тимбукту, Дженне, Сегу — города, в которых родилась неповторимая «суданская» архитектура. Мечети здесь строятся из смеси глины, соломы и навоза. Стены постоянно обновляются, так как их размывает дождями и разрушает ветром, но технологии строительства сохраняются.

Мой День рождения отметили в Дженне. Этот исторический город находится под охраной ЮНЕСКО. Главная мечеть города — его гордость. Сюда лучше приезжать по понедельникам, потому что в этот день в городе собирается базар, на который приезжают люди со всей округи. Мы тоже спешили попасть на это зрелище. Без приключений, конечно, не обошлось. Ехали мы все время спокойно и дешево в общественных автобусах. Добрались до поворота на Дженне. Оставалось всего каких-то 20 километров, а они оказались дороже, чем все расстояние, которое мы уже проехали по Мали. Водитель машины, видя, что мы не соглашаемся ехать за такие деньги, скинул цену, но с условием дождаться других пассажиров, которые, скорее всего, и не набрались бы. Володя стал останавливать редкие попутки, но тут заметил, что жандарм и водитель автобуса все время что-то говорят шоферам в машинах, и те не берут нас. Э-э, да тут все схвачено! Мы взяли рюкзаки и пошли

пешком, чтобы отойти от «доброжелателей». Вечерело, машин было мало, тот же водитель догнал нас и предложил ехать на тех же условиях. Володя сказал, что пусть он наберет людей, а мы подсядем, когда он поедет. Автобус укатил, и нам удалось поймать легковую машину. Мужчины, посоветовавшись, решили взять нас и принялись грузить рюкзаки на крышу. Но вдруг снова приехал наш знакомый и начал ругаться с этими людьми. Тогда Володя категорически заявил ему, что мы с ним не поедem. Он не унимался. Мужчины не склонны были ссориться, но и бросать нас не стали. Они взяли с нас деньги и часть отдали этому водителю. Он тут же удалился. Мафия в чистом виде!

В честь моего завтрашнего Дня рождения Володя попытался найти хорошую гостиницу. Номер с кондиционером стоил 50 долларов. Немало даже для Европы, но мы заселились. Через полчаса поняли, что кондиционер не очень-то холодит. Вечером на воздухе казалось прохладнее, чем в комнате. Пару раз, справившись, получили ответ: «Здесь не Европа, а Африка. Не нравится — нет проблем, выселяйтесь, все же терпят!» Сидеть в духоте за 50 долларов как-то не очень хотелось. Пришлось поискать что-нибудь поуютнее. Дорогих гостиниц больше не было, и мы разместились на крыше частного глиняного дома-ресторана, где также сдавали комнаты. Сверху были видны город и центральная площадь, на которой завтра соберется базар, а сегодня выступали музыканты. На крыше дул прохладный ветерок, дешево и без проблем.

Многоликий базар был удивительным. Продавались ткани, орудия труда, металлическая утварь, крупы, какие-то пахучие приправы, фрукты, овощи и готовая пища. Торговля, крик, шум, музыка. Ближе к вечеру повстречали настоящего колдуна-шамана, разукрашенного, в отрепьях и с рогами. Вокруг него толпились люди и внимательно слушали его речи. Народ сидел на базаре под палящим солнцем с утра до самого заката. А мы, благо близко, делали часовые вылазки, а потом возвращались назад отдышаться от жары и остыть под холодным душем. Самое пекло пересидели под вентилятором, а потом снова гуляли, торговались, фотографировали...

12.04.2009. Из Дженне отправились в так называемую страну догонов. Поселок Бандиагара, из которого отправляются к догонам,

ничем не примечателен. Но пройти по нему вечером было приятно. К тому же здесь первый раз за много времени оказалась приличная гостиница, а по соседству какой-то кооператив торговал кефиром или йогуртом из козьего молока. Мы задержались здесь, чтобы немного остыть и приготовиться к пешему переходу.

Догоны живут вдоль скального ущелья длиной больше 200 километров. В северной части ущелья живут мусульмане. В средней части встречаются христиане, а в южной — анимисты. Транспорт вдоль ущелья не ходит, и туристы делают трекинги от деревни к деревне. В зависимости от желания, маршрут можно пройти за несколько дней или потратить на это больше недели. Благодаря тому, что сведения о культуре догонов попали в прессу, народность стала широко известной: путеводители в красках расписывают эти места, и благодаря этому здесь, можно сказать, поточный туризм. Несмотря на сильную жару, мы в каждой деревне встречали иностранцев. Я думаю, в более благоприятный сезон здесь ходят целые толпы туристов. И, как во всех местах, затронутых массовым туризмом, люди в этих местах порядочно испорчены. Пристают, попрошайничают, пытаются содрать со всех деньги.

Деревеньки догонов построены очень интересно. Все дома и заборы сделаны в основном из глины, но встречаются и более капитальные — из камней. Стоит большой широкий двор с высоким забором, несколько жилых помещений без окон, кухня, туалет, два-три маленьких, в форме бочек, сарайчика с соломенной крышей, которые опираются на невысокие сваи. Все постройки, да и сама деревенька, гармонично вписываются в ландшафт скального разлома. У колодцев всегда кипит жизнь, здесь набирают воду, моются и стирают. Те деревни, которые соединены дорогой с большим миром, всерьез больны бизнесом; там только и ждут, как присосаться к туристам. Дети стаями бегают за иностранцами, кричат и просят кадо (подарок). Но когда мы ушли по тропе в сторону, то встретили других, простодушных и открытых людей. Они искренне улыбались, здоровались, приглашали в гости. В самом ущелье много колодцев, и вокруг них образуются поселения. А на плато мы разглядели выдолбленные в скалах жилые помещения. У подножия скал росли баобабы и манговые деревья. Большинство туристов приезжают сюда с гидом или нанимают его в одной из деревень. Он

сопровождает их, договаривается о ночлеге и еде. Мы же ходили самостоятельно, и в некоторых местах приходилось отбиваться от навязчивых предложений. Гостиницы в этих местах представляют собой темные глиняные комнаты без окон. Есть двор и крыша, на которой спят на матрасах. Вместо душа — бочка, которая редко бывает наполнена, так что приходится самим ходить за водой. Стоит такое убежище недорого: около 1,5—2 долларов с человека. Догоны почти не готовят еду на улицах, так что мы заказывали обед в гостинице. Цена тоже где-то около 2 долларов за порцию. Это обычно рис, кус-кус или макароны с подливой. Подлива очень токсична, готовят ее на основе какого-то не слишком хорошего масла с большим количеством консервированной томатной пасты, бульонных кубиков и острых местных приправ. Я никогда не страдала аллергией, но от запаха здешних приправ у меня все время начинался кашель. Другой еды здесь не найти.

Ночью в деревне Веннимато я проснулась от стука барабанов и пения. Первая мысль была: хорошо, что наша гостиница находится в стороне. Потом, окончательно проснувшись, подумала, что это, наверное, праздник, и надо идти посмотреть представление. Под бой барабана и двух бубнов танцевали и пели в кругу взрослые и дети. Это продолжалось до 2 часов ночи. Полная луна ярко освещала людей и окрестные скалы. Скалы эхом вторили барабанам. Зрелище впечатляющее! Это оказалась обычная воскресная служба в действующей здесь христианской церкви. Почему служба шла ночью, оставалось только догадываться. Я думаю, днем очень жарко. Это происходит каждое воскресенье. В пении мы улавливали возглас «Аллилуйя!»

Утром мы спустились с плато в ущелье и пошли нижней тропой в поселок Эндэ. Сведения о расстоянии были противоречивы — от 6 до 13 километров. Паша чувствовал себя сегодня не очень хорошо, так как его печенке не понравился вчерашний соус. А Саша стал с полдороги стонать, что ему жарко и очень есть хочется. В какой-то деревушке Володя раздобыл для него риса с соусом. Последние 4—5 километров нас подвез на машине итальянец, работающий в Мали в каком-то проекте. Он неплохо говорил по-русски и, когда узнал, что мы русские, расчувствовался. Рассказал, что работал и жил в Ташкенте два года и теперь обожает русский язык. До Эндэ

оказалось действительно 13 километров. Хорошо, что нас подвезли. От Эндэ уже проложена дорога. Здесь атмосфера очень коммерческая. Завтра уезжаем в сторону Буркина-Фасо. Ввиду страшной жары мы на время прекратили уроки. Дети делают только то, что хотят. Паша почитывает, Даша с Сашей пишут дневники. На большее мы сейчас не способны. Днем под деревом я читаю им вслух книгу Анри Лота о Сахаре. Книга для взрослых, и Саша слушает без удовольствия. Но деваться ему некуда. От жары можно прятаться только в тени.

16.04.2009. Деревня Эндэ оказалась связанной с основной дорогой, туда подъезжает транспорт с туристами и провиантом. Мы надеялись уехать на машине на следующий день. Гостиниц оказалось здесь много, но и вредных приставал тоже немало. Детей с детства приучают просить деньги, сладости, подарки. И это не потому, что им чего-то не хватает, а просто их так натренировали. Даже самые маленькие при виде фотокамеры начинают кривляться и требовать, чтоб их сфотографировали за вознаграждение. Больше нигде в Мали нет таких развращенных туризмом людей. Это очень печально.

В этот день в Эндэ был рынок, на который сходятся люди из соседних деревень. Продавались в основном крупы, орешки, готовая пища, одежда. Продуктов на рынке было мало, из овощей только картошка, лук и немного помидоров. Хотя, когда мы шли вдоль ущелья, то иногда видели маленькие огородики, разбитые недалеко от водоемов или колодцев, и хозяева поливали растения из сосудов, сделанных из тыкв. Жители, пришедшие на базар из дальних мест, показались нам очень приятными. При виде наших детей они улыбались, удивлялись, здоровались, пытались расспрашивать, откуда мы, и угощали детей орешками. Даша починила порвавшуюся сандалию у башмачника. Он зашил ее и взял оплату не как с туристов. И я думала: вот это настоящие люди, и все они собрались из далеких деревень.

Спать легли пораньше на крыше. Электричества в этой деревне нет. Мы почитали до сумерек и, ополоснувшись еще раз от пыли, уснули. Около десяти вечера вдруг стало шумно: люди кричали, мчались по поселку на мотоциклах. Спустилась вечерняя прохлада, и народ ожил. Ввиду отсутствия электричества телевизор здесь никто

не смотрит, и весь народ выходит на улицы. В воздухе стояли гарь и пыль. К полуночи наконец все улеглось.

В 6 часов утра в поселке поднялись женщины. День они начинают с того, что метут двор, и всюду слышно шкрябание метелок. Потом все отправляются за водой. Они приносят несколько больших тазиков или канистр и переливают в глиняные сосуды. С нашей крыши было удобно наблюдать соседскую жизнь. За стеной в следующем дворе под небольшой крышей на циновке спали двое маленьких ребятишек. Мать уже ушла за водой. Вот двухлетняя малышка проснулась и слезла с циновки. Старшая сестренка лет пяти поднялась, наполнила чайничек, помылась сама и помыла маленькую. Мать принесла воды, перелила в кувшины и снова отправилась к колодцу. Дальше за этим двором сидят человек восемь мужчин и ведут утреннюю беседу.

Вчера в гостинице нам обещали, что утром поедет машина в Банкас. Мы собрали рюкзаки, как договорились, к семи утра, но машина не пришла. Володя пошел узнавать. Ему сказали, что, мол, сейчас транспорт будет. На дороге перед домом стояла большая двухколесная телега. Потом привели быка и стали запрягать. Тут до Володи дошло, что нас хотят везти на этом быке. Он сразу отказался от этой затеи. Я с детьми немного посетовала: на быке было бы гораздо интереснее. Но Володя утверждал, что мы не приедем и к полудню, потому что бык идет очень медленно. Мы пошли пешком, так как уже втянулись в ходьбу. Утром идти более-менее прохладно. По дороге встречали тоже идущих в Банкас женщин с ведрами на головах и с детьми. Когда до места назначения осталось километра четыре, нам попала лошадина повозка, и от нее мы уже не отказались. Из Банкаса до Коро автобус отправлялся после обеда. Наступал горячий полдень. Мы поели, нашли какую-то гостиницу и отправились туда переждать жару.

Коро — последний поселок перед границей. Он оказался довольно приятным. Здесь не останавливаются туристы, и люди живут своей обычной жизнью. Мы нашли какой-то полукемпинг при ресторане: огороженные соломенным забором площадки с деревянными лежаками и матрасами для сна. Ночью была жара. Воздух слегка остыл только к рассвету. Ветра не было. Всю ночь я просыпалась в поту. Не помогал даже мокрый платок, под ним

было даже жарче. Но дети спали неплохо. Наверное, уже привыкли. В 8 часов уходил автобус в Буркина-Фасо. До ближайшего города (четвертого по величине в этой стране) всего 100 километров. Но асфальтовой дороги туда нет. Автобус оказался весь разбитый и очень грязный. Границу проходили очень долго, т. к. пограничники не пропускали без взятки нескольких человек.

Паша

Ниоро

Мы вернулись по дороге в Аюн, а потом поехали в Ниоро. Южнее ландшафт мгновенно сменился от мертвой пустыни до саванны возле малийской границы. К нашему счастью, прошел дождь, который прибил всю пыль, и, хотя дул ветер, пыли в воздухе больше не было. Пограничный пункт при въезде в Мали границей назвать трудно. Перегородка там только на дороге, а заборов нет. Четыре полицейских, два такси и будка с едой. Полиция даже не проверяла у нас выездные штампы. В Ниоро мы заселились, мне кажется, в единственный отель в городе. Мали — уже черная Африка. Я заметил, что африканцы черной Африки намного чище арабов. Они строят общественные туалеты, когда арабы часто просто оправляются за домом. Каждое утро у них собирают мусор и увозят на ишаках. На дорогах у арабов в Мавритании все замусорено, многие города и поселки похожи на помойки, где питаются козы. А ветер поднимает и несет полиэтиленовые пакеты, и они цепляются за колючки пустынных деревьев; мы не раз видели такие растения, разукрашенные, как новогодние елки.

В Мали больше фруктов и овощей, и стоят они дешевле. Здесь организованы автобусные станции, и автобусы не набиваются пассажирами до отказа, как в Мавритании, потому что билеты продаются по местам. Города многолюдней, и базары богаче. Папе удалось починить наш примус. Люди почти не ругаются, когда я снимаю их на камеру. Они открытые и намного веселее, чем в Мавритании, поэтому сразу легче себя чувствуешь. Нет всяких странных строгих ограничений, как у мусульман. Еда несколько вкуснее. Бывает

рис или кус-кус с разными соусами, мясом или рыбой. К счастью, здесь тоже есть немецкое молоко. Женщины одеваются очень ярко. Подтвердились описания из книги автостопщиков о том, что на кухне сидит сердитая тетка и покрикивает на беспризорников, которые ходят с баночками из-под консервов и собирают остатки еды. Тетка сердится, но все-таки дает мальчишкам еду. Вечером она громко и очень темпераментно с кем-то ругалась. Было очень смешно. Уехали мы из Ниоро только через два дня. Автобус оказался достаточно удобным.

Бамако

Из Ниоро поехали сразу в Бамако. Из окна автобуса везде виднелись манговые деревья, как в Малави. Заселились в гостиницу при церкви. В Бамако было жарко, потому что воздух стал более влажным, чем в пустынном климате. Кондиционеров у нас не было, и мы ложились спать в мокрой одежде. Интересно, что у монашек, которые жили этажом выше, стояли кондиционеры.

Папе в посольстве рассказали о женщине из России, которая организовала здесь детский садик. Зовут ее Оксана, и она замужем за малийцем, который учился в СССР, а потом она с ним уехала в Мали. Детский садик оказался небольшим, но уютным, там посажено много зелени. Во дворе живут утки и обезьяна, которая сидит на цепи, чтобы не убежала к соседям. Живут Оксана с мужем скромно, как рядовые граждане Мали, а не как посольские. Зарабатывает она тоже немного, хотя нужно еще платить воспитателям и за съём помещений отдавать кредиты. В Мали не считается нужным водить детей в садик, и родители не готовы много платить за него. У Оксаны в саду около 70 детей. По профессии Оксана не педагог, но когда она приехала в Мали и увидела местные детские сады, то не захотела, чтобы ее дети ходили в такой, и решила открыть свой собственный. Из ее садика многие дети сразу идут во второй класс.

В Бамако мы ходили в посольство. Посольские мне не понравились. У них какое-то странное выражение лиц.

Столица Бамако очень интересно устроена. Она похожа на большую деревню, в которой даже где-то внутри возделывают поля. Зато продукты в городе дорогие, так как их не надо везти издалека.

Сегу

Из Бамако мы уехали в Сегу. Дорога туда ведет вдоль Нигера — третьей по водоносности реки в Африке. Городок тоже находится на реке, он достаточно туристический, наверное, потому что в этом месте живописные места. Река разливается здесь где-то на 1000 метров в ширину, но сейчас она не очень глубока. Мы плавали на общественном транспорте, но можно договориться и с лодками, которые возят туристов в разные интересные места, например в Тимбукту. На маленьких речных островах удобно выращивать разные культуры. Тракторов нет, и все делается руками и лопатой. Нам понравилась другая сторона реки, и мы решили там заночевать.

Взяв рюкзаки, мы довольно долго прождали попутный транспорт. Он почему-то плыть не собирался, и мы наняли лодку без мотора. Зато нас переправили в более безлюдное место. Река здесь неглубокая, поэтому веслами не гребут, а отталкиваются палками. Плыли мы минут 30 и успели искупаться. Крокодилов здесь давно нет, поэтому страшны только болезни и паразиты, но если отойти от мест обитания людей, то в чистой проточной воде вероятность заразиться маленькая. Сырую воду, конечно, из реки пить не надо. Как только мы переехали на другой берег, вокруг нас собрались ребята. Нам принесли кипяченого молока, которое здесь часто продают. Папа не смог усидеть на месте, пошел в большую деревню и купил жареного мяса. Но оно было не готовое, они почему-то часто полусырое мясо едят, и мы его отдали. Как только стемнело, мы легли спать, потому что без палатки на берегу кусали комары. Посреди ночи я услышал, как кто-то проехал недалеко от нас на ишаке. Потом раздался громкий стук. Это выгружали дрова на берегу, чтобы утром увезти их в город. После этого я уже нормально не спал, потому что постоянно приезжали и выгружали дрова. Встали мы рано, вместе с солнцем, потому что с солнцем наступает и жара, и в палатке уже невозможно находиться. Теперь привезенные за ночь дрова перегружали в лодку. Как раз, когда мы собрались, лодка уходила на другой берег. Позавтракали мы в городе невкусным традиционным блюдом — лапшой с курицей. Так было бы очень даже вкусно, но курицу они варят в совершенно несъедобном томатном соусе, который покупают уже готовый в больших банках. И всегда, когда я это блюдо с голодухи

ел, так как пища здесь однообразная, мне моя печень после этого жаловалась и читала мораль очень долго.

Мы быстро дошли до автостанции, но там довольно долго ждали автобус. В Мали автобусы ходят, как в Европе, почти регулярно, а билеты покупаются в кассе. Правда, для каждой фирмы отдельный автовокзал. Микроавтобусов здесь почти нет. Абсолютно во всем транспорте когда-то (когда он ездил по Европе) работали кондиционеры, но сейчас все поломано, окна не открываются, и в салоне стоит нестерпимая духота. Со всех ручьями течет пот, многие берут с собой «холодильники», в которых лежит полурастаявший лед, и пьют талую воду. Мы себя периодически поливаем. В этих автобусах лучшие места не у окна, а у прохода, где немного задувает через верхние люки, когда автобус едет.

Дженне

Мы «докипели» до перекрестка, от которого дорога ведет в город Дженне. Оставалось всего 20 километров. С такси мы договориться не смогли, а автобус туда не шел. Прошли по дороге с километр и стали ждать проезжающую машину. К нам подъехал тот же таксист и сказал, что наберет еще три человека, если мы поедем. Мы согласились, но в машину не сели и деньги ему не отдали. Через некоторое время нам удалось остановить еще одну проезжавшую мимо машину. Когда мы уже сели, нас снова догнал тот же таксист, начал чем-то угрожать водителю машины и взял с него больше половины суммы, которую мы ему заплатили. Мы переезжали через Нигер, который делится здесь на несколько рукавов. Река здесь совсем мелкая и узкая, и паром еле ходит по ней. В город приехали затемно. В городе много приставал. Узнали, где гостиница. Она оказалась дорогая и душная, и мы ушли в другую. Та оказалась еще дороже, но в ней были кондиционер и душ, из которого даже лилась вода. В этот отель едут все туристы, поэтому в баре очень шумно. Такое ощущение, что они приехали в Африку, чтобы попить пива в баре. Мама от жары очень устала, к тому же у нее завтра был День рождения, и она пожелала себе в подарок холод. Искушавшись в душе, мы заметили, что кондиционер почти не холодит, а на улице

уже прохладнее, чем внутри. Мы решили, что нам такое удовольствие за 50 долларов не нужно, и ушли из этой гостиницы.

Папа нашел отель за 6 долларов. Рюкзаки оставили в небольшой комнате, а спали в палатке на крыше. Трехэтажный дом построен из дерева и глины. Он очень интересный и типичный для Мали. Здесь нельзя сказать, в каком году построено здание. Глина высыхает, обваливается и размывается дождями, поэтому люди все время подновляют стены. С крыши нам видна была центральная площадь. Там проходило какое-то мероприятие. Кто-то кричал в микрофон, а вокруг стояла толпа людей. Но мы ничего не понимали. Я заткнул уши, потому что такой шум может продолжаться до утра. К счастью, затычки для ушей оказались хорошие, и я так и не узнал, когда все закончилось. Сашу положили спать посередине, чтобы нам проснуться, если он ночью захочет встать в туалет. На крыше заборов нет, а Саша во сне может пойти с полузакрытыми глазами, думая, что он у себя дома. Ну вот, хорошо искупались в душе и сейчас лежим на прохладном свежем воздухе бесплатно. Почаще бы так.

Утром, когда я проснулся, на центральной площади уже выстраивался базар. Мы не спеша собрали палатки и пошли фотографировать. Базар был огромный, на всю площадь, и фотографировать было легко. В Мали часто можно увидеть протухшую сушеную рыбу. От нее идет на весь базар очень острый запах. Рядом продают приправы: всякие красные, желтые порошки, бульонные кубики, которыми они всегда, на мой вкус, портят пищу, и черные кубики, от которых исходит запах еще более противный, чем от тухлой рыбешки. Папа предполагает, что это что-то вроде навоза, какой-то перегной, примерно как мумие. На этот базар приходит народ из дальних деревень, в которых мало еды, нет овощей и фруктов. А в таких высушенных приправах, очевидно, содержатся минеральные вещества или витамины. Как-то мы читали о людях одной народности в пустыне, которые вообще не знают овощей. Всю жизнь они не моются из-за недостатка воды, а живут очень мало. На базаре стоят лавки, где продаются всякие веревки, холодильники, тазики, которые носят на голове. Дальше стоят продавцы тряпок. Маленьких мальчиков часто нанимают на работу; чтобы не попрошайничать, они готовы работать за ничтожную плату или за еду. На рынке можно и перекусить, правда, на цивилизованный

взгляд, не очень вкусно. Мы старались сами варить на примусе. Третью базара занимают ряды с овощами и фруктами. Женщины продают их понемногу, сколько могут принести на голове из своей деревни. Однако приехал и бизнесмен с целой машиной манго. Здесь мы хорошо заправились манго и другими витаминами. Манго нас часто спасало от голода. Например, в Малави мы килограммами ели манго прямо с дерева. Однажды местные меня спросили, что мы едим на Рождество, а потом, смеясь, сказали о себе: «У нас утром манго, на обед манго и на ужин манго».

Нам удалось хорошо поснимать рынок на видеокамеру. Перед площадью возвышается характерная для Мали глиняная мечеть. Такие же есть в Тимбукту и других городах. В верхней части стен торчат балки, которые являются частью архитектуры. Мечеть стоит со Средних веков и постоянно подновляется. Город Дженне мне очень понравился. Он колоритный, и в нем много исторических построек, сделанных по образцу, заданному в Уалате (Мавритания) и Шингетти. Самым ярким по архитектуре городом в Мали считается Тимбукту. Туда едут все туристы. Но мы решили туда не ехать: во-первых, это было далеко, а во-вторых, нам надоели приставалы, которые обязательно присутствуют исключительно в туристических районах.

Мопти

На выезде из Дженне нас подхватил водитель джипа, который даже денег с нас не взял. На переправе снова откуда-то появился микроавтобус с мафиозным водителем, который никому на трассе не дает покоя, не содрав денег. Он начал шантажировать нашего водителя и этим разозлил папу, который решил сфотографировать этого мафиозника, говоря, что покажет фотографии в полиции. Потом скандал уладился. С час мы прождали на перекрестке, поели там жареной козлятины и снова сели в проезжавшую мимо четырехколесную «баню». Кстати, жареная козлятина — самое нормальное блюдо, которое есть в Мали: туда ничего не добавляется, кроме соли и лука, и продается она на всех перекрестках и углах. Упаренные от езды, мы приехали прямо в порт Мопти. Это была небольшая бухта, которая из-за засухи стала еще меньше. Лодки

стояли прямо у реки. Вдоль берега расположились торговые лавки с едой и хозяйственными товарами, а припортовую часть они используют для мусорной свалки. Из Мопти небольшие лодки с крышей идут в Тимбукту шесть дней. Едут в них не туристы, а местные, когда перевозят много груза. Самое интересное в Мопти — это базар и мастерская, где строят лодки. Здесь же куят гвозди. Рабочие разделявают железные бочки на небольшие пластинки, которые скручивают в трубочку и перековывают в форму гвоздя. Нагревают железо в маленьких печах, которые встроены прямо в землю. Печи имеют механическое поддувало и нагреваются древесным углем. На базаре, как и в Дженне, воняет приправами. Зато мы нашли там сладкую простоквашу, а то все время приходилось пить немецкое искусственное молоко.

Бандиагара

Папа решил сделать трекинг. В стране догонов есть красивый скальный разлом, который тянется около 200 километров. Папа не предупредил нас, что это достаточно туристическое место. Как правило, в Африке все маленькие народности охотно посещаются туристами и очень развращены этим. До Бандиагары мы доехали на микроавтобусе, который еле нашли.

Поселились в относительно дешевой шикарной гостинице с вентилятором. Кондиционер нам отключили, так как мы договорились платить дешевле, но потом я нашел рядом с комнатой в стене коробку с выключателями на каждую комнату, и мы потихоньку пользовались прохладой. Папа откуда-то принес простоквашу и мороженое в пакетиках. Оно тоже сделано из простокваши с мукой и сахаром. Очень вкусно. Мы в этом небольшом магазинчике всю простоквашу скупили. Бандиагара — не очень интересный город, но уютный, потому что там мало машин. В поселке мы встретили хиппи из Хорватии, которые вернулись от догонов и очень восхищались ими.

Дуру

В Дуру шел только один автобус через 4 часа, а на такси было дорого ехать. Мы побродили по базару и ушли на дорогу за город, надеясь поймать какой-нибудь транспорт пораньше. У дороги в тени дерева мама читала нам книгу о пустыне. Это было очень кстати, когда нас палило солнце в зените и иссушала жара. Мимо не проезжала ни одна машина. Постоянно шли тетки и несли на головах корзины с продуктами на продажу. Днем подъехал автобус, набитый людьми. Вернее, это был переделанный грузовик. Мест свободных не было, и мы быстро залезли на мешки с крупой и свернутые циновки, которые, наверное, везли на продажу в маленькое село. Когда мы приехали в Дуру, водитель потребовал с папы вместо 5 тысяч договорных 15 тысяч франков. Но папа отдал, как они договаривались, и мы пошли в поселок. Водитель стал хватать наши рюкзаки и грозить булыжником. Это нахальство меня возмутило, и я был сам не против кинуть камень в мошенников. Но, по сравнению с папой, я не такой буйный. Папа пошел с водителем в полицию. Полицейский ничего не понимал по-английски, а водитель на своем языке ему что-то наговаривал. Такая же ситуация была у нас в Мозамбике. Я понял, что если мы сейчас не уступим, то разговор будет продолжаться до вечера. Африканцы никуда не спешат.

В Дуру есть две гостиницы. Самое главное для нас — чтобы была вода. Ночевали мы на крыше в палатках. Крыша за день сильно нагрелась и вечером не успела остыть, когда мы на нее поставили палатку. Я всю ночь ворочался с боку на бок, и с меня стекал пот. А крыша под ковриком так и не остыла до утра. Мы встали рано, было еще темно, потому что по самой жаре днем идти убийственно. Семья, у которой мы ночевали, стала навязывать нам гида, и мы быстро улетучились оттуда, пока к нам не пристали. В деревне по отношению к туристам нездоровая атмосфера, но сама деревня очень интересная. Если бы она была больше, то в ней легко можно было бы заблудиться, так закручены улочки с домами. Дома каменные и глиняные. Во многих дворах стоят большие, метр на метр, «амбары» для крупы, сделанные из глины и поставленные на высоких бревнах, чтобы грызуны не достали зерно. В одном дворе мы видели развешенные обезьянны и другие шкуры и какие-то старинные

винтовки. Рядом стояла небольшая печка из глины, в которой пекут хлеб. В другом дворе продавалось самодельное пиво. Его наливали из кожаных мешков. Догонь сильно испорчены туристами и чуть что — даже не просят, а требуют деньги, поэтому снимать видео было очень трудно. Иногда мне удавалось куда-нибудь отойти с камерой, когда мама с Дашей отвлекали их внимание.

За деревней идет большой скальный разлом. Реки здесь, как и во всей Сахаре, текли, скорее всего, в ледниковый период. Сейчас, к сожалению, их нет. В некоторых местах стоят большие грибы и всякие фигуры из камней, некогда отточенные водой и потом ветром. Во время трекинга папа немного заблудился, и мы прошли где-то на 4 километра больше. Встретили места, где растут манго и люди еще выращивают что-то на маленьких участках. В одном месте мы купили помидоры прямо с огорода. Рядом находились небольшие трещины, в которых собиралась вода для полива овощей. Мы двигались все время вдоль скал высотой около 400 метров. Когда мы пришли, то жара как раз начала спадать. Мы испеклись за день, как курицы в духовке. Я с родителями пошел к колодцу умыться. Мы опрокидывали прямо на голову ведро с водой. Местные на нас за это ругались. Поели традиционно: нам дали курицу, сваренную в плохом томатном соусе, с кус-кусом. От голода я съел много этой гадости, и мне сразу же стало плохо. Я после этого две недели мяса не ел, а курицу видеть не мог.

Бенниа-Мато

Деревня Бенниа-Мато разделена на три части. В одной живут христиане, в другой мусульмане, а в третьей — язычники. Когда мы гуляли, нам встретилась площадка, выложенная камнями. Саша туда сразу же полез, а местные его оттуда прогнали. Как мы потом выяснили, у догонских язычников есть места, где, по их поверьям, живут злые духи. Ночью нас разбудил грохот барабанов. Мама с папой ходили смотреть, что там происходит. Потом они нам рассказали, что это был какой-то праздник в христианской церкви.

Эндэ

На следующий день мы спустились с разлома и пошли по низу в деревню Эндэ. На привале к нам подбежали дети и стали настойчиво просить деньги. Мы им дали печенье, а они говорят, нет, давайте деньги. Последние 4 километра нас довез итальянец на джипе. Он здесь работает. Когда мы ему сказали, что мы русские, он заговорил с нами по-русски.

В этом поселке тоже собирался базар. Овощей здесь почти не было, только крупа, финики и приправы. В другой части продавались тряпки, вьетнамки и резинки для рогаток. А рядом сидел сапожник, который эти вьетнамки чинил. На обратном пути мы подошли к колодцу. Он был не менее глубокий, чем тот, что мы видели на разломе. Скорее всего, вода в нем — это какая-то река, которая протекает под землей. Местные тащат ведрами воду из колодца, а рядом стоит колонка, труба от которой отводится только в гостиницу. Наверху в скалах были высечены дома, но там уже никто не жил. Все переселились вниз. Саша с папой решили пойти посмотреть эти домики, а я остался, потому что еще не отошел от вчерашней курицы. Папа вернулся в гостиницу с шестью мужиками, которые хотели получить с него деньги и говорили, что туда нельзя ходить. По-моему, они это придумали, потому что сами предлагали сводить нас туда за деньги. Потом хозяин нашей гостиницы взялся все уладить, и папа заплатил ему, у догонов любая услуга стоит денег.

Нам сказали, что машина до главной дороги на Буркина-Фасо идет в 7 часов утра. Мы собрались пораньше, чтобы не пропустить машину. Мужчина, который говорил про машину, сказал, что сейчас она будет, и указал на двух буйволов, которых запрягали. Папа удивился, а нам сказал: «Я же говорил cowсаг, а не саг». Тогда мы пошли пешком. Так быстрее, чем на быках. Идти было 12 километров по жаре. Последние 4 километра нас подвезли на лошади. Когда оставалось мало питья, очень хорошо пошел чай, который я заварил крепким и пересластил. Мы пришли в деревню Банкас.

Даша

Ниоро

Мы остановились в городке Ниоро. Мне бросилось в глаза, что женщины здесь ходят свободно. Головы у многих открыты, шея тоже, а руки прикрыты только до локтя. Вот мы наконец-то и в Мали! Заселились в одну из гостиниц и, поставив вещи, пошли перекусить. Возле ресторанчика стоят мальчишки с ведерочками. В ведерочки они кидают всю недоеденную пищу и кушают. Так они стоят, пока не наедятся. Люди нам понравились, никто не трогает, не пристаёт. К счастью, в Мали много разных религий, поэтому им все равно, как ты ходишь, накрытый платком или без платка. В этом славном городе мы пробыли два дня. Мама с папой посылали нас самих то за водой, то за продуктами. Даже вечером мы гуляли одни. В городе проходил какой-то фестиваль. Выступление должно было начаться в восемь вечера, мы подошли туда на час позже. Люди толпились вокруг двери, и полицейские никого не пускали, потому что музыкантов еще не было. Мы вернулись через час, потом мама, папа и Саша еще раз сходили узнать, но через 20 минут вернулись, сказав, что там так ничего и не начиналось...

Утром поехали в Бамако. Папа взял еще вчера билеты на автобус. Когда мы в него зашли, то чуть не задохнулись от жары. Ехать нам нужно было 360 километров! По дороге делали уроки и спали.

Бамако

31.03—03.04.2009. Несмотря на то что Бамако — это столица, на меня она такого впечатления не произвела. Улицы небольшие, везде базарчики, повсюду готовится еда, все общаются друг с другом, как в деревне. Улочек много, а город все же большой, и в нем легко заблудиться. Вечером мама послала меня и Сашу купить продуктов на ужин. На нашей улице не было магазинов, во всех лавках что-нибудь шили, чинили, смазывали, резали, но еды не было. Тогда мы пошли дальше и, выйдя на какую-то дорогу, не знали, как вернуться. К счастью, я увидела проходящую мимо монашку и спросила, знает ли она гостиницу при католической церкви. Оказалось, что она как

раз туда шла и там работает. В гостиницу мы пришли, когда уже стемнело. Через некоторое время мы все вместе пошли поискать чего-нибудь к ужину. Нашли только две порции риса с подливой. Подлива оказалась острая. После ужина мы пели.

01.04.2009. Сегодня папа сходил в посольство. Он узнал немного информации о Мали и спросил насчет русских в Бамако. Ему дали телефон одной женщины. Во второй половине дня мы смотрели город и ходили на мост через Нигер.

02.04.2009. Познакомились с очень интересными людьми. К нам в гостиницу пришла женщина, ее зовут Оксана. Она замужем за малийцем, и у них трое детей. Мы договорились, что вечером поедem к ним домой. До вечера мы делали уроки, и время пролетело быстро.

Зайдя к ним во двор, мы очень удивились тому, что везде была посажена зелень, а на доме нарисованы картинки. Они были очень красивые и яркие, будто их недавно сделали. Немного в стороне была расположена кухня, как у нашего знакомого доктора из Немы (Мавритания), на которой работала повариха. Рядом с кухней находился красивый, уютный зеленый садик. Песок, скамейка, качели, горка, травка и много кустов. По траве ходят гуси, а на заборе сидит обезьянка. Это был детский сад.

Мы зашли в дом. Комнаты небольшие. В центральной стояли диванчики и телевизор. Еще в одной находилась кровать, остальные постели были спрятаны в шкаф. На полочках аккуратно уложены игрушки, книжки, листочки. Ничего не разбросано. В третьей комнате находилась младшая группа детского сада. Здесь стояли маленькие стульчики, столики, лежали игрушки. В отдельном здании рядом было еще две комнаты, где находились старшие группы детей. Детский сад создан на три детские группы, воспитатели — африканки. Оксана организовала этот детский сад, хотя по образованию она бухгалтер.

Как организовался детский сад

Когда родилась Люба и Оксане надо было начинать работать, она пошла в обычный африканский детский сад. Она увидела обшарпанные стены, грязный пол, две какие-то игрушки и не захотела, чтобы Люба туда ходила, решив создать свой сад. Территория первого

детского сада была тогда еще маленькая. Когда детей стало больше, они сняли помещения побольше. Сначала люди смеялись над этой затеей, а потом, когда садик зацвел, туда стали приходить дети. Поначалу Оксане было очень тяжело. Но все построилось, и детский сад сейчас существует. Все, что мы видели во дворе — цветы, качели, горки, — все это они сделали своими руками!!!

Однажды Оксана ездила с детьми и мужем к родственникам в деревню. Там Люба сильно заболела. Ее рвало, болел живот, сильная судорога сводила пальцы, так что, когда Оксана пыталась их выпрямить, Люба кричала от боли. Она взяла маленькую Олю и побежала искать врача в этой деревне. Ехать обратно в столицу 400 километров с больным ребенком нельзя. К счастью, они нашли какого-то врача. Когда Любе стало легче и они уезжали из деревни, Оксана увидела африканских детей, машущих им рукой, то чуть не заплакала. Они были замотаны в грязные тряпки, многие искусаны вшами и блохами. Оксана решила им чем-нибудь помочь... Она разговаривала со многими, в том числе с женой президента, самим президентом. Сейчас она помогает детям этой деревни. В одной из комнат стояли коробки со шприцами, одеялами, пеленками и пр. Это будет отвезено в деревню...

В 5 часов вечера нам нужно было идти в посольство. Мы начали спорить: папа говорил, что туда нельзя идти в сарафане, а нужно прилично одеться. Мама спросила почему. Тут папа даже немного рассердился. Пришлось одеваться, как он сказал...

В посольстве папа рассказывал о нашем путешествии, а мы немного пели. Я решила подарить Оксане свой фотоаппарат, и так как у нас была всего одна зарядка для батареек, то я обещала прислать ей зарядку из Гамбурга. После окончания встречи мы пошли на выход, но тут Светлана сказала, что вечеринка еще не окончена и мы едем дальше в гости. Привезли нас к одному их знакомому. Он выглядел очень смешно. Нас усадили на диван, а Оксана со Светланой поехали в магазин и привезли фиников, изюма, консервов и пр. Мы перепели все наши песни, даже те, которые уже забыли. Когда меня попросили спеть, я взяла гитару. Неожиданно Светлана подошла ко мне... Я даже рта не успела открыть, как на моей шее висела золотая цепочка!!! Увидев, я чуть не расплакалась. Мама стала просить отдать эту цепочку обратно, но Светлана ответила:

«Даша, ни в коем случае не снимай, а то мы обидимся». А папа сказал: «Да что это такое, вас (детей) даже в гости стыдно вести». Все это случилось так быстро, что я смогла сказать только «спасибо», а потом меня попросили спеть. Когда мы ехали в машине, я знала, что очень скоро придется расстаться с этими добрыми, хорошими людьми. Помню, как все друг другу сказали: «До встречи!», и Оксана, обняв меня, шепнула: «Когда выучишь французский, приезжай к нам». И я дала слово, что обязательно приеду. Я надеюсь, что это скоро исполнится, и я сама смогу приехать в Мали! Они сели в машину и уехали. Было очень грустно. Я смотрела им вслед, пока мама меня не взяла за руку и не направила к калитке. В гостинице я сняла цепочку и рассмотрела ее. На ней висело сердечко с белым камешком. Я долго не могла заснуть.

04.04.2009. В поселок Сегу мы ехали 4 часа на большом и жарком автобусе. Выехали мы в самое пекло и пропотели за это время хорошо. На улице было тоже «нехолодно». Поселок находится на берегу реки Нигер. Архитектура здесь интересная, дома все глиняные — мазанки. Во всех двориках чисто подметено. Улицы широкие и тоже чистые. Вдоль дороги стоят столики, корзинки, мешки. Возле них сидят продавцы и часто это дети 8—10 лет. Тут же на улицах дети играют во всякие игры, например в классики. Еще у них натянуты веревочки, через которые они прыгают. В конце дороги мальчишки играют в футбол. Незаметно мы подошли к берегу. Здесь жизнь кипела вовсю. Мужчины и мальчики привозили с того берега дрова и песок из реки. Женщины стирали и мыли посуду. Маленькие детишки сидели в воде и играли. Девочки моего возраста стирали в тазиках вещи. Рядом с ними лежали кучки тряпок и одежды, которую им предстояло еще стирать. Мы взяли рюкзаки и решили переплыть на другой берег. Маленькая лодка плыла очень медленно, и было жарко. Мама только и успевала смачивать свой платок и надевать его на голову.

Переплыв Нигер, мы оставили вещи у местных и разошлись. Папа с мамой пошли в деревню, а мы отправились в сторону леса. Далеко мы не ушли, так как боялись, что под листьями могут быть змеи, потому что в земле видны были дыры. В деревне в одном дворе отыскивали маму с папой. Затем мы ушли с рюкзаками к берегу реки. Нам здесь очень понравилось, и мы решили заночевать на этой

стороне. Оставили вещи под манговым деревом и пошли купаться. Дно в реке очень илистое, так что немного проваливаешься. Дальше от берега начинались водоросли. Вода прохладная. Я слегка боялась, так как нам говорили, что здесь есть бегемоты и иногда даже крокодилы, но их, к счастью, немного. Их много водится в реке Замбези, на которой находится водопад Виктория. Под деревом мы делали уроки, а дети из деревни наблюдали за нами. Вечером мама и я пошли в деревню. Шли мы по тропинке через аккуратно посаженные помидоры и видели, как мужчина качает воду прямо из реки и поливает огороды. Мы купили жареной картошки, пончиков и спелых манго. Потом папа увидел женщину с ведром, которая ждала лодку. Он тут же подбежал и спросил, не молоко ли у нее. Действительно, оказалось молоко, и даже кипяченое. Оно было очень вкусным! На закате мы сделали тренировку, поставили палатки и искупались. Саша набрал дров и развел костер. Мы немного попели. Когда мы легли в палатку, мама нам читала о Сахаре и открытиях Анри Лота.

Ночь была беспокойная. Мальчики с 4 часов утра возили дрова. Скрипели коляски, орали ослы, и слышалось, как громяхают дрова. Утром мы вернулись на другой берег. Мы плыли на большой деревянной лодке. Рядом со мной сидела женщина, вокруг стояли корзины с помидорами. Выбрав один помидор, она протянула его мне. Он был вкусным и сочным. На берегу мы увидели кастрюли с едой и решили позавтракать. Пища нам не понравилась, и мы ее не доели. В стороне стоял мальчик. Когда он увидел, что осталась еда, то подошел и, взяв ложку, медленно и спокойно переложил недоеденное в свое ведро, помыл руки и съел все. Потом догнал нас и, пожав всем руки, ушел.

Дженне

06.04.2009. Сегодня у мамы День рождения! Ночевали мы на крыше в палатке. Утром папа снял комнату. Она была не очень аккуратна, но в ней находился хотя бы вентилятор. Перетащив все вещи, я накрыла на стол. Подарки мы уже приготовили. Наши стихи и подарки маме очень понравились, и она смеялась. Это был День рождения, да еще и юбилей, и не где-нибудь, а в Африке! Днем мы пережидали жару в комнате. На закате снова пошли смотреть

рынок. Народу было уже меньше. К нам подошла женщина и начала продавать бусы. Мы ей говорили, что они нам не нужны. Тогда она вынула из кошелечка евро. Мы удивились и обменяли ей его на малийские деньги. Потом она достала еще евро. Мы ей снова обменяли. За это она мне все же подарила бусы. Вечером мы купили продуктов и продолжали праздновать мамин День рождения, а потом забрались в палатку на крыше и смотрели на компьютере сказку. А люди все-таки здесь хорошие! Только когда тебе продают бусы, даже которые тебе не нужны, продавец не оставляет тебя в покое, пока ты их не купишь.

12.04.2009. Из Дженне мы отправились к догонам. Догоны — это один из народов Африки. В городке Бандиагаре оказалась неплохая гостиница с кондиционером. А еще недалеко от нее мужчина продавал козье молоко. М-м-м... Вкусно! Мы, конечно, остались здесь отдохнуть перед походом.

Из-за туризма догоны изменились. Взрослые пристают, дети просят деньги, гиды навязываются. Мы все время должны были как-то уклоняться от всего этого. Из Бандиагары мы доехали на местной машине до поселка Дуру. Поход мне показался нелегким. Шли мы сначала через камни, потом по ландшафту с сухой травой, колючками и редкими баобабами. Вышли рано, утро было прохладное. Туристы обычно берут с собой гида, который их везде водит. Мы же пошли сами. Когда какой-нибудь гид приставал, то папа отвечал, что он сам гид. Незаметно сошли с тропы. Когда папа это заметил, мы находились уже на больших камнях, а не на дорожке. Папа велел нам сесть, а сам куда-то ушел. Жара потихоньку наступала, и мы сели в тени. К счастью, папа встретил местных жителей, идущих на базар, и разузнал дорогу. Пару раз мы все-таки сбивались с пути. Было очень жарко и хотелось пить. Вода у нас была, но много выпивать ее в пути тоже вредно. В деревне мы заселились в «гостиницу» и отдыхали. Душ состоял из бочки с водой и ковшика. Догоны на улице пищу не готовили, и нам пришлось брать еду при гостинице. Пока мы приводили себя в порядок, нам готовили обед. Еда мне показалась очень вкусной, наверное, потому что очень хотелось есть. После отдыха мы смотрели деревню, людей, базарчики. Возле колодца всегда кипит жизнь. Женщины и девочки приходят с большими 20–30-литровыми тазами. Набрав их, они ставят тазы

на голову и идут. У женщин часто на спине висит малыш. Вот они и идут с ребенком на спине и огромным тазом на голове! Дети бегали стаями за нами и просили l'argent, что означает деньги. Это французское слово. Ночью я слышала стук барабанов, но мне он не мешал. Я так устала, что мне было все равно, стучат они или нет. Утром мне сказали, что это был религиозный праздник. Еще выяснилось, что кус-кус, который мы оставили на завтрак, испортился. Остался только чай, но папа откуда-то раздобыл печенье. Перекусив, мы отправились дальше в городок Эндэ. Идти было примерно километров 8, а может быть, 13. Никто точно сказать не мог. Встали мы снова рано. Паша чувствовал себя не очень хорошо. Вчерашняя еда была, наверное, жирная, и его печенке это не подошло. Мне было тяжело, рюкзак давил на плечи, но надо было идти. Дойдя до одного маленького поселочка, папа нашел приготовленный рис. Он был холодный и невкусный. Но Саша проголодался и большую часть съел. Последние 4—5 километров пути нас подвез европеец в кузове машины. Это был итальянец, работающий в Мали. Оказалось, что он неплохо говорит по-русски, потому что два года жил и работал в Ташкенте. До деревни оказалось неблизко, и хорошо, что нас подкинули. Из Эндэ есть дорога, и завтра мы уезжаем в сторону Буркина-Фасо. Сегодня мы отдыхали, писали дневники. Из-за страшной жары прекратили учить уроки. Просто не могли. Мама нам читает о Сахаре.

16.03.2009. Вчера сходили на базар. В мешках хранились крупы и разные травы. У меня порвалась сандалия, и ее надо было зашить. Башмачник починил мне ее очень быстро. Я дала ему совсем немного, где-то 50 центов, а он протянул мне еще половину в качестве сдачи. Я хотела вернуть ему деньги, но он не взял. Мне стало жалко его. За ботинок получить только 30 центов?! К сожалению, в Африке труд ничего не стоит... На рынке было всего не очень много. Из овощей только картошка, лук и помидоры. Многие люди пришли из других деревень на базар. Они улыбались, здоровались с нами и что-то спрашивали на своем языке. Пока мы бродили по рынку, папа с Сашей пошли на скалы. Они хотели посмотреть, что

в этих пещерах. Из их рассказов я узнала, что пещеры большие, в них находится шалаш и лежит разбитая посуда...

Идти до Банкаса нужно 12 километров. Нам предлагали ехать на телеге с быками. На быках было бы интересно. Но папа сказал, что бык идет очень медленно, особенно по песку. Правда, я не знаю, куда мы торопились, ведь в Банкасе нас никто не ждал. Сегодня был уже третий день, как мы идем пешком. Рюкзак теперь казался мне легким, как перышко, и настроение от этого было веселее. По дороге нам встретились женщины с ведерками и детьми за спиной, тоже идущие в Банкас. Последние 4 километра нам попала повозка с лошадью, и мы сели в нее. Если папа нам не разрешил поехать на быках, то хотя бы покатаемся на лошади. Конь был черно-коричневый и сильный. В повозке сидели мы и еще два мальчика. Несмотря на то что конь был крепким, он сопротивлялся и часто поднимался на задние копыта, как на памятнике Петру I в Питере.

Приехали мы из Банкаса в поселок Коро. Это последнее место перед границей с Буркина-Фасо. Здесь не останавливаются туристы, и поселок жил своей жизнью. Мы нашли «кемпинг» — место, огороженное забором. По краям стояли лежаки из веток, стол, а стулья нам принесли. Разобравшись с ночлегом, мы отправились гулять. Почувяв запах жареного мяса, направились туда. Мяса купили много и тут же все съели... и не наелись. (Так проголодались у догонов.)

Догоны мне как люди не понравились. Архитектура у них интересная: глиняные домики, окруженные заборами. Когда мы сами гуляли по деревне, то люди говорили нам: «Не ходи туда». Вероятно, это их кладбище. Может быть, они предупреждали нас о духах, в которых верят? Не знаю.

Завтра мы покидаем хорошую страну Мали и уезжаем в другую — Буркина-Фасо.

18.04.2009. Автобус уходил в 8 часов утра. Он оказался очень грязным и пыльным. Мне пришлось сидеть у окна, и я уже не старалась остаться чистой, это было бесполезно. На границе мы стояли долго. Оказалось, что у некоторых пассажиров нашего автобуса не в порядке документы. Мы позвонили с границы нашим новым

знакомым из Мали, поговорили и попрощались с ними, и я даже написала бабушке письмо-смс.

Саша

30.03.2009. Оставалось семь дней до маминого Дня рождения, а я все еще не приготовил маме сувенир или подарок. В Ниоро я купил ей браслет на рынке. Там было много товаров и продуктов.

В Бамако мы поехали на большом автобусе. Дорога была очень хорошая и красивая. Я не мог оторвать глаз от окна. Иногда дорогу перелетали попугайчики, потом появились баобабы и зеленющие кусты!!!

В столице мы поселились в гостинице, в которой жили монашки. Но они занимали второй этаж, а внизу жили туристы. Папа сказал, что это большой миллионный город, поэтому мы с Дашей заблудились и ничего не купили. К счастью, Даша увидела одну монашку, и та отвела нас к дому. А еще мы встретили таксиста, говорящего по-русски, и он отвез нас к реке Нигер!!!

04.04.2009. В Бамако по интернету мы нашли телефоны российского посольства, чтобы узнать, кто бы мог нам рассказать больше о стране. Мы познакомились с русской женщиной, у которой есть детский садик. Они были очень хорошие, надарили нам кучу подарков и дали даже еды в дорогу.

07.04.2009. В Дженне мы ехали на старом разбитом автобусе с закрытыми окнами и очень испарились. Говорят, бывает транспорт еще хуже, но я не представляю, что может быть хуже этого разваленного, грязного и жаркого автобуса.

В Дженне мы праздновали мамин День рождения, который был одновременно с базарным днем. В этот день в город съезжаются много жителей со всех деревень. На рынке было ужасно много приставал и гидов, привозились грузовиками манго, была толкотня и пыль, но все-таки очень весело.

В Мопти папа купил два арбуза и много маленьких манго, а к вечеру мы все съели. Маленькие манго оказались вкуснее, чем обычные большие.

08.04.2009. Утром папа встал на 2 часа раньше нас. Покушал без нас, собрался без нас, а когда мы проснулись, стал нас торопить!

Когда нам надо было ехать в Бандиагару, папа долго-долго торговался. Одни говорили 30 тысяч, другие 20 тысяч, а папа хотел ехать за 10. Но они его переговорили, и мы поехали за 16 тысяч, потому что нам надо было как-то уехать в Бандиагару. Ехали мы на не шибко хорошем транспорте. Автобус тархтел ужасно. Казалось, вот-вот после следующего камешка развалится на кусочки.

09.04.2009. В Бандиагаре мы поселились в очень хорошей гостинице. Когда мы искали место ночевки, то сначала зашли в одну, которая была без окон, без сеток и с совсем слабым светом. А в нашей гостинице был отключен кондиционер, потому что это стоило бы дороже. Но потом мы сами как-то умудрились его включить.

Утром мы встали в 6 часов, но обещанная машина не пришла. Для нас это не было проблемой. Мы вышли на дорогу и стали ловить попутный транспорт. Прошел один час, к нам приехал какой-то дядя и предлагал, чтобы его брат отвез нас в Дуру. Но брат назвал слишком большую цену, и мы не согласились ехать с ним! Наступала жара, и уже не проходили барышни с тазиками на головах и с курами на плечах. Они, скорее всего, уже пришли на базар, куда и мы спешили. В тени дерева мы сидели и читали книгу о пустыне. Наконец проехал какой-то грузовик с людьми, на котором мы смогли уехать.

Из деревни Дуру мы пошли пешком с рюкзаками. В первый день мы прошли 8 километров, а во второй 10 километров. В Эндэ папа купил мне рогатку, а когда мальчишки увидели ее, то отвели меня в сарай, взяли ее и стали пулять в ослика! На следующий день мы снова отправились пешком 10 километров до Банкаса. В тот же день мы уехали в Буркина-Фасо.

Буркина-Фасо

Площадь — 273,2 тыс. км²

Население — 17,7 млн чел.

Одна из беднейших стран мира

Владимир

Если Мали — одна из беднейших стран мира, то Буркина-Фасо — еще беднее. Разница между ними кроме этого в том, что Мали огромна, с более емкой историей, многочисленней народами и значительно многообразней природой. В Буркина-Фасо на западе есть примечательная мечеть, построенная в 1880 году в традиционном судано-сахельском стиле. В столице можно назвать католический собор, Дом людей (Дворец культуры), Дворец кинематографа, Национальный музей. После долгих маршрутов в Мавритании и Мали мы не сильно тяготели к достопримечательностям. В беднейших странах города смотрятся тягостно; если в Буркина-Фасо поехать по деревням или на природу, впечатления останутся куда лучшими. За несколько дней, проведенных здесь, мы посетили только два города, сравнивая, конечно, малийцев с буркинцами и их условия жизни.

Уахигоя — первый на нашем пути город — смотрится цивилизованно, если пройти по центральной части, но окраины его невероятно загажены. Еще контрастнее выглядит Уагадугу — столица страны. Мазанки с пристройками из кусков жести, картона, досок, с навешенными тряпками, покрытыми пылью, с лужами из грязевой жижи, с кучами мусора и досаждающим роем мух

уничтожают всякие оптимистические воззрения на мир. Когда мы читаем в интернете «одна из беднейших стран мира», надо вообразить мрачные трущобы, в которых прозябают миллионы человек и которые проживают здесь свои судьбы. Или возлюбить себя, более-менее обеспеченного, до такой степени, чтобы закрыть глаза на эту часть человечества и для успокоения сходить вечером на водевиль в театр. Не справедливо ли собрать и поселить в такие трущобы всех богачей мира и дать им пожить в этих условиях несколько лет. Может, они отвлекутся от наживы и очеловечатся? Их немного, и только они своими деньгами организуют всем эту жизнь (80 самых богатых миллиардеров на земле владеют половиной всех богатств мира. Остальные также беснующиеся миллиардеры и мультимиллионеры тоже владеют немалой долей благ. Что там остается на все остальное человечество?).

Одноэтажный отельчик, в котором мы остановились, находился за высоким забором, и вид открывался только в небо. В небе парили грифы, коршуны и ястребы. Их было удивительно много. Хищники над африканскими городами парят часто: на помойках разводится много крыс, и на них охотятся пернатые. Также они охотятся на ящериц и хамелеонов, живо бегающих по стенам домов. А те, в свою очередь, поедают мух и прочих насекомых, которые тучами поднимаются с мусорных куч. Взаимосвязь существования видов животного мира и его с человечеством налицо.

Елена

Буркина-Фасо в переводе означает «страна честных людей». Гостиницы в столице благоустроенные. Очень кстати! Уже хотелось немного отдышаться от жары и отмыться от пыли. На радость нам и детям неожиданно попался недорогой отель с бассейном и кондиционером. Наконец-то вода не в ведрах! Купаясь в бассейне, мы по-настоящему восстановили водный баланс наших уже давно иссушенных организмов. На второй день даже голова стала яснее. Не завидую я людям, живущим в этом нелегком климате. Конечно, в целом они здоровее европейцев, но жару тоже переносят с усилием и устают от этого, не имея возможности хотя бы иногда спрятаться

и передохнуть. Жара держится около трех месяцев. Конечно, здесь бывает более прохладный сезон. Говорят, в декабре-январе очень холодно, так что не спасают глиняные дома. А осенью в приятный дождливый период свирепствует малярия.

Столица Уагадугу несколько более упорядочена, чем Бамако в Мали; центр выглядит аккуратнее. После двух довольно напряженных недель поездки дети стали серьезней. Паша с Дашей лучше управляют с бытом. Даша ловчее готовит еду в свое дежурство и учится на совесть. С ней вдруг стало легко говорить на серьезные темы. А с Сашкой как-то не идет. У него не хватает воли на нужное усилие, и ничего не выходит. Его умение в любой ситуации найти удобный для себя выход абсолютно не способствует пробуждению в нем совести. У него мало интереса к окружающим. Возникающие проблемы он пытается решить за счет других или не решать совсем. Нам всем стало с ним тяжеловато.

Живя в слишком обустроенном мире, дети не сталкиваются ни с какими трудностями и не учатся их решать. То время, которое освобождается от участия в хозяйстве, они не проводят в другом, равноценном по тяжести, труде. Общество при этом предоставляет слишком много развлечений, которые забавляют, но не приучают к серьезному труду. Они привыкают с детства потреблять, а не отдавать. Почему же я жду от них отдачи и совести? Мы старались не баловать своих детей. Но влияние общества настолько сильно, а количество настоящего труда, выпадающего на их долю, так мало, что я не знаю, где взять противовес. Когда в школе, в спортивных секциях и кружках учат не учиться, а только играть и получать удовольствие, при этом рассказывают в основном о правах и ни слова об обязанностях, то воспитательный процесс заходит в тупик. Кроме всего, в обществе довлеет мораль потребительства и паразитства.

19.04.2009. Сегодня улетаем в Марокко. Буркина-Фасо нас не особенно впечатлила. Ярких ландшафтов здесь мы не видели. Люди незначительно отличаются от малийцев. А может, мы уже утомились и не замечаем интересного. Вчера заглянули в один ресторанчик со сценой. Посетителей было мало. Два музыканта играли на африканской гитаре и пели для нас. Мы спрашивали, почему так мало гостей. Оказалось, что местные предпочитают современную музыку, а туристов сейчас из-за жары мало. Концерт

был неплохой, спокойный и камерный. К нам постоянно подходили продавцы сувениров и что-нибудь предлагали. Народ дружелюбный, но в столице все время приходится отказываться от различных предложений торговцев.

Дети уже несколько дней интенсивно учатся. С Дашей и Пашей никаких проблем нет. На Сашу приходится нажимать. Он нахальничает, уваливает от выполнения заданий, не пишет в тетради, а рисует на руках.

Паша

Через границу мы ехали долго. Дело в том, что у восьми человек из нашего автобуса были проблемы с документами, а в Африке всегда долго договариваются. Два с половиной часа мы ждали, пока они разберутся. Когда мы приехали, усталость, накопившаяся от жары, давала о себе знать. Я ходил уже пошатываясь. Нам попалась хорошая гостиница с бассейном и кондиционером. В Буркина-Фасо продуктов значительно больше, но только потому, что их туда завозят. Сами они тоже немного производят. Из Буркина-Фасо у нас улетал самолет в Марокко, мы прожили несколько дней в столице Уагадугу. Здесь ходили по городу и занимались уроками. Аэропорт в столице похож на большой сарай. Самолет наш вылетал поздно, и мы долго там сидели и смотрели на компьютере многосерийный фильм и дочитывали книгу о пустыне. Потом встретили голландца, с которым познакомились еще в гостинице в Мавритании. Он приехал сюда на машине и тут продал ее.

Даша

Когда мы въехали в эту страну, то были уставшие, пыльные и грязные. Помню, что долго шли до гостиницы. Хотелось умыться и спать. Женщины возле корзин, дети, играющие в игры, машины, дома, лавки — все это мелькало перед глазами. Магазины здесь выглядели богаче. Купив немного еды, мы перекусили и пошли дальше. Нашли хорошую гостиницу с бассейном и, конечно, тут остались отстирывать и отмывать. Настроение сразу улучшилось.

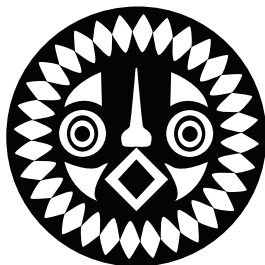
Все стало не таким мрачным. Буркина-Фасо мне показалась похожей на Мали.

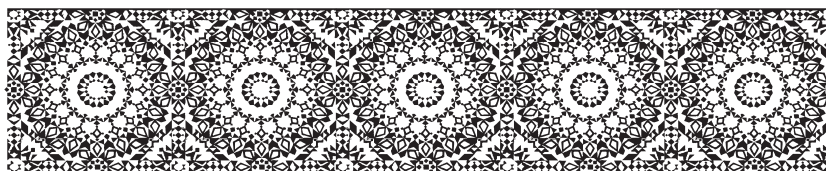
19.04.2009. Сегодня улетаем в Марокко. Мы отдохнули, и у всех хорошее настроение. Вчера вечером пошли в какой-то ресторанчик, где должен был выступать оркестр, но он не приехал. Выступали три африканца. Папа почему-то любит африканские песни. Мне они не нравятся. Паша любит ритмы. Мама — не знаю. Саша вообще не слушал. Он играл сам с собою где-то рядом. Вкусы у всех разные...

В аэропорт мы приехали вечером. Он был в центре города. Когда мы зашли вовнутрь, то очень удивились. Он был похож на деревянный дом: пара скамеек, какая-то будка, грязный пол и пара вентиляторов. Оттащив скамейки в угол, мы сели. Было жарко и душно. Мы решили посмотреть фильм. Смотрели долго, пока не села батарейка на компьютере. Потом мама нам читала про Сахару... Так время незаметно прошло.

Саша

17.04.2009. Оставалось еще три дня до отлета в Марокко! В Уагадугу мы поселились сначала в гостинице при католической миссии, но на следующий день выселились, потому что нам не разрешили готовить еду и спать в палатке, хотя в комнатах было очень жарко. Вообще, эта баба, которая нам все запрещала, была какая-то глупая. Мы нашли жилье намного лучше и за ту же цену. Мы каждый день гуляли по городу, а вечером смотрели кино. Ну вот, настал день улетать в Марокко. Там нас ждала вкусная манная каша, апельсиновый сок, сухофрукты и таджин.

Возвращение в Марокко

Владимир

Из Уагадугу полет в Касабланку длится 4 часа. В Марокко мы буржуйствовали. Неделю катались по стране на автомобиле, взятом на прокат. Цена найдешевшая — меньше 30 евро в сутки, таких цен нигде в мире не встретить. Жили в обустроенной квартире, но не в Агадире, а в 20 километрах севернее, в Таразуте. Тоже дешево. Здесь милые арабы-провинциалы, набережная с рыбаками, океан, не захваченный мещанским туризмом, и вкуснейший домашний таджин. Идеальное место для отдыха семьей; можно всем советовать для отпуска.

Я писал дневники и перебирал фотографии. Фотография — застывшее мгновение жизни. Взрослые люди с трепетом листают свой детский альбом. У меня почти нет детских фотографий, о чем, конечно, жалею. За фотоаппарат пришлось взяться, когда стал ездить в далекие страны. Удивительных стран много, и о них нельзя не рассказывать. Больше всего мне нравится фотографировать лица, но это и труднее всего. Нужно не только найти интересный образ, но изловчиться и поймать тот миг, в котором отражается характер. Глаза, взгляд, жест, поза — все выдает характер человека, а Африка неисчерпаема яркими характерами. Часто в пути нам открывались прекраснейшие панорамы. Но для их съемки нужен вечер или утро, которые в тропиках и на экваторе кратковременны: солнце висит весь день над головой и затем быстро падает за горизонт. Африку иногда называют континентом коротких теней. Часто мы любовались ландшафтами, но фотоаппарат доставать было незачем: резкий

свет, кругом дымка от испарений, и все смотрится смазанно. Все же фотографий получилось немало, даже с учетом того, что африканцы сторонятся праздных фотографов.

Мы, фотографы, носимся с аппаратами повсюду. Фотоиндустрия производит и демонстрирует в интернете несчетное число изображений: жалко многое выбрасывать, а с другой стороны, утомляют тысячи тысяч кадров. Я несколько раз листаю папку и снова что-то из нее выкидываю.

После поездки у меня состоялась фотовыставка в Москве, в Институте Африки. Ее приурочили к конференции. В солидное учреждение были приглашены африканисты, послы и многие консульские работники африканских стран. По окончании официальных речей ко мне подбежала приятная женщина из посольства Чад, обняла и тепло поблагодарила за фотографии:

— Нас всегда показывают грязных и бедных, а Вы привезли из Африки красивых людей.

Посол Мавритании сказал почти то же:

— Я никогда на выставках не узнавал мою страну, а здесь — узнал. В Африке больше хороших людей, чем плохих.

Можно ли ждать большей похвалы! У меня было немало экспозиций. Но я хочу сказать, что с некоторых пор я стал сторониться помпезных выставок. Какие-то они противоестественные, с идиотскими концепциями и «креативными» вывихами. Я дарю свои фото друзьям, близким, всем хорошим людям. Это мои фотовыставки. В конце XIX века передвижники, лучшие живописцы России на все времена, отделились от официальной академической школы. Пора и сегодня многим художникам, фотографам уйти от раскрученных бизнесом выставок, объединиться и найти правдивую форму рассказа, а не подавать душевнобольную профанацию под видом современного искусства.

Елена

08.05.2009. Наше путешествие можно считать закончившимся. Мы сидим на берегу океана, отдыхаем и подводим итоги. Я печатаю дневники. Дети догоняют школьную программу. Володя тоже интенсивно пишет. Здесь, в Марокко, очень спокойно и комфортно. Но мы с Пашкой привезли какую-то лихорадку, наверное из Буркина-Фасо, потому что в Марокко таких болезней нет. Температурили неделю без всяких других симптомов, и хуже не становилось. Отнесли к этому уже спокойней, без паники. Организм справился сам. Принимали только парацетамол. Хороший климат и большое количество свежих фруктов сделали свое дело. А температуру сбивали, купаясь в океане. Все прошло ровно через неделю.

Здесь, в покое, дети сразу расслабились. Стало ясно, что не все у нас получается. При легкости в быту стало тяжелее жить. Старшие все еще не берут на себя ответственности за самообслуживание. Приходится говорить, напоминать и даже ругаться. Сашка стал ловчее, но обо всем забывает и старается уклониться от работы. Даша с каждым днем становится все капризней. Это приводит меня в отчаяние. Вчера, когда я попросила ее подготовиться к сдаче пройденного материала по французскому, она вдруг стала капризничать, надувать губы, обижаться, как будто я в чем-то виновата. Я предложила ей самой установить время, необходимое для окончательной подготовки, но она недовольно заявила, что устала учить. Между тем мы много времени проводим не только за уроками, но и играем, купаемся, загораем. В общем-то, типичная сцена для семьи, где есть школьники, только мы целый год столько всего переживали, проживали и говорили вместе об отношениях между людьми, трудолюбию, совести и эгоизме. Кажется, все уже сказано и понято. И не только понято, а и осознано. Но она вдруг как будто уснула и превратилась в капризную и своенравную девочку. А может быть, мне только показалось, что она что-то понимает. Пришлось выяснять, где права, а где обязанности.

17.05.2009. Город Агадир имеет длинный десятикилометровый пляж. Все его побережье застроено гостиницами. Мы поселились в 20 километрах от Агадира, в деревне Таразут. Сезон начинается где-то с конца апреля. Климат комфортный: благодаря холодному океанскому течению температура воздуха не бывает выше

30 градусов, в то же время здесь всегда солнечно, и вода прогревается от 18 до 25 градусов. Когда в глубине континента уже стоит сорокаградусная жара, здесь веет свежий бриз. Я думаю, весна и поздняя осень — самое лучшее время для посещения Марокко. До наступления жары можно любоваться архитектурой и знакомиться с культурой исторических городов: Феса, Марракеша и т. д. Агадир нам по вкусу не пришелся. Мы устроились в деревне и, кажется, угадали. Сюда ходит рейсовый автобус за 50 центов, который едет по всему побережью. Два больших песчаных пляжа, маленький базарчик, масса продуктовых магазинчиков и несколько интернет-кафе. Народ приезжает сюда покататься на досках, хотя волна здесь небольшая, а ветреных дней немного. В основном в деревне отдыхает местное население. Сюда привозят туристов из Агадира на экскурсию, чтобы они вкусили местного колорита, прошлись по магазинчикам и базару и сфотографировали коз. Выглядит это немного смешно. Несколько раз приезжали русские девушки, которые отдыхают по путевкам. К вечеру они напивались. Европейцы едут в Агадир из Франции, Бельгии, Нидерландов и особенно Германии. Многие почему-то с огромными собаками. В деревне, как и во всем Марокко, всегда можно пообедать вкусным таджином. Это национальное блюдо в керамической посуде: свежее мясо или рыба с разнообразными овощами. Мы купили себе большую таджинницу на пять человек и начали практиковаться. Сначала у нас получалось наше русское жаркое — тоже вкусно, конечно. С четвертого раза у Паши вышел настоящий марокканский таджин. Мечтаем увезти домой эту тяжелую посудину, чтобы дома вспоминать вкусную арабскую кухню. Здесь всегда есть свежие арбузы, дыни и разнообразные овощи, а в лавках — свежайшее мясо и свежешелюманная рыба. Все эти биологически чистые продукты не идут ни в какое сравнение с пластмассовыми европейскими. В Таразуте мы освоились и стали немного своими. Нас узнают в лавках, а мальчишки приходят вечером поиграть с нами в футбол. Когда мы с Дашей идем по деревне, то жители передают привет нашему Али-Бабе (у Володи сейчас большая борода). В деревне есть начальная школа и большой лицей для старших школьников. Мальчишки после

школы пропадают на пляже. Нам удалось найти двухкомнатную квартиру с террасой на море всего за 17 евро в сутки.

30 мая мы вернулись домой. Впереди у нас было все лето, чтобы привыкнуть к холодной, цивилизованной и нервной реальности, подготовиться к школе и работе. Мы ни разу не пожалели о поездке. Дети не пропустили своих классов и успешно перешли в следующие. Годичный отъезд повлиял на их учебу лишь положительно.

Мы во второй раз поехали в Марракеш и поселились около известной площади Джемаа-эль-Фна. Ребятам нашим понравился вечный праздник, который шумит 24 часа в сутки и не прекращается столетия. В 1997 году я был здесь первый раз. Небо и Земля — то, что было тогда, и сегодня. Сегодня — это аттракционы для туристов с постоянным выжиманием денег, притом для туристов не только иностранных, но и местных. Национальная буржуазия в некоторых арабских странах тоже являет свой внутренний туризм. Даже при этом самобытность вечного праздника не утрачена. А тогда... Я видел здесь настоящего ученого-астролога! Бородач рисовал мелом на асфальте небосвод, писал математические формулы и что-то бубнил себе под нос. Толпа его слушала с трепетом. Тут же, несколько поодаль, группа зевак надрывалась от смеха, слушая другого рассказчика, который, наверное, высмеивал рядом стоявшего и смущенно улыбавшегося торговца. Заклинатели змей, гадалки, торговцы амулетами, предсказатели собирают свою, но немногочисленную публику. Издалека приехали мать и ее ловкие, как черти, дети, которые удивляют публику невероятными акробатическими прыжками, сальто и трюками. Мать не покрыта платком, у туарегов свои обычаи. Со всей страны, даже из других стран Магриба, являются в разных нарядах люди на площадь. Двадцать лет назад по пустыне нередко ходили верблюжьи караваны, мало считаясь с пограничными перегородками, и Сахара не знала террористов. Дрессировщики козлов, петухов, собак, обезьян тоже собирают свою публику. На простенькой рибаве подыгрывает себе и поет бродяга в джеллабе — традиционном головном уборе. Туристов при первом посещении я почему-то не припомню ни одного. Двое суток я не выходил из Средних веков Магриба. Завсегдатай площади — местный многочисленный хор — собирает в круг больше всех народу. Семь-восемь музыкантов главные; они играют на

струнных инструментах, бьют в барабаны и созвучно поют. Ритму помогают хлопки в ладоши. Вновь подошедшие люди тоже вдруг удивительно слаженно подпевают. Маленького росточка запевала руководит ансамблем и хором, кажется, он задает тему песни. Я познакомился с двумя музыкантами и виделся с ними в каждый приезд в Марокко.

Паша

Наше второе путешествие по Марокко началось не очень хорошо. Денежный автомат в аэропорту проглотил мамину кредитную карту. Сначала мы поругались с менеджером банка. У них отдельная фирма, у которой есть ключи от автоматов. Фирма находится в Касабланке, час езды от аэропорта. Менеджер не хотел звонить и вызывать службу, и мы обратились в полицию. Они, конечно, заставили прислать кого-нибудь с ключами, но мы просидели долго в аэропорту.

Когда приехали в Медину (старый центр города), то, не снимая рюкзаков, выпили свежавыжатого апельсинового сока, потом съели таджин и без проблем заселились, потому что все уже было знакомо. В Германию мы улетаем только через 40 дней. В Марокко мы собирались ездить немного, хотели где-нибудь пожить на море. В курортный город Агадир ехали на автобусе, потому что поезда из Марракеша туда не ходят.

Агадир

Агадир оказался еще более цивилизованным, чем другие города в Марокко. Мы задержались там недолго. Нам нужно было снять денег и узнать о хороших местах на побережье. В одном кемпинге нам посоветовали доехать до поселка Таразут, что в 25 километрах от Агадира. В путеводителях о побережье очень мало информации.

Таразут

Таразут — небольшой, но уютный поселок. Мы сразу же нашли дешевую квартиру с террасой. Она была не меньше нашего дома в Гамбурге и вся из белого кафеля. На другой день мы купили

таджинницу. Это такая специальная глиняная посуда, в которой готовится национальное блюдо на пару с мясом, очень вкусное. Мы почти каждый день сами готовили и ели таджин. На четвертый раз я научился делать так, чтобы мясо у меня не подгорало.

Местные мальчишки все катались на досках, т. е. серфинговали. Я тоже взял доску напрокат. Кататься было классно! Я очень люблю, когда меня кувыркает на волнах. Правда, как только я научился, нужно было уже сдавать доску. В последний день у доски отлетели два крыла. Владелец потребовал за это деньги, но я ему ничего не дал, потому что крылья были плохо приделаны. А папа ходил и ехидничал надо мной, потому что я поссорился с этим продавцом. Каждый вечер мы разучивали новые песни, а потом смотрели кино.

В последние восемь дней нашего пребывания в Марокко мы взяли напрокат машину. Когда брали, то нам сказали, что ей всего один год. Скорее всего, это был год после того, как ее перекупили в Европе. А машина была старая, потому что в ней стоял еще кассетный магнитофон.

Мы поехали в горы Атлас. В этот раз папа решил подъехать к горе Тубкаль с другой стороны и пофотографировать. Здесь мы сходили в трекинг к озеру Ифни. Оно очень красивое.

Даша

В Марокко мы заселились в апартаменты и жили хорошо: утром перед завтраком купались, до обеда учились, днем купались и загорали, а вечером играли в футбол, часто делали тренировки. По вечерам пели и смотрели кино. Месяц прошел незаметно. Еще Паша брал напрокат доску и катался на волнах. Лучше всего купаться, когда волны большие. Мне было немного страшновато плавать, когда уже почти стемнеет, — плохо видно волны. Еда здесь очень вкусная, а еще мы научились готовить местное блюдо — таджин.

21.05.2009. Мама с папой решили взять напрокат машину. Утром мы спокойно собрались. Родители ушли за машиной, а мы

с Пашей пили молочный коктейль. Самый вкусный — это авокадо с молоком.

На машине мы поехали в сторону гор Атлас. Свежий ветер дул в лицо, и горы были очень красивыми. Мы часто останавливались посмотреть и сфотографировать ландшафт. На следующий день начались крутые подъемы. Почти все засажено полями с пшеницей. Еще я видела, как растут вишня, картошка, лук, яблоки, персики, грецкий орех и пр. Здесь также разводят много скота, есть козы, коровы, лошади, бараны. Утром все одеты тепло, потому что еще прохладно, а днем становится жарко.

Когда девочки работают на поле, они поют. Громко поют. Выйдя из машины, мы услышали такое пение. Девочки увидели нас и помахали. Мы с мамой решили к ним сходить. Оказалось, туда идти не так близко. Мы шли по крутому склону, часто останавливаясь и слушая песню. Когда мы подошли, они умолкли. В руках у них были серпы, они косили траву. Одна из девочек дала маме серп и показала, как косить. Мама немного поработала и дала мне. Это было здорово! Одна девочка показала мне свои пальцы. Они были все заклеены. Это она, когда косила, порезалась. Я так увлеклась работой, что не заметила, как пришел Саша. Девочки снова красиво запели. Мы косили траву между деревьями в маленьком лесочке. Я тоже немного порезалась. А Паша тихонько снимал неподалеку от нас на камеру. Потом мама сказала, что надо идти, папа нас ждет. Мне очень не хотелось оттуда уходить.

Приехали в одну деревню. К счастью, здесь оказалась гостиница. Ночи в горах очень холодные... На машине выше ехать было уже нельзя, дорога очень плохая. Оставив рюкзаки, мы пошли к озеру. Шли около 3 часов, никого не встречали, становилось жарко. Казалось, что не дойдем, но мы добрались. Озеро было небольшое, но свежее, зеленое и очень красивое. Спустившись к нему, мы все искупались. Здорово! Было уже 4 часа вечера, а нам ведь надо было еще вернуться обратно! Перед деревней мы увидели мальчика, продающего черешню, и купили сразу 2 килограмма. И тут же от голода все съели. Ягоды оказались такие вкусные!

На следующий день заехали с другой стороны посмотреть на вершину Тубкаль. С этой стороны люди совсем другие. Они пристают,

что-то предлагают, цены на все в два или три раза выше и пр. Здесь много туристов.

В Марракеше мы покупали перед возвращением сувениры, ходили по базару, искали и долго торговались.

29.05.2009. Собираемся домой. Проснулись еще затемно, когда зазвонил будильник. Быстро оделись, перекусили арбузом, но доестъ его не успели. Дежурный уже открыл нам ворота. Слышался лай собак. Мы быстрым шагом пошли к вокзалу. По дороге все время смеялись и разговаривали о том, что скоро приедем домой. Папа купил коробку фиников, это в Гамбург. Долетели благополучно. Над Франкфуртом самолет летал кругами. Казалось, он не летит, а крыльями машет, как птица. Время тянулось для меня медленно. Из Франкфурта едем на самом быстром поезде и все никак не доедем! С вокзала сразу отправились на концерт к друзьям в бардовский клуб. Они очень обрадовались. Пели им много песен. Только в 11 вечера мы были у бабушки.

Болезни в Африке

Во многих деревнях есть у людей вши или лишай. У детей бывают опухшие красные глаза. У малышей иногда опухшие животы, так как они едят одну кашу, им не хватает витаминов. Видели иногда у женщин надутое горло, как будто они проглотили мячик. Многие вырезают себе на коже всякие штучки. Это или для красоты, или знак какого-то племени.

За всю поездку мы раза два болели. Это была или температура, или болел живот, или лихорадка. Но все это не так страшно. Температура или лихорадка — это, скорее всего, от укусов комаров или мошек. Мы ведь путешествовали в некоторых местах, где есть малярия. На базарах мы покупали овощи и, конечно, их мыли. Воду из крана не пили. Бутылки с водой покупали только крепко запечатанные. Меня очень удивило, что везде висит реклама кока-колы. Продается она в большом количестве. В деревне нет даже молока, а кока-кола или фанта есть. Молоко мы старались пить только кипяченое. Если видели, что еда холодная, то не брали. В более цивилизованных странах, таких как Намибия или Марокко, мы меньше

сlediли за едой. С собой у нас был маленький примус, на котором мы сами варили. Все, к счастью, обошлось без серьезных болезней.

Одежда

Одежда у разных народов интересная. В Мали, например, носят очень яркие цвета. Женщины носят юбку и кофту, а мужчины — футболку и штаны. Еще они носят много украшений, у некоторых даже нос проколот. В деревнях люди одеваются беднее, иногда даже в одни тряпки. Женщины всегда носят маленьких детей на спине, кроме того, они держат ведра и мешки на головах и еще что-нибудь — в руках.

В Африке не опасно

Многие боятся Африки, думают, что там люди едят друг друга, кусают змей, крокодилы, комары, скорпионы; придумывают неправдивые истории. А в Африке очень хорошо! Там светит солнце и хочется жить! Никто не замечает никакого кризиса, нет и городской суety. Просто надо быть внимательным, и тебя даже змея не укусит. Змеи очень мирные и просто так ни на кого не выпрыгивают. Если честно, то мы за всю поездку так и не повстречались с живой змеей, не считая дрессированных, обученных или уже убитых. Скорпионы тоже очень мирные. Иногда под палаткой мы находили пару, но они нам ничего не делали. Насчет крокодилов — это надо смотреть, где местные купаются, там их нет.

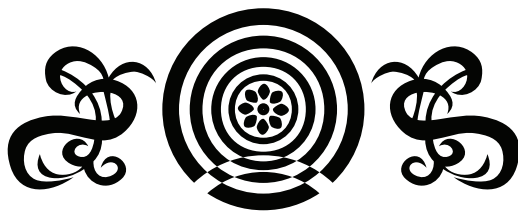
В Африке очень много хороших людей, особенно в деревнях. Дети там очень рано начинают работать. Они таскают ведра, смотрят за младшими братьями и сестрами, помогают работать в поле. Жизнь у них очень тяжелая и жесткая. Детям приходится очень много работать, потому что мир несправедлив. Когда я приехала в Гамбург, мне все показалось таким богатым. Вот живут люди, и у них все есть. Но многие хотят еще больше: новых вещей, игрушек, компьютер, телевизор. На их месте нужно жить и радоваться, что ты живешь в хорошей квартире, а не в землянке на полу...

Поездка нам запомнится на всю жизнь. Я очень благодарна папе за то, что он потащил нас с собой в Африку.

За путешествие наша семья стала дружной и веселой. Мы выучили много песен. Еще часто шутили и смеялись. Этот год мы были все очень близко друг к другу. Много узнали от родителей. Мы много говорили о войнах, об истории России, читали книги, смотрели фильмы. Я заметила, что мы стали реже ссориться. Это хорошо! Сразу хочется с Сашей или Пашей чего-нибудь сделать, даже кушать варить вместе и то доставляет удовольствие!

Саша

Через неделю после приезда мы нашли место для наших каникул. Это была небольшая деревня. Она называлась Таразут и находилась недалеко от Агадира. Многие жители Агадира приезжали в конце недели сюда на выходные. Папа с Дашей мечтали сесть на арбузную диету. Но у них ничего не получалось, потому что было много вкусной пищи, и папа мог один в день съесть полкилограмма оливок, плитку шоколада и две дыни. Паша с Дашей готовили нам на обед вкусный таджин. Он немного похож на жаркое, но у него другой вкус, потому что он жарится в глиняной сковородке. Каждый день мы смотрели кино и вечером играли в футбол. Однажды мы увидели по дороге доски, на которых можно было плавать по волнам. Но папа очень разозлился и сказал, что это то же самое, что Пашино дерганье на скейте. Мы купались в море каждый день, и папа пытался закалить нас, но это у него получилось только на третьей неделе.

Заключение

Владимир

Эту статью я написал на манер профессорской лекции и читал ее как юмореску в одном из клубов, где собирались люди, знающие толк в путешествиях.

О шистосоме (научная статья не ученого человека)

Я путешествовал во многих странах и, конечно же, читал общую литературу об опасностях в тропиках. Ядовитые змеи, пауки, безжалостные крокодилы и львы ужасают людей у телевизоров и отваживают их от опасных предприятий. Не сказать, чтоб я был легкомыслен, но все же перешел однажды запретную черту и стал путешествовать. Наверное, меня слишком привлекали неведомые страны. В путешествиях обязательно повстречаются спутники с рюкзаками, и все они сходятся в одном мнении, что не змеи и крокодилы, а люди страшнее всего в пути. Притом, опаснее всех будут люди, одетые в форму или сидящие в кабинетах: те, кто выдает визы и пропускает или не пропускает через границы, т. е. работники посольств и пограничники. После них по степени опасности следуют полицейские, охранники, военные и таможенники; далее идут воры, менялы денег и навязывающиеся гиды, концентрирующиеся, как правило, в столицах и на границах; и лишь в самую последнюю очередь опасны невидимые тропические паразиты, о которых, собственно, и пойдет речь в этой статье. Змеи, львы и

крокодилы страшны только в том случае, если их настойчиво искать и навязчиво домогаться встреч с ними.

Паразитам прижиться в человеке позволяют микроскопические размеры, которые в впоследствии могут вырастать. Они множатся при влажном теплом климате в тропиках Азии, Африки и Южной Америки. Еще в 1998 году мы компанией отправились через несколько латиноамериканских стран, и наша группа из пяти человек в Бразилии и Венесуэле беспрестанно истязалась москитами. Все мы были привиты вакциной от желтой лихорадки (прививка действует примерно 10 лет) и боялись теперь только малярии. За поездку пешком, на лодках, кораблях и на автобусах мы пересекли тысячекилометровые расстояния, но в заболоченных краях (впадина Пантанал, Рондония, Рио Мадейра, Амазония, подножие Рараймы, дельта Ориноко) от постоянных укусов у всех не унимался зуд ни днем, ни ночью. Чесотка вызвала язвы, и мы частично избавились от них, лишь когда долго отсиживались на палубе корабля, плывя по широкой Рио Мадейре — притоку Амазонки. Язвы прошли сами, и чесаться мы перестали спустя неделю. Хорошо запомнилась ночь у подножия Рараймы. Рарайма — это плато на Гвианском нагорье, «Затерянный мир», о котором писал Конан Дойл. Нас всех удивляла тропическая температура, которая днем и ночью была совершенно неизменной: 24 градуса. Вроде бы не сильно жарко, но при абсолютной влажности в сезон дождей все время выступает пот. Периодически поливал дождь; постоянно было душно, но открыть накидку у двухслойной палатки не представлялось возможности. Мы просыпались от духоты и зуда через каждые 2 часа и отчаянно чесались, пока не засыпали снова в забытие. Наши соседи по палатке так же, как и мы, чухались из-за кровососов. Несмотря на москитные сетки, в палатках от укусов очень трудно уберечься. Во-первых, за день покусает мошкара, и ночью чешешься, не зная, от каких укусов бодриться: от ночных или дневных. Во-вторых, трудно забраться в палатку, не напустив мошки и комаров. В-третьих, мельчайшая тварь проникала сквозь наши сетки. Тропическим москитам нет точного определения в науке, но, мне кажется, под ними подразумеваются как комары, так и мошки. Притом мошка в тропических районах, в отличие от нашей сибирской, бывает многих видов и размеров — тропики богаче живностью. Надо сказать, что

к физическим страданиям в путешествии мы относились без особого внимания, потому что путешествие было захватывающим. Горы, джунгли, встречающиеся нам люди запоминаются надолго, а дорожные лишения забываются, и о москитах я вспоминаю лишь постольку, поскольку пишу об этом статью.

Юго-Восточная Азия находится большей частью на экваторе, поэтому ее джунгли тоже угрожают маленькими паразитами. Особенным многообразием фауны, а значит и паразитами, отличается Индонезия. Но Африка в природном отношении остается непревзойденным континентом. Национальные парки здесь не могут сравниться животным миром ни с какими другими областями Земли. Для человека этот континент — тоже самое бодрящее место, особенно его внутренние области, которые открывались европейцам в последнюю очередь. Муха цеце, например, представляет немалую опасность для скота на огромных пространствах саванны. Малярия злобствует от Сахары до Калахари; амебная палочка угрожает путешественнику катастрофическими расстройствами (ее можно испить вместе с пивом в экзотическом ресторане) и, наконец, касаясь нашей темы, почти все крупнейшие озера Африки таят опасность для человека заразиться шистосомой.

Мы плавали когда-то давно по озеру Тана в Эфиопии, откуда Голубой Нил берет свое начало. Эфиопия — самая горная страна Африки, и озеро расположено высоко над уровнем моря. Но вода здесь все равно теплая, и шистосома водится. Рыбаки плывут по озеру в тростниковых лодках и нередко поражаются невидимой тварью. Примечательно, что тростниковые африканские лодки на озере Тана очень похожи на лодки индейцев высокогорного озера Титикака в Южной Америке. Уже об этом можно писать диссертацию, но мы будем держаться своей темы. Нас тогда путешествовало по Эфиопии несколько человек; мы купались там тоже и не заболели. Осторожные люди скажут, что и при таких условиях есть вероятность приобрести паразитов... Но, господа! Намного опасней ездить в автомобиле по Санкт-Петербургу, особенно если учесть статистику автокатастроф России.

Чем ближе к экватору, тем знойнее солнце и тем больше искушения у человека освежиться в озере, на котором играет волна. А какие в Африке озера: Киву, Танганьика, Ньяса (последние два,

между прочим, величиной с Байкал)! И как же в них не искупаться! В общем, мне кажется, тех, кто собирается в Африку, я убедил в правильности поговорки «Волков бояться — в лес не ходить». Только вот в чем дело. Мы все-таки шистосомой заразились. Как это случилось?

Но уклонимся немного от темы тропических паразитов, потому что многих людей может отвлекать от нашей главной темы вопрос, откуда же берутся деньги на такие далекие поездки. Попробуем порассуждать. Не вызывают удивления пробки в час пик из дорогих и недорогих автомобилей в нашем Санкт-Петербурге. Но если кто-то из этой пробки плюнет на все тяготы жизни, продаст свою машину, скажем за 10 тысяч долларов, и отправится на эти деньги на год в Африку, то такая выходка у родственников и знакомых вызовет не только удивление, но и сочтется за умственное помешательство. С деньгами путешествовать, конечно, лучше. Но, как ни парадоксально, нужно считать фактом то, что в основном все путешественники — люди скромного достатка, и многие едут на очень скромные сбережения. Цель — великое дело, и все деньги могут тратиться на то, чтобы посмотреть мир. Путешествие на такие деньги не будет абсолютно комфортным, но по впечатлениям оно будет стоить всей остальной нашей жизни или более того. Иначе говоря, путешествовать можно и недорого. А если еще бросить курить, то за год можно точно сэкономить на отпуск в далекую страну.

Однако вернемся к нашим шистосомам. У путешественников тоже бывают семьи. Моя жена и дети пристрастились вместе со мной ездить. В 2008 году мы семьей отправились в Африку и в течение года почти пересекли континент, побывав в 16 странах. Дети учились экстерном, читали в пути свои школьные учебники, которые возили в рюкзаках, и, кроме того, путешествовали. Здесь хочется также скромно заметить, что мы — первая российская семья, которой удался столь емкий маршрут по самому необычному континенту, к тому же без всяких джипов. После африканской эпопеи нас перевели учиться в обычную школу, и дети, не потеряв год, продолжили учиться дальше. Африку мы вспоминали часто, тем более что каждый из нас писал дневники, которые теперь правила, пытаюсь сделать из них книгу. «А почему бы не попробовать так же отправиться через Азию?» — возник сам собой вопрос после

правильного учебного года. И мы снова отправились. Снова начали оформлять детей на заочное обучение, и во время прохождения медицинской комиссии для школы у двоих обнаружилась шистосома. Надо сказать, что можно гордиться нашей медициной, если даже в северном Санкт-Петербурге обычный врач (или лаборант — не знаю, кто выявлял) смог увидеть в баночке тропическое чудо.

Я забил тревогу, стал всюду звонить, обратился к разным специалистам, а они, как сговорившись, утверждали, что вряд ли у нас шистосома, что болезнь паразитов трудно определить даже специалистам-паразитологам. Мы снова сдали анализы в самых авторитетных лабораториях Санкт-Петербурга: в институте им. Сеченова, Военно-медицинской академии, больнице имени Боткина, и везде диагноз подтвердился: двое наших детей в каких-то тропических водах подцепили шистосому. Профессора нас расспрашивали: может, мы случайно в африканском водоеме ноги намочили, а мы... где только не купались. Анализы стоят денег, но ввиду нетрадиционности заболевания с нас взяли совсем недорого и стали просить «пострадать для науки», т. е. чтобы студенты могли в натуре посмотреть на шистосому. За три дня мне многократно звонили солидные преподаватели паразитологических кафедр с просьбой повторить анализы, притом везде бесплатно. Пожалуй, мы даже могли бы подработать на анализах. Мы стали широко известны в узких медицинских кругах. Но нам нужно было срочно пролечиться и ехать по вновь задуманной азиатской программе. Лечится шистосома легко, но далеко не во всех случаях вылечивается. В зависимости от веса, нужно съесть от двух до пяти таблеток паразиквантела. Для гарантии нужно несколько раз, через две-три недели, вновь посмотреть анализы на шистосому и, если не помогло, глотать таблетки снова. Диагностика — может быть, главная трудность из всех процедур. Мои анализы были не совсем ясны, но я таблетки съел на всякий случай, а также чтобы быть солидарным с детьми. Таблетки тяжелые — абсолютная гадость. Нет нужды рассказывать подробности нашего лечения от тропических паразитов, но из не врачей и даже из врачей — не паразитологов я, пожалуй, больше всех знаю теперь о шистосоме. В процессе исследования и лечения меня просветили о прочих паразитах, в том числе и о наших северных, и, признаться, если бы не отправляться в путешествие

снова, то лучше отправиться на тот свет. Как уязвим человеческий организм! Правильно врачи говорят: «Нет здоровых людей, есть недообследованные». И Вы, читатель, после прочтения моей статьи обязательно сходите к паразитологу: ничего не потеряете, а от впечатлений не скоро избавитесь. И это кроме того, что у вас обязательно найдут паразитов. Оказывается, паразиты маленькими бывают, только когда проникают в человека, а уже в организме они сильно подрастают. Есть даже специальные музеи, посвященные этому. Страшно смотреть на заспиртованную мразь в бутылках и колбах, и даже в учебниках, которые нам показывали, на них смотреть неприятно. Но один из авторитетных профессоров нас успокоил: во-первых, мы можем вылечиться, а во-вторых, и это главное, в мире в тропических странах страдают от шистосомы около 200 миллионов человек, и мы, жители севера, сильно не увеличим общую статистику болезни на Земле. Он даже заверил нас, что путешествовать нужно, но осторожно.

Шистосома нарушила наши планы, мы задержались в Питере почти на месяц. Вместо Северного морского пути, о котором мечтали, нам по погоде логично было ехать куда-нибудь южнее. Решили, что поедem по Золотому кольцу России, а затем на Байкал — там уже золотая осень! И уже после Байкала планировали в Монголию, Китай, Вьетнам... снова в годичное путешествие по Азии.

Кстати, мы там тоже писали дневники.

Содержание

Предисловие	3
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
Подготовка путешествия	4
Кения	12
Уганда	17
Руанда	60
Бурунди	83
Танзания	97
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
Малави	151
Мозамбик	173
ЮАР (транзитом)	211
Ботсвана	225
Замбия	236
Намибия	245
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
Марокко	291
Сенегал	305
Мавритания — путешествие в 1997 году	312
Мавритания	328
Мали	380
Буркина-Фасо	441
Возвращение в Марокко	446
Заключение	457

**Владимир Александрович Снатенков,
Елена Александровна Снатенкова,
Павел Владимирович Снатенков,
Дарья Владимировна Снатенкова,
Александр Владимирович Снатенков**

ПУТЕШЕСТВИЕ СЕМЬЕЙ ПО АФРИКЕ — ГОД В ПУТИ

Корректоры Е. Л. Бутенко, Н. Л. Смирнова.

Фотограф В. А. Снатенков.

Художественное оформление М. Т. Эрнандес Рохас, П. В. Снатенков.

Компьютерная верстка К. В. Вейгандт, П. В. Снатенков.

Подписано в печать 30.03.2016 г. Формат 60 x 90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 29 с вкл. Тираж 500 экз.

ИПК БИОНТ. 199106, Санкт-Петербург,
Средний пр. ВО, д. 86